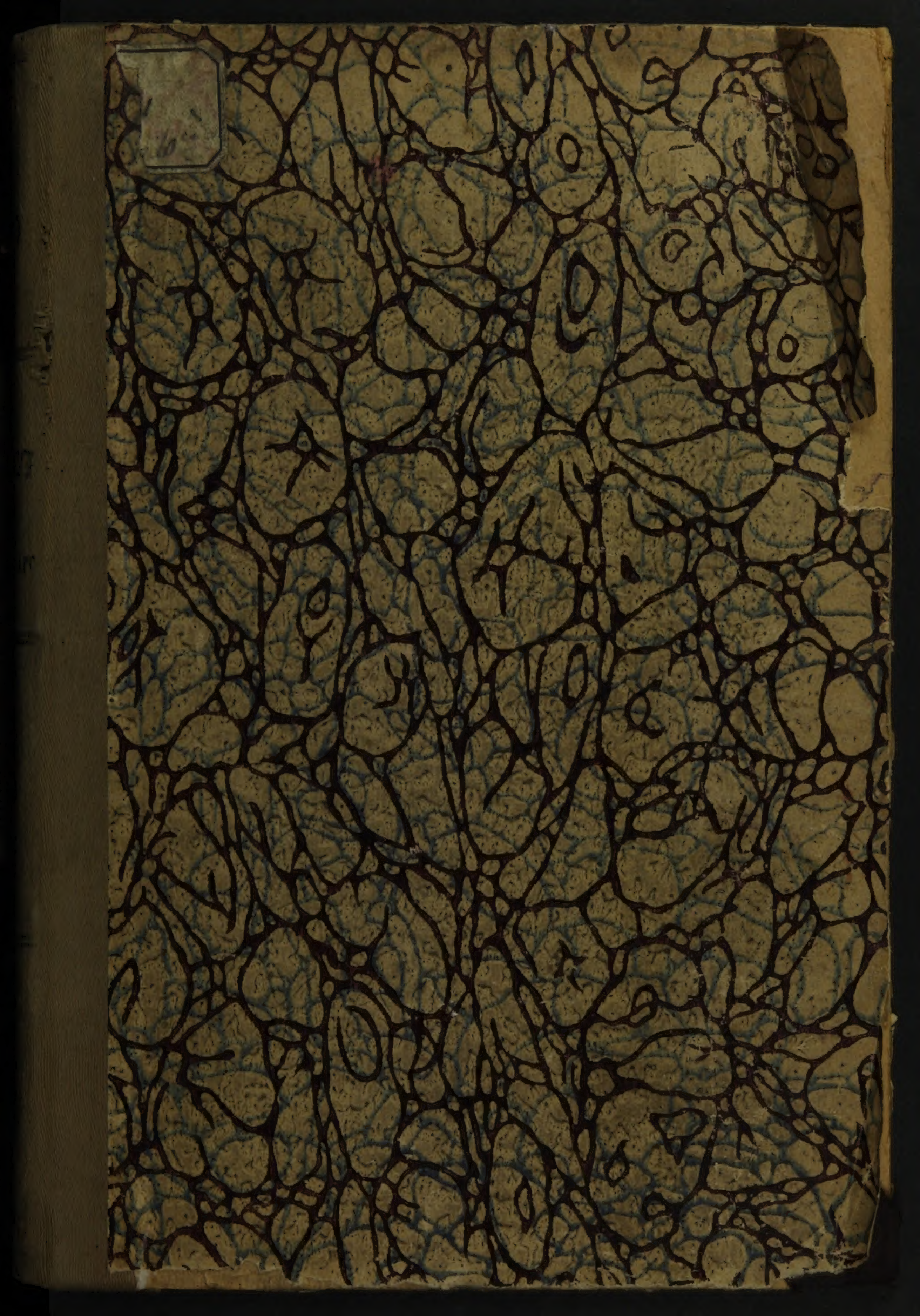
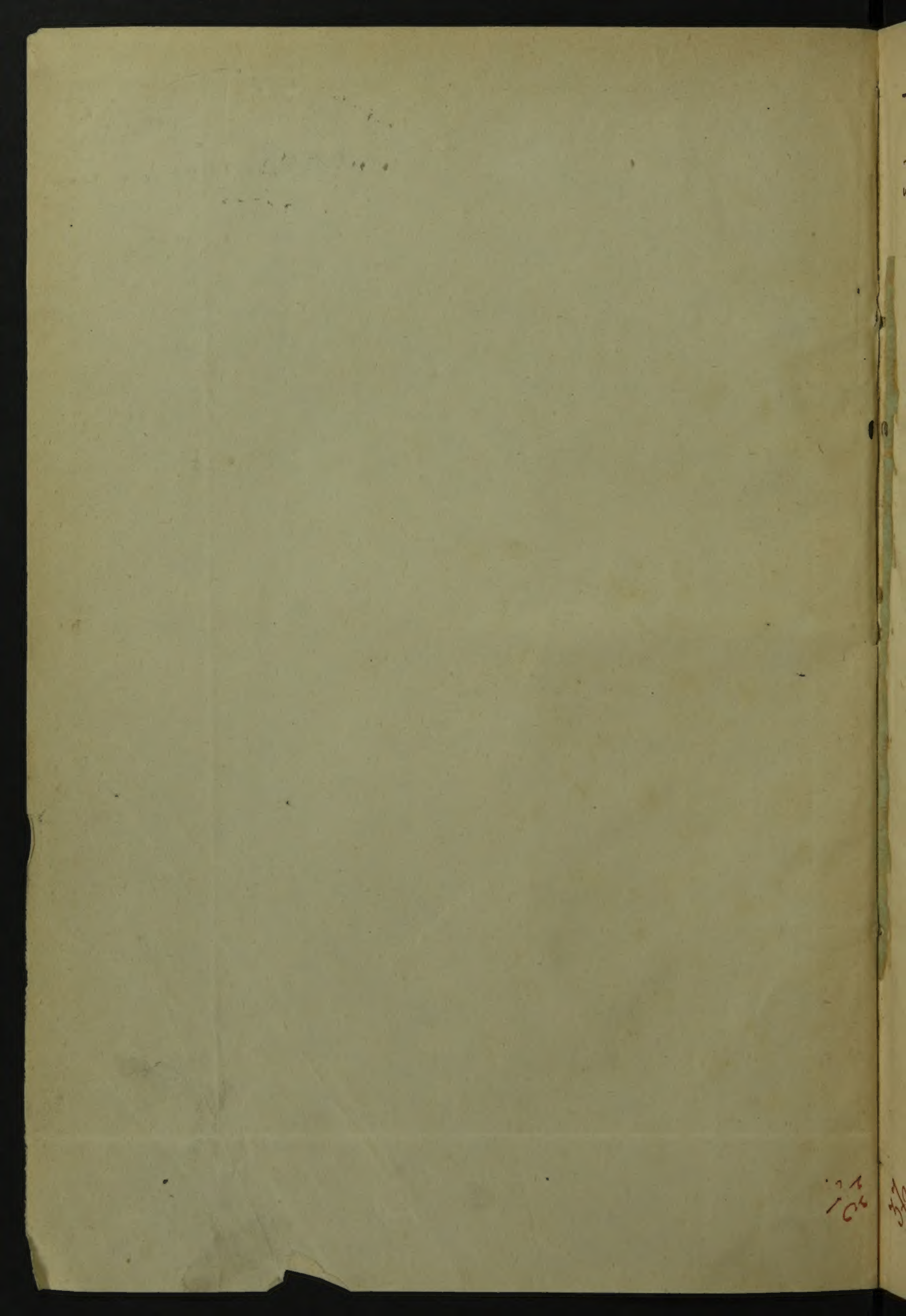




ГОЛОСЪ МИНУВШАГО

ЖУРНАЛЪ ИСТОРІИ и ИСТОРІИ ЛИТЕРАТУРЫ.

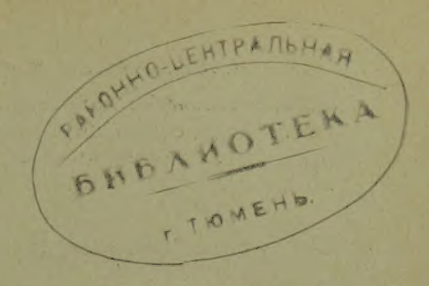
(Годъ изданія II)

подъ редакціей

С. П. МЕЛЬГУНОВА и В. И. СЕМЕВСКАГО.

№ 10. Октябрь. 1914.

МОСКВА.
Типографія Т-ва Рябушинскихъ, Страстной б., Путинковскій пер. соб. д.
1914



ОГЛАВЛЕНІЕ.

Глубокимъ, загадочнымъ, таинственнымъ взглядомъ чудныхъ очей озаренъ образъ Лермонтова на лучшихъ попыткахъ скуднаго портретнаго искусства старыхъ временъ передать черты поэта. Въ этомъ взглядѣ, полномъ то неодолимой, властной, жуткой силы, то пламеннаго порыва, жгучей печали, демоническаго презрѣнія, тоски и грезы о свѣтѣ, волѣ, счастьѣ, свѣтилась душа человѣка необыкновеннаго, словно «нездѣшняго», феноменальнаго, который когда-то, среди одного изъ наиболѣе острыхъ приступовъ неразлучнаго съ нашей жизнью безвременья, пронесся въ ней мимолетнымъ, страннымъ и обаятельнымъ видѣніемъ. На его тревожной судьбѣ, на трагизмѣ его переживаній и думъ, не извѣдавшемъ колоссальныхъ потрясеній и ужасовъ, которые онъ предчувствовалъ смолоду, но измучившемъ его, на смѣломъ полетѣ творческой его фантазіи, на ея откровеніяхъ, вызовахъ, гнѣвѣ, мечтахъ и молитвахъ, осталась навсегда печать изумительныхъ, геніальныхъ возможностей, такъ явно намѣченныхъ рокомъ,—и вмѣстѣ съ тѣмъ словно обаяніе легенды. Неужели все это было наяву, въ глухую николаевскую пору инертности и застоя силъ! Гдѣ тайна того страстнаго прорыва въ вѣчность и оживляющаго огня, того «вѣчно движущаго начала» (Герценъ находилъ его когда-то въ кипучей дѣятельности Бакунина), которое, въ связи съ красотой и силой творчества, возбуждающимъ токомъ мятежа и самоопредѣленія идетъ изъ лермонтовской поэзіи и на позднее, во многомъ искушенное потомство, какъ шло оно на пригнутыхъ и обезличенныхъ современниковъ поэта,—сколько бы ни подтверждались точнымъ изученіемъ невыясненность опредѣленныхъ общественно-политическихъ идеаловъ его, неполнота научной и религіозной

мысли, какъ основы для его борьбы, непрерывность исканій, которымъ онъ отдавался до конца дней своихъ, сложная внутренняя работа освобожденія, приведшая его изъ печоринства и демонизма къ всенародному призванію поэта-пророка и вождя?

Апостолъ сверхчеловѣчества,—представитель необычной формы эгоцентризма, соединившей культъ личной воли съ идеями общаго блага,—боецъ въ рядахъ вселенской арміи міровой скорби, разочарованія и протеста, повторившій въ русской средѣ завѣты ея величайшихъ дѣятелей, и прежде, больше всего, Байрона,—поэтъ мятежа, богоборчества, пришедшій къ примиренію съ міромъ,—сколько формулъ, сколько ключей въ разгадкѣ тайны предлагалось, и будетъ предлагаться!.. Весь въ движеніи и развитіи, съ чаяніями и сомнѣніями, мощными стремленіями и дивными грезами, влекся онъ впередъ, обнажая съ безконечной и безпощадной искренностью истиннаго лирика душевную жизнь и работу мысли въ своихъ пѣсняхъ. Увлеченія и соблазны, роли и позы отпадали; извилины и зигзаги исканій, настроеній, возбужденій, подражаній, приводили уже на широкій путь самостоятельности и свободы. Юный мечтатель—радикалъ, энтузіастъ іюльской революціи и старой новгородской вольности, нападавшій уже въ отроческихъ драмахъ своихъ на рабовладѣніе и гнетъ, сталъ мстителемъ за Пушкина, ошеломилъ своимъ гнѣвнымъ словомъ всѣ опоры строя, выступилъ съ исповѣданіемъ гражданственной вѣры своей въ «Пророкѣ» и «Поэтѣ», съ суровыми укорами «странѣ рабовъ, странѣ господъ» и всесильныхъ «пашей»; глубокія влеченія къ народу и его долѣ стали выше и дороже эпически красивыхъ, полныхъ патріотическаго возбужденія, волновавшихъ поэта грезъ о великомъ призваніи отечества, бурныя и мрачныя видѣнія борьбы мятежной личности съ Божествомъ, судьбой, людьми, облеченныя въ пестро смѣняющіяся, русскія, экзотическія, восточныя, фантастическія одежды, и въ сущности своей однородныя, рядъ поэтическихъ спутниковъ и двойниковъ, въ которыхъ отражались непокорный духъ, воинствующая воля и неисходная тоска юноши, демоны, чер-

кесы, старорусскіе витязи, пугачевскіе революціонеры, «странные», роковые и зловѣще преступные люди изъ «штатскихъ» поры тридцатыхъ годовъ, существа исключительныя, терзающія и свою душу, и чужія души, разлетаются передъ строгимъ самосудомъ просвѣтленной и овладѣвшей собою, геніально одаренной личности: слагается одна изъ примѣчательнѣйшихъ во всей міровой литературѣ авторскихъ исповѣдей—печоринская исповѣдь, обставленная, со всѣмъ своимъ горемъ и страданіями, бытовою и пейзажною оправою чудной красоты, настаетъ новая жизнь, жизнь подвига и свободнаго вдохновенія, слышатся новыя рѣчи,—и все трагически—безсмысленно обрывается. Настаетъ безмолвіе навѣки.

Съ своимъ страстнымъ, захватывающимъ темпомъ, съ неустаннымъ исканіемъ идеала, вся—въ строеніи, развитіи, im Werden, эта молодая жизнь, и личная, и творческая, не подчинявшаяся всецѣло ни одному направленію и лишь передъ роковымъ концомъ завоевавшая себѣ выходъ и просторъ, не поддается закрѣпленію въ извѣстную, опредѣленную формулу, въ единое и безраздѣльное ученіе, или складъ мысли. Сильно подверженная вліяніямъ западнаго творчества, кровно связанная, казалось, съ завѣтами Байрона, она въ этой школѣ нашла не рабство, не послушаніе обаятельнымъ образцамъ и внушеніямъ, но могучее возбужденіе къ свободѣ, широтѣ полета, самостоятельности. Богатыя самородныя силы стали развиваться неудержимо, казалось, безгранично, совершая все новыя завоеванія. Трагедіи современнаго человѣчества и русская старина, народность и проницательное чутье жизни вселенской, реализмъ быта, и грезы фантастики, нервность политической лирики и яркій экзотизмъ востока, глубокая, сильная и несравненно-образная поэзія природы, звуки «земли и неба», скорби, жгучихъ сомнѣній, мятежа и пантеистическаго примиренія,—все охватили эти силы, всѣмъ завладѣли, въ мелодіяхъ чудеснаго стиха, въ увлекательномъ эпическомъ разсказѣ сохранили и донесли до поздняго потомства.

Память о необыкновенномъ человѣкѣ, когда-то въ сверкающемъ величіи пронесшемся среди насъ, со всей страст-

ностью своего духа и тайной волнующаго творчества, близится уже къ вѣковой давности. Предчувствіе великаго предшественника сбылось и для Лермонтова. Его душа «въ завѣтной лирѣ» пережила его прахъ; для нея нѣтъ ни разрушенія, ни забвенія. Все еще словно живетъ среди насъ тотъ необыкновенный человѣкъ, который на старыхъ портретахъ смотритъ на жизнь своимъ глубокимъ, загадочнымъ, таинственнымъ взглядомъ...

Алексѣй Веселовскій.

М. Лермонтовъ

М. Ю. Лермонтовъ. (съ фот. Мейстера).

Николай Дмитріевичъ Ножинъ.

(1841 — 1866).

Бываютъ люди, приходящіе въ этотъ міръ ненадолго, люди богато одаренные, со страстнымъ желаніемъ жить и работать, способные даже въ юные годы своей недолгой жизни оказать большое вліяніе на окружающихъ. Однимъ изъ нихъ суждено влiять на широкій кругъ современниковъ; память о нихъ сохраняется надолго въ литературѣ. Такимъ счастливцемъ былъ Станкевичъ. Другіе выходятъ въ жизнь въ моменты обостренія общественныхъ противорѣчій; воспитанные въ атмосферѣ понятій и интересовъ правящихъ верховъ, они отрываются душою отъ стараго міра и связываютъ свою судьбу съ общественными группами, выходящими на арену исторіи, борющимися за право на жизнь и свободу. Такихъ людей дала эпоха 60-хъ гг. въ лицѣ, такъ называемыхъ, «революціонеровъ изъ привилегированной среды». Однихъ изъ нихъ ждала жизнь, полная борьбы и порывовъ, и, конечно, политическое мученичество, преждевременная смерть въ ссылкѣ, тюрьмѣ или эмиграціи. Такова была судьба братьевъ Серно-Соловьевичъ, заслуживающая особаго очерка. Николая Дмитріевича Ножина, о которомъ я хочу разсказать, ждала та же участь. Онъ умеръ наканунѣ своей тюрьмы, не успѣвши достигнуть 25-лѣтняго возраста. Въ немъ погибъ крупный ученый, оригинальный мыслитель, видный общественный дѣятель:

«Прекрасная и чистая душа,
«Въ комъ помыслы великіе кипѣли»...

Жизнь его была коротка, кругъ дѣятельности и вліянія невеликъ, но онъ вполнѣ заслужилъ, чтобы память о немъ не умерла въ средѣ русской демократіи.

Николай Дмитріевичъ Ножинъ, изъ дворянъ Черниговской губерніи, родился 8 декабря 1841 года. Отецъ его—Дмитрій Александровичъ—умеръ, въ должности управляющаго Конторой великаго князя Константина Николаевича, въ 1854 г. У Н. Д. были три сестры. Одна изъ нихъ сыграла нѣкоторую роль въ послѣдній годъ жизни Н. Д. Мать Н. Д. была типичная свѣтская дама, что было естественно, впрочемъ, для той среды, въ которой она вращалась. Она, по-своему, любила сына, желала, чтобы онъ сдѣлалъ карьеру, и употребила все свое вліяніе на мужа, а затѣмъ на смѣнившаго его Делагарди для того, чтобы сынъ ея былъ принятъ, въ видѣ исключенія изъ правилъ, въ Имп. Александровскій лицей. Ея настойчивость увѣнчалась успѣхомъ. Хотя отецъ Н. Д. и не получилъ еще къ моменту возбужденія ходатайства о пріемѣ въ лицей Н. Д—ча чина статскаго совѣтника, тѣмъ не менѣе, по докладу гр. Адлерберга, министра Имп. Двора, императоръ Николай I велѣлъ принять Ножина въ лицей. Съ своей стороны великій князь Константинъ Николаевичъ принялъ его въ число своихъ «пансіонеровъ», точнѣе далъ ему, какъ говорятъ теперь, стипендію по 600 р. въ годъ для платы за право ученія [1]).

Изъ дѣлъ лицея видно, что отецъ Н. Д. служилъ въ военной службѣ, въ началѣ 40-хъ гг. онъ былъ воспитателемъ въ Пажескомъ Корпусѣ, и лишь затѣмъ сталъ служить по министерству Двора, при дворѣ в. к. Константина. Родового имѣнія у него не было, жена же принесла въ приданое родовое имѣніе въ 128 душъ крестьянъ въ Скопинскомъ уѣздѣ Рязанской губ. Быть можетъ, и имущественное неравенство отца и матери, а можетъ-быть и личныя качества родителей Ножина были причиной того, что въ домѣ всѣмъ командовала мать Н. Д., женщина честолюбивая, властная, причудливая, взбалмошная, капризная. Возможно, что именно отъ матери унаслѣдовалъ Ножинъ то упорство въ достиженіи цѣли, которое обнаружилъ онъ, порывая со старымъ міромъ и уходя отъ карьеры, которой жаждала для него его мать. Ребенокъ появился на свѣтъ, кажется, прежде времени, и всю жизнь производилъ впечатлѣніе недоразвившагося физически. По свидѣтельству товарищей Н. Д. по лицею, а также

[1]) О Ножинѣ въ архивѣ лицея см. «Алфавитъ воспитанниковъ И. Ал. Лицея», № 24 за 1854 г.; «Дѣло И. А. Лицея о пріемѣ воспит. за 1854 г.»; «Дѣло объ окончивш. лицей за 1860 г.». Къ сожалѣнію, въ старыхъ дѣлахъ лицея осталось слишкомъ мало свѣдѣній объ его питомцахъ.

Н. К. Михайловскаго, мальчику плохо жилось въ семьѣ. Мальчикъ росъ хилымъ, болѣзненнымъ, впечатлительнымъ ребенкомъ. На его душу тяжелый отпечатокъ наложила семейная драма, развертывавшаяся на его глазахъ. Его мать, быть можетъ, еще при жизни отца, увлекалась товарищемъ своего мужа по службѣ Делагарди, а послѣ смерти мужа отношенія ея съ Делагарди ни для кого не составляли тайны. За то ли, что мальчикъ не былъ крѣпкимъ и здоровымъ, или за то, что онъ слишкомъ многое видѣлъ и понималъ, мать съ радостью отдала его въ лицей. Товарищъ Н. Д. по лицею, С. А. Ольхинъ, подѣлившійся со мною своими воспоминаніями о Ножинѣ, сообщаетъ, что товарищамъ Н. Д. казалось, будто «отчимъ» мальчика—Делагарди относился къ мальчику сердечнѣе, чѣмъ родная мать.

9 декабря 1854 г. Ножинъ закончилъ свои экзамены и былъ принятъ въ лицей «по конкуренціи» въ число своекоштныхъ воспитанниковъ, «въ IV-й курсъ». Вмѣстѣ съ нимъ былъ принятъ еще другой мальчикъ «со стороны», т.-е. не изъ младшихъ классовъ лицея и не изъ моднаго пансіона, въ которомъ воспитывалось предварительно большинство воспитанниковъ пріема того же года. Этотъ мальчикъ былъ Сергѣй Александровичъ Ольхинъ, въ настоящее время тайный совѣтникъ, членъ совѣта министра финансовъ. Они просидѣли рядомъ 6 лѣтъ на лицейской скамьѣ и въ послѣдній годъ пребыванія ихъ въ лицеѣ работали вмѣстѣ въ одной изъ первыхъ воскресныхъ школъ въ Петербургѣ. Эта школа основана была С. А. Ольхинымъ на Выборгской сторонѣ и стала образцомъ для многихъ другихъ, открытыхъ въ началѣ 60-хъ гг. Самъ С. А. Ольхинъ былъ избранъ, въ свое время, секретаремъ Совѣта воскресныхъ школъ и состоялъ имъ вслѣдъ до закрытія всѣхъ воскресныхъ школъ правительствомъ въ 1862 г. [1]). Въ числѣ другихъ лицеистовъ и студентовъ онъ привлекъ къ работѣ въ Сампсоніевской школѣ и Ножина, преподававшаго естественныя науки, впрочемъ, лишь недолгое время.

Первые годы Ножинъ учился неважно; еще въ 1856 г. успѣхи его, при 12—балльной системѣ, оцѣнивались, въ среднемъ, $7^1/_2$, а поведеніе 6 баллами. Къ концу лицейскаго ученья Н. Д., котораго товарищи продолжаютъ считать слабымъ и отстающимъ, учится нѣсколько лучше. Отмѣтка за поведеніе въ послѣдніе 3 года болѣе 10 [2]).

---

[1]) Ср. *В. В. Стасовъ*. Н. В. Стасова. Спб. 1895.

[2]) Въ аттестатѣ объ окончаніи имъ курса успѣхи: *весьма хорошіе*—въ психологіи и логикѣ, нѣм. и франц. словесности, математикѣ, физикѣ,

Плохая латынь не помѣшала ему получить чинъ X класса [1].

Большинство товарищей Ножина было зачислено немедленно же на государственную службу по разнымъ вѣдомствамъ. Но лицеисты Арсеньевъ, Раевскій, Сазоновъ, Баумгартенъ и Ножинъ просили разрѣшенія продолжать курсъ ученія въ университетахъ, первые два—въ петербургскомъ, вторые два—въ берлинскомъ, а Ножинъ—въ гейдельбергскомъ. Принцъ Ольденбургскій, «находя похвальнымъ желаніе продолжать усовершенствованіе въ наукахъ, исходатайствовалъ у императора Александра II дозволеніе поступить названнымъ окончившимъ лицей въ соотвѣтственные университеты, а Корфу—въ Гогенгеймскую Академію сельскаго хозяйства. Дозволеніе было дано съ зачисленіемъ имъ этого времени въ дѣйствительную службу съ производствомъ содержанія по 200 руб. въ годъ, съ тѣмъ, однако же, чтобы принцъ Ольденбургскій принялъ на себя отвѣтственность за благонадежность 4 воспитанниковъ, отправляющихся слушать лекціи въ заграничные университеты». Чувствовалось въ этой оговоркѣ, что недалеки еще были времена Николая Павловича, когда такъ ограниченъ былъ выѣздъ въ крамольную Европу. По повелѣнію государя заграничные паспорты были выданы петербургскимъ военнымъ генералъ-губернаторомъ.

По мнѣнію С. А. Ольхина, Ножинъ не имѣлъ вліянія въ лицеѣ. Онъ былъ юноша нервный, почти истеричный, говорилъ захлебываясь, такъ что трудно было иногда понять, о чемъ онъ хочетъ сказать. Однимъ казалось, что это результатъ его физическаго недоразвитія, другимъ, особенно, въ послѣдніе годы жизни Ножина,—что мысль его опережаетъ слова. По отзыву С. А. Ольхина, не Ножинъ стоялъ во главѣ кружка лицеистовъ XXIV выпуска, а Мордвиновъ. Послѣдній, богато-одаренный, былъ родственникомъ Бакуниныхъ, въ частности Н. А. Бакунина, друга и поклонника Станкевича. Мордвиновъ проводилъ каждое лѣто въ Тверской губерніи у Бакуниныхъ и привезъ оттуда восхищеніе и увлеченіе философіей Гегеля. Нѣкоторымъ, какъ С. А. Ольхину, казалось дикимъ это увлеченіе. Но большинство лицеистовъ, во главѣ съ Нарановичемъ, сыномъ начальника Медико-Хирургической Академіи, буквально, влюбленнымъ въ

энциклопедіи права, римскомъ правѣ, государственныхъ законахъ и судопроизводствѣ, финансовыхъ законахъ, исторіи русскаго права, международномъ правѣ, исторіи политической экономіи, государственномъ правѣ главнѣйшихъ Запад.-Европ. державъ и въ гражданской архитектурѣ; *хорошіе* успѣхи оказалъ онъ въ Законѣ Божіемъ, русской словесности, англійской словесности, химіи, каноническомъ правѣ, и, наконецъ, *худые* успѣхи —въ латинской словесности.

[1]) См. въ «Дѣлѣ» 1860 г., черновую аттестата, а также «Высоч. приказъ по вѣдом. учр. Имп. Маріи отъ 31 дек. 1860 г.»

Мордвинова, шло за послѣднимъ. Такимъ образомъ, по свидѣтельству Ольхина, лицеисты этой эпохи увлекались философіей. Между тѣмъ, другіе современники высказываются нѣсколько иначе. Такъ, И. И. Мечниковъ, живой свидѣтель и участникъ эпохи, чрезвычайно ярко описываетъ увлеченіе тогдашней молодежи естественными науками. «Отчасти,—пишетъ онъ,—подъ вліяніемъ Бокля, высказавшаго ту мысль, что прогрессъ обусловливается болѣе всего успѣхомъ положительнаго знанія, молодежь съ особеннымъ рвеніемъ принялась за изученіе естественныхъ наукъ» [1]). Молодежь стремилась къ саморазвитію помимо того, что получала на школьной скамьѣ. Въ этомъ отношеніи большую роль играли не только популярныя статьи въ русскихъ толстыхъ журналахъ, но также и общедоступныя книги и брошюры изъ иностранной литературы. Тутъ были на первомъ планѣ сочиненія по естествознанію, дававшія общій очеркъ тогдашнихъ воззрѣній на жизнь и природу. Гектографированные переводы книгъ Бюхнера, Фохта и Молешотта еще болѣе содѣйствовали распространенію позитивнаго и матеріалистическаго міросозерцанія, которое, казалось, было способно отвѣтить на всѣ вопросы, задаваемые юными умами... Появленіе въ концѣ 50-хъ гг. сочиненія Дарвина «О происхожденіи видовъ» дало новый и очень значительный толчокъ въ томъ же направленіи... Не удивительно, что новое направленіе захватило собою все, что было наиболѣе отзывчиваго и чуткаго среди молодого поколѣнія. Оно проникло не только въ гимназіи и университеты, гдѣ естествознаніе преподавалось систематически и болѣе или менѣе въ полномъ видѣ, но и въ такія учебныя заведенія, гдѣ мѣсто его было гораздо болѣе скромно. Въ Александровскомъ Лицеѣ, куда поступали большею частью молодые люди изъ привилегированнаго слоя, въ надеждѣ сдѣлать блестящую служебную карьеру, гдѣ занятіе изящною литературой вошло въ плоть и кровь, и гдѣ на первомъ планѣ преподавались юридическія и историческія науки,—и тамъ образовался кружокъ молодежи, увлекшейся стремленіемъ къ положительному знанію. Нѣкоторые члены этого кружка бросили даже лицей, чтобы немедленно же перейти къ занятію естествознаніемъ. Такъ какъ большая часть лицеистовъ были люди съ матеріальными средствами, то многіе изъ нихъ, по выходѣ изъ лицея, уѣзжали прямо въ иностранные, главнымъ образомъ, нѣмецкіе университеты [2]).

Такимъ образомъ отнюдь не отвергая свѣдѣній С. А. Ольхина

---

[1]) *Мечниковъ*. «Этюды оптимизма». М., 1907 г., предисловіе.

[2]) *И. Мечниковъ*. «Александръ Онуфріевичъ Ковалевскій,—Очерки изъ исторіи науки въ Россіи».—«Вѣсти. Европы». 1902, XII, с. 773—775.

о кружкѣ Мордвинова, мы должны признать наличность въ лицеѣ кружка, увлекавшагося естественными науками. Такъ, еще И. Г. Борщовъ, лицеистъ выпуска 1853 г., ставшій впослѣдствіи профессоромъ, отдался всецѣло увлеченію естественными науками. Въ то время это увлеченіе шло параллельно съ чисто революціоннымъ отношеніемъ къ окружающей дѣйствительности. Естественно, что и Борщовъ совершилъ въ свое время паломничество къ Герцену и очаровалъ его при этомъ [1]). Нѣкоторое отношеніе къ кружку Борщова имѣли, вѣроятно, и бр. Николай и Александръ Серно-Соловьевичъ. Несомнѣнно, что въ составъ кружка, увлекавшагося естественными науками, входили и нѣкоторые изъ выпуска 1860 г. Къ нимъ я могу отнести: Я. В. Сабурова, нынѣ сенатора гражданскаго кассаціоннаго департамента Сената; А. П. Баумгартена, умершаго подольскимъ губернаторомъ въ началѣ 1900 г.; барона А. Ф. Стуарта, извѣстнаго дѣятеля въ Бессарабіи, и Н. Д. Ножина. Наиболѣе искреннимъ и глубокимъ это увлеченіе оказалось у Ножина, который, по словамъ Я. В. Сабурова, «мало походилъ на своихъ лицейскихъ товарищей. Онъ еще на ученической скамьѣ пристрастился къ химіи, которую отправился изучать въ Гейдельбергъ къ Бунзену, а затѣмъ перебрался въ Тюбингенъ къ Вюрцу». Изъ членовъ кружка Я. В. Сабуровъ и А. П. Баумгартенъ пріѣхали въ Гейдельбергъ въ апрѣлѣ, а Н. Д. Ножинъ въ іюнѣ 1861 года. Что касается Милорадовича, то онъ, хотя и не былъ студентомъ, но зачислился въ министерство иностранныхъ дѣлъ и, состоя атташэ при миссіи въ Штутгартѣ, съ дозволенія тамошняго посланника жилъ въ Гейдельбергѣ до 1863 г. Его товарищи называли его въ шутку не attaché, а detaché de la mission.

Но, прежде чѣмъ Ножинъ попалъ въ Гейдельбергъ, ему пришлось выдержать большую драму. Левъ Мечниковъ, братъ И. И. Мечникова, встрѣтившій Ножина во Флоренціи въ 1864 г., такимъ образомъ описываетъ послѣдніе годы жизни Ножина въ лицеѣ и выходъ его изъ него: Ножинъ «и самъ говорилъ, что развиваться началъ очень поздно, какъ нравственно, такъ и физически. Но зато, вмѣстѣ съ развитіемъ, въ немъ пробудилась болѣзненная жажда знанія, не того или другого сухого, книжнаго, но знанія всесторонняго, полнаго, которое бы однимъ лучомъ озарило ему всю нѣсколько туманную и незаконченную въ деталяхъ картину общественнаго преобразованія, какъ-то внезапно зародившуюся въ его мозгу».

«Окончивъ лицейскій курсъ, Ножинъ, къ величайшему негодованію матери и вотчима своего Делагарди, отказался отъ

[1]) *Лемке.* «Очерки освобод. движенія 60-хъ гг.». Спб., 1907, с. 154.

предлагаемой ему очень выгодно по лѣтамъ и по чину служебной должности. Съ кротостью мученика онъ перенесъ всѣ обрушившіяся на него гоненія, объявивъ скандализированной роднѣ, что жить, какъ живутъ они, позорно и преступно, что онъ скоро покажетъ и имъ, и всей Россіи, какъ именно слѣдуетъ жить, и что надо дѣлать; но что для этого ему прежде еще надо немного доучиться...

Едва ли не выгнанный изъ дому, лишенный всякихъ средствъ, онъ отправился въ Ниццу, гдѣ сталъ заниматься эмбріологіей и физіологіей, перебиваясь кое-какъ уроками, собирая въ то же время матеріалъ для всесторонняго соціологическаго трактата, пополняя съ судорожной торопливостью многочисленные, преимущественно политическіе пробѣлы своего воспитанія»...

Здѣсь все правильно, но только, какъ мы знаемъ, Ножинъ поѣхалъ сперва въ Гейдельбергъ, а затѣмъ въ Тюбингенъ. Вполнѣ понятно, почему члены лицейскаго кружка направились въ Гейдельбергскій университетъ. Это былъ не только старѣйшій университетъ Германіи; въ концѣ 50-хъ г., началѣ 60-хъ гг. онъ былъ тѣмъ учебнымъ заведеніемъ, куда стремились студенты со всѣхъ концовъ Германіи и Европы. Здѣсь читали лекціи первоклассные естествоиспытатели этого времени: до 1854 г. Молешоттъ, имя котораго было у всѣхъ на устахъ, одинъ изъ столповъ тогдашняго матеріализма; четыре знаменитости—химикъ Бунзенъ, физикъ Кирхгофъ, физіологъ Гельмгольцъ, зоологъ Броннъ; а также математики—Эйзенлоръ и Канторъ; химики—Кекуле и Эрленмейеръ; ботаники—І. А. Шмидтъ и Г. ф.-Голле; анатомы Фр. Арнольдъ и Нунъ. Но не только естественно-историческое отдѣленіе философскаго факультета привлекало въ это время сюда молодежь со всѣхъ концовъ Европы. Здѣсь читали свои замѣчательныя лекціи по исторіи реформаціи и великой французской революціи пылкій и увлекательный Гейссеръ. Философскія науки, до вторичнаго появленія Куно Фишера, были представлены довольно слабо. На медицинскомъ—въ эту эпоху можно назвать В. Посселльта, Ц. Оппенгеймера, Н. Фридрейха. Но главная слава Гейдельберга,—до половины 50-хъ гг. единственная,—это былъ юридическій факультетъ. Еще читали въ это время и знаменитый криминалистъ Миттермайеръ, и не менѣе знаменитый пандектистъ Вангеровъ и государствовѣдъ Р. ф.-Моль, смѣненный не менѣе знаменитымъ Блунчли, и цивилистъ Рено, и старики Цёпфлъ и Россгиртъ.

Русская колонія въ Гейдельбергѣ жила въ то время живою, интенсивной жизнью. Одинъ изъ членовъ лицейскаго кружка, на запросъ мой, писалъ о своемъ настроеніи въ 1861 г.: «Извѣстно,

что огромное большинство молодыхъ людей въ началѣ 60-хъ гг. были «красные». Мы, гейдельбергскіе студенты (члены кружка и другіе), не составляли исключенія: мы, почти поголовно, были соціалистами и даже коммунистами, мечтали объ обращеніи крестьянской общины въ фаланстеръ, ненавидѣли всею душой русское правительство, зачитывались «Колоколомъ», «Полярной Звѣздой», боготворили Герцена и т. д.»... Авторъ этихъ строкъ, ставшій впослѣдствіи юристомъ, поддаваясь общему увлеченію естественными науками, не только слушалъ Гельмгольца, Кирхгофа и Бунзена, но работалъ въ анатомическомъ театрѣ подъ руководствомъ проф. Нуна, занимался по исторіи развитія тайнобрачныхъ у проф. Алеса. Знаменитый впослѣдствіи зоологъ А. О. Ковалевскій былъ въ это время студентомъ гейдельбергскаго университета. Здѣсь онъ особенно сошелся съ нѣкоторыми презставителями лицейскаго кружка, особенно съ Ножинымъ и близкимъ товарищемъ послѣдняго бар. А. Ф. Стуартомъ. Ковалевскій, занимавшійся сперва химіей у Бунзена, сталъ изслѣдователемъ живого міра, благодаря Ножину. И. Мечниковъ свидѣтельствуетъ что «Ковалевскій сдѣлался зоологомъ и сразу сталъ ревностнымъ поборникомъ дарвинизма. Не удовлетворяясь однако же общими мѣстами, Ковалевскій, съ свойственнымъ ему складомъ ума и характера, считалъ необходимымъ провести въ жизнь, облечь, такъ сказать, въ плоть и кровь начала новой теоріи происхожденія видовъ. Въ этомъ отношеніи сильное вліяніе оказала на него небольшая брошюрка нѣмецкаго ученаго, давно переселившагося въ Бразилію—Фрица Мюллера, брошюра, вышедшая въ 1864 г. и озаглавленная «Für Darwin» (Въ защиту Дарвина). Сочиненіе это было, вскорѣ послѣ его появленія, переведено на русскій языкъ ближайшимъ другомъ и сожителемъ Ковалевскаго, Ножинымъ. Въ ней основы ученія Дарвина прилагаются въ первый разъ къ исторіи развитія. На примѣрѣ ракообразныхъ, которыми Фрицъ Мюллеръ занимался долгое время, этотъ ученый показываетъ всю пользу, какую можно извлечь изъ примѣненія къ изученію ихъ принципа общаго происхожденія видовъ. Небольшая книжка Фрица Мюллера послужила исходной точкой множества работъ по исторіи развитія низшихъ животныхъ, между которыми изслѣдованія Ковалевскаго занимаютъ первое мѣсто».

Такимъ образомъ мы видимъ, что юный Ножинъ, которому было едва 19 лѣтъ, далъ толчокъ и предопредѣлилъ характеръ работы такого крупнаго ученаго, какъ А. О. Ковалевскій. Среди гейдельбергской радикальной молодежи Ножинъ занялъ также видное мѣсто. Даже тогда, когда онъ переѣхалъ уже въ Тюбингенъ, его продолжали освѣдомлять о жизни колоніи и высоко

цѣнили его мнѣніе. Въ эту эпоху его жизни ему сильно помогъ бар. А. Ф. Стуартъ, лицейскій товарищъ, который по словамъ Л. Мечникова, нашелъ Ножина въ Ниццѣ заболѣвшимъ, почти умирающимъ отъ голода. Самъ Стуартъ тоже поддался увлеченію естественными науками и, повидимому, сумѣлъ найти деликатную форму помощи, предложивши Ножину «стать его руководителемъ въ лабиринтѣ сифонофоръ и головоногихъ».

Въ началѣ 1864 г. мы видимъ Стуарта и Ножина во Флоренціи, гдѣ жилъ въ то время М. А. Бакунинъ съ женою, около которыхъ группировались польскіе и итальянскіе революціонеры и небольшая группа русскихъ. «Среди соотечественниковъ, — пишетъ Л. Мечниковъ,— самымъ выдающимся былъ Ножинъ, юноша лѣтъ двадцати двухъ, но похожій на видъ на пятнадцатилѣтняго мальчишку. Безкровный, худой, съ заячьимъ профилемъ, съ сѣрыми глазами на выкатѣ, Ножинъ походилъ на недоучившагося школьника. Къ тому же въ манерахъ и въ одеждѣ онъ доходилъ до смѣшныхъ крайностей замашки моднаго тогда вывѣсочнаго нигилизма... Къ симпатичному всѣмъ намъ Ножину воспылалъ пламенной нѣжностью Н. С. Курочкинъ (врачъ, братъ поэта и самъ поэтъ). Подъ вліяніемъ Ножина, Курочкинъ только и бредилъ, что о наукѣ.

— Наука—великое дѣло,—говаривалъ Бакунинъ,—но оставимъ ее тѣмъ, кто съ нею тѣснѣе насъ знакомъ; а то вѣдь мы съ вами, Н. С., учились понемногу, чему-нибудь и какъ-нибудь...

Столкновенія Ножина съ Бакунинымъ представляли, по словамъ Л. Мечникова, большой психологическій интересъ. Здѣсь, лицомъ къ лицу сталкивались два фанатика двухъ, довольно отдаленныхъ одно отъ другого, поколѣній: одинъ, сложившійся окончательно, непоколебимый; другой, мучительно ищущій, но умѣющій при случаѣ съ такою же роковою, космическою устойчивостью стоять на своемъ. Оба жаждали всей душой и съ одинаковой искренностью всесвѣтнаго перерожденія, коренного измѣненія вѣковыхъ устоевъ и основъ общественности и нравственности... Но для Бакунина революція уже успѣла окончательно отлиться въ форму какого-то грандіознаго ритуала, уложиться въ нѣсколько формулъ: анархія, отрицаніе государственности, соціализмъ... Ножинъ самое слово «революція» почти никогда не употреблялъ. Онъ всѣмъ своимъ изнывшимся нутромъ мучительно сознавалъ, что надо перейти къ инымъ, болѣе справедливымъ основамъ общественности и нравственности. Онъ смутно угадывалъ нѣкоторыя изъ этихъ новыхъ основъ, но оформулировать ихъ не умѣлъ, отчасти по замѣчательному недостатку краснорѣчія, отчасти же просто потому, что многаго еще обдумать и уяснить

даже самому себѣ порядкомъ онъ еще не успѣлъ... Ему даже неясно было,—думаетъ Л. Мечниковъ,—революція или эволюція вѣрнѣе приведетъ къ этому желанному измѣненію основъ. Онъ не имѣлъ предвзятаго расположенія ни къ той, ни къ другой, но въ немъ была мучительная жажда поскорѣе узнать, съ научной достовѣрностью, не оставляя въ столь капитальномъ дѣлѣ ничего на вѣру, ни на чувство, ни на гаданіе.

«Столкновенія между Бакунинымъ и Ножинымъ случались каждый разъ, когда судьба ихъ сводила вдвоемъ. Внѣшніе поводы къ нимъ были самые разнообразные, но сущность постоянно оставалась одна: Бакунинъ осуждалъ книжныя научныя поползновенія, Ножинъ отстаивалъ со всею силою своего львинаго краснорѣчія политику страстей и на ней основанные революціонные и конспиративные пріемы. Дѣло всего чаще кончалось тѣмъ, что Бакунинъ не скрывалъ презрительнаго раздраженія, уходилъ отъ этого «взбалмошнаго мальчишки», или же Ножинъ убѣгалъ красный, какъ ракъ, не помня себя... А не разъ Курочкинъ или я увозили его домой въ нервномъ припадкѣ»...

Можно пожалѣть, что Л. Мечниковъ, сообщившій эти строки, не сообщилъ точнѣе сущность разногласій между Бакунинымъ и Ножинымъ. Но уже здѣсь важно отмѣтить, что, по всему судя, въ лицѣ Ножина русская интеллигенція выдвигала въ противовѣсъ бакунизму, сыгравшему столь видную роль въ періодъ 1869—1875 г.г., міросозерцаніе, основанное на позитивной наукѣ, и тактику, исходящую не изъ чувства, а изъ разумно понятой исторической обстановки.[1]). И эти немногія строки говорятъ намъ о встрѣчѣ Ножина съ крупнѣйшей величиной русскаго общественнаго движенія и о впечатлѣніи, произведенномъ имъ на Бакунина. Но, параллельно съ выработкой интереснаго міровоззрѣнія политическаго и соціальнаго, шла у Ножина научная работа по зоологіи.

«Осенью 1864 г.,—сообщаетъ другой Мечниковъ (И. И.),—на съѣздъ нѣмецкихъ естествоиспытателей и врачей въ Гиссенѣ прибыло нѣсколько молодыхъ русскихъ ученыхъ изъ Гейдельберга. Въ числѣ ихъ былъ бар. Стуартъ, сообщившій о томъ, что его друзья, Ковалевскій и Ножинъ, дѣятельно занимаются въ Италіи исторіей низшихъ животныхъ и что ими уже сдѣлано нѣсколько капитальныхъ открытій въ этой области, способныхъ пролить свѣтъ на генеалогію животнаго міра». Дѣло касалось наблюденій надъ исторіей развитія низшихъ животныхъ, въ частности, ланцетника Amphioxus. Работа Ковалевскаго послужила

---

[1]) Ср. ст. *Сватикова* «Студенческое движеніе 1869 г. (Бакунинъ и Нечаевъ)» въ историч. сборникѣ «Наша Страна» 1907 г., № 1.

матеріаломъ для его диссертаціи, которую И. И. Мечниковъ называетъ знаменитой. Что касается Ножина, то ему удалось опубликовать лишь одну свою, и то небольшую, работу (въ Бюллетеняхъ петербургской академіи наукъ). Тѣмъ не менѣе, эта работа его, вмѣстѣ съ работами Ковалевскаго, легла въ основаніе тѣхъ блестящихъ умозаключеній, которыя сдѣлалъ Геккель въ концѣ 60-хъ гг., на основаніи, именно, тѣхъ работъ, которыя оба молодые ученые сдѣлали на берегу Средиземнаго моря.

Н. К. Михайловскій, въ 1873 г. выводя въ своихъ воспоминаніяхъ Ножина подъ именемъ Бухарцева, писалъ, что Ножинъ «вернулся въ Россію ученымъ въ полномъ и лучшемъ смыслѣ этого слова. Вы, пожалуй, этому не повѣрите,—замѣчалъ Михайловскій,—но дѣло въ томъ, что способностей онъ былъ поистинѣ громадныхъ. Никогда не встрѣчалъ я такой силы анализа, такой способности къ обобщенію, такого быстраго усвоенія фактическаго матеріала, такой неустанной, почти лихорадочной работы мысли. Пишу вполнѣ трезво и сознательно: Ножинъ былъ геніальный умъ. Что же касается до его учености, то тутъ я—плохой, конечно, судья, но зато имѣю факты. Ножинъ самостоятельно работалъ на берегу Средиземнаго моря надъ мелкими морскими животными. Этого рода изслѣдованія, какъ извѣстно, въ послѣднее время сильно подвинули науку впередъ и прославили нѣсколько именъ. Въ числѣ ихъ Ножинъ занималъ бы одно изъ первыхъ мѣстъ, если бы смерть не подкосила его такъ безжалостно рано. Онъ вывезъ множество наблюденій и весь этотъ матеріалъ предполагалъ обработать въ Россіи по готовому, совершенно уже опредѣленному плану»...

Михайловскій приводитъ также свѣдѣнія объ интересной собственноручной поправкѣ Ножина на преподнесенномъ ему экземплярѣ статьи изъ академическихъ бюллетеней. «Въ началѣ статьи говорится, что авторъ успѣлъ обработать только часть своего матеріала wegen Zeit und *Geld*-Mangel, т.-е. по недостатку времени и *денегъ*. Академія вычеркнула недостатокъ денегъ, ибо русскому ученому этимъ страдать не полагается»...

Михайловскій указывалъ, что на работу Ножина ссылались «очень высокіе европейскіе авторитеты». «Еще недавно,—писалъ Н. К. (въ 1873 г.),—я въ книгѣ одного такого авторитета прочелъ слѣдующее: «Изслѣдованіями Фрица Мюллера, Ножина и Геккеля обнаружено» и т. д. Но эта работа составляла какую-нибудь сотую, и того меньше, долю того, что хотѣлъ и имѣлъ сказать по своей спеціальности Ножинъ». Со смертью его погибли и заготовленные имъ матеріалы, и вещи, болѣе или менѣе обработанныя. Если вспомнить обстоятельства смерти Ножина, врядъ ли можно этому удивляться.

Чтобы не возвращаться болѣе къ эпохѣ пребыванія Ножина въ Гейдельбергѣ, я упомяну здѣсь объ одномъ инцидентѣ, который разыгрался лѣтомъ 1862 г. среди гейдельбергской русской молодежи. Одинъ изъ лицейскихъ товарищей Ножина сообщилъ мнѣ слѣдующее: «послѣ безпорядковъ 1861 г. прибыли въ Гейдельбергъ студенты сперва московскаго, а затѣмъ и петербургскаго университета». Къ революціонному настроенію Ножина и его товарищей «не подходили вновь прибывшіе московскіе студенты, которые казались на ихъ тогдашній взглядъ консерваторами. Конечно, это не были «черносотенцы», каковыхъ въ то время не народилось еще; они были за свободу, одобряли освобожденіе крестьянъ съ землею; «но все же—говоритъ современникъ,—они къ нашему пылкому настроенію не подходили. Но нѣкоторые изъ насъ, между прочимъ Баумгартенъ, стали склоняться къ ихъ воззрѣніямъ. На этой почвѣ разыгрался инцидентъ, чуть не окончившійся дуэлью». Среди студентовъ былъ П. И. Якобій, большой радикалъ, дружившій съ Баумгартеномъ[1]).

Благодаря близости съ послѣднимъ онъ сошелся и съ москвичами (А. Нарышкинымъ, гр. Тизенгаузеномъ, гр. Капнистомъ). Владиміръ Бакстъ, глава колоніи, поддерживавшій связи съ Герценомъ и вождь «герценистовъ» въ Гейдельбергѣ, посмотрѣлъ на это сближеніе съ консерваторами, какъ на «измѣну честнымъ убѣжденіямъ». Повидимому, Ножинъ являлся, и уѣхавши въ Тюбингенъ, такъ сказать, совѣстью гейдельбергской молодежи, потому что Бакстъ счелъ долгомъ отписать ему обо всемъ. Отвѣтъ Ножина, начинавшійся словами: «какъ жаль, что Якобій такъ низко палъ», Бакстъ вздумалъ читать вслухъ въ ресторанѣ Веттенштейна, гдѣ собиралась молодежь, въ присутствіи самого Якобія и русскихъ студентовъ. Я. В. Сабурову едва удалось уладить возникшую, было, ссору. Въ Гейдельбергской русской библіотекѣ я нашелъ списокъ лицъ, пожертвовавшихъ деньги въ пользу русскихъ студентовъ, удаленныхъ изъ университетовъ въ декабрѣ 1861 г. Среди нихъ есть имя и Ножина. Повидимому, принималъ онъ участіе и во встрѣчѣ А. А. Герцена, устроенной въ декабрѣ 1861 г. гейдельбергской колоніей, а также въ такъ называемомъ «судѣ» надъ Тургеневымъ по поводу его «Отцовъ и дѣтей» [2]). Проф. Романовичъ-Славатинскій, въ своихъ воспомина-

---

[1]) Якобій былъ братъ извѣстнаго художника, ушедшій въ Гейдельбергъ изучать естествознаніе и медицину. Позже, въ эпоху польскаго возстанія 1863 г., онъ былъ врачомъ инсургентовъ, раненый замертво вынесенъ въ Галицію и вернулся въ Россію лишь въ 90-хъ гг. Онъ—извѣстный и въ Россіи и заграницею спеціалистъ по нервнымъ болѣзнямъ и психіатріи, авторъ извѣстнаго сочиненія на франц. языкѣ о наслѣдственности на основаніи данныхъ исторіи римскихъ императоровъ.

[2]) Ср. *Сватиковъ*. «Тургеневъ и русская молодежь въ Гейдельбергѣ», въ «Нов. Жизни», 1912 г., XII.

ніяхъ о Гейдельбергѣ, упоминаетъ также и о выступленіи Ножина на рефератѣ, устроенномъ Романовичемъ, въ качествѣ рѣзкаго и страстнаго оппонента[1])

Ножинъ вернулся въ Россію въ началѣ 1865 г., посвятивши послѣдніе $2^1/_2$ года своей жизни за границей работамъ по изслѣдованію низшихъ морскихъ животныхъ въ Ниццѣ, Специи, Неаполѣ и Мессинѣ. Въ послѣднемъ только городѣ онъ проработалъ 4 мѣсяца. Свои занятія по зоологіи закончилъ онъ въ Палермо. Цѣлый рядъ открытій, сдѣланныхъ имъ вмѣстѣ съ Ковалевскимъ, не погибъ вполнѣ, такъ какъ они работали параллельно и общіе выводы ихъ совпали. Но Ножину приходилось биться, какъ рыба объ ледъ, благодаря недостатку средствъ, и ему удалось сдѣлать въ засѣданіи имп. академіи лишь одинъ докладъ о своихъ работахъ. Докладъ этотъ, прочитанный 16 февраля 1865 г., былъ затѣмъ напечатанъ въ Бюллетенѣ академіи того же года[2]), и посвященъ интереснѣйшему открытію, сдѣланному Ножинымъ въ Италіи въ области зарожденія низшихъ морскихъ животныхъ (геріоній и ризостомъ). Въ докладѣ этомъ Ножинъ сообщалъ, что опубликованіе всѣхъ результатовъ его работъ задерживается недостаткомъ времени (и денегъ,—стояло въ рукописи, но Академія вычеркнула, дѣйствительно, это слово). Задачей Ножина во время работъ въ Италіи было нахожденіе общаго закона относительно условій развитія и расположенія тканей органовъ и ихъ вліянія на развитіе организмовъ. Ножинъ, при всей затрудненности личнаго положенія, не считалѣ возможнымъ откладывать до окончанія большой работы опубликованіе нѣкоторыхъ новыхъ фактовъ, имъ открытыхъ и не стоящихъ въ прямой связи съ его главной задачей. Его вынуждало къ этому появленіе статей Геккеля (въ «Ienasche Zeitschrift für Medicin etc»), въ которыхъ Геккель высказывалъ діаметрально противоположные Ножину взгляды о процессѣ зарожденія геріонидъ. Мы не будемъ приводить здѣсь данныхъ доклада, но значеніе ихъ для своего времени несомнѣнно. Судя по статьѣ И. И. Мечникова о Ковалевскомъ, открытія Ножина и Ковалевскаго не только заставили Геккеля измѣнить прежніе взгляды, но и дали ему матеріалъ для новыхъ и блестящихъ обобщеній.

Намъ остается теперь разсказать о послѣднемъ годѣ жизни Ножина и о его литературномъ наслѣдіи. Мы уже знаемъ, что во Флоренціи Ножинъ встрѣтился съ однимъ изъ братьевъ Куроч-

---

[1]) «Вѣстн. Европы», 1903, IV.

[2]) См. «Bulletin de l'Academie». Imp. des Sciences de S-t Pétérsbourg, t. VIII, 1865, p. 214 и сл., подъ названіемъ «Sur un cas de génération alternante chez la Geryonia proboscidalis et sur la larve du Rhizostoma Aldrovandi», par N. Nojine.

киныхъ. Изъ нихъ болѣе всѣхъ извѣстенъ поэтъ, Василій. Николай Степановичъ, вернувшись изъ-за границы, положительно бредилъ Ножинымъ, былъ влюбленъ въ него, видѣлъ въ немъ крупнаго ученаго и социолога и возился, «какъ съ дитёмъ роднымъ». Курочкины оказали свое вліяніе и на брата С. А. Ольхина, Александра, извѣстнаго адвоката 70-хъ гг., пострадавшаго впослѣдствіи за стихи на смерть Мезенцева и помощь революціонерамъ [1]). По возвращеніи Ножина изъ-за границы, его друзья дали ему возможность осуществить завѣтную мечту его—читать въ Петербургѣ публичныя лекціи по соціологіи. Ножинъ, точно въ предчувствіи кончины, торопился подѣлиться съ публикою результатами своихъ естественно-научныхъ изысканій и тѣсно связанными съ ними соціологическими построеніями. Изъ новыхъ друзей—Курочкины, изъ лицейскихъ товарищей—Мордвиновъ и Ольхинъ достали для лекціи Ножина безплатно залъ Бенардаки. Лекція эта должна была имѣть продолженіе, но окончилась жестокимъ проваломъ, глубоко потрясшимъ Ножина. Чуть ли не вскорѣ, послѣ нея онъ заболѣлъ тифомъ въ квартирѣ Курочкина, былъ отвезенъ въ больницу и умеръ. На лекцію собралось очень мало народу, были лишь самые близкіе знакомые, билеты были проданы въ такомъ ничтожномъ количествѣ, что не удалось выручкою оплатить даже освѣщеніе. Ножинъ волновался, говорилъ объ амёбахъ, хоботковыхъ полипахъ, глоталъ слова, захлебывался...

«Мы,—говоритъ Ольхинъ,—его лицейскіе товарищи, полагали, что онъ нахватался лишь общихъ мѣстъ у знающихъ людей и выбрасываетъ намъ все это въ необработанномъ видѣ. Поэтому, мы съ товарищескою рѣзкостью, обрушились на него, возражая ему на рядъ его замѣчаній, говоря, что все это общеизвѣстныя вещи,—по газетамъ даже, не говоря уже о книгахъ и т. д. Ножинъ ушелъ совершенно подавленный въ артистическую комнату. Но мы явились и туда. Здѣсь, Мордвиновъ, думая, что рѣзкая критика принесетъ Ножину пользу, разбивши его иллюзіи, сталъ его «добивать». Споръ его съ Ножинымъ кончился слезами Ножина, форменной истерикой. Курочкинъ увезъ его совсѣмъ больнымъ къ себѣ на квартиру. О второй лекціи не было и рѣчи».

Такимъ образомъ, лицейскіе товарищи, остававшіеся въ Петербургѣ, не оцѣнили той перемѣны, которая произошла съ Ножинымъ. Онъ вернулся домой съ очень большими знаніями и въ области естествознанія, и въ области соціологіи, а они видѣли

---

[1]) Судился въ военно-окружномъ судѣ 15—17 ноября 1879 г. по дѣлу Мирскаго, покушавшагося на жизнь шефа жандармовъ Дрентельна.
Ред.

въ немъ, по-старому, недоразвитаго заморыша, чудака, отказывавшагося отъ блестящей карьеры.

Гораздо болѣе успѣшно было литературное выступленіе Ножина. Н. К. Михайловскій разсказываетъ, что въ это время Вл. С. Курочкинъ, старшій братъ поэта и переводчика Беранже, купилъ книжный магазина Сеньковскаго, а вмѣстѣ съ нимъ и тоненькій критико-библіографическій журнальчикъ «Книжный Вѣстникъ», выходившій 2 раза въ мѣсяцъ маленькими тетрадями. Н. С. Курочкинъ взялъ на себя редактированіе, мечталъ превратить «Книжный Вѣстникъ» въ серьезный спеціально критическій органъ[1]).

Новая редакція, руководившая органомъ съ № 22-го за 1865 г., заявляла, что на мѣсто библіографической точки зрѣнія, свойственной прежней редакціи, она ставитъ критическое отношеніе, «въ настоящее время считая себя не вправѣ относиться мертвенно-библіографически къ такому живому дѣлу, какъ книжно-литературное: массою идей, бросаемыхъ въ общественное сознаніе, обусловливается народное просвѣщеніе»[2]).

Въ составъ редакціи вошли,—кромѣ Стойковича, старика библіотекаря Публичной Библіотеки, работавшаго и раньше въ «Вѣстникѣ»,—Варѳ. А. Зайцевъ, извѣстный критикъ «Русскаго Слова», С. В. Максимовъ, историкъ М. И. Семевскій, молодой и недавно еще начавшій литературную карьеру Н. К. Михайловскій и Н. Д. Ножинъ. Въ своихъ воспоминаніяхъ Михайловскій говоритъ о Ножинѣ: «Это былъ совсѣмъ молодой еще человѣкъ брызжущаго ума, сверкающей фантазіи, огромныхъ способностей къ труду и обширныхъ знаній (по біологіи). По словамъ Н. К., «Курочкинъ, знавшій Ножина раньше, благоговѣлъ предъ нимъ». Еще до перехода «Книжнаго Вѣстника», гдѣ Ножинъ помѣстилъ большую статью и рядъ рецензій, къ Курочкину, послѣдній устроилъ Ножину возможность напечатать въ «Искрѣ» интересную статью «По поводу статей «Русскаго Слова» о невольничествѣ». Въ этой статьѣ Ножинъ, сдѣлавши рядъ замѣчаній по поводу многописанія современныхъ журналовъ и ссылокъ писателей на неожиданные авторитеты въ подтвержденіе своей мысли, писалъ о статьѣ Зайцева (въ «Русскомъ Словѣ» за 1864 г.):

«Г. Зайцеву почему-то захотѣлось блеснуть оригинальною мыслью, что при рѣшеніи вопроса объ отношеніяхъ бѣлой и черной расъ можно обойтиться безъ филантропической точки зрѣ-

---

[1]) *Михайловскій.* «Литература и жизнь». Письма о разныхъ разностяхъ. Спб. 1892, с. 302.

[2]) «Книжн. Вѣстн.». 1866 г., № 2, с. 33.

нія; онъ не замѣтилъ ея практической неизбѣжности въ рѣшеніи всѣхъ практическихъ вопросовъ въ извѣстную сторону,—какъ будто наука можетъ что-либо дать, кромѣ знанія соотношенія причинъ и явленій, и предчувствія возможности, при соблюденіи или воспроизведеніи тѣхъ или другихъ условій,—достиженія тѣхъ или другихъ результатовъ; обязательнымъ для развитой личности выборомъ болѣе соотвѣтственнаго—онъ пренебрегъ и этимъ однимъ порѣшилъ со всякимъ смысломъ личности». Этимъ и объяснялъ Ножинъ, почему статья Зайцева представляла рядъ ретроградныхъ выводовъ. «Для самоуслажденія нашего существуютъ,—говорилъ Ножинъ,—фразы, научные выводы и авторитеты». На *фразу* Зайцева о томъ, что «рабство черныхъ расъ нормально, такъ какъ-де оно обусловливается не какими-нибудь случайными причинами, а естественно-историческими», Ножинъ возражалъ: «вѣдь, все существующее есть естественно-историческое,—и борьба противъ рабства столь же исторически естественна, какъ и самое рабство»... По поводу ссылки Зайцева на *научные авторитеты* Гёксли и Фохта, признавшихъ негра низшимъ по организаціи, чѣмъ бѣлый человѣкъ, при чемъ Зайцевъ пристегнулъ сюда «слѣдовательно», безапелляціонно оправдывающее рабство, Ножинъ съ возмущеніемъ писалъ: «Но вѣдь низшее развитіе женщины предъ мужчиною и низшихъ классовъ общества въ сравненіи съ высшими — факты совершенно однородные съ приведеннымъ г. Зайцевымъ, неужели же противъ того *слѣдовательно*, которое къ нимъ à la Зайцевъ пристегиваетъ дѣйствительная жизнь, не обязанъ всякій мыслящій человѣкъ протестовать и бороться до истощенія силъ? Неужели изъ-за теоріи Дарвина о различіи между расами людей—должны утвердиться на незыблемомъ основаніи новыя слезы и скорбь для человѣчества?»... Въ опроверженіе Зайцева Ножинъ ссылался на самого Фохта, который рѣзко нападалъ самъ на Агассиса, подозрѣвая въ этомъ натуралистѣ ученаго, пытавшагося, путемъ аналогій изъ жизни муравьевъ, оправдать невольничество въ С. Америкѣ. Съ другой стороны, и теорія Дарвина, именно, отрицаетъ неизмѣнность видовъ, а, слѣдовательно, принимаетъ возможность развитія расъ къ высшему типу. Но у Дарвина (въ журналѣ кругосвѣтнаго путешествія на «Биглѣ») есть потрясающія строки, посвященныя рабству въ Бразиліи. Приведя длинныя выписки изъ Фохта и Дарвина, Ножинъ совѣтовалъ Зайцеву прочесть «Антропологію дикихъ народовъ» Вайца, характеризующую отношеніе европейцевъ къ другимъ племенамъ. Прочтя эту книгу, Зайцевъ «убѣдился бы, что дѣло не въ расахъ, а въ развитыхъ личностяхъ, которыя могутъ проявляться повсюду, если имъ

только не будутъ мѣшать, и которыя, конечно, сумѣютъ достигнуть когда нибудь такого устройства человѣческихъ обществъ, при которомъ цвѣтъ кожи людей не будетъ браться во вниманіе при совмѣстномъ жительствѣ... Онъ узналъ бы, что бѣлая раса падаетъ не только ниже черной, но даже ниже животныхъ, когда даетъ себѣ волю, во имя своихъ выгодъ, совершать самодурства и безобразія съ людьми, менѣе себя развитыми. Онъ убѣдился бы съ тѣмъ вмѣстѣ, что источникъ безчеловѣчныхъ статей и возмутительныхъ поступковъ съ людьми и животными всегда и вездѣ одинъ и тотъ же: безчувственность къ чужимъ страданіямъ, достигающая наибольшаго своего безобразія подъ прикрытіемъ безсмысленной фразы и неимѣющая ничего общаго ни съ авторитетами мысли, ни съ какими бы то ни было, тѣмъ болѣе съ послѣдними, выводами науки»[1]).

Обращаясь засимъ къ литературному наслѣдію Ножина въ «Кн. Вѣстн.» за 1865—66 гг., укажемъ на нѣкоторые лишь отзывы его о новыхъ книгахъ, минуя тѣ, въ которыхъ онъ не говоритъ ничего о своихъ собственныхъ теоріяхъ[2]). Въ отзывѣ о книгѣ *Р. Вирхова* «Четыре лекціи о жизни и болѣзненномъ состояніи» [3]) Ножинъ высказываетъ уже свои основные взгляды на соотношеніе между обществомъ и отдѣльнымъ лицомъ. «Наука,—говоритъ Ножинъ,—изучаетъ всю группу свойствъ каждаго тѣла (а слѣд. и организма) и отыскиваетъ законы, т.-е. условія всѣхъ возможныхъ видоизмѣненій (метаморфозъ) всей этой группы свойствъ (т.-е. различныхъ движеній) въ другія. Съ этой точки зрѣнія, какъ всякій понимаетъ, вопросъ объ индивидуальности дѣлается вопросомъ возможной группировки свойствъ, находящихся при извѣстныхъ условіяхъ въ гармоническомъ сочетаніи другъ съ другомъ; при нарушеніи гармоніи (т.-е. опредѣленной формулы жизни каждой частицы природы)—нарушается единство, индивидуальность; вопросъ о свободѣ индивидуумовъ есть опять таки не что иное, какъ вопросъ о гармоническомъ сочетаніи составныхъ частей, и чувство свободы состоитъ лишь въ отсутствіи внутренняго противорѣчія». Уже въ этихъ строкахъ чувствуются зачатки анархическаго ученія.

Ножинъ съ удовольствіемъ отмѣчаетъ слова Вирхова: «Нигдѣ

---

[1]) «Искра». Сатирическій журналъ, 1865 г., № 8, с. 114—117. Статья безъ подписи. Ср. ст. Е. Е. Колосова въ «Полн. собр. соч. Н. К. Михайловскаго», т. X, Спб., 1913, с. LIV. Мнѣніе К. о принадлежности статьи Ножину.

[2]) «Кн. Вѣстн.» 1865 г., № 23, с. 436, отзывъ о книгѣ *Гексли* «Начальныя основанія сравнит. анатоміи» несомнѣнно, принадлежитъ Ножину (ср. его замѣчанія объ открытіяхъ Геккеля въ области радіоларіевъ и Фрица Миллера у мшанокъ).

[3]) «Кн. В.», 1865, № 24, с. 467 и сл.

нельзя замѣтить *руки* строителя или рабочихъ». (Аскоченскіе, слушайте!—добавляетъ отъ себя Ножинъ воззваніе къ тогдашнимъ мракобѣсамъ). Критикуя, затѣмъ, мнѣніе Вирхова по поводу индивидуальности, цѣлостности организмовъ, Ножинъ высказывалъ интереснѣйшую соціологическую мысль. Онъ устанавливалъ, что «каждый индивидуумъ, въ видахъ совершенія полнаго цикла своей жизни, удовлетворенія всѣхъ своихъ потребностей, долженъ обладать всею суммою необходимыхъ для того органовъ, и притомъ вполнѣ развитыхъ; въ природѣ, конечно, это условіе полной индивидуальной жизни нерѣдко, вслѣдствіе разныхъ причинъ, нарушается—но развѣ это основаніе для того, чтобы отрицать основной органическій законъ физіологической жизни каждаго недѣлимаго?... Дѣйствительно, степень цѣлостности каждаго организма измѣряется только тѣмъ, насколько онъ служитъ полнымъ представителемъ всѣхъ сторонъ жизни даннаго вида, и только степенью его независимости отъ другихъ индивидуумовъ измѣряется и степень его довольства, счастія». Итакъ, Ножинъ ясно уже выразилъ свой анархическій идеалъ. Но онъ желаетъ быть точно понятымъ и ставитъ точки на *i*. «Поэтому,—говоритъ онъ,—*раздѣленіе труда между индивидуумами одного вида*—явленіе патологическое, т.-е. источникъ болѣзней, противорѣчій и борьбы за существованіе; явленіе это составляетъ исключеніе и физіологическіе законы до сихъ поръ одерживаютъ, по крайней мѣрѣ въ главномъ, побѣду надъ явленіями патологическими, хотя, вообще, органическая жизнь съ усложненіемъ организма, какъ кажется, все болѣе и болѣе теряла свой физіологическій характеръ. Болѣе всего патологическихъ явленій мы встрѣчаемъ въ соціальной жизни муравьевъ, пчелъ и людей—животныхъ обществахъ, основанныхъ на раздѣленіи труда и состоящихъ вслѣдствіе этого изъ *нецѣлостныхъ личностей*. Индивидуализмъ-анархизмъ—вотъ условіе полной, здоровой, счастливой жизни всѣхъ недѣлимыхъ животнаго царства!»

Къ вопросу о раздѣленіи труда возвращается Ножинъ и въ отзывѣ о книгѣ *Бэтса* «Натуралистъ на Амазонской рѣкѣ»[1]). Похваливши книгу, Ножинъ ограничивался приведеніемъ фактовъ, имѣющихъ, по его мнѣнію, весьма важное значеніе для естественно-исторической оцѣнки современнаго метода рѣшенія обще-

---

[1]) «Кн. В.», 1866, № 2, с. 46. Я пропускаю напечатанный въ № 24 за 1865 г. отзывъ Н. о книгѣ *Льюиса* «Сердце и мозгъ», хотя этотъ отзывъ повлекъ затѣмъ цѣлую полемику между издателемъ Павленковымъ и редакціей «Кн. В.». См. «Спб. Вѣдомости» 1866, № 19, письмо Павленкова; (Ножинъ) «По поводу нашей замѣтки о Льюисѣ», «Кн. В.» 1866, № 2, с. 50, (Н. К. Михайловскій) «Наше объясненіе съ г. Павленковымъ», «Кн. В.» 1866, № 12, с. 269; «Объясненіе г. Павленкова», «Кн. В.» 1866, № 15, с. 321—2.

ственно экономическихъ вопросовъ господъ экономистовъ, обыкновенно ничего не смыслящихъ въ біологической наукѣ, не умѣющихъ подводить подъ нее экономическіе вопросы и ограничивающихся однимъ разсмотрѣніемъ тѣхъ искусственныхъ категорій своей науки, которыя сложились подъ вліяніемъ неблагопріятныхъ условій для развитія человѣческихъ обществъ. А между тѣмъ натуралисты уже не разъ обращали вниманіе политико-экономовъ и моралистовъ на существованіе общихъ основныхъ біологическихъ законовъ, но это не заставило никого изъ нихъ опомниться и взяться за изученіе анатоміи, физіологіи и эмбріологіи прежде, чѣмъ пускаться въ ученыя разсужденія по вопросамъ физіологіи общества». Ссылаясь на К. Фохта и Бэтса, Ножинъ устанавливалъ, что всѣ элементы общественной жизни людей не представляютъ собственно ничего такого, что бы не встрѣчалось и въ жизни животныхъ, хотя бы въ менѣе развитой и сложной формѣ; достаточно будетъ только упомянуть, что всѣ элементы общественной жизни основаны на суммѣ отправленій органовъ даннаго вида животныхъ и на распредѣленіи этихъ отправленій между индивидуумами; отсюда само собою понятно, что и всѣ противорѣчія, встрѣчаемыя въ общественной жизни даннаго вида, неизбѣжно основаны на чисто органическихъ причинахъ и обусловлены нарушеннымъ равновѣсіемъ въ отправленіяхъ организмовъ. Какая же это причина, нарушающая гармонію жизни между индивидуумами одного вида?—Отвѣчаетъ двумя словами: *раздѣленіе труда* между индивидуумами и *нарушенная* этимъ *цѣлостность* личностей. Политико-экономы этого не могутъ понять и все еще ищутъ причину зла въ неравномѣрномъ распредѣленіи богатства, признавая въ то же время раздѣленіе труда (т.-е. нецѣлостность организмовъ) за условіе, не только не вредное само по себѣ, но даже необыкновенно выгодное для успѣховъ развитія!».. Ножинъ замѣчалъ еще, что раздѣленіе труда наблюдалось до сихъ поръ почти только въ одномъ отдѣлѣ перепончатокрылыхъ насѣкомыхъ, и именно у муравьевъ и пчелъ, но и то только у нѣкоторыхъ, большинство же видовъ существуютъ безъ всякаго раздѣленія труда, и чѣмъ сильнѣе это раздѣленіе труда, тѣмъ меньше солидарности между отдѣльными кастами, тѣмъ меньше взаимнаго пониманія другъ-друга и, наконецъ, тѣмъ меньше индивидуумы различныхъ кастъ самостоятельны и свободны, слѣдовательно, каждому въ отдѣльности хуже»... И затѣмъ Ножинъ съ удовольствіемъ цитировалъ изъ Бэтса блестяще написанную картину жизни муравьевъ, работу однихъ, бездѣлье другихъ и предоставлялъ читателю самому сдѣлать выводы изъ этой картины.

Въ этихъ выпадахъ Ножина противъ «политико-экономовъ и моралистовъ» сказалась вѣра того времени въ возможность найти въ естественныхъ наукахъ отвѣтъ на всѣ, безъ исключенія, вопросы міровой жизни. Естественны, поэтому, его замѣчанія на книгу Кленке «Практическое примѣненіе естественныхъ наукъ къ требованіямъ личнаго существованія»[1]). Привѣтствуя желаніе Кленке примѣнить естественнонаучный методъ изслѣдованія ко всѣмъ областямъ жизни, Ножинъ пишетъ: «При этомъ уже не логично признаніе политической экономіи съ ея ложными категоріями труда, капитала, собственности, рабочей платы и пр., такъ какъ они нимало не выражаютъ собою нормальныхъ (физіологическихъ) явленій животной жизни, но только болѣзненнымъ путемъ сложившіяся несправедливыя отношенія между людьми, отношенія, неизбѣжно порождающія истощеніе силъ съ одной стороны, насильственное убіеніе плоти съ другой и массу патологическихъ явленій съ обѣихъ. Поэтому, не замаскировывая нашей мысли условными темными выраженіями, мы прямо скажемъ, что дѣйствительно подобные вопросы жизни только и могутъ быть разрѣшены естественно-научными методами изслѣдованій, подрывающими въ самомъ корнѣ тѣ ложныя основныя положенія, все еще благополучно царствующія въ соціальныхъ наукахъ, сохраняя которыя политико-экономы, юристы и прочіе представители ложной науки стараются отыскать разрѣшенія всѣхъ общественныхъ вопросовъ».

И, дѣйствительно, Ножинъ выражался съ полной откровенностью.—«Что такое *трудъ* экономистовъ?—спрашивалъ онъ, и отвѣчалъ:—насильственный чрезмѣрный продуктъ мышечной дѣятельности эксплуатируемыхъ членовъ общества. Что такое *капиталъ* экономистовъ?—задержанный въ рукахъ эксплуататоровъ продуктъ труда рабочихъ. Что такое *собственность?*—признанное право неприкосновенности пріобрѣтеннаго эксплуататорами несправедливымъ путемъ капитала. Что такое *рабочая плата?*—оставленная въ рукахъ рабочихъ незначительная часть произведенныхъ ими продуктовъ. Что такое *предприниматель?..*».

Здѣсь Ножинъ останавливался, предоставляя самимъ читателямъ вдуматься на досугѣ въ подобнаго рода естественно-научный методъ анализа общественныхъ вопросовъ. «Много лжи и суевѣрія раскрывается предъ глазами человѣка въ области соціальныхъ наукъ, когда онъ взглянетъ только на всю окружающую его жизнь безжалостно и безстрашно глазами натуралиста... Для насъ,—продолжалъ Ножинъ,—слова автора (Кленке): «что пользы въ томъ, что человѣкъ пріобрѣтетъ матеріальное благососто-

[1]) «Кн. В.», 1866 г., № 5, с. 122 и сл.

ніе, когда онъ при этомъ забудетъ примѣнить естественные законы къ себѣ самому и къ членамъ своего семейства» выражаютъ не болѣе, не менѣе какъ слѣдующее: *безполезность* цивилизаціи несправедливымъ путемъ, ложность всей той системы обогащенія и развитія человѣческихъ обществъ, при которой утрачивается здоровый образъ жизни для всѣхъ членовъ этихъ обществъ»... Въ этихъ строкахъ Ножинъ намѣтилъ цѣлую критику общественныхъ отношеній съ точки зрѣнія своей теоріи общества.

Свои взгляды на значеніе и цѣль науки Ножинъ высказалъ въ большой и, къ сожалѣнію, неоконченной статьѣ «Наша наука и ученые», напечатанной въ № 1, 2, 3 и 7 «Кн. Вѣстника» 1866 г. «Науки въ Россіи еще не было и нѣтъ въ настоящее время»,—заявлялъ онъ съ большою смѣлостью. «Съ извѣстной точки зрѣнія, бѣда эта еще небольшая, такъ какъ вопросъ не въ томъ, есть-ли въ какой либо странѣ каста ученыхъ, подобострастно преклоняющихся предъ общественнымъ мнѣніемъ и запродающихъ выводы свои за опредѣленную степень благосостоянія, спокойствія и за право безнаказанно знать и понимать многое, нисколько не обязываясь въ то же время проводить свои убѣжденія въ жизнь; но существуютъ ли ученые въ настоящемъ смыслѣ этого слова, т.-е. общественные дѣятели, почерпающіе изъ предмета своихъ занятій, какъ напримѣръ, практическіе выводы, отдающіе свою жизнь наукѣ не изъ видовъ личнаго обезпеченія, но занимающіеся ею только потому, что признаютъ въ ней двигательную силу къ достиженію человѣческаго идеала: разрѣшенію общественныхъ вопросовъ»...

Уже въ этихъ словахъ Ножинъ высказывалъ завѣтную свою мысль о наукѣ, которая должна помочь и послужить преобразованію жизни. Его искренно волновалъ вопросъ, «какъ сложится сословіе ученыхъ, на какихъ принципахъ, на какихъ правахъ, съ какими обязательствами передъ обществомъ, а главное—передъ народомъ, явится наука»... «Лучше никакой науки, чѣмъ лицемѣрная, безсильная и безчестная... Наука для жизни, а не жизнь для науки!»... «Наука до сихъ поръ была постоянно орудіемъ насилія; всѣ научныя изобрѣтенія и примѣненія служили въ пользу однихъ эксплуататоровъ... Здравый смыслъ заставляетъ насъ считать полезными изслѣдованіями только тѣ, которыя полезны въ практической жизни... Изслѣдованію нѣтъ конца, абсолютныхъ истинъ не существуетъ—и потому все достоинство науки измѣряется ея практическою пользою, ея живымъ участіемъ въ рѣшеніи жизненныхъ вопросовъ. Солидарность всѣхъ членовъ общества, какъ умственная, такъ и нравственная; сліяніе интересовъ всѣхъ сословій, а слѣдовательно и

предметовъ ихъ занятій; взаимный обмѣнъ услугъ между членами общества и взаимный контроль и отвѣтственность—вотъ тѣ современныя требованія здраваго смысла, во имя которыхъ мы намѣрены обсуждать направленіе и предметъ изслѣдованій нашихъ ученыхъ»...

Итакъ, вотъ—основа ученія Ножина! Солидарность и взаимопомощь противополагаетъ онъ раздѣленію и борьбѣ, основанной на ненавистномъ ему «раздѣленіи труда».

Въ борьбѣ за осуществленіе своихъ взглядовъ видное мѣсто отводилъ Ножинъ біологіи: *«въ ней нѣтъ ни одного вопроса, заслуживающаго вниманія, который бы не находился въ связи съ рѣшеніемъ вопросовъ физіологіи общества»*. Другое положеніе, которое авторъ подчеркивалъ въ своей статьѣ, гласило: *«всѣ научныя обобщенія въ рукахъ честнаго мыслителя могли бы имѣть постоянно громадную силу и сами по себѣ стоятъ въ прямомъ противорѣчіи съ торжествующимъ порядкомъ вещей»*[1]).

Ошибочность пониманія учеными своего назначенія и отсутствія единства науки Ножинъ видѣлъ въ незнаніи нужнаго метода постановки научныхъ вопросовъ. Съ своей точки зрѣнія, Ножинъ видѣлъ въ исторіи человѣчества и науки «не историческое развитіе, а *разложеніе* человѣчества», регрессъ. «Но намъ не повѣрятъ, или вѣрнѣе насъ не поймутъ»,—добавлялъ онъ съ грустью. Больнымъ умственнымъ проявленіемъ человѣчества Ножинъ считалъ «нарушенную цѣлостность въ міросозерцаніи людей и отсутствіе вслѣдствіе этого связи между отдѣльными отраслями мышленія». Эта цѣлостность казалась ему наиболѣе нарушенною въ области біологическихъ наукъ («преимущественно антропологическихъ, политической экономіи, юриспруденціи, исторіи и др. соціальныхъ наукъ»,—пояснялъ онъ).

Совершенно логично, что и онъ, подобно многимъ анархистамъ, искалъ идеала въ сказочномъ прошломъ, золотомъ вѣкѣ человѣчества. «Первые миѳы, эти первыя воспоминанія человѣчества о самомъ себѣ, служатъ намъ живымъ отпечаткомъ той цѣлостности въ умственной и душевной жизни человѣка, съ которою онъ, развиваясь физіологично (а не болѣзненно и односторонне, какъ онъ развивался подъ вліяніемъ раздѣльнаго труда), не долженъ былъ бы никогда разставаться. Миѳы представляютъ намъ человѣческое общество еще безъ всякаго почти раздѣленія труда; каждый вполнѣ отражаетъ всю окружающую его жизнь, въ каждой личности живутъ и заявляютъ себя всѣ элементы жизни, всѣ способности... Формула всей умственной жизни человѣка, въ которой выраженъ весь его идеалъ, не обогатилась до

[1]) «Кн. Вѣстн.», 1866, IV, 1, с. 11—21.

сихъ поръ ни однимъ новымъ элементомъ, а лишь усложнилась въ своихъ подробностяхъ»...

Выводъ Ножина по поводу раздробленія цѣлостнаго пониманія органической жизни—былъ слѣдующій: «*если вообще начало раздѣленія труда будетъ продолжать развиваться между людьми,—то разрѣшеніе общественныхъ вопросовъ, сдѣлается невозможно, и число такихъ вопросовъ или «экономическихъ противорѣчій», будетъ постоянно расти*». Въ цѣлой статьѣ (№ 3 и часть № 2) Ножинъ доказываетъ на примѣрѣ біологіи вредъ раздробленія цѣлостности научнаго міропониманія. Онъ доказывалъ, что ни анатомія, ни эмбріологія, ни физіологія, ни систематика не даютъ цѣлостной постановки біологическихъ вопросовъ. Мы пропускаемъ интереснѣйшія его разсужденія по поводу этихъ наукъ, въ виду нѣсколько спеціальнаго ихъ характера. «Признавая *единство силъ природы* и законы ихъ *метаморфозъ* и считая развитіе лишь результатомъ постояннаго усложненія *формулы жизни*», Ножинъ отрицалъ отдѣльныя науки, какъ отдѣльные предметы изслѣдованія. «*Не слѣдуетъ*,—говорилъ онъ—*быть спеціалистомъ по какимъ-нибудь отдѣльнымъ свойствамъ сложныхъ силъ, но слѣдуетъ быть спеціалистомъ по отдѣльнымъ цѣлостнымъ явленіямъ природы*; ученый только тогда придетъ къ какимъ - нибудь цѣлостнымъ воззрѣніямъ, когда онъ станетъ изучать каждую индивидуализированную частицу природы *со всѣхъ сторонъ*: физически, химически, анатомически, эмбріологически, физіологически, соціально»... Ученые, изучающіе человѣка и процессы жизни, должны были, по его мнѣнію, «отыскивать законы жизни индивидуумовъ, и законы эти могутъ быть выражены только *формулою соотношенія клѣточекъ, тканей, органовъ и ихъ отправленій*». Тогда выяснится сразу, что слѣдуетъ считать явленіемъ здоровымъ для каждой ступени индивидуальнаго развитія, и что—болѣзненнымъ, вреднымъ.

Объясняя слово требовательность по отношенію къ ученымъ, Ножинъ писалъ: «Дѣло въ томъ, что наука есть единственная область человѣческой дѣятельности, въ которой въ настоящее время еще возможенъ позитивный характеръ, творческая, созидающая дѣятельность; по всѣмъ остальнымъ отправленіямъ общественной жизни дѣйствительно серьезная, вполнѣ разумная и въ то же время вполнѣ честная дѣятельность—совершенная невозможность, чистая утопія: такая дѣятельность даже признана всѣми благоустроенными обществами «hors la loi» (внѣ закона), и всякое самообольщеніе на этотъ счетъ, всѣ иллюзіи соціализма, либо непростительное ребячество и недостатокъ пониманія, либо просто-на-просто выгодная афера эксплуататоровъ, прикрывае-

мая личиною либерализма... Поэтому о практической творческой дѣятельности частнымъ людямъ, а тѣмъ болѣе ассоціаціямъ частныхъ людей нечего и думать: вся творческая дѣятельность по справедливости принадлежитъ въ настоящее время во всей Европѣ правительствамъ» (писано въ 1866 г.), «и только малодушіемъ и извращеніемъ фактически признанныхъ обществомъ началъ, можно объяснить непослѣдовательность конституціонныхъ правительствъ, дѣйствительно иногда терпящихъ какую-нибудь серьезную творческую дѣятельность среди самаго общества, въ сущности всегда находящуюся въ прямомъ антагонизмѣ съ его интересами и направленіемъ: это nonsens, недостатокъ силы, развратъ совѣсти или новая хитрость, и ни одному порядочному человѣку не придетъ, конечно, въ голову защищать подобныя конституціонныя шалости; соціализмъ, въ томъ смыслѣ, какъ его слѣдуетъ понимать,—государство въ государствѣ, и правительства не могутъ допускать такого рода дѣятельности; поэтому проповѣдовать или вѣрить въ соціализмъ—ребяческая наивность или все та же хитрая уловка эксплуататоровъ»...

По мнѣнію Ножина, «*одна наука* можетъ покуда хранить позитивный характеръ». Вотъ почему, отъ имени всѣхъ «связанныхъ по рукамъ и ногамъ», Ножинъ обращался къ ученымъ съ горячимъ призывомъ: «Отъ васъ мы требуемъ наконецъ, чтобы вы встали въ ряды наши, подверглись вмѣстѣ съ нами риску борьбы за истину, хотя бы это стоило вамъ жизни. Настаетъ новый и послѣдній фазисъ мученичества за истину,—восклицалъ съ энтузіазмомъ Ножинъ,—за истину, выработанную наукой, въ лицѣ самого сословія ученыхъ»... [1]). Въ этихъ словахъ о «мученичествѣ» слышится отзвукъ его готовности пожертвовать жизнью за свои убѣжденія. И мы знаемъ, что только случайная смерть избавила его отъ «мученичества» за истину, отъ тюрьмы и ссылки, а быть можетъ и отъ смертной казни.

Въ послѣдней статьѣ своей [2]) Ножинъ касается теоріи Дарвина и общественнаго ея значенія и даетъ снова изложеніе своего общественнаго идеала. «Все значеніе теоріи Дарвина,—говорилъ онъ,—кроется не въ самомъ вопросѣ о происхожденіи видовъ, но въ отысканіи общихъ біологическихъ законовъ органической жизни, *въ отысканіи законовъ метаморфозы организмовъ*, и только этимъ вопросъ зоологическій становится вопросомъ жизни, вопросомъ соціальнымъ... Дарвинъ не видитъ, что борьба за существованіе невыгодна для развитія, что она сама по себѣ есть лишь источникъ патологическихъ явленій... Вся теорія Дарвина по-

---

[1]) «Книжн. Вѣстн.». 1866 г. № 3.
[2]) «Книжн. Вѣстн.» 1866 № 7, с. 173 и сл.

этому можетъ быть названа теоріей геніальнаго буржуа-натуралиста»...

Въ противовѣсъ теоріи Дарвина Ножинъ приводилъ рядъ фактовъ, говорящихъ въ пользу существованія одного общаго физіологическаго закона развитія организмовъ—закона, подрывающаго въ самомъ основаніи теорію Дарвина, признающаго борьбу за существованіе за творческій элементъ въ жизни. Законъ этотъ Ножинъ выражалъ слѣдующей формулой: «*вполнѣ сходные другъ съ другомъ организмы не борятся между собою за существованіе, но стремятся напротивъ сливаться другъ съ другомъ, такъ сказать связывать воедино свои однородныя силы, свои интересы, и при этомъ вмѣсто раздѣленія труда замѣчается въ ихъ отношеніяхъ только сотрудничество*!»

Ссылаясь на опыты Либеркюна съ прѣсноводными губками, Геккеля съ амёбами, Трамблея и свои собственные—съ гидрами, Ножинъ снова ставилъ точки надъ *i*, говоря о своемъ общественномъ идеалѣ: «менѣе всего самостоятельны и свободны органы, уже болѣе самостоятельны почки, затѣмъ индивидуумы при раздѣльномъ трудѣ и, наконецъ, болѣе всего независимы другъ отъ друга цѣлостные индивидуумы; нецѣлостные, хотя бы и свободные, индивидуумы неизбѣжно подвержены взаимной зависимости и гнету, находящимся въ прямомъ противорѣчіи съ индивидуальными выгодами, съ выгодами полнаго здоровья, свободы, анархіи!...»

Такимъ образомъ мы видимъ, какъ изъ обрывковъ блестящихъ мыслей, брошенныхъ Ножинымъ, вырисовывается цѣлая схема теоріи общества, основаннаго на свободѣ отдѣльныхъ членовъ, объединенныхъ солидарностью и взаимопомощью. Внѣ всякаго сомнѣнія, Ножинъ находился подъ сильнымъ вліяніемъ Прудона, на котораго онъ изрѣдка и ссылается. М. Раф. Гоцъ, безвременно угасшій теоретикъ и практикъ народническаго движенія, былъ первый, кто, послѣ долгихъ лѣтъ забвенія, не только упомянулъ имя Ножина, но и попытался выяснить вліяніе Ножина на Михайловскаго [1]). Къ сожалѣнію, Гоцъ не дооцѣнилъ Ножина. Гораздо болѣе исчерпывающее изслѣдованіе о немъ содержится въ книгѣ Е. Е. Колосова «Очерки міровоззрѣнія Н. К. Михайловскаго» (Спб., 1912). Чрезвычайно добросовѣстный изслѣдователь Михайловскаго, положившій годы жизни на изученіе и приведеніе въ систему разбросанныхъ и не всегда объединенныхъ взглядовъ учителя, Е. Е. Колосовъ оцѣнилъ достаточно

---

[1]) *М. Рафаиловъ.* «Система правды» и т. д., статья, вырѣзанная цензурою изъ Сборника «На славномъ посту», 1900 г., напечатана во II изд. Сборника и отдѣльною брошюрою въ 1907 г.

высоко вліяніе Ножина на Михайловскаго. Въ самомъ дѣлѣ, Колосовъ, старающійся особенно оттѣнить самостоятельность творчества Н. К. Михайловскаго, указываетъ, что Ножинъ высказалъ взгляды, которые легли въ основу міровоззрѣнія Михайловскаго. Теоріи Михайловскаго: и борьбы за индивидуальность, и борьбы общественныхъ силъ, и прогресса, какъ постепеннаго приближенія къ цѣлостности недѣлимыхъ,—все это навѣяно Ножинымъ. Ножинъ, а за нимъ уже и Михайловскій выступили противъ Писарева въ эпоху наибольшаго имъ увлеченія русскаго общества. Повліялъ Ножинъ на Михайловскаго и въ дѣлѣ критики теоріи Дарвина, и, такъ называемый, законъ развитія воспринятъ былъ отъ Ножина Михайловскимъ, какъ естественное дополненіе теоріи Дарвина. Ножинъ былъ предшественникомъ Михайловскаго и въ области критики соціологической стороны дарвинизма. Взгляды Михайловскаго на общественное значеніе науки были также навѣяны Ножинымъ (его статьями «Наша наука»). То же можно сказать и по поводу взглядовъ Михайловскаго на индивидуальность, какъ цѣлостную личность, всесторонне развивающуюся; на кооперацію простую и сложную и ихъ взаимоотношеніе; на значеніе спеціализаціи и т. п. Желающихъ познакомиться ближе съ вопросомъ мы отсылаемъ къ книгѣ г. Колосова [1]).

И Гоцъ, и Колосовъ высоко оцѣниваютъ его, «геніальнаго учителя-друга» Михайловскаго. Самъ Михайловскій — этому много примѣровъ и въ нашей статьѣ,—еще болѣе высоко его цѣнилъ. Довольно объективны слѣдующія слова Михайловскаго: «Не могу достаточно оцѣнить пользу, доставленную мнѣ общеніемъ съ кругомъ идей Ножина, но въ нихъ все-таки было много смутнаго, частью потому, что онѣ въ самомъ Ножинѣ только развивались, частью по малому его знакомству съ областью обществознанія. Я получилъ отъ Ножина только толчокъ въ извѣстномъ направленіи, но толчокъ сильный, рѣшительный, благотворный... Не помышляя о спеціальныхъ занятіяхъ біологіей, я, однако, много читалъ по указанію Ножина и какъ бы по его завѣщанію» [2])..

«Благодаря огромнымъ, хотя нѣсколько одностороннимъ, свѣдѣніямъ и геніальному уму, необыкновенно склонному къ обобщеніямъ, Ножинъ, можно сказать ежедневно, осыпалъ насъ,—разсказываетъ о Ножинѣ-Бухарцевѣ Михайловскій,—гипотезами, теоріями, оригинальными сближеніями, не придавая имъ никакого значенія, а такъ, между дѣломъ. Такъ льется вода изъ переполнен-

---

[1]) Особенно стр. 23, 25, 30—31, 45, 75—6, 96, 127, 157, 159, 161—6, 176—180, 321, 399, 422.

[2]) «Литерат. Воспоминанія», т. I, 45 и сл.

наго сосуда»... Наслѣдіе, полученное Михайловскимъ отъ Ножина, онъ пріумножилъ, основныя мысли, мимолетно брошенныя, онъ развилъ въ цѣлыя теоріи, внесъ много своего, что и неудивительно, онъ на 40 лѣтъ пережилъ своего учителя. Но не менѣе естественно, почему Ножинъ оказалъ такое громадное вліяніе на Михайловскаго. Конечно, Ножинъ мелькнулъ предъ Михайловскимъ, «какъ метеоръ, какъ онъ блестящій, какъ онъ скоропреходящій, какъ онъ особенный, точно не имѣющій никакой связи съ другими явленіями природы»... Но метеоръ этотъ блеснулъ предъ Михайловскимъ въ ту эпоху, когда окончательно создавалось его міросозерцаніе.

Ножинъ явился рѣзкимъ противникомъ соціализма. Здѣсь нужно добавить, что онъ зналъ, да и то, повидимому, лишь поверхностно, утопическій соціализмъ своего времени, точнѣе предшествующей эпохи, и наблюдалъ эпоху наиболѣе тяжелую и для рабочаго движенія, и для международнаго соціализма. Вотъ откуда его, приведенныя выше, тирады противъ соціализма! Не менѣе понятенъ и его анархизмъ, его отрицательное отношеніе къ конституціи. Объективная логика вещей заставила бы его, конечно, признать со временемъ значеніе правъ человѣка и гражданина, значеніе политическихъ гарантій и народнаго представительства. Но вокругъ, въ Западной Европѣ конца 50-хъ, начала 60-хъ гг. еще чувствовалась великая реакція, воцарившаяся послѣ 1848 г.; недемократическій строй конституціонныхъ странъ, свободное пареніе теоретической мысли, стремившейся непосредственно перейти изъ царства необходимости въ царство свободы—все это питало анархизмъ Ножина, основанный на естественно-научномъ фундаментѣ.

Участвуя въ «Кн. Вѣстникѣ», Ножинъ очень нуждался. Михайловскій, который съ нимъ сошелся и подружился, говоритъ о немъ: «одѣвался онъ ни на что не похоже. Все время, что я его зналъ, онъ лѣто и зиму носилъ одну и ту же трепаную и засаленную шотландскую шапочку безъ подкладки и клѣтчатый, черный съ зеленымъ, плэдъ. Узенькій черный галстухъ вѣчно совершалъ кругошейное путешествіе, такъ что бантъ торчалъ то на правой сторонѣ, то на лѣвой, а то и на затылкѣ. Откуда онъ бралъ платье, Богъ его знаетъ, но только оно всегда сидѣло на немъ мѣшкомъ, чѣмъ онъ ни мало не смущался... Разъ онъ получилъ уроки въ какомъ-то аристократическомъ домѣ, которыми онъ по разнымъ стороннимъ соображеніямъ дорожилъ. Представляться надо было во фракѣ. Онъ досталъ фракъ у какого-то знакомаго гораздо выше и шире его. Но Ножинъ совершенно искренно вѣрилъ, что онъ вполнѣ элегантенъ въ своихъ обыкновенныхъ какихъ-то

муруго-пѣгихъ панталонахъ и въ этомъ чужомъ фракѣ, который сидѣлъ на немъ, какъ на вѣшалкѣ. Мимоходомъ сказать, уроковъ этихъ онъ далъ всего, кажется, два—не поладилъ»... Не менѣе интересны свѣдѣнія и объ его комнатѣ. Ножинъ «жилъ на Выборгской сторонѣ, въ мезонинѣ маленькаго деревяннаго домика, низъ котораго былъ занятъ кабакомъ. Представьте себѣ довольно большую, но сырую, холодную и достаточно грязную комнату. Вдоль стѣнъ прибиты некрашеныя сосновыя доски, уставленныя книгами. Кромѣ того, книги на полу, книги на окнахъ, книги на кровати и подъ кроватью, на столѣ и подъ столомъ. У третьей стѣны примостилась желѣзная кровать о трехъ ногахъ, надъ которой навѣшанъ на гвоздяхъ немногосложный, впрочемъ, гардеробъ и туалетъ Ножина. Возлѣ кровати небольшой столъ и на немъ микроскопъ, еще какіе-то инструменты, заспиртованные препараты и пр.»...

Внѣшній видъ его (мнѣ не удалось пока достать карточки Ножина) Михайловскій описывалъ слѣдующими словами: «представьте себѣ молодого человѣка, лѣтъ двадцати четырехъ-пяти, средняго роста, очень худого, чуть-чуть сутулаго, съ узкими плечами, съ волосами сѣро-пепельнаго цвѣта, жидкими и мягкими, такого же цвѣта маленькими усами и едва пробивающеюся бороденкой, длиннымъ носомъ и неопредѣленнымъ цвѣтомъ лица. Черты, какъ вы видите, очень незамѣчательныя. Вы такихъ людей сотни, конечно, видали. Но можетъ быть вы не видали такихъ глазъ и такой верхней губы, какъ у Ножина. Глаза у него были голубые и поражали по временамъ необыкновенною живостью и блескомъ, а по временамъ такою упорной сосредоточенностью, что она казалась почти тупостью. Верхняя губа тоже была характерная: средній выгибъ ея выдавался треугольникомъ, который крѣпко, точно замкомъ запиралъ, ложился на нижнюю губу»... «Работалъ Ножинъ безпорядочно, но страшно много, читалъ рѣшительно все, соприкасающееся съ его спеціальностью и, кромѣ того, жадно пополнялъ пробѣлы своего образованія по другимъ отраслямъ. Откуда онъ бралъ деньги на такую массу русскихъ и иностранныхъ журналовъ и книгъ, я не знаю. Я думаю, онъ и самъ не зналъ. Родные его были люди очень состоятельные (они жили въ провинціи), но онъ былъ съ ними не въ ладахъ и не получалъ отъ нихъ ни гроша. Затѣмъ онъ давалъ уроки, занимался переводами, но вообще бралъ деньги, гдѣ случится, и тратилъ ихъ самымъ безпорядочнымъ образомъ, хотя кутежи его не шли дальше рюмочки ликеру или стаканчика глинтвейна. Если онъ бралъ, гдѣ случится, такъ и отдавалъ, кому случится»...

Преинтересенъ у Михайловскаго разсказъ о томъ, какъ онъ впервые услыхалъ голосъ Ножина. Тотъ поселился сперва рядомъ съ Михайловскимъ, въ меблированныхъ комнатахъ.

— Вотъ вамъ пять копеекъ, Василиса,—говорилъ мой, тогда еще незнакомый мнѣ сосѣдъ,—вы на три копейки купите сливокъ, а на остальное, понимаете, на все остальное, до послѣдней копейки самыхъ сахарныхъ сухарей...

— На остальное! Много тутъ остального. Сахарныхъ-то всего четыре штуки дадутъ,—возражала Василиса, заливаясь смѣхомъ.

— Ахъ, Василиса, Василиса,—продолжалъ дурачиться сосѣдъ,—такой вы чудный экземпляръ человѣческой природы, а надъ бѣднымъ человѣкомъ смѣетесь: бѣдному человѣку четыре сухаря какъ разъ...

Была у Ножина черта, роднившая его съ Бѣлинскимъ: ему казалось, что нельзя оставить разговора, не рѣшивши какого-нибудь «проклятаго вопроса», или нельзя откладывать до завтра и нужно немедленно подѣлиться съ друзьями мыслью, пришедшей ему въ голову. Л. Мечниковъ, описывая внезапный ночной визитъ Бакунина во Флоренціи, писалъ: «Около полуночи—звонокъ. Мы думали, не Ножинъ ли додумался до какого-нибудь соціалистическаго сомнѣнія и пришелъ оповѣстить. Съ нимъ это случалось не разъ и различія въ часахъ онъ не соблюдалъ»...

«Какой свѣтильникъ разума угасъ,
Какое сердце биться перестало»,

писалъ о немъ Михайловскій, и добавлялъ: «да, и сердце перестало биться великое... Я признаться, не понималъ, какъ можно было не любить эту чистую и изумительно богатую натуру, эту дѣтски наивную душу», говорилъ Михайловскій, разсказавши съ удивленіемъ, что у Ножина было много враговъ (были даже такіе, которые серьезно увѣряли, что онъ глупъ). Интересный эпизодъ былъ съ нимъ на диспутѣ, повидимому, А. О. Ковалевскаго, которому онъ выступилъ оппонировать въ качествѣ частнаго оппонента. Началъ онъ такъ: «Ну-съ, теперь позвольте и мнѣ сказать нѣсколько словъ, У насъ совсѣмъ другой разговоръ пойдетъ, потому что мы съ вами, по крайней мѣрѣ, литературу своего предмета знаемъ»... Естественно, что проработавши съ Ковалевскимъ вмѣстѣ 2 года, онъ говорилъ о нѣкоторыхъ недостаткахъ диссертаціи съ большимъ знаніемъ, но затѣмъ перешелъ къ изложенію завѣтныхъ мыслей о роли науки и ученыхъ и былъ, въ концѣ-концовъ, остановленъ деканомъ. Михайловскій согласился, что «дерзко было, конечно, говорить такую рѣчь въ сонмѣ

патентованныхъ ученыхъ. Но, во-первыхъ, Ножинъ, крѣпко вѣрилъ въ то, что говорилъ, а во-вторыхъ, дерзость была вообще въ его характерѣ». Михайловскій поясняетъ, что дерзость его была далека отъ цинизма и грубости—«циническая брань ни разу не осквернила его устъ». Но «дерзокъ онъ былъ ужасно, и что особенно замѣчательно въ такомъ слабосильномъ и нервномъ человѣкѣ, онъ и физической храбростью обладалъ до дерзости». Очевидецъ разсказалъ Михайловскому, что однажды, гдѣ-то за границей, Ножинъ разсвирѣпѣлъ на кучера, который ударилъ бичомъ прохожаго: въ одну секунду Ножинъ былъ на козлахъ, пара лошадей остановлена, и кучеръ просилъ прощенія»... Особую духовную красоту Ножина видѣлъ Михайловскій въ его простотѣ, цѣльности. Онъ неправильно объясняетъ причину, почему Ножинъ стремился отдать свои силы и жизнь «общему дѣлу». Постоянно думая надъ тѣмъ, какъ ради общественнаго блага связать науку съ общественною жизнью и общественнымъ служеніемъ, «Ножинъ вовсе не думалъ предлагать или совершать что-нибудь достойное благодарности. Нѣтъ, онъ исполнялъ только свою обязанность и притомъ такую, которая облегчала его личное существованіе. Его тяготила громадная масса его знаній, пріобрѣтенная на счетъ невѣжественнаго общества. Онъ только сбрасывалъ съ души своей тяжесть»... Это замѣчаніе Михайловскаго подтвердилъ мнѣ и лицейскій товарищъ Ножина, С. А. Ольхинъ. Ножинъ полагалъ,—по его словамъ,—что онъ получилъ всѣ свои знанія за счетъ народа, и долженъ возвратить народу то, что получено за его счетъ. Такимъ образомъ, Ножину были не чужды черты «кающагося дворянина». Но, оторвавшись душою отъ дворянскаго круга, онъ всею душою прилѣпился къ разночинной интеллигенціи и сталъ однимъ изъ оригинальнѣйшихъ ея теоретиковъ.

Въ апрѣлѣ 1865 г. у Н. Д. разыгралось рѣзкое столкновеніе съ родными изъ-за сестры Маріи Дмитріевны. Это была—надѣлавшая шуму исторія съ попыткою Ножина похитить сестру изъ дому и увезти ее за границу [1]). Марія Дмитріевна была, по словамъ С. А. Ольхина, типичная «кисейная барышня». Ножинъ любилъ ее до чрезвычайности и сильно мучился, думая, что ей плохо живется у родныхъ. Нѣкоторые запросы и порывы у нея, очевидно, были и вѣянія времени коснулись ея, хотя и мимолетно. Она съ удовольствіемъ слушала разсказы брата о жизни, о наукѣ. Уѣхать изъ дому съ разрѣшенія родныхъ нечего было и мечтать,

---

[1]) Исторія эта упоминается у Михайловскаго, въ воспоминаніяхъ Л. Мечникова, но особенно подробно изложена бар. А. И. Дельвигомъ (см. «Мои воспоминанія», изданіе Имп. Моск. Румянцовск. музея, М. 1903, т. III, (1858-1867), с. 344—347).

а Ножину хотѣлось, чтобы она могла учиться въ заграничномъ университетѣ. Нужны были деньги, а бѣдность Ножина, по словамъ Ольхина, была неописуемая. Михайловскій разсказываетъ, что «Ножинъ, чтобы достать денегъ, немедленно вступилъ въ соглашеніе съ однимъ издателемъ и взялся перевести въ извѣстный срокъ съ латинскаго обширный трактатъ по зоологіи, за что ухитрился стребовать впередъ тысячу рублей чистыми деньгами». Однако, въ рѣшительный моментъ сестра Ножина струсила, все открылось, и разыгралась трагедія. По словамъ Л. Мечникова, Ножину даже удалось увезти сестру, при содѣйствіи В. А. Зайцева, изъ-подъ крова семьи Делагарди. «Вотчимъ обратился къ покровительству III-го Отдѣленія. Зайцевъ былъ посаженъ (?) въ тюрьму. Ножинъ, отъ котораго отчуралась и сама насильно спасенная имъ сестра, какъ-то уцѣлѣлъ и попалъ въ Петербургъ». Разсказъ Л. Мечникова объ арестѣ и объ участіи въ дѣлѣ III Отдѣленія неправиленъ, какъ мы сейчасъ увидимъ, но, несомнѣнно, что съ этого, именно, момента «извѣстный нигилистъ Ножинъ» вошелъ въ сферу вниманія III-го Отдѣленія.

Баронъ А. И. Дельвигъ, который занималъ видное мѣсто въ желѣзнодорожномъ мірѣ, былъ вовлеченъ невольно въ эту исторію и преинтересно ее разсказалъ. Въ маѣ мѣсяцѣ (1865 г.), во время посѣщенія Н. Д. Танѣевой баронессы Дельвигъ, пріѣзжалъ къ Танѣевой родной ея племянникъ, Ножинъ, «нигилистъ,— поясняетъ А. И. Дельвигъ,—котораго я прежде видѣлъ у П. А. Языкова. Танѣева передала своему племяннику, что его мать и отчимъ Делагарди, бывшій въ это время начальникомъ акцизнаго управленія Тамбовской губ., пріѣдутъ черезъ нѣсколько дней въ Петербургъ, и что его младшая сестра Марія останется (на дачѣ) близъ Тамбова»...

«Нѣсколько дней послѣ этого,—продолжаетъ Дельвигъ,—я былъ разбуженъ въ 4 часу ночи, и мнѣ сказали, что какая-то дама неотступно проситъ, чтобы я къ ней немедля вышелъ... Оказалось, что это была г-жа Делагарди, которая неистово кричала, что у нея украли дочь и наступала на меня, ударяя меня по груди»... Послѣ разспросовъ выяснилось, что Делагарди (Ножина) получила телеграмму изъ Тамбова, что ея дочь со своимъ братомъ и другимъ неизвѣстнымъ молодымъ человѣкомъ были въ предыдущую ночь въ Тамбовѣ, откуда поѣхали въ Москву. По просьбѣ г-жи Делагарди, полагавшей, что ея дочь везутъ за границу, были даны телеграммы по желѣзнымъ дорогамъ о примѣтахъ бѣглецовъ и приказъ о задержаніи. Делагарди, мужъ и жена, находились на петербургскихъ станціяхъ Никол. ж. д. при каждомъ пріѣздѣ поѣздовъ... На третій день, при приходѣ ве-

черняго поѣзда изъ Москвы, г-жа Делагарди увидѣла на станціи большую собаку, принадлежавшую, по ея увѣренію, ея дочери...

Когда спросили молодого человѣка, который имѣлъ подорожную на имя Курочкина, извѣстнаго поэта и нигилиста, гдѣ онъ взялъ собаку, онъ отвѣчалъ, что ему далъ ее кто-то по дорогѣ съ тѣмъ, чтобы онъ ее передалъ какому-то господину, съ которымъ въ извѣстномъ часу встрѣтится на Аничковомъ мосту. По полученіи отъ него свѣдѣній о мѣстѣ его жительства, полиція отправилась въ занимаемую его матерью квартиру, гдѣ узнали отъ прислуги, что Ножинъ привозилъ какую-то дѣвушку, повязанную платкомъ, которую хозяйка квартиры немедля отвезла неизвѣстно куда въ наемной каретѣ»... Этотъ домъ «былъ окруженъ тайными агентами полиціи». Мать молодого человѣка (повидимому г-жа Зайцева), пріѣхавшая на другой день къ вечеру домой, была немедленно отведена къ оберъ-полицеймейстеру (И. В. Анненкову). «Между тѣмъ Ножинъ явился въ этотъ день утромъ къ своей матери, уговаривая ее прекратить напрасные поиски за его сестрою, которую онъ намѣренъ отвезти въ Швейцарію, гдѣ она сдѣлается полезнымъ членомъ общества. Онъ полагалъ своимъ долгомъ вырвать ее изъ той среды, въ которую, по его мнѣнію, воспитаніе матери повергло его старшихъ сестеръ, не приносящихъ никакой пользы человѣчеству»... Ножинъ не открылъ адреса сестры; дама же, убоявшись ареста, сказала, что отвезла ее на Морскую, но номера дома не помнитъ. «Поздно вечеромъ, или вѣрнѣе сказать, ночью, дама возила по обѣимъ Морскимъ улицамъ полицейскаго офицера, увѣряя, что не можетъ отыскать дома... Офицеръ свистнулъ, и на его свистокъ сбѣжалось много дворниковъ, по разспросу которыхъ оказалось, что наканунѣ эта дама съ дѣвицей вошла въ одинъ изъ домовъ на Б. Морской, а вышла одна». Хозяйка меблированныхъ комнатъ указала комнату М. Д. Ножиной лишь послѣ угрозы, что произведутъ обыскъ во всѣхъ комнатахъ. «Молодая Ножина послѣ этихъ передрягъ выдержала горячку». По словамъ Дельвига ее похитили насильно, въ одномъ платьѣ, и дорогой «стращали, что если она гдѣ бы то ни было скажетъ, что ее везутъ насильно, они принуждены будутъ прибѣгнуть къ самымъ ужаснымъ мѣрамъ» (?!). Въ этомъ мы должны сильно усомниться и вѣрить больше разсказу С. А. Ольхина.

Въ этомъ приключеніи Ножинъ выказалъ недурной конспиративный талантъ: первыя станціи передъ Рязанью, Москвою и Петербургомъ, а также за ними, онъ ѣхалъ не по желѣзной дорогѣ, а на лошадяхъ. На нѣсколькихъ станціяхъ онъ получалъ

телеграммы, которыя читалъ вслухъ. «Въ нихъ,—замѣчаетъ Дельвигъ,—сообщалось о всѣхъ поискахъ, дѣлаемыхъ его матерью и отчимомъ, и о моихъ распоряженіяхъ. Это доказываетъ, что Ножинъ имѣлъ сообщниковъ между телеграфистами и потому ошибаются тѣ, которые полагаютъ, что въ то время нигилистическое направленіе было безсильно»... Любопытно еще слѣдующее замѣчаніе Дельвига: «Ножинъ и его пособники долго угрожали подачею жалобы въ судъ на мои незаконныя дѣйствія относительно задержанія его съ сестрою, но жалобы не подали»... Такова была исторія этого пресловутаго «похищенія».

Михайловскій разсказываетъ, что переводъ Ножина погибъ послѣ его смерти. Однако у него осталось листовъ пять печатныхъ этого труда. Вмѣсто перевода «получилось нѣчто очень нескладное, но коллоссальное. Сначала идетъ текстъ съ рѣдкими и небольшими примѣчаніями переводчика. Потомъ примѣчанія все растутъ въ числѣ и объемѣ и, наконецъ, совершенно изгоняютъ текстъ. Остаются одни только примѣчанія переводчика, требующія уже новыхъ примѣчаній. Ножинъ разсчитывалъ вложить сюда результатъ всѣхъ своихъ самостоятельныхъ работъ и всѣ свои завѣтныя мысли»... И этотъ трудъ также погибъ.

Въ началѣ шестого номера «Книжн. Вѣстника» (помѣченнаго *первымъ* (!) апрѣля) появилось траурное объявленіе: «3 апр. въ 8 ч. утра скончался, послѣ непродолжительной болѣзни, дорогой и любезный сотрудникъ нашъ Н. Д. Ножинъ, 23 лѣтъ отъ роду» [1]).

Повидимому, писалъ его Курочкинъ, любившій Ножина, какъ сына. Въ тотъ же день онъ, по словамъ Ольхина, зашелъ къ нему и оставилъ записочку: «Н. Д. умеръ въ больницѣ. Нужно собрать что-либо на похороны». Братья Ольхины собрали руб. 100. Похороны 6-го апрѣля, на которыя явилась редакція журнала и нѣкоторые лицейскіе товарищи, были самыя скромныя: соотвѣтственно средствамъ и радикальному образу мыслей Ножина,—добавляетъ С. А. Ольхинъ.

Въ № 7 появилось еще одна изъ главъ статьи Ножина «Наша наука», набранная еще при жизни его, и двѣ рецензіи, повидимому, его же. Похороны Ножина происходили въ моментъ крайняго общаго возбужденія, вызваннаго выстрѣломъ Каракозова въ императора Александра II. Этотъ выстрѣлъ грянулъ 4-го апрѣля, на другой день послѣ смерти Ножина. «Мы,—говоритъ Михайловскій въ воспоминаніяхъ [2]),—хоронили Ножина, даже въ умѣ не имѣя, чтобы онъ могъ состоять въ какомъ-нибудь отно-

[1]) Мы знаемъ, что Ножину было въ это время 24 года 5 мѣс. Ошибка «Кн. Вѣстн.» была повторена всѣми, писавшими о Ножинѣ.

[2]) «Литература и жизнь», 1892, Спб., с. 304.

шенія къ злосчастному выстрѣлу». Между тѣмъ, среди повальныхъ арестовъ, которые дѣлалъ М. Н. Муравьевъ-Виленскій, назначенный предсѣдателемъ слѣдственной комиссіи, арестовали В. А. Зайцева, Н. С. Курочкина, а также Худякова. Аресты эти стояли въ несомнѣнной связи съ выстрѣломъ Каракозова, съ одной стороны, и съ самимъ Ножинымъ, съ другой стороны. Правительственное сообщеніе, написанное Муравьевымъ, оповѣщало о слѣдствіи по дѣлу Каракозова, объ участіи Каракозова въ московской организаціи. Перечисливши цѣли москвичей, правительство сообщало: «независимо отъ сего, означенное общество стремилось входить въ ближайшія сношенія съ соціалистическими кружками и дѣятелями въ Петербургѣ и другихъ мѣстностяхъ Имперіи... Разрушительное направленіе мыслей и ученія между молодымъ поколѣніемъ—объяснялъ далѣе Муравьевъ,—поддерживалось также заграничной революціонной прессой, находившею средства распространяться даже среди учебныхъ заведеній. Многіе изъ молодыхъ людей, отправлявшихся за границу съ научною цѣлью, входили тамъ въ сношенія съ агентами революціоннаго общества и болѣе другихъ заражались соціалистическимъ направленіемъ, которое этимъ путемъ распространялось безвозбранно среди молодого нашего поколѣнія»...

Общія мысли о сношеніяхъ съ заграничными русскими революціонерами, несомнѣнно, относятся и къ Ножину.

«Каракозовъ,—продолжаетъ сообщеніе,—на первой недѣлѣ прошлаго великаго поста отправился въ Петербургъ, гдѣ и былъ въ сношеніяхъ съ вышеупомянутымъ революціоннымъ агентомъ московскихъ кружковъ. Послѣдній особенно былъ извѣстенъ изданіемъ книгъ для народнаго чтенія (очевидно, рѣчь идетъ объ И. А. Худяковѣ), въ коихъ проводились самыя зловредныя мысли съ цѣлью развратить молодое поколѣніе, и состоялъ въ сношеніяхъ съ соціалистическимъ кружкомъ крайняго нигилиста Ножина (умершаго въ апрѣлѣ с. г.), который находился въ связяхъ и перепискѣ съ заграничными агитаторами».

По поводу отношенія Ножина къ акту Каракозова у меня есть лишь свѣдѣнія, сообщаемыя (лично) С. А. Ольхинымъ и Михайловскимъ. Послѣдній въ своихъ воспоминаніяхъ говоритъ: «Я и до сихъ поръ не знаю, какое это было отношеніе. Въ офиціальномъ сообщеніи имя Ножина поминалось, но всего одинъ разъ; никого изъ прикосновенныхъ къ дѣлу я никогда у Ножина не видалъ, даже фамилій ихъ отъ него, хотя бы случайно, не слыхалъ, равно какъ не слыхалъ отъ него никакихъ разговоровъ, которые намекали бы на какое-нибудь его участіе въ подобномъ дѣлѣ». Однако, несомнѣнно, что Ножинъ въ это время былъ не только

анархистомъ-теоретикомъ, но и революціонеромъ по настроенію. Свою вѣру въ грядущую и весьма близкую революцію въ Россіи онъ высказывалъ не разъ въ бесѣдахъ съ Ольхинымъ. Упрекая его въ томъ, что онъ избралъ (обычную для лицеистовъ) служебную карьеру, онъ говорилъ ему: «Не долго же тебѣ осталось жить. Скоро будетъ революція, и тебя, увы! повѣсятъ на фонарѣ». Ольхину казалось, что Ножинъ искренно жалѣетъ о грядущей непріятной участи лицейскаго товарища.

По поводу причины скоропостижной смерти Ножина уже послѣ того, какъ его имя помянуто было въ правительственномъ сообщеніи, возникли самые нелѣпые слухи. Правда, и Михайловскій говоритъ, что «по безобразной волѣ судьбы Ножинъ умеръ при странныхъ и до сихъ поръ (1873) для меня неясныхъ условіяхъ». Ольхинъ поясняетъ, что среди лицейскихъ товарищей ходили слухи, будто бы Ножинъ незадолго до 4 апрѣля освѣдомился точно о замыслѣ Каракозова, будто бы, несмотря на его «нигилизмъ», въ немъ заговорила дворянская кровь, и онъ неосторожно высказалъ Курочкину мысль, что нужно предупредить цареубійство, сдѣлавши доносъ въ III-е Отдѣленіе. Тогда Курочкинъ, будто бы, замѣшанный въ дѣло болѣе, нежели открылось, и, желая осуществленія замысловъ Каракозова, далъ ему яду, отъ котораго Ножинъ и умеръ наканунѣ 4 апр., не предупредивши рокового выстрѣла. Другіе же говорили, что правительство сваливаетъ на «извѣстнаго нигилиста» Ножина участіе въ подготовкѣ цареубійства, какъ на покойника, съ котораго нечего взять, скрывая свое полное незнаніе. Мнѣ кажется, что никакой кровавой тайны не связано со смертью Ножина. Самъ Ольхинъ, передавая вышеупомянутые слухи [1]), замѣчаетъ: «ну какъ могъ бы поднять руку на свое любимое дитятко обожавшій его Н. С. Курочкинъ». А мы добавимъ: Ножинъ былъ фанатикъ, человѣкъ, порвавшій ради своихъ убѣжденій съ семьею, съ блестящей карьерой, со своимъ кругомъ. Онъ былъ изъ тѣхъ людей, которые знаютъ

«Одной лишь думы власть,
Одну, но пламенную страсть»...

И этою страстью было для него освобожденіе личности отъ цѣпей, наложенныхъ исторіей, путемъ науки и борьбы. Онъ былъ не изъ тѣхъ, что, порвавши со старымъ міромъ, обращаютъ къ нему тоскующіе взоры и колеблются. И, если Муравьевъ поминалъ

---

[1]) Подтвержденіе того, что эти слухи ходили въ спб. обществѣ, мы находимъ въ книгѣ барона А. И. Дельвига «Мои воспоминанія», т. III, с.347: «Говорятъ,—пишетъ Дельвигъ,—что Ножинъ передъ смертію хотѣлъ видѣть оберъ-полицеймейстера Анненкова, который къ нему не поѣхалъ. Не хотѣлъ ли онъ что-либо открыть Анненкову?»

его въ числѣ враговъ стараго порядка, то онъ былъ правъ. Въ лицѣ Ножина сошелъ въ могилу одинъ изъ наиболѣе оригинальныхъ мыслителей своего времени, одинъ изъ теоретиковъ русскаго анархизма, имя котораго могло бы стать наравнѣ съ именами Бакунина и Кропоткина, одинъ изъ непоколебимыхъ своею душевною твердостью, ясностью и прямотою враговъ стараго общества. Рожденный русскою дѣйствительностью, Ножинъ былъ бы ею раздавленъ. Но онъ умеръ!.. Въ ряду русскихъ писателей и общественныхъ дѣятелей 60-хъ гг. онъ долженъ занять свое мѣсто.

Сергѣй Сватиковъ.

Историческое прошлое въ бельгійскихъ романахъ.

Бельгія — страна съ великимъ прошлымъ. Въ туманѣ далекой исторіи ея географическое положеніе, богатство почвы, предпріимчивый характеръ жителей, врожденное въ ихъ душахъ стремленіе къ независимости, создавали изъ маленькой страны, какою она была тогда и какою осталась, одинъ изъ самыхъ большихъ и богатыхъ центровъ экономической жизни. Въ XIII и XIV вѣкѣ купцы изъ Англіи, Швеціи, Италіи, Персіи, Индіи привозили свои товары въ главные фламандскіе города, часто соперничавшіе между собою, въ Гентъ, Ипернъ, Куртрэ и Брюгге, когда-то имѣвшій столь большое значеніе, что только одна Венеція могла поспорить съ нимъ. Но съ теченіемъ времени города теряли свое могущество: общины враждовали съ графомъ, отстаивая свои права и независимость, народъ пытался бороться съ буржуазіей, одинъ городъ соперничалъ съ другимъ, желая властвовать, уничтожить противника, и только въ рѣдкихъ случаяхъ можно прослѣдить ихъ неожиданное сліяніе въ цѣляхъ напасть на общаго врага. Такимъ образомъ, внутреннія распри, внѣшнія войны, религіозный, воинственный фанатизмъ фламандцевъ, при нѣкоторой суровости и жестокости въ ихъ характерѣ, смертная казнь, пожары, наводненія или обмелѣнія каналовъ постепенно разоряли богатые фламандскіе города и вмѣсто прежняго оживленія погружали ихъ въ безмолвіе, обрекали на полное забвеніе или превращали въ какой-то тихій и красивый музей, какимъ является теперь Брюгге.

Бельгія, въ настоящее время маленькая промышленная страна, представляется намъ какъ бы пробуждающеюся отъ тяжелаго сна. Надѣленная какимъ-то непостижимымъ чувствомъ живучести, она, въ наши дни, словно трепещетъ подъ саваномъ умершей славы. Часто и обильно проливаемая на ея почвѣ кровь ея упрямыхъ сыновей - фанатиковъ, вѣроятно, оплодотворяетъ ее, а нѣжный мистицизмъ ея безсмертныхъ примитивныхъ худож-

никовъ согрѣваетъ се и внушаетъ до сихъ поръ, какъ и на протяженіи всѣхъ вѣковъ ея существованія, сильную и неподдѣльную любовь къ родинѣ ея жителямъ. Глубокое и широкое національное чувство, основанное на дорогихъ воспоминаніяхъ о великомъ прошломъ страны, на сильной любви къ своимъ предкамъ, боровшимся за свои права и независимость, трепещетъ и сейчасъ, можетъ быть даже сильнѣе, чѣмъ когда-либо, въ душахъ сыновъ Бельгіи, ея лучшихъ представителей, талантливыхъ романистовъ, поэтовъ и драматурговъ. Если разсматривать поближе современныхъ бельгійскихъ писателей совершенно противоположныхъ направленій изъ среды фламандцевъ и валлоновъ, то мы найдемъ въ нихъ одну общую точку соприкосновенія, одну общую черту — это любовь, глубокая и пламенная, къ прошлому родины, ея знаменитымъ художникамъ, прославившимъ за предѣлами страны родную Фландрію. Возможно, что это чувство, свойственное всѣмъ бельгійскимъ писателямъ, поддерживается самою обстановкой: вѣдь и сейчасъ въ большихъ городахъ Бельгіи связь съ исторіей ярко ощущается, такъ какъ во многихъ еще живы средніе вѣка.

Гентъ, древній, могучій городъ Фландріи, пользовавшійся нѣкогда огромною властью, способный выставить, если было необходимо, могущественную армію; Гентъ, жители котораго всегда были готовы проявить свою желѣзную волю, выхватить шпагу противъ гражданъ сосѣдняго города, Брюгге, но жителей котораго Карлъ V наказалъ жестоко тѣмъ, что заставилъ пройдти передъ нимъ съ веревкою на шеѣ, въ одной рубахѣ и босикомъ; Гентъ, въ стѣнахъ котораго былъ трибуномъ такой герой, какъ Артевельде, павшій отъ руки убійцы; Гентъ, сохранившій и сейчасъ отпечатокъ угнетенія и жестокой тоски, охваченный безмолвіемъ, отреченіемъ отъ жизни, за исключеніемъ рабочаго квартала на окраинахъ города, Гентъ оказалъ въ наши дни огромное вліяніе на современныхъ бельгійскихъ писателей. Онъ создалъ цѣлую плеяду совершенно непохожихъ между собою писателей. Въ его замкнутыхъ стѣнахъ, точно тюрьмахъ, оставшихся отъ испанской инквизиціи, выросла и развилась меланхолическая, какъ нѣжный цвѣтокъ, душа Жоржа Роденбаха, пѣвца мертвыхъ городовъ и безмолвія. Гентъ воспиталъ мистическую душу Мориса Метерлинка, проведшаго въ его стѣнахъ юные годы; мрачность Гента заставляла чистую душу поэта Ванъ-Лерберга тянуться къ свѣту или внушала состраданіе въ поэтическія переживанія поэта Грегуара Леруа; наконецъ, Гентъ вырвалъ изъ души юнаго романиста Ф. Гелленса чувство глухого возмущенія и острой тоски.

Жоржъ Роденбахъ, даже когда переселился въ Парижъ, не могъ избавиться отъ власти старинныхъ городовъ надъ своей душой [1]). Ж. Роденбахъ, столь чувствительный къ прошлому Фландріи, требовавшій всегда самаго бережнаго отношенія къ остаткамъ прошлаго въ городахъ, любившій все, что напоминало и говорило о прежнемъ могуществѣ страны, о прежней красотѣ города, отождествлялъ не разъ въ своихъ произведеніяхъ отдѣльные города съ живыми существами. Въ своихъ стихахъ, въ своихъ романахъ онъ рисуетъ Гентъ и Брюгге такими, какими они являются сейчасъ, часто вспоминаетъ о прошломъ, скорбитъ объ его упадкѣ. Брюгге, нѣкогда могущественный, теперь обѣднѣвшій, забытый, одинокій, превратившійся въ музей, вдохновлялъ Ж. Роденбаха въ такой красивой формѣ, что его романъ вызываетъ въ Брюгге и теперь усиленный пріѣздъ туристовъ и художниковъ. На Брюгге, какъ и на Гентъ, Ж. Роденбахъ смотрѣлъ какъ на живое существо, которое можетъ направлять человѣческія жизни, дѣлать указанія, давать совѣты, вліять на судьбу при помощи колокольнаго звона, готическихъ башенъ и домовъ, безчисленныхъ монастырей. Но кромѣ его романовъ, въ этомъ отношеніи, очень интересны его фельетоны, посвященные *«Агоніи городовъ»* [2]), тонко написанныя миніатюры, въ которыхъ авторъ скорбитъ объ упадкѣ исторіи въ любимыхъ городахъ. Въ главѣ о Гентѣ онъ вспоминаетъ его прежнее могущество, возстаетъ противъ жестокости современной жизни, дикаго утилитаризма въ душахъ гентскихъ жителей, которые стремятся къ новымъ завоеваніямъ, если не славы, то денегъ. «Они проложили прямыя улицы, сокращенные переходы, измѣняя и уничтожая старинный городъ, носившій еще въ моемъ дѣтствѣ средневѣковой характеръ. Теперь городъ прошлаго умираетъ; его стѣны падаютъ; его широкія набережныя тонутъ, и нельзя тамъ слушать, о чемъ говорятъ между собою старинныя жилища! Все это было въ городѣ, и я одинъ сохранилъ въ своей душѣ эти умершіе пейзажи; отъ старииннаго города здѣсь больше ничего не осталось, кромѣ меня!»

Въ главѣ, посвященной Брюгге, онъ въ поэтической формѣ говоритъ о драмѣ города, когда море, словно коварная возлюбленная, отвернулось отъ него и ушло навѣки. Прежній, огромный и глубокій каналъ Цвинъ обмелѣлъ, затянулся пескомъ, и новыя попытки въ наше время возобновить его потерпѣли неудачу. На первый взглядъ переживанія, связанныя съ упадкомъ прошлаго въ произведеніяхъ Франца Гелленса, близки къ чувствамъ Роден-

---

[1]) *G. Rodenbach* — «Paris et les petites patries»—«Revue Encyclopédique» — 15 avril 1895.

[2]) *G. Rodenbach* — «Agonies des villes» — «Figaro», 1888.

баха, но, въ дѣйствительности это не такъ. Мы находимъ у Гелленса часто описанія старины, желаніе передать эту жестокую красоту древнихъ камней, которая, въ противоположность Роденбаху, представляется автору тяготѣющей надъ жителями этихъ мрачныхъ уголковъ старинныхъ церквей, башенъ съ ихъ колоколами! [1]).

Не только Гентъ и Брюгге изъ фламандскихъ городовъ вдохновляли современныхъ писателей, но и другіе города. Куртрэ, со своимъ чудеснымъ Бегинажемъ и въ прошломъ котораго стоитъ незабвенная побѣда рабочаго класса надъ аристократіей, избіеніе французовъ въ 1302 г., къ которому часто, въ своихъ произведеніяхъ, возвращаются бельгійскіе романисты и поэты. Ипернъ, нѣкогда очень могущественный, теперь угасающій, несмотря на историческіе памятники, въ родѣ Halle и собора. Антверпенъ съ своимъ соборомъ, шедеврами Рубенса, имѣетъ своего пѣвца въ лицѣ крупнаго романиста Жоржа Экоута. Мехелинъ-Малинъ съ чудесною башнею собора, знаменитой игрой на колоколахъ, вдохновилъ не только одного Экоута съ его эпизодомъ изъ борьбы фламандцевъ съ якобинцами, но и другого виднаго бельгійскаго писателя Жоржа Вирреса. Наконецъ, Люттихъ-Льежъ, старинный городъ, съ его осадою, борьбою внушилъ одинъ изъ самыхъ интересныхъ историческихъ романовъ въ бельгійской литературѣ тоже одному изъ очень извѣстныхъ писателей, Картону де Віару [2]). Адвокатъ, депутатъ отъ Брюсселя, министръ юстиціи, Картонъ де Віаръ (род. въ 1869 г.) нашелъ въ родной исторіи интересный для себя матеріалъ, вдохновившій его для чисто-національнаго произведенія. Насколько позволяло автору его вдохновеніе, онъ придерживался исторіи, и на ряду съ кровавыми распрями, происходившими въ XV в. въ Люттихѣ и его окрестностяхъ, сильнымъ возбужденіемъ массы противъ бургундскаго герцога, Карла Безразсуднаго, героической борьбой жителей Динана и Люттиха за свою независимость, авторъ проводитъ захватывающую читателя любовную интригу, передаетъ вполнѣ правдиво мѣстную обстановку, нравы, обычаи той эпохи. Самъ Карлъ Безразсудный не показывается въ романѣ, но онъ живо чувствуется на страницахъ его, мы ощущаемъ его гнетъ, не можемъ сочувствовать его вторженію въ Люттихъ. Симпатія автора на сторонѣ всѣхъ тѣхъ, кто борется за свободу, всѣхъ обездоленныхъ, лишенныхъ крова и пищи, всѣхъ трепещущихъ за свою независимость и права, всѣхъ потерпѣвшихъ при взятіи Динана

[1]) *Fr. Hellens* «En ville morte», 1906; «Les Hors-le-Vent», 1909. Переводъ по русски 1914 г.

[2]) *H. Carton de Wiart* «La cité ardente» Paris, 1905—1911.

или ожидающихъ осады Люттиха. Мы застаемъ въ романѣ такъ называемую Verte Tente, таинственную ассоцiацiю защитниковъ слабыхъ и обездоленныхъ; эта партiя составилась изъ всѣхъ тѣхъ, кто избѣгъ смерти, вырвался изъ осажденныхъ городовъ или примкнулъ къ нимъ, исключительно, изъ любви къ правдѣ, изъ желанiя отстаивать свою независимость и права. Здѣсь есть и рыцари, и аристократы, и ремесленники и, просто, проходимцы; они скрываются въ лѣсахъ, питаются травами, рыбою, голодаютъ, многiе болѣютъ отъ полученныхъ ранъ, но все же готовы бороться. Ихъ начальникомъ, руководителемъ и вдохновителемъ является одинъ изъ представителей старинной аристократической семьи — герой романа, Жоссъ де Страйль, сражающiйся, какъ святой Георгiй, за правое дѣло. Вотъ какъ онъ самъ опредѣляетъ подчиненную ему добровольно армiю во время первой встрѣчи съ Iоганной, героиней романа. «Поймите, что многiе изъ нихъ имѣли семьи, что они должны были оставить женъ, дѣтей возлѣ ихъ угасшаго и разореннаго очага, въ то время какъ они сами были изгнаны, ихъ головы оцѣнены, — а они искалѣчены, преслѣдуемы точно дикiе звѣри за то, что требовали своихъ правъ и освобожденiя! Знаете-ли вы, что эти изгнанники лишены всѣхъ титуловъ, почета, что ихъ жены считаются вдовами, а ихъ дѣти сиротами, что они нигдѣ, кромѣ какъ среди насъ, не найдутъ ни свободы, ни убѣжища?.. Не будьте же слишкомъ жестоки къ нимъ, ни къ этимъ несчастнымъ крестьянамъ, которые принуждены были разстаться съ землей... Если бы вы видѣли, подобно мнѣ, столько сожженныхъ фермъ, кузницъ, мельницъ, деревень изъ-за прихоти какого-нибудь владѣльца, соперничавшаго съ своимъ сосѣдомъ, если бъ вы видѣли столько хорошихъ ремесленниковъ, ткачей, углекоповъ, дровосѣковъ, оружейныхъ мастеровъ, у которыхъ измѣнники или иностранные офицера вырывали изъ рукъ еще загрязненныя орудiя, если бы вы видѣли столько бѣдныхъ матерей, немогущихъ больше кормить грудью своихъ дѣтей, но, въ особенности, если бъ вы ощущали гордое чувство этой свободной родины, признающей только тотъ законъ, который она сама выработала и который теперь попирается всѣми... можетъ быть вы отнеслись бы болѣе справедливо къ членамъ нашей партiи... Что вы скажете о томъ, что до сихъ поръ пылаетъ соборъ въ Динанѣ? Что вы скажете о жителяхъ Динана, которые остались теперь безъ крова и очага, предоставленныхъ нищенству и позору?»...

На ряду съ этой партiей, жаждущей народной свободы, мы встрѣчаемъ въ романѣ прекрасныя картины Люттиха въ ту эпоху когда его жители были охвачены пылкими страстями и тяжелыми

испытаніями. Кругомъ Люттиха и въ немъ самомъ царила полная анархія, не было никакого авторитета. Заговоры смѣнялись насиліемъ, убійства вызывали безпощадную рѣзню. Иностранное вмѣшательство возбуждало междуусобную борьбу. Приказы, постановленія, собранія только усиливали общую ненависть, общее неудовольствіе. Аристократія лишалась своего престижа. Не было ни владѣтельныхъ рыцарей, ни вассаловъ; не было ни старшихъ, ни подвластныхъ, каждый дѣйствовалъ на свой страхъ. Появились народные трибуны, искренніе и фальшивые, то пользовавшіеся огромной властью, то погибавшіе, оклеветанные въ измѣнѣ. На протяженіи романа, на фонѣ этого красиваго, національнаго фреска, среди проливаемой за независимость крови и подъ гулъ восторженныхъ криковъ въ борьбѣ за свои права, авторъ рисуетъ намъ нѣсколько руководителей толпы, напримѣръ, демократическаго героя, Raes de Heers, съ его необыкновенною ловкостью и смѣлостью, честнаго рыцаря Жюля де Метца, отца героини, начавшаго движеніе противъ епископа и желавшаго спасти Люттихъ, но оклеветаннаго въ измѣнѣ и казненнаго за это, наконецъ, восьмидесятилѣтняго старца, Берло, доблестнаго героя, оказавшаго въ теченіе своей жизни большія услуги родному городу, много разъ принимавшаго участіе въ битвахъ, но послѣ казни Жюля де Метца, скрывавшагося въ своемъ замкѣ. Старикъ все еще надѣялся на то, что придетъ часъ расплаты, что явится возможность отомстить за вѣроломное убійство; онъ обращается съ призывомъ къ душѣ Іоганны, желая возбудить и въ ней чувство мести.

«Настанетъ день, и очень скоро, когда ты должна будешь возбудить месть въ какомъ-нибудь защитникѣ, выйдя замужъ за кого-либо изъ аристократовъ, достойнаго этой мести и тебя. У тебя слишкомъ гордое сердце, чтобы предположить, что ты его изберешь въ средѣ твоихъ враговъ. Это было бы высшимъ позоромъ для насъ! Но пусть тотъ, кто на тебѣ женится, обрѣтетъ и твою ненависть. Пусть твои дѣти впитаютъ эту ненависть вмѣстѣ съ молокомъ матери. Пусть передадутъ ее, въ свою очередь, тѣмъ, кто произойдетъ отъ нихъ.

«Придетъ часъ расплаты! Но пока этотъ часъ не наступилъ, пусть забота о справедливой мести течетъ вмѣстѣ съ кровью въ твоихъ жилахъ и въ жилахъ твоихъ потомковъ. Клянись мнѣ въ этомъ у этого алтаря!»

Когда Люттихъ переживаетъ снова тяжелые дни, старикъ Берло рѣшаетъ разстаться съ замкомъ, чтобы оказать помощь своимъ согражданамъ, ошибки которыхъ такъ сильно терзали его душу. Онъ удостаивается великой чести—нести знамя, от-

правляясь на сраженіе, онъ участвуетъ въ битвѣ, наконецъ, засѣдаетъ въ совѣтѣ, который является для него роковымъ. На этомъ совѣтѣ происходитъ борьба между опытнымъ воиномъ, которымъ является Берло, и смѣлымъ молодымъ рыцаремъ, начальникомъ Verte Tente, Жоссомъ де Страйль... Старикъ придерживается болѣе осторожнаго взгляда на положеніе вещей, и Жоссъ, не помня себя отъ бѣшенства, укоряетъ старика въ трусости. Внезапная перемѣна въ лицѣ старика показала всѣмъ присутствующимъ, какъ сильно возмущена его душа. Старикъ понимаетъ, что этотъ молодой воинъ, сынъ его прежняго друга, того Eustache de Straihe, который не заступился въ свое время за его оклеветаннаго зятя. Старикъ напоминаетъ всѣмъ, что онъ самъ сотни разъ одерживалъ побѣды, когда еще и на свѣтѣ не было этого рыцаря, укоряющаго его въ трусости. Онъ готовъ вызвать его на дуэль, тѣмъ болѣе, что самъ Жоссъ, одумавшись, сознаетъ опрометчивость своихъ словъ, но онъ вспоминаетъ, что съ такими стариками, какъ онъ, уже не дерутся... Онъ сознаетъ безграничную безпечность молодого поколѣнія, видитъ спокойный эгоизмъ возмутителей и зачинщиковъ всѣхъ смутъ. И онъ взываетъ къ городу Люттиху, проклинаетъ его губительныхъ представителей, безумныхъ рыцарей, священниковъ, погрязшихъ въ обманѣ, аристократовъ, забывшихъ свой долгъ...

«Этотъ громкій голосъ раздается подъ сводами, точно раскаты грома и какъ бы сверкаетъ молніей на эту онѣмѣвшую толпу. Угрожающія и точно пророческія руки показываются въ воздухѣ, глаза вращаются въ орбитахъ, затѣмъ останавливаются въ какомъ-то ужасномъ оцѣпенѣніи. Старикъ открываетъ ротъ, чтобы произнести еще одно проклятіе: но ротъ остается открытымъ, изъ него слышится только хрипъ. Потрясенный апоплексическимъ ударомъ, онъ опускается и, падая въ своей предсмертной мольбѣ, скрещиваетъ руки на своихъ свѣтлыхъ доспѣхахъ. Когда онъ лежитъ, онъ кажется еще больше,—охваченный смертельной блѣдностью, точно одна изъ тѣхъ мраморныхъ погребальныхъ статуй, которыя говорятъ въ тѣни соборовъ о подвигахъ рыцарей».

Внезапная смерть старика, невольнымъ виновникомъ которой сдѣлался Жоссъ, становится препятствіемъ для любви его къ внучкѣ старика. Іоганна, оставшись одинокою въ замкѣ, ведетъ замкнутый, простой образъ жизни истинной христіанки. Она даетъ пріютъ раненому Жоссу, сидитъ у его изголовья, когда онъ лежитъ больной, не зная, кто онъ; она начинаетъ питать къ нему сильную, глубокую любовь, но смертельная вражда ихъ рода, обѣтъ мести разлучаютъ ихъ навѣки. Ихъ любовь переходитъ въ неизлѣчимое страданіе, а страданіе въ жертву; онъ бро-

сается съ ожесточеніемъ въ борьбу, погибаетъ, какъ герой, во время осады города, она уходитъ въ монастырь...

То же знаніе исторіи, тѣ же достоинства мы находимъ и въ другомъ романѣ этого автора (Les vertus bourgeoises, 1910 г.), написанномъ изъ временъ соединенныхъ штатовъ въ Бельгіи, около 1790 г., и разсказывающемъ исторію одной брюссельской семьи. Мы видимъ судьбу молодого человѣка, воспитаннаго въ Парижѣ и вернувшагося на родину: наряду съ нимъ въ романѣ картины бельгійскихъ нравовъ конца XVIII вѣка, роскошныхъ празднествъ, собраній и сраженій. Мы снова встрѣчаемъ геройскіе подвиги почти импровизированныхъ солдатъ, охваченныхъ горячимъ патріотизмомъ, мы присутствуемъ при борьбѣ молодого человѣка между юнымъ увлеченіемъ и сознаніемъ долга между демократическими идеями и узами семьи, мы находимъ описаніе страны, въ которой вводятъ хорошія реформы, но дурно примѣняемыя...

«Чудесный, извращенный городъ, — характеризуетъ Ж. Экоутъ устами своего героя старинный Антверпенъ,—плодородный, но и смертоносный городъ! Твоя лицемѣрная извращенность, твоя распущенность, твое кричащее богатство, твои алчные инстинкты, твоя ненависть къ бѣднякамъ, твой страхъ передъ корыстолюбцами, все это напоминаетъ мнѣ Карѳагенъ!» [1]).

Ж. Экоутъ родился въ Антверпенѣ, и ни одинъ городъ въ Бельгіи онъ такъ сильно не любитъ, ни одинъ городъ онъ такъ хорошо не изучилъ. Ж. Экоутъ, принадлежащій теперь къ старшему поколѣнію бельгійскихъ писателей, выступившій еще въ знаменитую пору *Молодой Бельгіи*, составившій себѣ громкое имя и за предѣлами родины, благодаря особенному оттѣнку своихъ произведеній, чувствуетъ какое-то болѣзненное состраданіе къ «бывшимъ людямъ», идеализируетъ съ какимъ-то оттѣнкомъ намѣреннаго дерзанія всѣхъ оборванцевъ, бродягъ, бездѣльниковъ, паріевъ, надѣляя ихъ благородными чувствами. Ж. Экоутъ не разъ обращался къ исторіи для своихъ произведеній; если онъ задумываетъ написать что-нибудь изъ исторіи Бельгіи или, въ частности, своего дорогого Антверпена, онъ не щадитъ силъ. Онъ роется въ хроникахъ, разбираетъ старинныя рукописи, изучаетъ, сравниваетъ легенды, сливаетъ всѣ эти подлинныя данныя съ авторской фантазіей и личными переживаніями. Его историческія произведенія всегда говорятъ о большой эрудиціи автора, несмотря на нѣкоторый элементъ вымысла. Такова его послѣдняя книга, посвященная описанію жизни и приключеній всѣхъ тѣхъ, кого онъ называетъ пророками, проповѣдниками

[1]) *G. Eekhoud* «La Nouvelle Carthage».

необузданной страсти на фонѣ дорогого ему Антверпена, рисуя иногда документально вѣрно нравы, обычаи той эпохи, заговоры, празднества, пытки и убійства. «Антверпенъ во всѣ времена былъ языческимъ городомъ на бельгійской почвѣ, говоритъ онъ въ предисловіи. Его внѣшній католицизмъ столь же не глубокъ, какъ и католицизмъ его знаменитаго представителя, великаго Рубенса, который писалъ страданія на Голгоѳѣ, увлекаясь красотами Олимпа. Съ незапамятныхъ временъ Антверпенъ былъ очагомъ свободной страсти, скорѣе даже эротическаго анархизма. Въ то время какъ его фламандскіе братья, Гентъ и Брюгге, изнемогали отъ возмущеній и распрей чисто политическаго характера, Антверпенъ не переставалъ никогда возбуждать у своихъ жителей всевозможныя ереси. Исторія этого города показываетъ намъ почти непрекращающуюся цѣпь возбудителей, мятежниковъ, апостоловъ ереси, безправныхъ священнослужителей, которые проповѣдывали наряду съ свободой мысли и свободу чувства, свободу тѣла и страсти, создавали борьбу съ предразсудками и религіозными ужасами. Ни одинъ историкъ, насколько мнѣ извѣстно, не предпринималъ изученія послѣдовательнаго ряда пророковъ свободной любви; мнѣ хотѣлось бы, въ своей книгѣ, изобразить ихъ въ ихъ средѣ и обстановкѣ».

Чтобы добиться возстановленія атмосферы той эпохи, которая такъ заинтересовала автора, онъ на многихъ страницахъ говоритъ о всѣхъ особенностяхъ древняго Антверпена, начиная съ миѳологическихъ временъ, останавливаясь на его происхожденіи, вспоминая бога Пріапа, баснословную силу гиганта Антигона, переходя затѣмъ къ среднимъ вѣкамъ съ ихъ пророкомъ свободной любви и коммунизма Ташелиномъ и кончая эпохой возрожденія съ ея послѣднимъ апостоломъ страсти Eloi Pruystinck[1]).

Ж. Экоутъ довольно долго останавливается на жизни Ташелина и разсказываетъ ее со свойственной ему манерой, сжатымъ языкомъ и сочными красками. Ташелинъ проповѣдуетъ и поощряетъ самый открытый эротизмъ; его ученіе распространено по всей Фландріи, проникаетъ даже въ Голландію. Его жизнь передана, какъ самый интересный романъ съ приключеніями: его хватаютъ, сажаютъ въ тюрьму, ему удается бѣжать, онъ скрывается среди своихъ послѣдователей: мелкихъ торговцевъ, рыбаковъ, бездѣльниковъ, всюду проповѣдуя свободную любовь и подавая самъ примѣръ безумнаго наслажденія. Онъ пользуется огромнымъ престижемъ и вліяніемъ,—неизвѣстно, чѣмъ могло бы это кончиться, еслибъ одинъ изъ его враговъ не убилъ его.

[1]) *G. Eekhoud.* «Les Libertins d'Anvers — Légende et Histoire des Loïstes», 1912.

Но больше всего вниманія въ своей книгѣ Экоутъ удѣляетъ послѣднему пророку, по профессіи кровельщику, извѣстному Loïet, какъ его звали сокращенно. Авторъ подробно останавливается на его дѣтствѣ, намѣренно подчеркивая его шалости, его непослушаніе, склонность къ мечтаніямъ и доброе сердце. Оставаясь безграмотнымъ всю свою жизнь, Loïet занимается не только проповѣдью эротизма, онъ отличается необыкновеннымъ сочувствіемъ ко всѣмъ обездоленнымъ, несчастнымъ, онъ живо интересуется религіозными распрями, вызванными ученіемъ Лютера, онъ желаетъ непремѣнно видѣть его, посѣщаетъ Лютера въ Виттембергѣ, но накликаетъ на себя жестокое осужденіе реформатора. Онъ пользуется неменьшимъ престижемъ у своихъ согражданъ, чѣмъ Ташелинъ; его арестовываютъ, сажаютъ въ тюрьму, затѣмъ милуютъ, затѣмъ опять хватаютъ, пока онъ не погибаетъ на кострѣ...

Ж. Экоутъ не разъ возвращался къ исторіи родины въ своихъ произведеніяхъ. Еще въ 1891 году онъ написалъ захватывающую, вдохновенную книгу: «*Разстрѣлъ въ Мехельнѣ*». Городъ Мехельнъ съ своимъ чудеснымъ соборомъ и окружающій его нетронутый цивилизаціей непорочный уголокъ Фландріи, эта священная для фламандцевъ земля, по словамъ Экоута, гдѣ его предки такъ самоотверженно боролись за родину (Voor God en voor het Vaderland!) и гдѣ въ наши дни сосредоточена вся борьба бельгійской арміи, вдохновили его. Экоутъ, какъ и по отношенію къ Антверпену, изучаетъ много документовъ, прежде чѣмъ написать свою книгу, снабженную историческими справками и выписками на фламандскомъ и французскомъ языкахъ. На этотъ разъ мы имѣемъ дѣло съ крестьянскими возстаніями во Фландріи во время великой французской революціи. Экоутъ прекрасно рисуетъ положеніе жителей и состояніе страны въ эту пору. По всему округу Ваасъ и по всей Кампинѣ, значитъ, вблизи Антверпена и Мехельна, ощущалась сильная тревога. Глубокое предчувствіе чего-то рокового, что идетъ, надвигается и скоро раздавитъ всѣхъ, царитъ въ воздухѣ, заставляетъ трепетать бѣдныхъ крестьянъ. Они находятся въ ужасныхъ условіяхъ: имущество ихъ разграблено якобинцами, ихъ права, обычаи, національныя чувства, религіозный фанатизмъ, все, подъ видомъ свободы, уничтожено якобинцами, и попрано; всякое примѣненіе анархіи узаконено. Къ тому же, по новому закону якобинцевъ, каждый бельгіецъ двадцати лѣтъ обязанъ былъ записываться въ ихъ армію, дѣлаться защитникомъ войска притѣснителей.

Многіе, упрямые фламандцы убѣгали въ Англію или скрывались въ лѣсахъ и болотахъ, чтобы избѣгнуть арміи яко-

бинцевъ. По всей странѣ раздавался тревожный звонъ колоколовъ; возлѣ Антверпена происходили перестрѣлки; Мехельнъ находился въ рукахъ якобинцевъ, образовывались фламандскія милиціи, переходили рѣки, занимали на своемъ пути нѣкоторыя мѣстности, возбуждали населеніе, которое охотно примыкало къ нимъ. Милиціи фламандцевъ состояли изъ земледѣльцевъ, простыхъ рабочихъ, здоровыхъ, веселыхъ, загорѣлыхъ молодцовъ, вооруженныхъ скорѣе своими орудіями, чѣмъ ружьями, которые часто были заржавлены и плохо дѣйствовали. Изъ всѣхъ стычекъ, сраженій фламандскихъ крестьянъ съ якобинцами Экоутъ беретъ очень трагическій эпизодъ разстрѣла въ Мехельнѣ кучки бездомныхъ крестьянъ, сорока одного человѣкъ, которые явились первыми мучениками той эпохи за родную землю, и имена которыхъ сохранились въ искаженномъ видѣ въ архивахъ города; эти мученики не имѣютъ до сихъ поръ никакого монумента, никакой каменной плиты и не перешли въ память потомства, подобно знаменитымъ жертвамъ герцога Альбы. Изъ ихъ числа Экоутъ выдѣляетъ четыре человѣка, которые вызываютъ особенную симпатію читателя, всѣ они уроженцы одного и того же селенія, Bonheyden, лучшіе прихожане, вѣрные товарищи, честные рабочіе. Ихъ ближайшимъ товарищемъ является одинъ юный сирота, занимающійся ловлею птицъ и кротовъ, ведущій бродячую жизнь, по своимъ годамъ не попавшій въ армію, но принявшій на себя роль вѣстника. Эти пять человѣкъ являются дѣйствующими лицами во всей книгѣ Экоута. Они первые проникаютъ въ запертую якобинцами церковь своего селенія; шаловливый Рикъ изъ ихъ компаніи легко раскрываетъ дверь, такъ какъ служилъ въ кузницѣ, въ тотъ жуткій вечеръ, когда кругомъ раздавался тревожный звонъ, призывавшій къ борьбѣ. За ними въ церковь проникаютъ другіе жители Bonheyden'a, и скрывавшій ихъ старый священникъ, который совершаетъ тутъ же ночью службу, точно первыя службы христіанъ въ катакомбахъ, и призываетъ ихъ къ борьбѣ, разсказывая о томъ, что происходитъ вокругъ, и раздавая причастіе имъ, точно залогъ будущей побѣды надъ якобинцами.

Изъ числа этихъ четырехъ героевъ Шель, служившій на мельницѣ, первый срываетъ дерево свободы, посаженное передъ церковью, бросаетъ его далеко черезъ головы прихожанъ и этимъ онъ убѣждаетъ всѣхъ итти на враговъ, отбить у нихъ Мехельнъ, который они заняли и временно покинули, двигаясь на Брюссель. Когда они вступаютъ на зарѣ въ Мехельнъ, временно оставленный на нѣсколько жандармовъ и кавалеристовъ, которые позволили имъ себя обезоружить, даже связать среди полнаго равно-

душія городскихъ жителей, выказывавшихъ имъ недружелюбіе и отчасти любопытство, а не сочувствіе, этотъ самый Шель первый отыскиваетъ пороховые погреба, арсеналъ оружія, гдѣ они наполняютъ себѣ карманы, шапки пистонами, порохомъ. Въ это самое время Рикъ, рабочій изъ кузницы, выламывающій вездѣ, гдѣ надо, замки, вмѣстѣ съ лодочниками, носильщиками, рыбаками, присоединившимися къ нимъ, раскрываетъ тюрьму, освобождаетъ сидящихъ тамъ священниковъ и аристократовъ, которые даже не удостаиваютъ ихъ благодарности. Этотъ самый Рикъ еще до того, какъ тронуться въ путь, сочиняетъ прокламацію въ стихахъ, забавную пѣсню объ изгнаніи французовъ, которую всѣ начинаютъ повторять, переписывать и развѣшивать на церквахъ и главныхъ кабачкахъ...

Въ то же время третій ихъ товарищъ, по прозванію Бѣлый, бывшій земледѣлецъ, стоявшій сначала за оборонительную систему, предлагавшій изъ большихъ, срубленныхъ на дорогахъ деревьевъ сооружать барикады, чтобы мѣшать двигаться французской кавалеріи, вмѣстѣ съ своимъ отрядомъ проникаетъ въ городскую думу, уничтожаетъ бумаги, гдѣ находились списки тѣхъ, кто долженъ вступить въ армію якобинцевъ, затѣмъ проникаетъ туда, гдѣ хранились деньги...

Но такой разгромъ и такой захватъ безъ труда Мехельна небольшимъ отрядомъ длится недолго, неожиданно показывается французскій вѣстовой, которому удается спастись отъ нихъ бѣгствомъ, а за нимъ вскорѣ и французскіе всадники, происходитъ отчаянная стычка среди узкихъ улицъ, безъ стройнаго сопротивленія. Хотя Шель и старается командовать, но ничего не выходитъ: примкнувшіе къ нимъ жители города разбѣгаются, а главные зачинщики, числомъ 41, пойманы, схвачены и брошены въ тюрьму.

Описаніе ихъ борьбы, сопротивленія, ловли превосходно.

На другой день ихъ ведутъ въ городскую думу, гдѣ засѣдаетъ военный судъ. Ихъ обвиняютъ, что они сорвали и уничтожили на площади дерево свободы, что они сорвали трехцвѣтный флагъ, открыли тюрьмы и выпустили заключенныхъ, архивы и законы были ими раскрадены и сожжены, а многіе республиканцы убиты. Все это было прочтено имъ, въ торжественной обстановкѣ, при суровомъ обращеніи съ ними ихъ судей. Предсѣдатель ставилъ каждому одни и тѣ же вопросы. Какой-то городской служащій неохотно и нѣсколько вольно переводилъ французскіе вопросы и фламандскіе отвѣты. Были спрошены ихъ имена, ихъ происхожденіе, профессія. Не стѣсняясь съ ними, судьи кое-какъ заносили на бумагу ихъ трудныя, фламандскія имена.

Они сознались въ томъ, въ чемъ ихъ обвиняли, прославляя въ душѣ то, что имъ ставилось въ преступленіе, но никто изъ нихъ не назвалъ ни своихъ начальниковъ, ни подстрекателей, не разсказалъ ни своихъ плановъ, ни организацій. Они приговорены были къ разстрѣлу, хотя имъ предлагали свободу и жизнь, если бы они перешли на сторону республиканцевъ; но фламандцы отказались и вмѣсто клятвы республикѣ закричали: «Да здравствуютъ патріоты!»

Они были уведены снова въ тюрьму, но питали надежду, что товарищи ночью отобьютъ ихъ. Снаружи шли, однако, приготовленія къ разстрѣлу, при свѣтѣ факеловъ. Послѣ десяти часовъ вечера, солдаты показались въ тюрьмѣ и вывели за собою первую группу приговоренныхъ—пятнадцать человѣкъ. Они будили тѣхъ, кто спалъ, заставляли итти, двигаться молча. Приговоренные думали, что ихъ отправляютъ въ Антверпенъ, они захватили съ собою даже кое-какія вещи. Вскорѣ они достигли кладбища св. Ромбо. Тамъ ихъ разставили у стѣны, на разстояніи одного метра другъ отъ друга, а по шести солдатъ выстроились противъ каждаго изъ нихъ. Тогда только бѣдняги поняли, въ чемъ дѣло. Начались ужасныя сцены. Многіе падали на колѣни, призывали на помощь небо, умоляли мучителей, пытались цѣловать имъ руки. Они прибѣгали къ состраданію жителей Мехельна, которые явились сюда въ роли зрителей. Но все было напрасно: офицеръ, на обязанности котораго лежало это тяжелое дѣло, торопился скомандовать стрѣлять...

Солдаты были неопытны, къ тому же стоялъ сильный туманъ, вѣтеръ гасилъ факелы, и когда раздались ружейные выстрѣлы, то многіе крестьяне были только ранены или просто оцарапаны. Они упали на землю и еще боролись... Второй залпъ не положилъ конца этому дѣлу. Раздавались еще стоны. Тѣла двигались. Солдаты подходили къ умирающимъ и ударами шашекъ добивали ихъ. Толпа любопытныхъ не двигалась и молчала.

Затѣмъ была очередь слѣдующихъ пятнадцати. Они тоже сначала не подозрѣвали, что ихъ ждетъ разстрѣлъ, но тѣла лежавшихъ товарищей разъяснили имъ все. Повторилась та же исторія: солдаты оказались еще болѣе неловкими, чѣмъ въ первый разъ, принимались стрѣлять три раза, пока не должны были выхватить пистолетовъ и шашекъ.

Наконецъ, привели остальныхъ, самыхъ вѣрныхъ, самыхъ храбрыхъ. Здѣсь были и четверо героевъ изъ Bonheyden'а. Больше другихъ страдалъ Шель, заявившій о своихъ правахъ на жизнь, столь здоровый, крѣпкій, что мысль о смерти не укладывалась у него въ головѣ. Шель, еще наканунѣ, во время стычки, много

разъ подвергавшійся смертельной опасности, теперь не могъ смириться. Онъ вырывался, бросался на солдатъ, отбивался, кусался, пока они его не оглушили ударомъ по головѣ и не связали. Онъ начиналъ проклинать Бога, затѣмъ зарыдалъ, вспоминая родную мельницу. Многіе изъ нихъ кричали о своей любви къ родинѣ, когда первый же залпъ уложилъ ихъ всѣхъ; только одинъ изъ нихъ остался въ живыхъ и, незамѣченный солдатами, поползъ до толпы зрителей, которая готова была его спрятать, но какая-то женщина выдала его солдатамъ. Глухое ворчаніе толпы осудило ея поступокъ... Всѣ расходились молча, точно ощущая угрызеніе совѣсти. Сорокъ одинъ трупъ лежалъ, въ освѣщеніи луны, показавшейся среди облаковъ. Солдаты передъ тѣмъ, какъ похоронить ихъ, обыскивали ихъ, срывали убогія драгоцѣнности, раздѣвали ихъ и, взявъ за ноги, тащили до траншеи, бросали ихъ туда въ безпорядкѣ и прыгали сами на ихъ тѣла, чтобы лучше уложить ихъ, затѣмъ слегка засыпавъ землею, они, въ концѣ-концовъ, принялись на этомъ же мѣстѣ плясать и пѣть какую-то революціонную пѣсню. Издалека можно было видѣть, какъ вертѣлись и мерцали факелы въ ихъ рукахъ, точно это былъ какой-то шабашъ.

Книга Экоута о разстрѣлянныхъ въ Мехельнѣ производитъ очень сильное впечатлѣніе; примитивныя души фламандцевъ, ихъ глубокая вѣра, что они борятся за Бога и отечество, ихъ покорность судьбѣ переданы авторомъ съ большимъ мастерствомъ. Возможно, что, именно, эта книга Экоута внушила другому бельгійскому писателю, Ж. Вирресу, желаніе напечатать свой первый опытъ изъ той же эпохи, изъ той же борьбы фламандцевъ съ якобинцами. Жоржъ Вирресъ (настоящее его имя — H. Briers, род. въ 1869 г.) самъ говоритъ въ предисловіи, что его первое произведеніе (L a g l è b e h e r o i q u e 1898 г.) только «жалкій вѣнокъ воспоминаній, сплетенный неопытными руками, по сравненію съ книгою Экоута, вдохновеннаго пѣвца Мехельна». Затѣмъ Вирресъ никогда не задавался мыслью, какъ вѣроятно не задавался и Экоутъ, хотя критики и упрекали ихъ въ этомъ, —написать книгу противъ Франціи: онъ возстаетъ не противъ французовъ, а противъ той тираніи, которая, подъ маскою свободы, заставляла страдать и гибнуть родныя провинціи. Книга Вирреса, посвященная тѣмъ же крестьянскимъ возстаніямъ, о которыхъ писалъ Экоутъ, состоитъ изъ восьми отдѣльныхъ эпизодовъ; мы встрѣчаемъ тѣхъ же крестьянъ съ примитивною душой, нетронутой еще цивилизаціею, но, въ отличіе отъ Экоута, надѣленныхъ мистическимъ оттѣнкомъ, такъ какъ самъ авторъ принадлежитъ къ группѣ католическихъ писателей Бельгіи. Мѣстность, которую

избралъ Вирресъ для своихъ разсказовъ, тоже иная, чѣмъ у Экоута: это Лимбургская Кампина, лѣсная, дикая и суровая страна, возлѣ рѣки Маасъ. Затѣмъ самые эпизоды переданы авторомъ нѣсколько иначе; въ нихъ много діалога, оживленія, больше захватывающаго драматизма, чѣмъ у Экоута. Иногда мы встрѣчаемъ словно знакомыхъ лицъ, борящихся за Бога и отчизну, какъ бы уже извѣстныхъ намъ по роману Экоута. Бѣглый священникъ, которому удается въ одеждѣ рабочаго спастись отъ республиканцевъ и вернуться домой послѣ трехнедѣльнаго отсутствія, уже былъ и у Экоута. Онъ возбуждаетъ своихъ односельчанъ, разсказывая о побѣдахъ фламандцевъ въ сосѣднихъ городахъ, онъ присутствуетъ самъ во время стычки крестьянъ съ республиканскими солдатами, среди ужаса, охватившаго души всѣхъ, онъ отпускаетъ грѣхи тѣмъ, кто, умирая, ждетъ его помощи, какъ священника. Кругомъ него падаютъ, падаютъ крестьяне; онъ наклоняется къ каждому, осѣняя чело каждаго крестнымъ знаменіемъ, но вдругъ его уста сжимаются, слезы брызжутъ изъ глазъ: передъ нимъ лежитъ безъ дыханія его родной отецъ; еще дальше въ лицѣ раненаго юноши онъ узнаетъ жениха сестры, которыхъ онъ собирался обручить въ тотъ же день... Эпизодъ, подробно передающій картину разстрѣла у воротъ Лувена, подъ высокими буками, тоже знакомъ намъ по Экоуту. Тѣсно привязанные одинъ къ другому, эти герои и мученики за родину, уже словно не принадлежавшіе міру, съ презрѣніемъ и гордостью смотрять на пьяныхъ, республиканскихъ солдатъ, которые должны сейчасъ разстрѣлять ихъ. Имъ представляется картина страданій Христа на Голгоѳѣ, ихъ уста шепчутъ послѣднюю молитву, они уже словно очарованы небесными видѣніями, когда раздается команда офицера: стрѣлять!

Тотъ же потусторонній оттѣнокъ на лицахъ героевъ можно найти и въ отрывкахъ La Journée de Gheel, при описаніи *отряда безумцевъ*, потерявшихъ разсудокъ отъ потрясеній и желавшихъ оказать помощь настоящимъ солдатамъ. Среди свиста пуль лица, охваченныя конвульсіями, лихорадочно сжатыя руки вопіяли о смерти, боролись на смерть, и якобинцы не выдержали столь безумныхъ враговъ и бѣжали...

Но лучше всѣхъ эпизодовъ въ книгѣ Вирреса — разсказъ о маленькомъ мальчикѣ и его матери. Республиканская армія поймала ребенка, его толкали, тянули. Онъ былъ весь въ лохмотьяхъ, ноги въ крови, руки въ синякахъ. По приказу начальника, его развязали. Мальчикъ молчалъ и смотрѣлъ вдаль. Онъ долженъ былъ отнести письмо, предназначенное для отряда, который собирался оказать помощь фламандской арміи. Теперь

его поймали, и ему грозитъ смерть, если онъ не разскажетъ того, что ему извѣстно. Ребенокъ продолжалъ упорно молчать и смотрѣть вдаль, какъ вдругъ изъ сосѣдняго лѣса раздался крикъ и какая-то женщина, протягивая руки, бросилась къ ребенку. Она прижимала его къ груди, съ нѣжными словами.

— Я его мать! Я его мать, кричала она. Онъ скажетъ вамъ все, что знаетъ и чего я не знаю; или же убейте лучше меня, но отпустите его. Дайте ему жить.

Но солдаты схватили уже ребенка, навели курокъ. Ужасъ охватываетъ душу матери, она больше не владѣетъ собой, она ползаетъ, молитъ, угрожаетъ, наконецъ говоритъ офицеру:

— Слушайте, я знаю здѣсь по близости мѣсто, гдѣ прячется человѣкъ, который приготовляетъ вамъ западню. У него вы найдете планъ аттаки, вы его убьете, это вашъ страшный врагъ. Я обману его, я приведу его къ вамъ...

Ребенокъ вскрикиваетъ, вырывается, подбѣгаетъ къ матери, прикладываетъ къ устамъ свои дрожащія руки.

— Она лжетъ!

Но мать отталкиваетъ его.

— Онъ придетъ, придетъ! кричитъ она, подпрыгивая, махая руками и убѣгаетъ въ лѣсъ.

Солдаты готовятся къ засадѣ.

Затѣмъ наступаетъ тишина, охватывающая полкъ какимъ-то ожиданіемъ. Царитъ ночь. Ребенокъ плачетъ. Прилетаютъ ночныя птицы; трещатъ насѣкомыя, какой-то шумъ раздается въ лѣсу. Проходитъ цѣлый часъ. Ребенокъ держится за сердце, которое стучитъ, какъ молотокъ.

Офицеръ поднимается на минуту, указывая рукою на лѣсъ. Головы солдатъ вытягиваются, прижавъ затылокъ къ воротнику.

Какой-то ропотъ слышится. Тяжелые шаги нарушаютъ общую тишину. Среди ужасной ночи шаги спѣшатъ почти весело. Какой-то человѣкъ выходитъ изъ лѣса.

— Скорѣй! кричитъ офицеръ.

Солдаты окружаютъ крестьянина. Онъ борется изъ всѣхъ силъ.

— Ко мнѣ, товарищи!

По равнинѣ раздается выстрѣлъ.

Солдатъ, который выстрѣлилъ, подходитъ къ крестьянину. Онъ упалъ на колѣни, согнулся, опустилъ руки на землю.

Солдатъ, подходя въ упоръ, наноситъ ему ударъ по головѣ. Другой солдатъ высѣкаетъ огонь, зажигаетъ солому, и они всѣ съ любопытствомъ окружаютъ убитаго.

— О! О!—Восклицанія какъ-то глухи, и солдаты отстраня-

ются. Какой-то нервный трепетъ пробѣгаетъ по ихъ тѣламъ, и они отходятъ подальше отъ трупа.

Офицеръ, точно во власти дурного сна, проходитъ по группамъ солдатъ, освѣдомляется тревожнымъ голосомъ:

— Гдѣ мальчикъ?

Ребенокъ, желавшій приблизиться къ мученическому тѣлу, крикнулъ такъ, что всѣ сердца замерли, и упалъ къ *убитой*.

— Мама!

Виррееъ въ первомъ же своемъ произведеніи выказалъ себя настоящимъ художникомъ, одареннымъ непосредственнымъ чувствомъ состраданія и глубокою вѣрою. Въ послѣдующихъ сочиненіяхъ Вирресъ проявлялъ ту же любовь къ своей родинѣ и ту же преданность къ своимъ дорогимъ фламандцамъ.

Какъ бы драматичны, кровавы ни были картины сраженій у Экоута и Вирреса, все это ничто по сравненію съ книгою Камилла Лемонье «Sedan» или впослѣдствіи «Les charniers» въ новомъ изданіи. Лемонье—ветеранъ бельгійскихъ писателей, одинъ изъ тѣхъ первыхъ романистовъ, которые создали современную бельгійскую литературу. Онъ всегда былъ словно отцомъ роднымъ для бельгійскихъ писателей, почему его смерть, въ 1913 г., потрясла глубоко ихъ всѣхъ и облекла ихъ души въ трауръ. За свою жизнь К. Лемонье написалъ огромную массу романовъ, повѣстей, не разъ касался исторіи Фландріи въ своихъ работахъ и статьяхъ, посвященныхъ родинѣ. На протяженіи всѣхъ его романовъ, очень разнообразныхъ по обстановкѣ, по характеру изложенія, по руководящимъ идеямъ, Лемонье выказывалъ свою любовь къ природѣ, морю, широкимъ равнинамъ, лѣсу и свою глубокую преданность народу. Всю свою жизнь человѣческія страданія, борьба съ природой увлекали и захватывали его; онъ вѣрилъ въ силу здоровыхъ людей, ихъ моральное усовершенствованіе при помощи братской любви. Въ своей молодости онъ долгіе годы жилъ въ очень красивомъ уголкѣ Валлоніи, на берегу рѣки Маасъ, недалеко отъ Намюра, гдѣ онъ впервые заносилъ на бумагу свои переживанія, связанныя съ картинами природы. Оттуда въ 1870 году, послѣ взятія Седана, онъ выѣхалъ съ своимъ другомъ и художникомъ Verdyen на поле битвы посмотрѣть, что такое сдѣлалось съ городомъ послѣ капитуляціи. Впечатлѣнія, которыя онъ получилъ во время ихъ путешествія, остались живыми и яркими на всю его жизнь, внушая ему сочувствіе ко всякому человѣческому страданію, какой-то культъ человѣческаго братства, и послужили основаніемъ для его небольшой книги, посвященной франко-прусской войнѣ. Лемонье, занося на бумагу свои впечатлѣнія, не хотѣлъ ни осуждать, ни

порицать, ничего не преувеличивать, никого не прославлять; онъ рѣшилъ быть правдивымъ до ужасной остроты, правдивымъ, несмотря на муки и отвращеніе. Онъ просто хотѣлъ нарисовать, какой видъ имѣлъ Седанъ послѣ осады, и все то, что дѣлали и говорили оставшіеся въ живыхъ... Онъ встрѣтился тамъ съ извѣстнымъ художникомъ Ропсомъ, дѣлавшимъ въ свою очередь наброски карандашемъ, и вывезъ оттуда нѣчто въ родѣ литературнаго фреска, о которомъ съ такой похвалой отзывался Э. Золя[1]).

Les charniers состоитъ изъ ряда картинъ, иногда столъ тяжелыхъ, что онѣ остаются надолго въ памяти читателя. Сначала мы читаемъ о разоренныхъ селахъ, городахъ, о покинутыхъ семьяхъ безъ жилья и пищи, о какой-то жуткой тревогѣ и неизвѣстности, которая охватывала всѣхъ жителей деревень, вблизи Седана. Затѣмъ авторъ встрѣчаетъ первыхъ раненыхъ, которыхъ везутъ при ужасной обстановкѣ и при необыкновенно мучительныхъ условіяхъ. Картины эти тѣмъ болѣе дѣйствуютъ на читателя, что онѣ намѣренно скомканы авторомъ, носятъ иногда простой и суровый характеръ. Авторъ словно неожиданно для себя ощутилъ чувство долга занести все это на бумагу и написалъ свой *Седанъ*. Но иногда Лемонье останавливается подольше на иныхъ картинахъ, напримѣръ, онъ детально воспроизводитъ церковь въ Givonne, обращенную въ лазаретъ, переполненную несчастными ранеными, лежавшими на соломѣ среди крови и испражненій, закрытыми только своими плащами. Весь лазаретъ издавалъ какой-то общій хрипъ. Священники, доктора, хирурги, ихъ помощники, всѣ были завалены непосильной работой. Корпіи, хлороформа уже не хватало. Хирурги все время нагибались надъ больными, производили одну операцію за другой. Жены, сестры, невѣсты раненыхъ, въ должности сестеръ, бѣгали съ компрессами, кувшинами воды, флаконами. Все дѣлалось молча. Многіе раненые кричали отъ боли или были привязаны къ своему одру, такъ какъ многіе, при приближеніи хирурга, стремились бѣжать. Многихъ приходилось держать, чтобы они не двигались; часто чья-нибудь блѣдная голова наполовину подымалась, чтобы посмотрѣть съ состраданіемъ на оперируемаго сосѣда. Они лежали такъ близко другъ къ другу, что съ трудомъ можно было двигаться между ними. Почти всѣ молили о концѣ своихъ мукъ, жаждали смерти. Одни въ бреду или отъ боли срывали свои окровавленныя повязки, другіе безсознательно

---

[1]) Золя говорилъ Лемонье по поводу его книги: «Я прочелъ все, что было написано объ этой войнѣ. Только вашу книгу я не хочу перечитывать. Напротивъ я хочу даже забыть о ней, настолько она живо написана»

ползли по грязному, въ кровавыхъ пятнахъ, полу. Третьи приходили въ бѣшенство отъ боли, наносили удары своимъ больнымъ членамъ или, удерживая крики, кусали солому, соскакивали и снова падали. Въ лазаретѣ стоялъ гулъ и стонъ. То раздавались въ бреду названія родныхъ селъ, произносились дорогія имена матерей, невѣстъ, то лихорадка заставляла многихъ стучать зубами. Многіе умирали, не приходя въ сознаніе.

Раненые, которыхъ перевозили на телѣгахъ, какъ на какую-то бойню, находились еще въ худшихъ условіяхъ. Пруссаки и французы лежали рядомъ на окровавленной соломѣ; надъ ними развѣвался загрязненный флагъ краснаго креста. Авторъ не забылъ описать и несчастныхъ лошадей, то раненыхъ, которыхъ отправляли на бойню, то убитыхъ и разлагающихся въ полѣ.

Описаніе Седана послѣ его взятія, занятаго пруссаками, очень характерно для манеры Лемонье. Очевидцы разсказывали ему, какъ держалъ себя Наполеонъ III во время канонады; но тогда подойти близко къ нему не было возможности, такъ какъ его окружали генералы, стража. По всему Седану были расположены прусскія войска, играла военная музыка, а вечерами всѣ должны были быть дома, все запиралось. Авторъ посѣщаетъ затѣмъ плѣнныхъ; эти картины тожественны съ картинами лазарета. Плѣнные подвергались дождю, который не переставалъ лить цѣлыхъ три дня, мокли среди какого-то болота безъ всякихъ палатокъ, убѣжища, какъ животныя, многіе, проведя такъ ночь, уже не могли подняться на утро, и ихъ пересылали въ лазаретъ, многихъ находили уже остывшими и безъ движенія. Старые французскіе солдаты предпочитали скорѣе все терпѣть, чѣмъ попросить чего-нибудь у пруссаковъ. Они были голодны, но скорѣе жевали свой кожаный поясъ, чѣмъ рѣшались обратиться за хлѣбомъ. Молодые жаловались, вспоминали свои семьи, протягивали руку съ просьбой о хлѣбѣ.

Въ концѣ книги Лемонье приводитъ цѣлый рядъ писемъ, поднятыхъ имъ по пути среди грязи и крови. Это маленькіе лоскутки, письма матерей, друзей, женъ еще со слѣдами слезъ или подчеркиванія пальцемъ, пережили всѣхъ несчастныхъ французскихъ и нѣмецкихъ солдатъ, которымъ они предназначились. Авторъ сохранилъ только тѣ, на которыхъ не было указаній, столь печальныя, точно говорившія ему: «ты, который живешь, скажи нашимъ матерямъ и женамъ, нашимъ братьямъ и друзьямъ, чтобы они помнили о насъ въ этомъ и томъ мірѣ».

Книга Лемонье, которую Гюисмансъ находилъ лучшимъ памфлетомъ противъ войны, а видный бельгійскій критикъ Ранси считалъ не столько великимъ произведеніемъ, сколько великимъ

дѣломъ, цѣнится сторонниками мира, переиздается постоянно, переводится на другіе языки: такимъ образомъ былъ изданъ нѣмецкій переводъ съ предисловіемъ Берты фонъ Суттнеръ.

Эженъ Демольдеръ (род. въ 1862 г.) по своей манерѣ писать очень близокъ къ Лемоннье. И тотъ и другой шли отъ фламандскихъ художниковъ, и у того, и у другого портреты лицъ, выведенныхъ въ романахъ, не только красочны, но и жизненны; они оба не только колористы, но и психологи. Та же самая природа, силы которой такъ властны надъ душой Лемоннье, руководитъ и Демольдеромъ: у природы онъ беретъ рисунокъ и краски, пользуясь своимъ перомъ, какъ палитрою. Демольдеръ передъ тѣмъ, какъ начать писать, несмотря на свою юридическую карьеру, много потратилъ времени на изученіе старинныхъ фламандскихъ и голландскихъ художниковъ въ музеяхъ. Его литературныя произведенія словно комментаріи, послѣсловія къ картинамъ П. Брейгеля, Яна Стика, иногда Мемлинга и Ванъ-Эйка, позднѣе, Ванъ-Дейка. Когда Демольдеръ въ своихъ произведеніяхъ близокъ къ Мемлингу, онъ беретъ мистическія грезы, свойственныя фламандской душѣ, нѣжную, небесную атмосферу, мистическіе пейзажи и помѣщаетъ на этомъ фонѣ эпизоды и притчи изъ Евангелія. Не чуждыя архаизма, его повѣсти изъ сборника La Lègende d'Iperdamme (1896) передаютъ среди живописной, готической обстановки фламандскихъ равнинъ стариннаго вымышленнаго города *Избіеніе младенцевъ, Бѣгство въ Египетъ, Отреченіе Петра, Блудный сынъ* и пр.

Съ другой стороны Демольдеръ не чуждъ въ своихъ произведеніяхъ изображенія веселыхъ оргій, кермессъ, всякихъ излишествъ въ духѣ Раблэ, и часто, покидая мессы и процессіи, авторъ обращается въ сторону безумныхъ оргій. Легенды, въ частности средневѣковыя, увлекали всегда Демольдера. Его книга «Les patins de la Reine de Hollande» (1901 г.) очень напоминаетъ мрачный, полный тайнъ средневѣковый романъ; здѣсь много чувствительной любви и грусти, и наряду съ этимъ много живописныхъ, веселыхъ, часто скабрезныхъ подробностей. Авторъ рисуетъ одновременно пламенный характеръ молодой дѣвушки, жаждущей любви, смѣло рвущейся на встрѣчу судьбѣ, и образъ, простой и печальный, разсудительной женщины съ преданной, любящей душой, неспособной разбить видимые путы, связывающіе ее съ судьбой.

Въ романѣ Демольдера «La Route d'Emeraude» Изумрудный путь (1899г.), принесшемъ ему сразу громкую извѣстность, мы находимъ Голландію XVII-го вѣка, бытъ и нравы голландскихъ художниковъ, во главѣ съ самимъ Рембрандтомъ. Какъ всегда у

Демольдера находимъ смѣлыя, реалистическiя картины въ духѣ Тенирса и Iорданса, точно Демольдеръ оживилъ и заставилъ двигаться всѣхъ лицъ, изображенныхъ ими на картинахъ. Молодой художникъ Кобюсъ, главное лицо въ романѣ, очень живой типъ; сынъ мельника, проживавшаго въ Зеландiи, на берегу рѣки Маасъ, чувствуетъ свое призванiе еще въ раннемъ возрастѣ. Онъ чрезмѣрно наблюдателенъ, необыкновенно мечтателенъ. И когда неожиданно лучъ солнца падаетъ черезъ окно его скромнаго домика на служанку Лизбету, озаряетъ ее всю, и ея обнаженныя плечи сверкаютъ ярче, чѣмъ ея бѣлая одежда, онъ разстраивается до слезъ. «Онъ забываетъ о своей возлюбленной, чтобы созерцать только краски, видѣть ихъ, слышать ихъ, такъ какъ ему слышатся чудесные звуки десяти вiоль, раздающiеся въ комнатѣ. Всѣ его чувства сразу охватили феерiи этихъ очаровательныхъ тоновъ, его душа постигла ихъ. Какое-то опьяненiе наполняло его голову, и мысли кружились у него въ головѣ. Лизбета больше не существовала для него; онъ самъ пересталъ существовать, что-то большое поселилось въ немъ. Какая-то неизвѣстная жизнь трепетала въ его сердцѣ, сжигала его вены, наполненныя совсѣмъ новой кровью. Какое-то волненiе заставляло сверкать его глаза, щекотать его руки, а его обезумѣвшiе пальцы тихо двигались, точно желая ласкать струны невидимой арфы. Онъ шепталъ: «Какъ красиво... какъ красиво!», но такъ тихо, что Лизбета не слыхала этихъ словъ.

Послѣ того, какъ онъ ощутилъ свое призванiе, онъ уѣзжаетъ учиться въ Гарлемъ, гдѣ поступаетъ въ мастерскую одного извѣстнаго художника, Круаля. Тамъ онъ знакомится съ богемою Голландiи, съ нравами художниковъ, натурщицъ, встрѣчаетъ Рембрандта. Великiй художникъ высказываетъ при немъ свои взгляды на искусство, разсказываетъ, почему и какъ онъ написалъ свою картину: «Путешествiе въ Эммаусъ».

«Я мечталъ, говоритъ Рембрандтъ, о картинѣ, изображающей учениковъ въ Эммаусѣ. Уже давно этотъ разсказъ въ Евангелiи захватилъ меня. Я пытался его нарисовать, но всѣ попытки меня не удовлетворяли. Пять лѣтъ тому назадъ, въ одинъ осеннiй день, я находился въ одномъ старомъ кабачкѣ, въ окрестностяхъ Амстердама. Наступалъ вечеръ, и черезъ высокое окно какой-то желтоватый свѣтъ, въ которомъ чувствовалась приближающаяся ночь, падалъ на стѣны залы и скользилъ по маленькому столу, окруженному тремя стульями и накрытому очень короткою скатертью, на которой стояли оловянныя тарелки. Я вышелъ изъ дома послѣ долгой работы, и мой пылающiй мозгъ былъ охваченъ какимъ-то поэтическимъ чувствомъ. Я отдыхалъ въ этомъ старин-

номъ кабачкѣ, когда вошли трое лицъ и молча сѣли за маленькій столъ. Я никогда не узналъ, кто такіе были они; ихъ манера говорить выдавала въ нихъ жителей Брюгге. Одинъ изъ нихъ, блѣдный и худой, съ рыжеватой бородой — точно потемнѣвшее золото — съ большими глазами бѣдняка, сѣлъ спиной къ стѣнѣ и лицомъ ко мнѣ. Двое его товарищей, одинъ старикъ, загорѣлый рыбакъ, и еще другой коренастый, съ широкими плечами и черной головой, казавшійся земледѣльцемъ,— сѣли по бокамъ. Молча они перекрестились. Затѣмъ тотъ, который сидѣлъ по серединѣ, прошепталъ «Отче нашъ», смотря въ потолокъ, и другіе, сложивъ руки и нагнувъ голову, взглядывали на него. Что-то таинственное царило кругомъ. Слезы показались у меня на глазахъ. Я видѣлъ во очію эту вечернюю сцену: передъ столомъ Христа и учениковъ, шедшихъ въ Эммаусъ. Тотъ, который читалъ молитву, взялъ кусокъ хлѣба и разломилъ... Я готовъ былъ броситься къ его ногамъ, но его взглядъ остановилъ меня»...

Рембрандтъ становится для молодого художника какимъ-то божествомъ, Аполлономъ, спустившимся на землю среди лучезарнаго свѣта. Онъ изучалъ его формы, онъ помнитъ его рѣчи, что въ своемъ отечествѣ всегда можно найти столько красоты, что не хватитъ цѣлой жизни, чтобы понять и передать ее... Но бѣдный Кобюсъ еще не закаленъ; разгульная жизнь Амстердама затягиваетъ его, онъ вступаетъ въ позорную связь съ одной натурщицей и извѣстной куртизанкой, которая обманываетъ его вѣчно, увлекаетъ на дно Амстердама, заставляетъ забыть о настоящемъ искусствѣ и проводить всѣ дни въ попойкахъ, маскарадахъ, всякихъ празднествахъ. Но сила Рембрандта, его обаяніе въ концѣ концовъ одерживаетъ верхъ надъ душой художника; онъ скидываетъ съ себя чары и ея путы, онъ вспоминаетъ объ искусствѣ, пламя котораго еще горитъ въ его душѣ. Онъ понялъ свою временную слабость и рѣшаетъ выздоровѣть, отдать всѣ силы и жизнь тому искусству, которому служилъ и его великій учитель.

Онъ возвращается на мельницу къ отцу, рѣшая отнынѣ писать родину, окружающую обстановку. Онъ чувствуетъ даже возможность полюбить простую, чистую дѣвушку, неимѣющую ничего общаго съ прежней натурщицей. Искусство и природа побѣждаютъ на этотъ разъ, передъ художникомъ открывается *Изумрудный Путь*, полный надежды и свѣта, того самаго солнечнаго луча, который пробудилъ у него въ дѣтствѣ призваніе художника. Его судьба, по словамъ автора, напоминаетъ судьбу его родины, Голландіи. И она сначала охвачена только грезами среди болотъ, рѣкъ и деревенской обстановки, и она впослѣдствіи борется,

какъ и художникъ, противъ чужой надъ собою власти Испаніи, отъ которой чуть не погибаетъ. И только въ себѣ она обрѣтаетъ покой, какъ и Кобюсъ, вернувшись къ своей родной мельницѣ.

Критики немало были удивлены, когда Демольдеръ въ 1904 г. написалъ романъ изъ французской жизни XVIII вѣка, и вмѣсто Голландіи и Фландріи мѣсто дѣйствія перенесъ на берегъ Сены, въ красивый замокъ Bellevue, выстроенный для маркизы де Помпадуръ, — точно вмѣсто картинъ Брейгеля и Стика увлекся произведеніями Ватто и Фрагонара. Авторъ, дѣйствительно, если и не вполнѣ отрѣшился отъ своей фламандской манеры и какъ бы невольно, помѣстилъ въ романахъ Le Jardinier de la Pompadour много скабрезныхъ шутокъ характера, детальнаго описанія свободнаго пира, близко граничащаго съ чревоугодіемъ, то все же мы совершенно неожиданно встрѣчаемъ столько истинно французскихъ оттѣнковъ, много изящнаго, нѣжнаго, столько цвѣтовъ, что слышимъ ихъ ароматъ, столько красивыхъ, изящныхъ женщинъ, что видимъ ихъ, какъ бы сошедшихъ съ полотенъ Ватто. Маркиза де Помпадуръ, которая въ началѣ романа еще просто г-жа Д'Этіоль, фаворитка Людовика XV, стоившая Франціи до 40 милліоновъ, изображена авторомъ правдиво и интересно. Въ романѣ прекрасно чувствуется ея тщеславная, холодная натура, ея разсчетливость, способность нравиться, ея артистическая натура, занимающаяся то музыкой, то пѣніемъ, то игрой на сценѣ, то живописью, ея пагубное вліяніе на политику Франціи, и вслѣдствіе этого та ненависть, которую она возбуждала къ себѣ со стороны народа. Но если французскій народъ такъ ненавидѣлъ ее и радовался ея кончинѣ, то въ лицѣ своего садовника Жасмэна и его жены она имѣетъ необыкновенно преданныхъ ей людей. Съ самой первой встрѣчи Жасмэна съ г-жей Д'Этіоль все его существо охвачено глубокимъ чувствомъ къ ней до конца дней. Жасмэнъ, питавшій какой-то культъ къ своему дѣлу садовника, обожаетъ цвѣты и чувствуетъ себя необыкновенно счастливымъ, когда, благодаря своей женитьбѣ на камеристкѣ де Помпадуръ, дѣлается главнымъ садовникомъ въ ея замкѣ Bellevue. Если онъ и женится на этой камеристкѣ, обожающей его, преданной ему, Мартинѣ, то только потому, что она является какъ бы отблескомъ фаворитки короля, тѣнью предмета его безумной любви. Сначала Мартина не замѣчаетъ этого, даже смѣется въ лицо сосѣдямъ, которые пытаются открыть ей глаза, но впослѣдствіи она убѣждается въ правдивости ихъ намековъ. И что же? Она такъ обожаетъ его, что не можетъ разстаться съ нимъ, а скорѣе жертвуетъ собою. Отнынѣ она хочетъ во всемъ походить на свою

госпожу. Она душится потихоньку ея духами, что вызываетъ необыкновенный приливъ ласкъ у ея мужа; она одѣвается въ ея платья потихоньку, она поетъ тѣ же романсы, она старается подражать ея походкѣ, ея манерамъ. И когда, послѣ интригъ нѣкоторыхъ слугъ, мстившихъ садовнику, имъ отказываютъ отъ мѣста у де Помпадуръ, Мартина, изъ сочувствія къ мужу, страдаетъ не менѣе его въ разлукѣ съ своей госпожей. Когда же до ихъ родной деревни, гдѣ отнынѣ они поселились, приходитъ вѣсть объ ея смерти, Мартина даритъ мужу гравюру съ портретомъ де Помпадуръ въ la belle Jardinière, единственную вещь, которую она тамъ украла. Они вѣшаютъ портретъ на стѣну, убираютъ его цвѣтами, не снимаютъ его даже въ тревожные дни революціи, разгрома Бастиліи, провозглашенія республики. Этотъ портретъ является даже роковой причиною смерти садовника. Одинъ изъ ярыхъ республиканцевъ врывается къ нимъ въ домъ, разбиваетъ стекло портрета, разрываетъ гравюру. Жасмэнъ бросается на него съ ножомъ, но тотъ наноситъ ему въ борьбѣ смертельный ударъ, приговаривая: — «такъ погибаютъ враги свободы»!

И въ такую минуту Мартина полна жертвы. Видя, что Жасмэнъ умираетъ, она натаскиваетъ на себя старое платье маркизы, въ которомъ садовникъ впервые увидалъ ее, наклоняется къ нему, зоветъ его, стараясь подражать голосу де Помпадуръ. Жасмэну представляется, что къ нему съ облаковъ сходитъ Помпадуръ, и несчастная Мартина, съ странной улыбкой, берется за кончикъ платья, старается исполнить передъ нимъ менуэтъ и напѣваетъ надтреснутымъ голосомъ веселую арійку, которую такъ любила пѣть маркиза Помпадуръ.

Несмотря на вымышленную фигуру садовника, авторъ многіе эпизоды заимствовалъ изъ исторіи: первую встрѣчу г-жи Д'Этіоль съ королемъ въ лѣсу во время охоты (пожалуй, лучшая сцена во всемъ романѣ!), затѣмъ описаніе маскарада въ Версалѣ, гдѣ г-жа Д'Этіоль окончательно побѣждаетъ сердце короля; сцена съ платкомъ въ маскарадѣ передана съ точностью историка и читается съ захватывающимъ интересомъ.

Если мы указывали у Демольдера на чисто фламандскую склонность изображать различныя излишества въ духѣ Раблэ, у бельгійскаго романиста Дезомбіо (род. въ 1868 г.) она выражена еще сильнѣе. И если Картонъ де Віаръ въ такой красивой формѣ изображалъ героизмъ жителей Люттиха, то Дезомбіо задался цѣлью, въ нѣкоторыхъ своихъ книгахъ, передать забавную сторону той же отдаленной эпохи. Изобразить свою родную Валлонію и ея жителей безъ всякихъ утонченностей, безъ психологическихъ усложненій, но просто, искренно, съ неподдѣльнымъ

юморомъ. Дезомбіо рисуетъ валлоновъ, какъ они пьютъ, смѣются и поютъ, передавая съ большой долей фантазіи какой-нибудь разсказъ изъ прошлаго. (Histoire mirifique de Saint Dodon, 1899 г., le Joyau de la Mitre 1901 г., Guidon d'Anderlecht 1905 г. и др.). Исторія St. Aubin въ Joyau de la Mitre, покровителя всѣхъ любителей много ѣсть и пить, полна юмора, простого смѣха и является скорѣе предлогомъ для того, чтобы передать живописныя картины старыхъ валлонскихъ нравовъ. Нѣтъ ничего болѣе забавнаго въ бельгійской современной литературѣ, какъ описаніе этихъ фантастическихъ празднествъ въ Динанѣ, въ концѣ которыхъ и бургомистръ, и священникъ очутились подъ столомъ среди пустыхъ бутылокъ и кружекъ. Исторія о Гидонѣ, одномъ изъ самыхъ популярныхъ святыхъ Брабанта, помогающемъ въ случаяхъ заболѣваній животныхъ, полна анахронизмовъ, но въ ней интересны картины разгульнаго веселья, а самъ Гидонъ представляется скорѣе добрымъ, мирнымъ фламандцемъ, трудолюбивымъ и мечтательнымъ, честнымъ другомъ людей и животныхъ. Если онъ совершаетъ чудеса, если комокъ земли, положенный въ мѣшокъ, обращается въ хлѣбъ, если ангелъ помогаетъ ему въ работѣ, когда онъ несетъ хлѣбъ своимъ престарѣлымъ родителямъ, если воткнутая имъ въ землю палочка пускаетъ почки и листья, онъ самъ мило удивляется этому и не думаетъ объ этомъ. Онъ не чуждъ даже земной любви къ дѣвушкѣ, на которой впослѣдствіи женится. Вообще личность Гидона, въ передачѣ Дезомбіо, не есть личность святого, несмотря на его безупречную жизнь; въ немъ недостаетъ божественнаго пламени вѣры; къ тому же книга интересна не личностью Гидона, а тою обстановкой, въ которой она вращается.

Если интересоваться прежде всего обстановкой, а не характерами лицъ, выводимыхъ авторомъ въ своихъ произведеніяхъ, то романы Мориса де Валеффа, виднаго журналиста Бельгіи, теперь переселившагося въ Парижъ, необычайно интересны, очень занимательны, написаны прекраснымъ языкомъ, полны гармоніи и поэзіи. M. de Waleffe много путешествовалъ, бывалъ въ Палестинѣ и въ Египтѣ и тамъ на мѣстѣ написалъ свои романы. Изъ Палестины онъ вывезъ занимательное жизнеописаніе Маріи Магдалины (La Madeleine Amoureuse, roman juif; 1907 г.). Изъ Египта онъ привезъ романъ изъ древнихъ египетскихъ нравовъ (le Peplôs Vert, 1906 г.). Это произведеніе, написанное на мѣстѣ среди этой вѣчной обстановки Египта, обнаруживаетъ большую эрудицію автора; мы находимъ здѣсь возстановленіе древней жизни Ѳивъ, религіозныя празднества, междуусобную войну, древнія вѣрованія, экзотическія наклонности и языческія страсти,

любовныя страданія! Іо, дѣвушка изъ племени феаковъ, дочь одного изъ главныхъ его представителей, была украдена въ морѣ, во время купанья, какимъ-то пиратомъ финикіяниномъ, и привезена въ Ѳивы, какъ рабыня, для продажи. Ея внѣшностью увлекается сынъ главнаго жреца Аммона, Рамзизу, изъ войска Фараона, покупаетъ ее, но, въ силу нѣкоторыхъ обстоятельствъ, не можетъ овладѣть ею, такъ какъ царица, мать Фараона, оспариваетъ ее у него. Борьба между новымъ культомъ солнца и древнимъ культомъ Аммона присоединяется къ этимъ распрямъ. Рамзизу, изъ бѣшенной страсти къ Іо, жертвуетъ всѣмъ, побѣдою, властью, становится измѣнникомъ, чтобы только получить назадъ обожаемую рабыню. Онъ покидаетъ свою сестру и невѣсту, которая гибнетъ изъ любви къ нему, отвергаетъ отца, забываетъ о домѣ, чтобы только увидѣть снова Іо. Рамзизу всегда вызывалъ отвращеніе и ненависть въ душѣ Іо, но когда она сознаетъ, что онъ всѣмъ пожертвовалъ для нея, въ ней просыпается къ нему чувство состраданія, — она спасаетъ его раненаго, и когда она начинаетъ любить его, показывается смерть и подвергаетъ ее ужаснымъ пыткамъ: Іо умираетъ послѣ страшной агоніи въ продолженіи двухъ сутокъ.

Марія Магдалина у М. де Валеффа кончаетъ самоубійствомъ; ея жизнь съ примѣсью нѣкоторыхъ эпизодовъ, взятыхъ изъ Евангелія, является, несомнѣнно, плодомъ фантазіи автора, но интересна. Подверженная съ дѣтства эпилептическимъ припадкамъ, Марія изгоняется изъ родного города, Магдалы, своимъ братомъ и его женой, принудившихъ ее выйти замужъ за стараго Рабби-Папуса, холоднаго, узкаго, самомнящаго еврея, внушавшаго Маріи сильное отвращеніе. Но она покоряется, страдаетъ и, по слабости, даже безъ всякаго влеченія, прислушивается къ объясненію въ любви какого-то солдата, ея соотечественника. Мужъ обвиняетъ ее въ прелюбодѣяніи; ее ведутъ въ синедріонъ, по обычаю, въ видѣ испытанія ея виновности, даютъ ей пить горькій напитокъ, послѣ чего у нея дѣлается нервный припадокъ. Ея вина, въ которой всѣ убѣждены, чуть-чуть не вызываетъ избіенія ея камнями, но она спасается и дѣлается добычею какого-то первосвященника. Теперь она, дѣйствительно, становится куртизанкою въ Іерусалимѣ, очень озлобленной, циничной, но необычайно обаятельной. Ею увлекается знатный римлянинъ, Cohèlet, типъ, близкій къ Петронію изъ «Quo Vadis?». Въ эту пору она случайно встрѣчаетъ Христа съ учениками и совершенно мѣняется, идетъ за Христомъ. Страницы, гдѣ показывается Христосъ и Марія, уже очищенная, но влюбленная въ Христа, способная ревновать его ко всѣмъ женщинамъ,— лучшія въ книгѣ:

онѣ полны неподдѣльной нѣжности и какого-то лучезарнаго свѣта. Страданія на Голгоѳѣ и воскресеніе Христа нѣсколько слабѣе.

Нельзя не вспомнить еще о comte Albert du Bois, извѣстномъ больше своими сценическими пьесами, написавшемъ нѣсколько романовъ изъ античной жизни. Альбертъ дю Буа истинный эллинъ, противникъ мрачныхъ среднихъ вѣковъ, обожающій греческій народъ съ его добродѣтелями и пороками, искренно вѣруетъ въ боговъ Олимпа, какъ въ таинственныя силы вѣчной природы. Въ своемъ наиболѣе интересномъ романѣ изъ античной жизни, Leuconoé (1897 г.), графъ Альбертъ дю Буа разсказываетъ въ художественной, красивой формѣ жизнь спартанскаго пѣвца, Тиртея, хромого и безобразнаго, но преображавшагося, когда начиналъ говорить, становившагося даже красивымъ, съ большой волей и энергіей въ своихъ неправильныхъ чертахъ лица. Еще въ дѣтствѣ его должны были бросить въ пропасть изъ-за его безобразія, но какой-то бездѣтный житель Аѳинъ спасаетъ его. Когда же, спустя много лѣтъ, во время второй мессенской войны, оракулъ предсказываетъ Спартѣ, что спасеніе придетъ изъ Аѳинъ, показывается снова Тиртей, какъ посланецъ Аѳинъ. Спартанцы были возмущены такимъ поступкомъ Аѳинъ и готовы были сгоряча убить Тиртея, но его спасаетъ спартанскій царь. Впослѣдствіи Спарта вся увлекается и очаровывается стихами поэта. Тиртей еще не знаетъ любви, когда пріѣзжаетъ въ Спарту, и поэтому, когда онъ встрѣчаетъ царицу Leuconoé, холодную и безстрастную, жестокую и тщеславную, онъ долго не сознается себѣ, что обожаетъ эту мраморную статую. Когда же надъ Спартой разражается новое несчастье, и мессинцы крадутъ многихъ юношей, въ числѣ которыхъ находится и сынъ царицы, наслѣдникъ трона, Тиртей, сначала возмущенный холоднымъ спокойствіемъ матери, отсутствіемъ въ ней любви къ сыну, все же обѣщаетъ ей вернуть мальчика, чтобы сохранить ея положеніе царицы возлѣ охладѣвшаго къ ней мужа. Только тогда онъ понимаетъ, что любитъ ее. Путешествіе Тиртея къ мессинцамъ, его бѣгство съ мальчикомъ, погоня за нимъ, ужасный рискъ жизнью, мучительныя страданія отъ полученныхъ въ борьбѣ ранъ — лучшее, что есть въ романѣ. Эти страницы захватываютъ и увлекаютъ читателя. Тиртей, наконецъ, вернулъ царицѣ сына, и она такъ и не поняла, во имя чего онъ совершилъ такой подвигъ. Она, какъ истинная спартанка, спокойно слушаетъ его разсказъ о побѣдѣ, интересуется подробностями. Тиртей не выдерживаетъ и говоритъ ей все, бросаясь къ ногамъ. Въ эту минуту входитъ ея мужъ; Тиртей думаетъ, что погубилъ царицу, погибъ самъ, но царь разсуждаетъ иначе.

Онъ даже съ радостью уступаетъ царицу тому, кто оказалъ Спартѣ такія услуги. Она тоже покоряется, хотя сознается, что никогда не сможетъ полюбить поэта, такъ какъ онъ очень безобразенъ. Тиртей понимаетъ, что его безобразная внѣшность всегда будетъ препятствіемъ между имъ и любимой женщиной, — онъ не хочетъ даже прикоснуться къ ней, когда она покорно сбрасываетъ съ себя одежду, и со слезами, прерывисто говоритъ, что, хотя и обожаетъ ее, но, понимая, что онъ ей противенъ, предпочитаетъ скорѣе умереть, чѣмъ обладать ею... Если бы царица протянула руку, сказала слово, Тиртей остался бы жить, но она молчала. Поэтъ переступилъ порогъ своего жилища, точно человѣкъ, спускающійся заживо въ могилу. Онъ рѣшилъ покончить съ собою—броситься съ высоты въ пропасть. Покидая Спарту, онъ разстается съ прошлымъ, любовью, жизнью, ощущая въ душѣ неизлѣчимую рану, столь непреодолимую муку, что жаждетъ только покоя и забвенія. Его душа уже простилась съ мечтами, и онъ съ твердой рѣшимостью бросается въ пропасть...

На ряду съ этими историческими романами и еще нѣкоторыми, коснуться которыхъ мы не могли за недостаткомъ мѣста, на ряду съ знаменитой обработкой легенды объ Эйленшпигелѣ, сдѣланной Шарлемъ де Костеромъ [1]), необходимо упомянуть еще интересную книгу, посвященную городу Брюгге (Fierens-Genaert «Psychologie d'une ville», 1901 г.), которая является не столько психологическимъ этюдомъ, сколько соціальною, художественною исторіею города, основанною на самыхъ вѣрныхъ данныхъ фламандской исторіи. Можно указать еще на книгу Eugène Baie (L'Epopee flamande, 1903 г.), произведеніе одновременно исторіи и поэзіи, въ которомъ историческія данныя оживаютъ на ряду съ чудесами искусства. Мы видимъ въ книгѣ постепенное развитіе фламандской души отъ самыхъ примитивныхъ чертъ до утонченныхъ оттѣнковъ при помощи различныхъ перипетій исторіи.

Намъ представляется, что именно теперь, когда несчастная Бельгія терпитъ такъ много за свою независимость, когда Германія попираетъ ея права, какъ нейтральнаго государства, интересно взглянуть, какъ современные бельгійскіе писатели, обращаясь къ историческому прошлому, ищутъ тамъ уроковъ героизма, любви къ родинѣ, благородства и сострадания, чтобы вернуть родной странѣ прежнюю ея славу и прежнее могущество.

Марія Веселовская.

---

[1]) См. нашу статью о *«Старшихъ и одинокихъ въ бельгійской литературѣ»* «Голосъ Минувшаго», сентябрь 1913 г.

Осада Парижа.

Можетъ быть, ничто такъ хорошо не знакомитъ съ психологіей толпы, какъ война; можетъ быть, ни одинъ изъ моментовъ войны не заставляетъ такъ ярко выступить особенности этой психологіи, какъ осада. Теперь всѣ мысли поглощены войной; все остальное стушевалось; и если изъ прошлаго что-нибудь представляетъ интересъ современности, то именно это настроеніе толпы въ военное время, эти жгучія переживанія, такъ похожія на то, что многимъ приходится испытывать въ настоящее время. Какими богатыми данными даритъ изслѣдователя настроеній толпы осада Парижа вь 1870 году. Здѣсь огромный матеріалъ въ видѣ дневниковъ, записокъ, воспоминаній, уже сдѣланныхъ обобщеній; передъ нами толпа живая, быстро откликающаяся, выносящая наружу свои чувства, переходящая отъ однихъ чувствъ къ другимъ, прославляющая сегодня одного кумира, завтра его же смѣшивающая съ грязью. По этимъ дневникамъ,— изъ которыхъ одни— сухія отмѣтки ежедневныхъ происшествій, какъ, напримѣръ, «Memorandum» Marthold, другіе—неровное описаніе событій, часто ограничивающееся анекдотами, какъ «Memorial» D'Arsac'a, третьи—обобщеніе и живой разсказъ, какъ записки мадамъ Аданъ, Сарсэ, Ранка,—по этимъ дневникамъ можно судить объ измѣненіяхъ въ чувствахъ толпы, въ ея лихорадочномъ настроеніи, въ томъ, что называется «нервнымъ тонусомъ», въ паденіяхъ и подъемѣ внутренней силы. Можно видѣть, какъ, волнуясь и обнаруживая чисто ребяческую перемѣнчивость, она вдругъ поднимается почти до героизма и уже, во всякомъ случаѣ, до обдуманной стойкости взрослаго человѣка. Все это, представленное въ яркой картинѣ, въ художественномъ обобщеніи, было бы необыкновенно интересно; но даже въ короткомъ напоминаніи оно, можетъ быть, не покажется лишнимъ теперь: вѣдь такъ многое забыто, и въ этомъ забытомъ такъ много близкаго и знакомаго по современнымъ событіямъ.

Еще до осады, до того момента, когда Парижъ былъ нѣмец-

кими войсками отрѣзанъ отъ міра, парижская толпа много пережила, много успѣла изнервничаться и переволноваться противорѣчивыми слухами. То видѣла она въ себѣ безмолвную исполнительницу чужихъ повелѣній, то руководительницу дѣлами государства, то побѣдительницу чужеземнаго врага, владѣющую лучшими въ мірѣ войсками и генералами, то обманутую, предательски проданную рабыню иноземцевъ, подкупившихъ измѣнниковъ-генераловъ и разбившихъ геройское войско. Еще 5-го августа, черезъ двѣ недѣли послѣ начала кампаніи, она узнала, что Макъ-Магону, славному и великому маршалу Макъ-Магону, удалось совершенно разбить непріятеля: 40 тысячъ пруссаковъ было взято въ плѣнъ, а сколько знаменъ, пушекъ, припасовъ! Толпа ходила по бульварамъ и ликовала; она кричала «Vive l'empereur», пѣла марсельезу, возвеличивала Макъ-Магона. Лучше французскихъ генераловъ,—знала она,—нѣтъ никого; не только храбрости французскаго войска (въ этомъ она никогда не сомнѣвалась и этому убѣжденію не измѣнила до конца войны), но и доблести французскихъ командировъ ничто не можетъ сопротивляться.

Недолго находилась она въ прекрасной иллюзіи: уже 6-го августа произошла извѣстная неудачная битва при Вертѣ: 6 тысячъ плѣнныхъ, но не нѣмцевъ, а французовъ, нѣсколько потерянныхъ митральезъ, 35 пушекъ, соотвѣтственное число снарядовъ и всякихъ военныхъ припасовъ. И уже 7-го августа, въ праздничный день, толпа читала вывѣшенное на улицахъ объявленіе, подписанное Наполеономъ, находившимся въ Мецѣ: «Французы! Въ Фрешвиллерѣ, около Рейхсхофена, маршалъ Макъ-Магонъ потерялъ битву; генералъ Фроссаръ принужденъ отступить; это отступленіе совершается въ порядкѣ: все можетъ быть возстановлено»... А остававшаяся въ Парижѣ императрица Евгенія успокоивала французовъ: «Я буду среди васъ; вѣрная своему долгу, я буду первой въ опасности, чтобы защитить знамя Франціи»...

Знамя Франціи и Евгенія! Толпа предпочла бы, если-бы его защищалъ побѣдоносный Макъ-Магонъ. Но вѣдь не все же потеряно: вѣдь это только маленькая неудача. Толпа надѣется. Ни одинъ благопріятный слухъ, однако, не успѣваетъ проникнуть, когда узнаютъ о начавшейся осадѣ Страсбурга. Глухо говорятъ о томъ, что изъ 1000 орудій, которыми располагаетъ крѣпость, можетъ быть использовано только 87: для остальныхъ нѣтъ подготовленнаго персонала. Недовольство начинаетъ чувствоваться опредѣленнѣе; говорятъ уже не о случайностяхъ, а о неподготовленности, о преступной авантюрѣ. Головы разгораются; уже не подхватываетъ толпа возгласовъ наемныхъ крикуновъ:

«Vive l'empereur!» ей нѣтъ никакого дѣла до того, что Евгенія «среди насъ» и готова защищать знамя Франціи.

Но надежды не ослабѣваютъ; то и дѣло проникаютъ слухи, что осада Страсбурга снята, то вслѣдствіе удачныхъ дѣйствій свободныхъ французскихъ войскъ, то вслѣдствіе удачной вылазки страсбургскаго гарнизона. Говорятъ о чудесахъ храбрости, объ удивительной стратегіи французовъ; нѣмцы, конечно, скоро запросятъ мира,—слѣдуетъ ли только на него сразу соглашаться?

Жизнь, однако, течетъ своимъ чередомъ; учрежденія работаютъ; въ театрахъ идутъ представленія, въ антрактахъ выдающіеся актеры или актрисы, по дѣйствительному требованію публики, запѣваютъ марсельезу. Опубликовываются письма императора къ императрицѣ: дѣла не плохи, тамъ пруссаки напали, но были отбиты, тамъ французскія войска переходили рѣку въ отсутствіи непріятеля и все шло, какъ слѣдуетъ, но вдругъ откуда-то показались очень большія силы непріятеля и очень настойчиво начали насѣдать на французовъ; однако, все благополучно, переправа совершена, вмѣсто такого-то генерала назначенъ такой-то, а самъ императоръ изъ такого-то мѣста прослѣдовалъ въ такое-то.

Тѣмъ временемъ нѣмцы подвигаются, и это узнаютъ, и это волнуетъ. Уже говорятъ о необходимости запасаться провизіей; идетъ усиленный подвозъ провіанта въ Парижъ; генералъ Трошю, губернаторъ Парижа, издаетъ постановленіе, приглашающее всѣхъ подданныхъ враждебной страны покинуть Парижъ и департаментъ Сены въ теченіе трехъ сутокъ; онъ предлагатъ выбрать одно изъ двухъ: или оставить предѣлы Франціи, или поселиться въ одномъ изъ департаментовъ за Луарой.

Невоюющіе нѣмцы уѣзжаютъ, но военныя обстоятельства не улучшаются. Проходитъ слухъ, что корпусъ генерала Фальи застигнутъ непріятелемъ въ тотъ моментъ, когда одни солдаты обѣдали, другіе чистили разобранныя ружья. Онъ принужденъ бѣжать, покинувъ великолѣпныя позиціи, оставивъ 8 митральезъ, 19 пушекъ, 3000 плѣнныхъ, около 2-хъ тысячъ убитыхъ.

Негодованіе противъ неспособныхъ генераловъ растетъ: они губятъ Францію, губятъ войско; они и тотъ, кто ихъ сдѣлалъ генералами. Невысоко стоявшій престижъ Наполеона съ каждымъ днемъ все ниже падаетъ; уже рѣдко кто осмѣливается кричать на улицѣ: «Да здравствуетъ императоръ»; остерегаются даже наемники; не появляются даже такъ называемыя бѣлыя блузы, долженствовавшія въ былыя времена изображать преданную Наполеону народную массу.

4 сентября уже не императрица, не императоръ, а совѣтъ министровъ расклеиваетъ объявленіе, начинающееся словами: «Фран-

цузы! Большое несчастіе стряслось надъ отечествомъ...» Это—объявленіе о седанской катастрофѣ: армія Макъ Магона, окруженная непріятелемъ, сдалась; маршалъ раненъ, его замѣнилъ генералъ Вимпфенъ, который и подписалъ капитуляцію. Взятъ въ плѣнъ и императоръ; объ этомъ объявленіе говоритъ въ самомъ концѣ, уже послѣ того, какъ совѣтъ министровъ сдѣлалъ воззваніе «къ патріотизму, къ единенію, къ энергіи французскаго народа, которые должны спасти Францію».

Спасти Францію! О да! И лучшее средство для этого свергнуть виновника катастрофы, отставить назначенныхъ имъ министровъ, измѣнить весь образъ правленія, избавить страну отъ «измѣнниковъ», «авантюристовъ», «негодяевъ, продающихъ отечество». Слова «лишеніе престола», какъ лозунгъ, тотчасъ же разливаются по всему Парижу. Ненужно никакихъ демагогическихъ пріемовъ: почва подготовлена; толпа чувствуетъ себя властительницей. Съ ней вмѣстѣ національная гвардія: народъ все можетъ, народъ самъ указываетъ. Это кружитъ головы, сомнѣній въ побѣдѣ нѣтъ, но пока только побѣды надъ врагами внутренними; о внѣшнихъ забыли.

Идутъ къ палатѣ депутатовъ съ однимъ лозунгомъ о лишеніи престола, съ однимъ требованіемъ республики. Депутаты обмѣниваются обычными рѣчами, избираютъ комиссію, которая должна обсудить три предложенія о новомъ порядкѣ управленія и представить свое заключеніе палатѣ сейчасъ же, не выходя изъ зданія. Но толпа не хочетъ комиссій, не желаетъ аргументовъ. Она кричитъ: «республика»; проникаетъ въ ложи, шумитъ. «Граждане!»—взываетъ Гамбетта съ ораторской трибуны. Его громовый голосъ покрываетъ шумъ; ему вѣрятъ, его слушаютъ.

— Первое условіе гражданской свободы—порядокъ... Поэтому позвольте намъ въ порядкѣ выработать тѣ мѣры, которыя мы признаемъ нужными...

— Ура!.. Да здравствуетъ Гамбетта!.. Правда!..

И, во славу порядка, толпа кричитъ, не даетъ говорить ораторамъ, покрываетъ всякія предложенія возгласомъ: «республика!»

Палата депутатовъ хочетъ встать во главѣ движенія; въ качествѣ народныхъ представителей депутаты считаютъ себя въ правѣ обдумать и рѣшить, какой порядокъ правленія наиболѣе подходитъ Франціи, какъ должна быть удовлетворена минута, какъ согласить новый строй вещей съ необходимостью отразить внѣшнюю опасность. Но толпа не хочетъ знать своихъ избирателей, она забыла о внѣшней опасности: ей нужно сверженіе Наполеона, нужна республика и временное правительство, которое одобрило бы она: не надо руководителей,—народъ сувереyенъ!

Депутаты продолжаютъ уговаривать, но ихъ не слушаютъ. И тѣ, кого привѣтствуетъ толпа, могутъ, продолжая настаивать на правахъ палаты, потерять свою популярность. Это быстро соображаетъ Гамбетта. Онъ совѣщается съ Жюлемъ Фавромъ, съ двумя-тремя друзьями еще, и вновь появляется на трибунѣ; онъ уже признаетъ, что суверенной волей народа объявленъ новый порядокъ правленія, что республика провозглашена и необходимо выбрать временное правительство. Онъ соглашается на униженіе палаты и во главѣ толпы идетъ въ Hôtel de Ville, гдѣ и происходитъ назначеніе новыхъ правителей.

Парижъ, къ укрѣпленіямъ котораго уже близко подходятъ нѣмцы, совершенно забываетъ о нихъ. Толпа радуется, ликуетъ, празднуетъ: она—побѣдительница; она свергла наполеоновскій режимъ, она утвердила республику; она своими возгласами одобрила составъ новаго правительства; она принудила къ назначенному составу правителей прибавить еще Рошфора, котораго только что сама освободила изъ тюрьмы. Забыта причина всѣхъ этихъ дѣйствій; забыть Седанъ, забыта страшная катастрофа; нѣтъ мѣста унынію, есть поводъ къ ликованію и гордости. Парижъ таковъ, какъ во дни обычныхъ празднествъ; улицы полны веселымъ, острящимъ, увлекающимся народомъ; бойко торгуютъ кафе; тротуары кишатъ народомъ; слышатся комическіе возгласы, шутки, смѣхъ. Только театры бездѣйствуютъ: народъ хочетъ быть на улицѣ, въ постоянномъ, но не безмолвномъ общеніи съ другими. Въ дни, когда все побуждаетъ къ дѣйствію, къ движенію, какъ оставаться въ неподвижномъ созерцаніи чужихъ похожденій? Театры имѣютъ ничтожные сборы и почти готовы сами закрыться, когда въ знакъ національнаго траура ихъ закрываетъ распоряженіе начальства.

Трауръ! Слово приводитъ къ напоминанію страшныхъ событій. Вѣдь плѣненіемъ арміи Макъ-Магона открытъ доступъ къ Парижу; вѣдь нѣмцы не сегодня-завтра могутъ очутиться здѣсь; вѣдь если они поспѣшатъ, не пройдетъ и недѣли, какъ воины «Фрица», солдаты «папаши-Вильгельма» покажутся на большихъ бульварахъ. И вдругъ наступаетъ моментъ, когда легкомысленная, быстро переходящая отъ одного душевнаго движенія къ другому, толпа становится серьезной, дѣятельной, настойчивой. Забытъ Наполеонъ, забыта Вторая Имперія; какъ будто всегда народъ былъ «свободенъ». И «свободный народъ» совершаетъ огромный, упорный трудъ, совершаетъ почти что чудо созданія могучей крѣпости изъ картонныхъ укрѣпленій; изъ ничего создаетъ толпа сильное духомъ войско, которое въ теченіе мѣсяцевъ сопротивляется закутаннымъ въ желѣзо и сталь германскимъ батальо-

намъ. Толпа дѣлаетъ войну своимъ дѣломъ. До сихъ поръ она относилась къ ней, какъ къ чему-то навязанному ей Наполеоновскимъ правительствомъ; теперь нѣтъ Наполеона, и тяжесть борьбы должна упасть на народъ. И народъ всѣмъ своимъ упорствомъ, всѣмъ своимъ стремленіемъ отвѣчаетъ выпавшей на его долю задачѣ.

Въ воспоминаніяхъ Сарсэ попадается такой разсказъ. Тотлебенъ, уже много послѣ того, какъ Севастополь сдѣлалъ его имя знаменитымъ, въ присутствіи французскаго офицера, осматривалъ укрѣпленія Парижа. Французъ водилъ знаменитаго инженера повсюду, показывалъ всѣ усовершенствованія, мѣста для баттарей, форты, бастіоны.

— И это все? спросилъ Тотлебенъ.

— Все, — отвѣчалъ офицеръ.

— Все!.. Ну такъ черезъ сорокъ восемь часовъ послѣ того, какъ вы увидите первую прусскую каску, вы сдадите Парижъ. Онъ взятъ заранѣе.

Въ такомъ состояніи были укрѣпленія; такое наслѣдство оставилъ Наполеонъ республикѣ. И, однако, предоставленный самому себѣ Парижъ создалъ крѣпость, которая сопротивлялась болѣе четырехъ мѣсяцевъ.

Войска также не было. Лучшая его часть сидѣла съ Базеномъ въ Мецѣ; другая только что была взята подъ Седаномъ; разрозненные, деморализованные ряды остальныхъ были разбросаны безъ яснаго общаго плана, безъ единаго руководства. Казалось, нѣтъ возможности сопротивляться; казалось, что какъ только пруссаки подойдутъ къ Парижу, предсказаніе Тотлебена сбудется и не пройдетъ двухъ сутокъ, какъ по бульварамъ будутъ фланировать военные люди въ каскахъ, удивленные ничего не стоившей быстрой побѣдой. И если бы эта толпа продолжала смотрѣть на войну, какъ на дѣло наполеоновскаго правительства, нѣтъ сомнѣнія, такъ-бы и было. Нѣтъ сомнѣнія, что изъ негодныхъ укрѣпленій не было бы создано могучей крѣпости, изъ отсутствія войска не могло родиться сильной арміи. Но явилось сознаніе въ необходимости общаго дѣла; проснулось чувство еще болѣе сильное, чѣмъ сознаніе, чувство, не подкрѣпляемое доводами разума, но подталкивающее на опредѣленныя дѣйствія, на вполнѣ цѣлесообразный планъ. И Сарсэ въ своихъ воспоминаніяхъ, и D'Arsac въ своемъ «Меморіалѣ» говорятъ о какомъ-то удивительномъ молчаливомъ рѣшеніи каждаго парижанина, и не только парижанина, а близкаго къ Парижу человѣка: «Надо быть здѣсь, надо дѣлать общее дѣло». Что дѣлать, какъ дѣлать,—не знали, но знали, что дѣло необходимо, что бездѣятельность—такое же преступленіе, какъ попустительство разбоя, грабежа, убійства.

Сильное чувство порождаетъ, если не геніальность, то предусмотрительность, ясный взглядъ на вещи, быструю и вѣрную рѣшительность, сильную волю. Задолго до выяснившейся необходимости Парижъ началъ запасаться провизіей. Новое правительство не предвидѣло ни долгой осады, ни будущей нужды; о четырехъ мѣсяцахъ никто не думалъ. Но, подъ вліяніемъ какого-то безсознательнаго чувства, было сдѣлано распоряженіе о привозѣ припасовъ въ Парижъ въ возможно большемъ количествѣ. Мясо въ видѣ живыхъ животныхъ, мука, уголь,—все прибыло въ Парижъ задолго до того, какъ блокада уничтожила всякія сообщенія. Надъ укрѣпленіями работали. Войско явилось въ видѣ мобилей, которые откликнулись на призывъ, прибыли изъ провинцій, готовые отстаивать общее дѣло, руководимые тѣмъ же сознаніемъ, что каждый долженъ быть здѣсь, въ Парижѣ, въ томъ мѣстѣ, съ которымъ до этого онъ, можетъ быть, и не былъ знакомъ, но въ которомъ видѣлъ сердце Франціи.

Однако, совершая трудное и большое дѣло, толпа въ своихъ надеждахъ продолжала оставаться ребенкомъ. Трудно было отрѣшиться отъ работы воображенія и сладкихъ иллюзій. Когда нѣмцы приближались, когда они совсѣмъ подошли и закрыли всѣ выходы, когда каждый день уносилъ новую надежду, какъ было не вѣрить слухамъ, что тамъ, гдѣ-то, въ другихъ частяхъ Франціи, назрѣваетъ какая-то большая сила, которая смететъ нѣмцевъ, какъ пылинку, и покажетъ въ блестящихъ битвахъ истинную мощь Франціи? Уже столько разъ обманутыя, такъ часто разочаровывавшіяся сердца загорались надеждой при каждомъ вздорномъ слухѣ, при каждой выдуманной новости. Приходили извѣстія таинственнымъ путемъ, но они дѣлались достояніемъ всего Парижа. Извѣстія говорили, что образовалась такая-то армія, что она спѣшно идетъ къ Парижу, что столкновеніе близко. И ждали этого столкновенія, жадно внимали всякимъ слухамъ, всякимъ изобрѣтеніямъ. Армія, приближавшаяся къ нѣмцамъ, росла, ея непреодолимая сила увеличивалась, ея способность обволакивать непріятеля доходила до изумительныхъ предѣловъ. и гибель нѣмцевъ становилась неизбѣжной, освобожденіе Франціи было дѣломъ нѣсколькихъ дней. Приходилъ одинъ слухъ, оказывался вздорнымъ; на мѣсто его возникалъ другой, участь котораго была такою же, но это не мѣшало вѣрить третьему, четвертому и т. д. И каждый разъ, какъ появлялись эти слухи, толпа ходила по улицамъ, гордая и веселая, пѣла марсельезу, смѣялась надъ глупыми претензіями нѣмцевъ, надъ смѣшнымъ задоромъ «Фрица», Бисмарка и «папаши Вильгельма». Pas un pouce de notre territoire, pas une pierre de nos forteresses...

Толпа увлекается соблазнительными вѣстями, часто даже не вѣря имъ. Слухи—своего рода фантастическая беллетристика, завлекательная, пріятная, красивая;—какъ не отдавать ей времени, какъ не помечтать? Но изъ-за нея нельзя упускать дѣла. Сухія свѣдѣнія дневниковъ отмѣчаютъ приближеніе нѣмцевъ. 15 сентября они тамъ-то, 16-го ближе. Тамъ-то перехваченъ французскій поѣздъ, тамъ то произошла битва, послѣ которой продолжается прежнее неумолимое и неостанавливающееся движеніе къ Парижу. 17-го—первое столкновеніе подъ Парижемъ; поѣзда уже не идутъ дальше С.-Дени; прусскіе уланы уже въ Версалѣ; уже взорваны мосты въ окрестностяхъ столицы; уже 18-го сентября академія наукъ протестуетъ противъ возможной бомбардировки Парижа. Прошло такъ мало съ начала враждебныхъ дѣйствій, а сколько потеряно! Разбиты и заперты большія арміи, а 19-го сентября, ровно черезъ два мѣсяца послѣ объявленія войны, день въ день, уже закрыты всѣ входы и выходы: Парижъ отрѣзанъ отъ міра. Начинается жизнь осажденнаго города.

Она сразу даетъ себя знать непріятностями. На фортахъ кипитъ движеніе, слышенъ артиллерійскій бой; нѣмцы наступаютъ, теряя много солдатъ, но завоевывая укрѣпленія, сбивая французовъ съ занятыхъ позицій. Результатъ перваго дня столкновеній—необходимость сдать часть позицій, хотя уронъ непріятелю нанесенъ гораздо большій, чѣмъ французскимъ войскамъ. Но часть солдатъ, не привыкшая къ бою, не могущая выдержать огня, убѣгаетъ съ позицій въ паническомъ ужасѣ, устремляется въ Парижъ и распространяетъ здѣсь самыя мрачныя извѣстія. Толпа, нервная, измученная приготовленіями, возбужденная первымъ близкимъ боемъ и сознаніемъ, что изъ Парижа нѣтъ болѣе выхода, принимаетъ извѣстія съ такимъ же довѣріемъ, какъ слухи о побѣдѣ. Паника распространяется во всемъ городѣ; теряютъ голову, обвиняютъ правительство; строятъ самые фантастическіе планы; надѣются лишь на переговоры Жюля Фавра съ Бисмаркомъ. Но, къ счастью, эти безпокойства не доходятъ до укрѣпленныхъ позицій; тамъ готовность защищать Парижъ не падаетъ, а увеличивается послѣ первыхъ столкновеній. И это настроеніе фортовъ передается населенію города. Правительственная прокламація, подписанная Гамбеттой, говоритъ о вздорности безпокойствъ, о нелѣпости слуховъ, распускавшихся немногими бѣглецами, о преданіи этихъ бѣглецовъ военному суду. Отъ тревоги толпа переходитъ опять къ надеждамъ и къ гордости. Нѣмцы захватили часть нашихъ позицій, это—правда; но сколько жъ они потеряли людей; послѣ такой побѣды въ ихъ душахъ должно появиться отчаяніе: вѣдь такъ они дойдутъ до Парижа, разстрѣлявъ всѣ

свои патроны и положивъ всѣхъ своихъ людей. Толпа ходитъ опять по улицамъ, веселая, довольная, съ насмѣшкой прислушивающаяся къ выстрѣламъ: вѣдь нѣмецкіе выстрѣлы такъ неудачны въ сравненіи съ французскими. Сколько вотъ этотъ нашъ выстрѣлъ унесъ непріятелей? Сколько даромъ потраченнаго матеріала въ этихъ непріятельскихъ выстрѣлахъ?

Мало-по-малу привыкаютъ къ выстрѣламъ, какъ къ чему-то обычному. Бой идетъ на фортахъ; нѣмецкіе снаряды не долетаютъ до Парижа. Вмѣстѣ съ помыслами о судьбѣ отечества—идутъ помыслы и о себѣ. Вѣдь нельзя же забыть обычной жизни, мыслей о пропитаніи, о расходахъ, о дороговизнѣ припасовъ. Дневники съ пунктуальностью заносятъ на свои страницы поднимающіяся цѣны на продукты. Уже на восьмой день осады обнаруживается, что нѣтъ молока, нѣтъ свѣжаго масла. Масло топленое продается по 4 франка за фунтъ; каждое яйцо стоитъ 25 сантимовъ. Лошади отдаются чуть не даромъ изъ-за отсутствія корма; никто не предполагаетъ, что очень скоро онѣ сильно подорожаютъ, но не изъ-за своихъ перевозочныхъ способностей, а ради своего хорошаго мяса. Уже въ это время предусмотрительные люди стараются запастись провизіей; ее усиленно покупаютъ, и большой магазинъ съѣстныхъ продуктовъ Potin въ одинъ день продаетъ товара на 60 тысячъ франковъ. На 10-й день осады уже чувствуется недостатокъ мяса въ мясныхъ лавкахъ. На 20-й открываются муниципальныя мясныя, откуда товаръ отпускается съ особаго разрѣшенія: нужно запасаться въ меріи особой карточкой, на которой написано, кто ея предъявитель и на какое количество мяса онъ имѣетъ право. Съ этого дня начинается обычная картина передъ муниципальными мясными. Даже авторъ одного изъ самыхъ сухихъ и лаконическихъ дневниковъ выходитъ изъ свойственной ему объективности и переходитъ въ лирику: «Ежедневно, въ теченіе долгихъ часовъ, унылыхъ и смертельно томительныхъ, на холоду, подъ дождемъ, подъ снѣгомъ, подъ опасностью непріятельскихъ снарядовъ, бѣдныя женщины Парижа, мѣся ногами грязь, стремясь сердцемъ къ тѣмъ, кто сражается, темныя неизвѣстныя героини, дрожатъ у воротъ мясныхъ лавокъ, дорого оплачивая скудную порцію стариковъ и маленькихъ дѣтей».

Уже къ этому времени многіе входятъ во вкусъ конскаго мяса. Оно дорожаетъ; появляется на рынкѣ мясо осла и продается сначала по 80 сантимовъ за фунтъ. Потомъ цѣна повышается, и уже къ 35-му дню осады конина доходитъ до 5 франковъ за фунтъ, къ 83-му до 14-ти. Затѣмъ разнообразіе блюдъ увеличивается; на рынкѣ появляются самые фантастическіе представители животнаго міра, и цѣна на нихъ растетъ съ каждымъ днемъ.

Къ 1-му января, т.-е. на 105-й день осады, таблица цѣнъ говоритъ, между прочимъ, о слѣдующихъ продуктахъ:

Цѣлая кошка	20 франковъ.
1 фунтъ собаки	4 франка.
1 крыса	2 франка.
1 воробей	1 франкъ 25 сантимовъ.
1 ворона	5 франковъ.

Не каждый день, но въ нѣкоторые особенные моменты появляются въ таблицахъ указанія на мясо слоновъ, медвѣдей и другихъ животныхъ, проданныхъ торговцамъ мяса изъ Зоологическаго сада. Одинъ мясникъ заплатилъ въ Jardin d'Acclimatation 4 тысячи франковъ за слона и продалъ его по частямъ въ своей лавкѣ, наживъ большія деньги за фантастическую пищу. Дневникъ Marthold съ обычной пунктуальной аккуратностью и строгой объективностью заявляетъ, что хоботъ слона, «какъ говорятъ», представляетъ особенно изысканное блюдо.

Въ томъ же дневникѣ попадается указаніе, что мясо кошки и собаки собираются запретить въ продажѣ, такъ какъ оно признано вреднымъ, но дальнѣйшихъ указаній на запрещеніе нѣтъ; наоборотъ, отмѣтки въ дневникѣ указываютъ, что цѣны на это мясо все болѣе и болѣе растутъ; полкошки продается, напримѣръ, за 4 франка въ 54-й день осады, и 6 франковъ въ 68-й.

Сарсэ утверждаетъ, что крысы не служили пищей, замѣняющей мясо. Эти слухи, говоритъ онъ, распространялись нѣмцами для того, чтобы показать, въ какомъ печальномъ положеніи находится Парижъ. На самомъ дѣлѣ, говоритъ онъ, крысы были такой же шуткой, какъ и другія остроты парижанъ; крысами угощали не въ бѣдныхъ домахъ, гдѣ всего скорѣе надо было бы ожидать обращенія къ такой сравнительно дешевой пищѣ, если бы въ ней дѣйствительно ощущалась нужда,—крысъ подавали въ богатыхъ буржуазныхъ домахъ, какъ новинку, какъ шалость, какъ средство для удивленія гостей. Ихъ ѣли уже послѣ того, какъ другое мясо фигурировало на столѣ, ѣли кончиками губъ изъ любопытства, а не изъ-за голода, нѣкоторые,—тотчасъ же отодвигая отъ себя тарелку,—другіе, стараясь показать, что они находятъ вкусъ въ этомъ новомъ блюдѣ... Однако, постоянное фигурированіе крысъ на таблицахъ пищевыхъ продуктовъ и постоянное возрастаніе цѣнъ на нихъ говоритъ за то, что дѣло, пожалуй, обстояло не совсѣмъ такъ, какъ говоритъ Сарсэ. Болѣе искренній и объективный авторъ «Меморіала» съ большой радостью отмѣчаетъ 26 ноября: «Статистика академіи наукъ констатируетъ, что въ Парижѣ остается еще 25 милліоновъ крысъ.

Вотъ мясо на цѣлый годъ!» Онъ же отмѣчаетъ, что въ улицѣ Petits-Champs пирожникъ пустилъ въ обращеніе пирожки изъ крысинаго мяса.

Но, конечно, къ крысамъ прибѣгали далеко не всѣ. Оставалось еще мясо, даже не считая медвѣдей, антилопъ, козъ, верблюдовъ и слоновъ Зоологическаго сада. На поляхъ битвы ежедневно гибли десятки, а иногда и сотни лошадей, убитыхъ нѣмецкими пулями и снарядами. По рѣшенію начальства половина этихъ лошадей шла на пропитаніе арміи,—половина отправлялась въ муниципальныя мясныя.

Голода, однако, не было, уже по одному тому, что хлѣба оставалось въ волю. Громадные запасы, сдѣланные внезапно, по какому-то необъяснимому побужденію, администраторами, не отличавшимися сознательной предусмотрительностью, обезпечили Парижъ мукой, зерномъ и виномъ. Голода въ полномъ значеніи слова не было; но недостатокъ мяса, молока, масла, угля чувствовался всѣми. Недостатокъ угля особенно рѣзко сталъ ощущаться, когда наступили холода. Какъ будто съ умысломъ для того, чтобы испытать стойкость парижскаго населенія, судьба послала новое бѣдствіе въ видѣ долгихъ и неслыханныхъ морозовъ. Уже 21 октября добросовѣстный хроникеръ осады отмѣчаетъ: «Внезапное пониженіе температуры; зима впервые даетъ себя чувствовать». Дальше дѣло идетъ много хуже. Въ концѣ ноября дневникъ отмѣчаетъ сильные туманы, холодъ, снѣгъ мокрый, снѣгъ не тающій, морозъ. Съ декабря уже начинаются отмѣтки: «жестокій морозъ», «сибирскій холодъ», «температура ледяная». Термометръ падаетъ ниже 12-ти градусовъ по Цельсію, и такая температура стоитъ недѣлями, сопровождаемая вѣтромъ, снѣгомъ, всѣми ужасами зимней вьюги. Прекращается пароходство по Сенѣ; черезъ рѣку можно переходить; конькобѣжцы могутъ радоваться, но остальное населеніе страдаетъ невыносимо.

И въ эти долгіе часы испытанія,—недостатка съѣстныхъ припасовъ, отсутствія топлива, отсутствія дѣйствительной, непризрачной надежды на лучшее, поднимаются ли голоса за сдачу Парижа? Легкомысленное, легко поддающееся обманамъ, но въ минуты опасности серьезное и дѣятельное населеніе изъ всѣхъ возможныхъ рѣшеній осаднаго вопроса не допускаетъ одного рѣшенія: возможности капитулировать. Оно фантазируетъ, выдумываетъ, сочиняетъ необыкновенныя исторіи, но о капитуляціи не думаетъ. Миру оно было бы радо, конечно; радо даже перемирію, но не постыдному, не потерѣ провинцій, не вторженію пруссаковъ въ Парижъ. До этого еще не дошло дѣло. Если дѣйствительность кажется черезчуръ мрачной, если есть опасность унынія и паде-

нія мужества, тогда для поддержки духа является «сладкая посланница небесъ»—надежда и въ особенности фантазія. Можно фантазировать не только на тему о формированіи новой побѣдоносной арміи, которая смететъ прусскую силу; отчего не подумать о деморализаціи непріятеля? Вѣдь есть же предѣлъ и его силамъ; вѣдь и онъ можетъ быть ослабленъ силою обстоятельствъ. Холодъ дѣйствуетъ не на однихъ французовъ; гораздо больше должна страдать отъ него нѣмецкая армія. И слухи идутъ и ширятся, что германская армія испытываетъ страшныя лишенія, что солдаты ропщутъ, что во множествѣ появились въ нѣмецкой арміи эпидемическія заболѣванія. На самомъ дѣлѣ въ Парижѣ къ прочимъ бѣдствіямъ прибавляется оспа. Правда, на огромное число жителей число умирающихъ отъ оспы незначительно; но все-таки она есть. Толпа мало обращаетъ на это вниманіе; она разсказываетъ, что оспа производитъ страшныя опустошенія въ нѣмецкой арміи, что еще немного и... можетъ-быть... кто знаетъ?.. обстоятельства могутъ повернуться очень благопріятно для французовъ.

Фантазія поддерживаетъ слабый духъ. Она позволяетъ надѣяться, ждать и жить общественной жизнью далекой отъ войны. Театры въ загонѣ, но процвѣтаютъ клубы. Здѣсь можно рѣчью замѣнить такъ нужное теперь каждому дѣйствіе. Ораторы говорятъ и на политическія темы, и на темы общественнаго характера и на вопросы, далекіе отъ современности. Большую дѣятельность проявляетъ женскій клубъ. Какъ ни странно это, но здѣсь произносятся самыя кровожадныя рѣчи. Уставъ клуба запрещаетъ мужчинамъ занимать мѣста въ бюро; даже ораторская трибуна предоставлена имъ съ большими ограниченіями. Но когда мужчина произноситъ воодушевляющія женщинъ на какую-то странную борьбу съ врагомъ рѣчи, тогда его слушаютъ внимательно, и одобрительно; онъ—persona grata. Засѣданіе, на которомъ присутствуетъ Сарсэ, такъ мало напоминаетъ французскихъ женщинъ, такъ похоже на собраніе англійскихъ суффражистокъ. Гражданинъ Жюль Алликсъ произноситъ на этомъ собраніи кровожадную рѣчь. Онъ поддерживаетъ два предложенія. Первое заключается въ томъ, что женщины должны быть вооружены, чтобы идти на передовыя позиціи; второе,—что онѣ должны защищать свою честь отъ пруссаковъ при помощи синильной кислоты. Соль предложенія заключается въ игрѣ словъ: синильная кислота называется acide prussique. Ораторъ развиваетъ мысль о роли женщинъ въ истребленіи пруссаковъ, вошедшихъ въ Парижъ. Онъ описываетъ небольшой аппаратъ, носимый на пальцѣ и называемый имъ «перстъ прусскій». Это—нѣчто въ родѣ каучуковаго

наперстка, въ концѣ котораго находится небольшая трубочка, заключающая синильную кислоту; на концѣ трубочки—остріе. Пруссакъ подошелъ, женщина протянула ему руку, и пруссакъ мертвъ: «прусскій перстъ» его убилъ...

Присутствующія апплодируютъ; онѣ находятъ изобрѣтеніе очень достойнымъ вниманія, но среди зрителей-мужчинъ слышатся протесты.—«Вы не имѣете права участвовать въ бюро: вы—мужчина»,—раздается чей-то очень рѣшительный голосъ. Ораторъ не теряется:—«Покажитесь, вы, кто тамъ»,—пренебрежительно говоритъ онъ, увѣренный въ трусости возражавшаго. Но протестантъ не труситъ: въ нѣсколько прыжковъ онъ оказывается на эстрадѣ; это—огромный мужчина въ формѣ національнаго гвардейца. Насмѣшливо смотритъ онъ на маленькаго оратора, ожидая его наступленія. Но прежде чѣмъ онъ вполнѣ можетъ оцѣнить эффектъ своего появленія на эстрадѣ, дамы уже окружили его. Раздается крикъ, визгъ, удары; его бьютъ, щиплютъ, кусаютъ; на немъ рвутъ одежду; и съ позоромъ, въ лохмотьяхъ, убѣгаетъ національный гвардеецъ съ эстрады.

Въ другихъ клубахъ настроеніе не менѣе воинственно. Ораторы не останавливаются на угрозахъ пруссакамъ, они возвышаютъ голоса противъ управителей Парижа, поднимаютъ взоры все выше и выше. Одинъ шлетъ проклятія Небу: «я не боюсь молніи,—кричитъ онъ,—я хотѣлъ бы взойти туда, чтобы съ кинжаломъ въ рукахъ»...—«Да вы поднимитесь на воздушномъ шарѣ»,—прерываетъ его чей то насмѣшливый голосъ... Въ концѣ-концовъ,—говоритъ свидѣтель собранія,—и поднимавшійся съ угрозами къ небу ораторъ, и его насмѣшливый слушатель отправляются исполнять свое дежурство на высотахъ укрѣпленій, въ качествѣ національныхъ гвардейцевъ.

Ни клубы, ни возмутительныя рѣчи, ни взаимныя препирательства не нарушаютъ общей работы по защитѣ Парижа. Воздушные шары служатъ не для полетовъ къ небу съ проклятіями и кинжаломъ, а для вылетовъ изъ города съ чисто военными и политическими цѣлями. Когда вылетаетъ изъ Парижа Гамбетта,—членъ правительства и въ этотъ моментъ, можетъ быть, одинъ изъ самыхъ популярныхъ людей Парижа,—событіе производитъ сенсацію. Но потомъ къ полетамъ шаровъ привыкаютъ; за время осады ихъ вылетѣло нѣсколько десятковъ. Въ глубокой тайнѣ, ночью, взволнованные и торжественные, собираются аэронавты около слабо освѣщеннаго, желтоватаго, сдерживаемаго веревками шара. Пожимая руки провожающимъ, тихо и серьезно садятся они въ корзину. Необходимыми спутниками всегда являются почтовые голуби; въ удобномъ ящикѣ, заботливо

усаженные сидятъ они, ничего не зная о той важной роли, которую играютъ въ осадѣ Парижа. Черезъ нѣсколько дней, борясь съ вѣтромъ, непогодами и стрѣляющими въ нихъ пруссаками, они вернутся обратно, принося извѣстія, которыя должны поднять духъ въ осажденномъ городѣ. Они скажутъ, что Гамбетта дѣйствительно формируетъ армію; они принесутъ отъ него восторженныя воззванія, одобренія, новыя надежды и... новыя фантазіи: великій ораторъ самъ не свободенъ отъ нихъ.

Взволнованные обѣщаніями, наэлектризованные собственнымъ воображеніемъ, жители опять обращаютъ всю заботу на защиту Парижа. Но орудія, которыми защищается армія—старыя. Нѣтъ пушекъ новаго образца, и общія мечты направлены на полученіе такихъ орудій, которыя могли бы соперничать съ нѣмецкими. Для этого нужны денежныя средства, ибо заводы есть. Тогда начинается соперничество въ изготовленіи пушекъ: булочники снаряжаютъ свою пушку, мясники—свою, разныя общества—свои. Число усовершенствованныхъ пушекъ растетъ и мало-помалу противъ пруссаковъ воздвигается преграда въ видѣ 300 орудій, подаренныхъ разными учрежденіями Парижа. Одной пушкѣ предлагаютъ дать имя «Викторъ Гюго», но поэтъ отклоняетъ эту честь. Другую пушку называютъ «Бетховенъ». Для насъ, привыкшихъ къ заявленіямъ, что даже музыка нѣмецкихъ композиторовъ не должна исполняться теперь въ дни войны, странно слышать о любовномъ отношеніи французовъ во время осады Парижа къ имени нѣмца-композитора, доставившаго своей музыкой столько наслажденія. Еще страннѣе знать, что въ тѣ рѣдкіе дни, когда театры открылись съ благотворительной цѣлью, въ концертахъ исполнялись вещи Бетховена, и не только исполнялись, но именно онѣ вызывали наибольшее волненіе и даже слезы. Падлу 23 октября открылъ серію популярныхъ концертовъ, сборъ съ которыхъ шелъ на пріобрѣтеніе пушекъ. Открылъ онъ ихъ седьмой симфоніей Бетховена; и когда,—разсказываетъ Сарсэ,—онъ дошелъ до andantino, «эта фраза, такая страдальческая, такая раздирательная, произвела на присутствующихъ непередаваемое впечатлѣніе. Слезы навертывались на глаза, и я думаю никогда великое произведеніе мастера не чувствовалось такъ, какъ въ этотъ день: всѣ струны нашихъ душъ вибрировали въ унисонъ съ ними»...

Но когда дѣйствительность представлялась чрезмѣрно печальной, когда отчаяніе врывалось въ душу и терпѣніе готово было истощиться, тогда не мысль о сдачѣ принималась, какъ желанная, а слушались и воспринимались демагогическія рѣчи. Массы населенія шли въ Hôtel de Ville требовать отчета отъ правительства національной обороны. Съ криками и угрозами, взволнованные и страшные, врывались мятежники въ залу за-

сѣданія министровъ, требовали отставки, учрежденія коммуны, выборовъ. На сидѣвшихъ за столомъ министровъ устремлялись ружья, угрозы разстрѣла были близки къ осуществленію. Министры не смущались: Трошю распахивалъ мундиръ, какъ бы приглашая стрѣлять ему въ грудь; Жюль Фавръ, спокойный и невозмутимый, смотрѣлъ на ружья, не двигаясь ни однимъ мускуломъ; Жюль Симонъ старательно, какъ будто дѣло его не касалось, вырисовывалъ карандашомъ какую-то фигурку. Страсти не стихали, катастрофа была близка, но подходили вѣрныя правительству войска, и бунтъ оканчивался ничѣмъ. Тогда правительство, ссылаясь на необходимость убѣдиться въ довѣріи населенія, устраивало плебисцитъ и получало феноменально большое количество голосовъ довѣрія. Послѣ этого защита Парижа становилась еще болѣе упорной.

А провизія все уменьшалась, а количество смертей увеличивалось, а пруссаки подходили все ближе и ближе. 5 января началась бомбардировка самого Парижа и продолжалась, не останавливаясь. Каждый день уносилъ нѣсколько жизней, каждый день разрушалось нѣсколько зданій; каждый день надежды разсѣивались, и мечты о новой арміи, объ усталости пруссаковъ, о свирѣпствующей въ ихъ войскахъ болѣзни испарялись. Четыре мѣсяца населеніе выносило всѣ ужасы осады, и всетаки не приставало къ правительству съ требованіемъ сдачи. Женщины, тѣ самыя женщины, которыя обнаруживали такую кровожадность, выслушивая рѣчи о синильной кислотѣ, устраивали лазареты, пріемные покои, ухаживали за больными и ранеными, забывая свои домашнія дѣла и свои помыслы о «прусскомъ перстѣ». И демагоги, и мирные сторонники правительства одинаково шли для исполненія своихъ обязанностей національнаго гвардейца.

И когда правительство объявило, что всѣ средства исчерпаны, что провизіи остается слишкомъ мало, что оно принуждено капитулировать, только тогда увидали, что дѣло непоправимо. Къ этой вѣсти отнеслись, по словамъ Сарсэ, какъ къ извѣстію о смерти дорогого человѣка, который очень долго страдалъ, болѣя. Съ одной стороны было чувство облегченія: долгія страданія прекратились, съ другой—такъ трудно было разставаться съ нимъ, съ этимъ дорогимъ существомъ, болѣзнь котораго сдѣлала его еще дороже и милѣе.

28 января, въ 8 часовъ вечера, было подписано Жюлемъ Фавромъ и Бисмаркомъ соглашеніе, положившее конецъ борьбѣ.

И. Игнатовъ.

Къ вопросу о возсоединеніи Польши.

(Историческая справка).

Отъ мысли о возстановленіи Рѣчи Посполитой въ ея историческихъ границахъ поляки отказались уже давно. Они сознаютъ трудность возвращенія къ родному стволу тѣхъ вѣтвей польскаго народа, которыя еще во времена политической самостоятельности Польши потонули въ нѣмецкихъ волнахъ и нынѣ лишены собственныхъ руководящихъ классовъ. Они считаются съ національными обособленностями жившихъ подъ польскою государственною кровлею народовъ литовскаго и отчасти русскаго, лелѣющихъ нынѣ свои особые идеалы и свои особыя стремленія. Большинство изъ нихъ считаетъ также несбыточнымъ и возстановленіе независимаго и самостоятельнаго польскаго государства, обнимающаго одинъ только польскій народъ. Но, отказавшись отъ мечтаній своихъ предковъ о Польшѣ «отъ моря до моря», они болѣзненно чувствуютъ всю ненормальность отношеній, создавшихся въ результатѣ раздѣловъ ихъ отечества. Включенные въ составъ трехъ державъ, преслѣдующихъ противоположныя цѣли, они, единые въ своемъ прошломъ, богатые своей культурой, дорожащіе своей вѣрой и своимъ языкомъ, должны удовлетворять неудобоисполнимымъ, но дѣйствительно предъявляемымъ къ нимъ требованіямъ вести три политики, отличаться тремя патріотизмами и тремя лойялизмами. Исходъ изъ создавшагося положенія одинъ. Это — уничтоженіе «границъ, разрѣзавшихъ на части польскій народъ», о которомъ гласитъ воззваніе верховнаго главнокомандующаго русской арміей. «Если бы — писалъ два года тому назадъ польскій публицистъ Евгеній Старчевскій — намъ пришлось выбирать между нѣсколькими политическими комбинаціями, изъ которыхъ однѣ обезпечивали бы намъ лучшія условія, но въ разсѣяніи, а другія худшія, но въ сплоченіи, мы безъ колебанія должны выбрать послѣднія». «Если бы мы даже могли ожидать наилучшихъ условій національнаго развитія той части Польши, которая находится подъ властью Австріи, — читаемъ

въ одномъ изъ послѣднихъ номеровъ варшавскаго журнала «Widnokrąg», — то сохраненіе другой части подъ властью германцевъ, извѣчныхъ, яростныхъ враговъ, единственнымъ традиціоннымъ чувствомъ которыхъ по отношенію къ намъ является ненависть, а единственнымъ стремленіемъ — германизація путемъ преступленія и насилія, — не измѣнило бы трагедіи раздѣла». Поляки признаютъ, что одна только Россія, стремившаяся со временъ Петра В. къ присоединенію всѣхъ земель Рѣчи Посполитой и получившая послѣ Вѣнскаго конгресса наиболѣе значительную часть этихъ земель, имѣетъ возможность совершить объединеніе Польши. Они съ горечью подчеркиваютъ, что со смертью Александра I Россія отказалась отъ мысли объ исполненіи этой своей исторической задачи, что она сама соперничала съ нѣмцами въ политикѣ денаціонализаціи поляковъ, игнорируя даже существованіе польскаго царства и называя его обиднымъ для народнаго самолюбія географическимъ терминомъ «Привислинскій край». Несмотря на сказанное, поляки вѣрятъ въ возвѣщенную имъ зарю новой жизни и ждутъ того момента, когда имъ дано будетъ войти въ составъ россійской державы въ качествѣ единаго, національно сплоченнаго, автономнаго организма, «свободнаго въ своей вѣрѣ, языкѣ и самоуправленіи».

Борьба за независимость и возсоединеніе Польши имѣетъ свою длинную исторію.

Наиболѣе близкими къ осуществленію своей мечты о возстановленіи государства поляки считали себя вскорѣ послѣ паденія Рѣчи Посполитой, когда революціонная Франція объявила старой Европѣ войну за освобожденіе всѣхъ народовъ. Враги Польши были врагами Франціи. Въ эпоху второго и третьяго раздѣловъ Польша отвлекала отъ Франціи силы Австріи и Пруссіи, способствуя тѣмъ самымъ французскимъ побѣдамъ. Во французахъ, горячо привѣтствовавшихъ конституцію 3 мая 1791 г. и выражавшихъ сочувствіе героическимъ усиліямъ Косцюшки, поляки видѣли своихъ естественныхъ союзниковъ. Они стремились оказать Франціи вооруженную помощь въ ея борьбѣ съ Европой въ расчетѣ на то, что впослѣдствіи имъ удастся при поддержкѣ Франціи завоевать свободу для собственнаго отечества. Въ 1797 г. заслуженный польскій генералъ Янъ-Генрихъ Домбровскій, участникъ возстанія Косцюшки, формируетъ первые польскіе легіоны, т.-е. добровольческіе отряды, устроенные по типу французскихъ войскъ, но съ польскими знаменами и съ поляками-офицерами. Съ отчаянною храбростью, преисполненные самыхъ радужныхъ надеждъ, легіонеры сражаются подъ знаменами Бонапарта; въ ихъ рядахъ раздается впервые извѣстная

патріотическая пѣснь «Еще Польша не погибла» (Jeszcze Polska nie zginęła), въ которой выражается призывъ къ «отнятію саблей» того, что захвачено врагами, и къ движенію «изъ итальянской земли въ Польшу» для соединенія съ польскимъ народомъ и поднятія среди него знамени возстанія; но въ этихъ своихъ надеждахъ поляки терпятъ рядъ разочарованій; французы, воздавая должное мужеству польскихъ легіонеровъ, считаютъ ихъ въ сущности простыми наемниками. Въ 1801 г. послѣ заключенія Люневильскаго мира съ Австріей, Бонапартъ, переставши нуждаться въ помощи легіоновъ, продалъ одну ихъ часть итальянскимъ правительствамъ, а другую, въ количествѣ $5^1/_2$ тысячъ человѣкъ, присоединилъ къ французской арміи, предназначенной для усмиренія возстанія негровъ на о. С.-Доминго. Здѣсь почти всѣ бывшіе польскіе легіонеры нашли себѣ смерть: одни отъ убійственнаго климата, другіе — сражаясь за ненавистное имъ дѣло, третьи— подъ клыками собакъ.

Послѣ гибели польскихъ легіоновъ наступаетъ кратковременный періодъ охлажденія поляковъ къ Франціи. Утопическую идею Генриха Домбровскаго о возрожденіи польскаго государства путемъ вторженія въ родную страну съ войсками, сформированными на чужбинѣ, замѣняютъ оказавшіеся не менѣе утопическими планы кн. Адама Чарторыскаго объ объединеніи всѣхъ польскихъ земель подъ скипетромъ Александра I. И Домбровскій, и Чарторыскій преслѣдовали одну и ту же цѣль воскрешенія Польши, но шли къ ней разными путями. Домбровскій вѣрилъ въ силу оружія, Чарторыскій — въ силу дипломатическихъ ухищреній. Домбровскому думалось, что революціонная Франція, провозгласившая «войну королямъ и миръ народамъ», за небольшія въ сущности услуги, оказываемыя ей польскими легіонами, ринется въ борьбу съ тремя державами за освобожденіе Польши. Чарторыскій осуждалъ «безбожную» революцію, якобинцевъ и цареубійцъ; на него, магната, потомка Ягеллоновъ, геній и слава недавняго скромнаго артиллерійскаго офицера Бонапарта не производили впечатлѣнія; его болѣе плѣняли душевныя качества молодого русскаго монарха Александра, который еще въ бытность наслѣдникомъ престола возмущался въ минуты откровенности жестокимъ и несправедливымъ отношеніемъ своей бабки къ Польшѣ. Занявши постъ русскаго министра иностранныхъ дѣлъ, Чарторыскій составилъ планъ переустройства всей Европы и возстановленія прежнихъ территоріальныхъ границъ европейскихъ державъ. Конечно, въ этомъ планѣ онъ отводилъ видное мѣсто Польшѣ. Онъ предполагалъ возстановить польское государство въ предѣлахъ 1772 г., въ тѣсной политической уніи

съ Россiей; русскiе монархи должны были принять титулъ польскихъ королей и даровать Польшѣ собственное правительство и нацiональныя учрежденiя, Пруссiя же и Австрiя получали соотвѣтственныя компенсацiи за отходящiя отъ нихъ земли. Но прусская дипломатiя вскорѣ разрушила сложные планы польскаго патрiота. Пруссiя не только не примкнула къ коалицiи европейскихъ державъ, составившейся въ апрѣлѣ 1805 г. противъ Наполеона, объявившаго себя императоромъ Францiи, но даже сумѣла привлечь на свою сторону русскаго императора, и въ то именно время, когда экзальтированное населенiе Варшавы готовило торжественную встрѣчу будущему «освободителю Польши», Александру I, послѣднiй на гробницѣ Фридриха Великаго въ Потсдамѣ присягнулъ Фридриху-Вильгельму III вѣчную съ нимъ дружбу. Инацiатору хитросплетеннаго плана Чарторыскому не оставалось ничего другого, какъ отказаться отъ своего поста русскаго министра иностранныхъ дѣлъ.

Съ крушенiемъ плана Чарторыскаго погибли надежды поляковъ на Россiю, но не на возстановленiе польскаго государства. Когда въ 1806 г. Пруссiя, встревоженная все возраставшимъ могуществомъ Францiи, объявила ей войну, Наполеонъ назвалъ предстоящую кампанiю *польской* и первый обратился къ полякамъ съ предложенiемъ организовать возстанiе въ прусской Польшѣ. Ему не удалось заручиться поддержкой руководителя возстанiя 1794 г. Косцюшки; для этого чистѣйшаго республиканца императоръ Францiи, окруженный пышнымъ дворомъ и презиравшiй свободу, былъ лишь не внушавшимъ довѣрiя «деспотомъ»; но онъ нашелъ горячiй откликъ въ широкихъ кругахъ польскаго народа, радостно соединявшаго свою судьбу со звѣздой великаго полководца. Подобно урагану, уничтожающему все, встрѣчающееся на пути, Наполеонъ разгромилъ въ одинъ день при Iенѣ и Ауэрштедтѣ прусскую армiю; затѣмъ наложилъ на страну громадную контрибуцiю, занялъ Берлинъ и двинулся къ берегамъ Вислы. Онъ не давалъ полякамъ никакихъ опредѣленныхъ обѣщанiй; онъ говорилъ лишь, что ихъ судьба находится въ ихъ собственныхъ рукахъ; онъ требовалъ военной помощи и громаднаго провiанта, грозя въ случаѣ неповиновенiя сжечь разоренную страну; и поляки, успѣвшiе позабыть обо всѣхъ испытанныхъ ими обидахъ и разочарованiяхъ, исполняли, словно загипнотизированные, всѣ эти приказы; они опустошали амбары и кладовыя, отнимали у крестьянъ остатки зерна и принимали всѣ мѣры къ тому, чтобы «освободители» — французы не испытывали ни въ чемъ недостатка; для раненыхъ и больныхъ превращались въ лазареты дворцы варшавскихъ магнатовъ; для здоровыхъ открывался французскiй

театръ и балетъ. Организовалось и войско. Благодаря всеобщему энтузіазму и щедрымъ пожертвованіямъ поляки набрали 20000 пѣхоты и 6000 конницы; молодая польская армія, вызывавшая сначала пренебрежительную усмѣшку на устахъ Наполеона, скоро заставила измѣнить о себѣ мнѣніе рядомъ подвиговъ при Пултускѣ, Прейсишъ-Эйлау и Фридландѣ.

Въ благодарность за услуги, оказанныя поляками, Наполеонъ образовалъ изъ польскихъ областей, доставшихся Пруссіи по второму и третьему раздѣламъ, такъ наз. герцогство Варшавское. Основанное въ силу Тильзитскаго договора 1807 г., новое герцогство являлось результатомъ компромисса между Франціей и Россіей. Дабы убѣдить Россію и Австрію въ отсутствіи намѣренія возстановить польское государство въ его историческихъ границахъ, Наполеонъ избѣгалъ даже выраженій: *Польша* и *поляки*. Новое государство, составленное изъ коренныхъ польскихъ областей, онъ назвалъ не польскимъ королевствомъ или княжествомъ, а *варшавскимъ* герцогствомъ; конституцію даровалъ не полякамъ, а *«населенію Варшавы и Великой Польши»*, и самое это государство отдалъ въ собственность *саксонскому* королю Фридриху-Августу. Для державъ, опасавшихся возрожденія Польши, варшавское герцогство было лишь саксонской провинціей; для Франціи — французской префектурой, поставлявшей ей деньги и солдатъ; для Польши оно должно было являться наградой за кровь, пролитую ея сынами подъ французскими знаменами. Ничтожность этой «награды» и несоотвѣтствіе ея съ надеждами польскаго народа признавалъ самъ Наполеонъ; представившейся ему польской депутаціи онъ указывалъ на свое положеніе императора Франціи, который долженъ имѣть въ виду прежде всего интересы государства; онъ напомнилъ также о временномъ, переходномъ характерѣ новаго государства. «Все это еще такъ будетъ изломано» — сказалъ онъ, комкая свою шляпу.

Граждане Варшавскаго герцогства называли свое государство «Наполеоновской Польшей». Они жили вѣрой въ Наполеона и усердно служили ему, принося тяжелыя матеріальныя жертвы изъ своихъ скудныхъ средствъ и участвуя въ его походахъ. Въ службѣ Наполеону поляки видѣли спасеніе своей родины и залогъ ея воскрешенія, и въ этомъ сознаніи они почерпали силы для участія въ такихъ предпріятіяхъ Наполеона, которыя, какъ напр. испанская война, были чужды имъ и претили ихъ нравственному чувству. Въ австрійскую кампанію, будучи предоставлены самимъ себѣ, они отвоевали у Австріи значительную часть Галиціи, которая по Вѣнскому трактату 1809 г. была присоединена къ Варшавскому герцогству. Это приращеніе территоріи исключи-

тельно благодаря успѣхамъ польскаго оружія усилило надежды поляковъ на возстановленіе ихъ прежняго государства. Объединившее почти всю Польшу въ ея этнографическихъ границахъ и размѣрами немногимъ уступавшее Пруссіи, Варшавское герцогство превратилось теперь въ государство, съ которымъ стали считаться европейскіе дипломаты, тѣмъ болѣе, что оно находилось на границѣ двухъ могущественнѣйшихъ державъ, Франціи и Россіи, болѣе или менѣе близкое столкновеніе между которыми признавалось неизбѣжнымъ. Австрія вновь возвратилась теперь къ своей мысли о созданіи польскаго государства съ Габсбургомъ на престолѣ; Швеція стала носиться съ планами образованія союза между Швеціей, Даніей и Польшей; венгерскіе революціонеры стремились къ соглашенію съ поляками; наконецъ, Александръ I опять склонился къ своему давнему намѣренію провозгласить себя королемъ Польши и Литвы, которыя для русской династіи являлись бы тѣмъ же, чѣмъ Венгрія для Габсбурговъ.

Надежды поляковъ на возстановленіе ихъ государства достигли своего апогея въ 1812 г., послѣ объявленія Наполеономъ войны противъ Россіи, названной имъ «второй *польской* войной». «Итакъ, будетъ Польша — сказалъ въ сеймовомъ засѣданіи посолъ Матушевичъ послѣ полученія офиціальнаго сообщенія о походѣ противъ Россіи; — но что̀ говорю я? Польша уже есть!» Сеймъ провозгласилъ независимость Польши въ ея историческихъ границахъ и призвалъ къ объединенію всѣ польскія земли. Эта резолюція противорѣчила Тильзитскому и Вѣнскому трактатамъ, которыми Наполеонъ гарантировалъ Пруссіи и Австріи неприкосновенность ихъ польскихъ владѣній, но въ виду ясно выраженнаго въ послѣднее время стремленія Наполеона къ воскрешенію Польши никто не усумнился въ его солидарности съ этимъ рѣшеніемъ сейма. Еще 18 марта 1812 г., при заключеніи съ Австріей оборонительно-наступательнаго союза, Наполеонъ согласился съ австрійскимъ правительствомъ относительно замѣны Галиціи иллирійскими провинціями *въ случаѣ возстановленія бывшей Рѣчи Посполитой*. Отправлявшемуся въ Варшаву французскому послу барону Биньону онъ далъ инструкцію, въ которой, признавая ошибки, совершенныя имъ въ Тильзитѣ и Вѣнѣ, указывалъ на *необходимость возстановленія Польши* въ цѣляхъ поддержанія равновѣсія между Франціей и Россіей и установленія всеобщаго мира.

Въ «великой арміи», двинутой Наполеономъ на Россію въ 1812 г., поляковъ было болѣе 80.000 человѣкъ. Разсѣянные въ ущербъ интересамъ своей родины по разнымъ полкамъ французской арміи —только кн. Іосифу Понятовскому предоставленъ былъ собствен-

ный, пятый, корпусъ, составленный изъ 16-ти исключительно польскихъ полковъ, — они рѣзко выдѣлялись среди ненадежныхъ союзниковъ, готовыхъ при первой неудачѣ французскаго оружія перейти на сторону противника. Они мужественно сражались при Смоленскѣ и Бородинѣ и стойко охраняли плачевное отступленіе «великой арміи». Послѣ бѣгства Наполеона во Францію, когда русскія войска заняли Варшавское герцогство, и императоръ Александръ вновь сталъ увѣрять Чарторыскаго въ своемъ расположеніи къ полякамъ, уцѣлѣвшіе остатки польскихъ войскъ, заявивши устами своего вождя кн. Понятовскаго, что «съ честью нѣтъ сдѣлокъ», продолжали драться рядомъ съ французами при Дрезденѣ, Кульмѣ, Лейпцигѣ. Лишившись въ Лейпцигскомъ сраженіи почти половины своихъ силъ и потерявши своего вождя, эти истые наполеонисты пробрались во Францію и вплоть до вступленія союзныхъ войскъ въ стѣны Парижа поддерживали великаго императора въ его послѣдней борьбѣ.

Съ паденіемъ Наполеона прекратило свое существованіе созданное имъ Варшавское герцогство. Значительная часть его территоріи была присоединена къ Россіи подъ названіемъ Царства Польскаго. Новое государство далеко не соотвѣтствовало первоначальнымъ широкимъ планамъ Александра I. Еще 31 января (12 февр.) 1811 г. Александръ писалъ кн. Адаму Чарторыскому, что подъ словомъ «возрожденіе Польши» онъ разумѣетъ «соединеніе всего того, что прежде составляло Польшу, со включеніемъ русскихъ областей, за изъятіемъ Бѣлоруссіи, такъ, чтобы границами были Двина, Березина и Днѣпръ». Возстановивши Польшу по возможности въ ея историческихъ границахъ, Александръ I соглашался соединить ее съ Россійской имперіей личной уніей и принять титулъ польскаго короля; онъ лишалъ такимъ образомъ Польшу государственной независимости, но предоставлялъ ей полное государственное единство благодаря объединенію подъ русскимъ скипетромъ разрозненныхъ частей ея. На Вѣнскомъ конгрессѣ Александръ I выступилъ съ притязаніями на все герцогство Варшавское, но не давалъ опредѣленныхъ обязательствъ относительно внутренняго устройства новой области. Какъ извѣстно, онъ встрѣтилъ въ этихъ притязаніяхъ протестъ со стороны другихъ державъ, протестъ, грозившій если не войной, то по крайней мѣрѣ разрывомъ переговоровъ. Франція и Англія, видѣвшія въ русскомъ протекторатѣ надъ Польшей угрозу военнаго усиленія Россіи, высказались въ лицѣ Талейрана и Кэслри въ пользу возстановленія *совершенно независимой* Польши въ предѣлахъ 1772 г.; участницы прежнихъ польскихъ раздѣловъ. Австрія и Пруссія, также возстали противъ плановъ русскаго

императора. Возвращеніе Наполеона съ Эльбы сдѣлало участниковъ конгресса болѣе уступчивыми. Александръ получилъ польскую корону, но не овладѣлъ всѣми польскими землями, не предотвратилъ новаго, по счету шестого, раздѣла Польши.

Доставшееся ему отъ конгресса европейскихъ державъ Царство Польское, доставшееся, но не завоеванное, получило въ силу политическихъ обязательствъ, принятыхъ Александромъ на себя на томъ же Вѣнскомъ конгрессѣ, особую конституцію, являвшуюся связующимъ звеномъ между Россіей и новорожденнымъ польскимъ государствомъ. Мы не будемъ слѣдить здѣсь за судьбою польской конституціи 1815 г. «Прекрасная и либеральная», по отзыву самихъ поляковъ, она въ глазахъ главнаго исполнителя ея, в. кн. Константина Павловича, являлась лишь романтической игрушкой либерализма его вѣнценоснаго старшаго брата. Нарушенія конституціи въ связи съ отказомъ Александра передвинуть на востокъ внутреннія границы Царства Польскаго присоединеніемъ къ нему части литовскихъ губерній, которыя еще при Екатеринѣ II перешли къ Россіи, способствовали взрыву возстанія 1830—31 гг.

Возстаніе 1830 г. являлось лишь одной изъ тѣхъ многочисленныхъ революціонныхъ волнъ, которыя послѣ парижскихъ іюльскихъ дней всколыхнули всю Европу, однимъ изъ проявленій международной борьбы прогресса и свободы съ обскурантизмомъ и реакціей. Но въ Польшѣ, какъ въ Италіи или Бельгіи, оружіе возставшихъ неизбѣжно должно было направиться противъ иноземной власти, такъ какъ эта именно власть являлась оплотомъ реакціонныхъ началъ. Возстаніе 1830 г., какъ и другія польскія возстанія, было по самой своей природѣ борьбой за сверженіе иноземной власти и, тѣмъ самымъ, борьбой за народную независимость. Успѣха это возстаніе не имѣло. Собственными силами поляки не могли справиться съ Россіей, а надежды на иностранную помощь оказались по обыкновенію обманчивыми. Ихъ не поддержала даже Франція, на которую у нихъ было особенное основаніе разсчитывать. Враждебное отношеніе имп. Николая I къ Людовику-Филиппу Орлеанскому и іюльской монархіи достаточно извѣстно. Осуществленію плановъ Николая I относительно возстановленія коалиціи 1814 г., разрыва съ Лондономъ и Парижемъ и призванія на французскій престолъ Бурбоновъ помѣшало именно польское возстаніе. Однако Людовикъ-Филиппъ скоро позабылъ о грозившей ему со стороны Николая I опасности и, будучи признанъ Россіей въ своихъ правахъ, не счелъ возможнымъ соблюдать даже простой нейтралитетъ по отношенію къ полякамъ; онъ отказался офиціально признать польское револю-

ціонное правительство, а его министръ иностранныхъ дѣлъ Себастіани, сообщая въ парламентѣ о подавленіи польскаго возстанія, произнесъ памятныя слова: «L'ordre règne à Varsovie». Правда, французское общество не раздѣляло тактики своего правительства. Оно восторженно привѣтствовало извѣстія объ успѣхахъ польскаго оружія, образовало комитеты подъ предсѣдательствомъ Лафайета для поддержки польскаго возстанія, устроило послѣ взятія Паскевичемъ Варшавы внушительную враждебную манифестацію по адресу Россіи, сопровождавшуюся постройкой баррикадъ, нападеніями на министровъ и т. п.; оно выразило свои чувства устами Огюста Бартелеми, который въ сатирическомъ журналѣ «Némésis» посвятилъ взятію Варшавы слѣдующее горячее стихотвореніе:

Noble Soeur! Varsovie! elle est morte pour nous,
Morte un fusil en main, sans flèchir les genoux,
Morte, en nous maudissant à son heure dernière,
Morte, en baignant de pleurs l'aigle de se bannière,
Sans avoir entendu notre cri de pitié,
Sans un mot de la France, un adieu d'amitié!
Cachons nous, cachons nous; nous sommes des infâmes;
Que tardons nous? Prenons la quenouille des femmes;
Jetons bas nos fusils, nos guerriers oripeaux,
Nos plumets citadins, nos ceintures de peaux;
Le courage à nos coeurs ne vient que par saccades;
Ne parlons plus de gloire et de nos barricades;
Que le teint de la honte embrâse notre front.
Vous voulez voir venir les Russes... Ils viendront![1])
. . . .

Но реальной помощи это сочувствіе не принесло полякамъ, какъ не принесли ея и знаки вниманія, проявленнаго населеніемъ другихъ государствъ: Бельгіи, Швеціи, Швейцаріи, Англіи.

Послѣ подавленія возстанія наступаетъ массовая, единственная въ своемъ родѣ, эмиграція поляковъ за границу. Родину покидаютъ сенаторы, сеймовые депутаты, министры, генералы,

[1]) Благородная сестра! Варшава! Она умерла за насъ, умерла съ ружьемъ въ рукѣ, не преклонивши колѣнъ, умерла, проклиная насъ въ послѣдній часъ свой, умерла, орошая слезами орла на своемъ знамени, не слыша нашего сочувствующаго голоса, безъ слова отъ Франціи, безъ дружескаго «прости»! Скроемся, спрячемся! Мы опозорены. Что медлимъ мы? Возьмемъ женскую прялку, бросимъ наши ружья, нашу военную шумиху, гражданскіе плюмажи, кожаные пояса; храбрость только порывами проникаетъ въ сердца наши. Не станемъ говорить больше о славѣ и о нашихъ баррикадахъ. Пусть краской стыда воспламенится чело наше. Вы хотите видѣть, какъ придутъ русскіе... Они придутъ!

ученые, профессора, поэты, литераторы, магнаты, чиновники, офицеры, учащаяся молодежь — въ общей сложности около десяти тысячъ человѣкъ, представляющихъ цвѣтъ польскаго общества и польской интеллигенціи. Одни уѣзжаютъ по необходимости, какъ непосредственные участники возстанія, другіе добровольно, сознавая невозможность всякой дѣятельности при воцарившемся въ Польшѣ режимѣ. Они остаются на чужбинѣ, преимущественно во Франціи, въ теченіе десятковъ лѣтъ, но не ассимилируются съ мѣстнымъ населеніемъ; они создаютъ новое миніатюрное отечество, въ которое вносятъ въ видѣ непоколебимаго догмата вѣру въ необходимость возстановленія своего государства для блага всей Европы: для блага кабинетовъ, такъ какъ возрожденная Польша явится оплотомъ противъ Россіи, и для блага народовъ, такъ какъ именно Польша гарантируетъ народамъ эмансипацію и свободу. Одни изъ нихъ, «демократы», возлагаютъ свои надежды на помощь народовъ, на близость соціальнаго переворота; другіе, «аристократы», — на политическія осложненія въ Европѣ, на усиливающійся среди европейскихъ державъ антагонизмъ, на войну, которая приведетъ къ вмѣшательству въ польскія дѣла; третьи, «мессіанисты», — на нравственное возрожденіе всего человѣчества, на торжество евангелическихъ заповѣдей, долженствующее положить предѣлъ страданіямъ поляковъ и возвратить независимость ихъ родины. Раздѣленные партійно, они объединены общими національными стремленіями. «Divisés par la fureur des factions, adversaires souvent acharnés, les champions de la liberté polonaise — говоритъ въ своихъ мемуарахъ извѣстный префектъ французской полиціи временъ іюльской монархіи и знатокъ польской эмиграціи Gisquet — se sont tous pourtant ressemblés par un trait commun: ils ont eu tous au fond de l'âme un même amour pour leur pays, ils ont aimé leur patrie plus qu'eux mêmes». [1])

Постепенно, однако, и демократы, и аристократы разочаровываются въ своихъ надеждахъ.

Польскій народъ, раздѣленный на три части, лишенный своихъ вождей и руководителей, изнемогавшій подъ гнетомъ чуждой ему и деморализировавшей его власти, оставался глухимъ къ лозунгамъ, выставляемымъ демократами-эмигрантами. Организованный послѣдними въ 1833 г. партизанскій походъ въ русскую Польшу подъ предводительствомъ участника революціи 1830 г.

---

[1]) Раздѣленные партійною яростью, часто ожесточенные противники, борцы за польскую свободу, они, однако, объединялись одной общей чертой: они носили въ глубинѣ души одинаковую любовь къ своей странѣ они любили отечество свое больше, чѣмъ самихъ себя.

Іосифа Заливскаго завершился казнью предводителя и муками участниковъ этого предпріятія. Проникавшіе въ Польшу члены эмигрантскихъ революціонныхъ союзовъ, преслѣдовавшихъ цѣли освобожденія родины («Молодой Польши», являвшейся вѣтвью «Молодой Европы», организованной Мадзини, «Общества польскаго народа» и другихъ) кончали свою жизнь на плахахъ и висѣлицахъ. Въ Нерчинскіе рудники сосланъ былъ ксендзъ Петръ Сцегенный, составившій въ Люблинскомъ воеводствѣ заговоръ съ цѣлью удаленія русскихъ и провозглашенія польской крестьянской республики. Руками самихъ галиційскихъ крестьянъ, поднятыхъ австрійскими чиновниками противъ своихъ помѣщиковъ, потушено было возстаніе 1846 г. И даже въ 1848 г., когда наступила столь жданная демократами-эмигрантами «весна народовъ», когда польское имя гремѣло въ огнѣ революціи, а польская команда раздавалась почти на всѣхъ западныхъ баррикадахъ, когда польскіе генералы вели въ бой итальянскихъ, венгерскихъ, баденскихъ и неаполитанскихъ революціонеровъ, а Мицкевичъ формировалъ свой легіонъ, долженствовавшій содѣйствовать нравственному возрожденію рода человѣческаго, — даже тогда на земляхъ бывшей Рѣчи Посполитой царила кладбищенская тишина; польскій народъ, стонавшій въ русскихъ, прусскихъ и австрійскихъ оковахъ, отсутствовалъ въ семьѣ народовъ, боровшихся за свои права, а польская земля являлась операціоннымъ базисомъ для арміи Николая I, подавлявшаго венгерское возстаніе.

Вскорѣ послѣ подавленія революціи 1848 г., разсѣявшей планы «демократовъ», не меньшая неудача постигла «аристократовъ», свято вѣрившихъ въ дипломатію и въ помощь европейскихъ державъ. Еще въ 1833 г. имп. Николай заключилъ съ Пруссіей и Австріей конвенцію въ Мюнхенгрецѣ, подтвержденную затѣмъ въ Калишѣ, въ силу которой договаривающіяся стороны обязывались оказывать другъ другу содѣйствіе въ случаѣ возникновенія внутреннихъ безпорядковъ, выдавать взаимно государственныхъ преступниковъ и учреждать надзоръ надъ участниками польскихъ возстаній; вслѣдствіе этого каждое новое польское возстаніе должно было бороться съ союзомъ трехъ державъ, участвовавшихъ въ раздѣлахъ. Въ виду такого положенія дѣлъ аристократическая партія въ эмиграціи, съ кн. Чарторыскимъ во главѣ, старалась отнять у польскаго вопроса характеръ революціонный и придать ему значеніе международнаго спора. «Прежде надо быть, а затѣмъ уже думать о томъ, какъ быть», говорили аристократы. Русская дипломатія въ свою очередь протестовала противъ пониманія польскаго вопроса, какъ международнаго, считала его внутрен-

нимъ, давно рѣшеннымъ, а поляковъ изображала неисправимыми разрушителями и революціонерами. Крымская война 1854—55 гг. и пораженія Россіи въ этой войнѣ принесли съ собой то политическое осложненіе въ Европѣ, котораго такъ долго добивались эмигранты-аристократы. Они употребили всѣ усилія къ тому, чтобы не допустить взрыва революціи въ Польшѣ. Польша, дѣйствительно, сохранила спокойствіе, но это молчаніе ея дало иностраннымъ дипломатамъ поводъ считать польскій вопросъ не требующимъ немедленнаго вмѣшательства. Когда же на Парижскомъ конгрессѣ Англія осторожно подняла вопросъ о положеніи поляковъ, она не встрѣтила поддержки даже со стороны Франціи, успѣвшей сблизиться съ Россіей. Парижскій миръ принесъ полякамъ полное разочарованіе: иностранныя державы косвенно признали польскій вопросъ внутреннимъ вопросомъ державъ, участвовавшихъ въ раздѣлахъ.

Послѣдняя попытка дипломатическаго вмѣшательства въ польскія дѣла связана съ послѣднимъ вооруженнымъ возстаніемъ поляковъ на защиту своей независимости. Разочаровавшіеся въ надеждахъ на либерализмъ Александра II, который еще въ 1856 г. указалъ польской депутаціи, представлявшейся ему въ Варшавѣ, на невозможность удовлетворенія польскихъ требованій («point de rêveries. messieurs!»), поляки вновь обратили свои взоры на Францію, на племянника великаго императора, Наполеона III, который старался ввести въ европейскую политику принципъ національности и дѣятельно поддерживалъ итальянцевъ въ ихъ борьбѣ съ Австріей за объединеніе и независимость. Въ 1863 г., когда въ Польшѣ разразилось возстаніе, Наполеонъ III дважды, въ апрѣлѣ и іюнѣ, отправлялъ въ Петербургъ совмѣстно съ Англіей и Австріей коллективныя ноты съ требованіемъ уступокъ полякамъ въ предѣлахъ конституціи 1815 г. Онъ сдѣлалъ даже попытку поднять литовско-русскій вопросъ, такъ какъ повстанцы 1863 г., подобно дѣятелямъ 1831 г., боровшимся «за Литву», настаивали, какъ извѣстно, на нераздѣльности Литвы, Руси и Польши; но Россія въ лицѣ канцлера А. М. Горчакова «разъ на всегда» отказалась отъ обмѣна мнѣніями по поводу этой части своихъ владѣній, на которыя, согласно заявленію Горчакова, не могутъ простираться какія бы то ни было международныя постановленія. Порою казалось, что дипломатическое вмѣшательство закончится вмѣшательствомъ вооруженнымъ. Въ ноябрѣ 1863 г. Наполеонъ открыто заявилъ, что «польскій народъ является мятежнымъ только въ глазахъ Россіи, но въ нашихъ глазахъ онъ—наслѣдникъ правъ, занесенныхъ на скрижали исторіи». Бисмарку удалось, однако, нарушить соглашеніе между защитницами

польскихъ интересовъ и заставить Австрію и Англію отказаться отъ вмѣшательства въ польскій вопросъ. Покинутый союзницами, Наполеонъ лично выступилъ съ предложеніемъ созыва европейскаго конгресса для рѣшенія спорныхъ дѣлъ и въ томъ числѣ польскаго. Въ началѣ 1864 г. въ Лондонѣ собралась международная конференція, но участвовавшіе въ ней представители Англіи и Пруссіи рѣшительно отказались отъ обсужденія польскаго вопроса. Тогда Наполеонъ, призвавши къ себѣ кн. Владислава Чарторыскаго, долженъ былъ ему признаться, что онъ не въ состояніи что бы то ни было сдѣлать въ пользу поляковъ, что польская кровь льется напрасно.

Возстаніе и на этотъ разъ было подавлено. Польскій вопросъ, такъ долго занимавшій европейское общество и европейскую дипломатію, былъ снятъ съ очереди. На Берлинскомъ конгрессѣ 1878 г. въ защиту Польши не поднялся ни одинъ голосъ.

И. Рябининъ.

Очерки прошлаго[1])

П. А. Кулаковскій.

Въ томъ же году (1883 г.) кромѣ затѣяннаго мною и не разрѣшеннаго мнѣ журнала «Земства», я еще носился съ большимъ планомъ по славянству... Я хотѣлъ устроить книжную торговлю русскими книгами въ Бѣлградѣ и въ другихъ славянскихъ земляхъ. — Но это не все. Мнѣ всегда казалось, что славянамъ слѣдуетъ избрать для сношенія другъ съ другомъ русскій языкъ, имѣющій богатую литературу вообще и научную въ частности. Вмѣсто того, чтобы раздроблять свои силы, славянскіе писатели и ученые могли бы кромѣ изданія своихъ сочиненій на родномъ языкѣ издавать ихъ по-русски. Во всякомъ случаѣ, у нихъ былъ бы большій кругъ читателей, чѣмъ въ родной странѣ. Я думалъ для начала издать всѣ шедевры славянскихъ народовъ на русскомъ языкѣ. Конечно, такой трудъ не по силамъ одному человѣку. Имъ должна была заняться наша Академія или какое-нибудь общество. Позднѣе, когда это дѣло пошло бы, то чехъ или сербъ-авторъ обращались бы прямо въ то учрежденіе для напечатанія своего труда по-русски, а сами, можетъ быть, стали бы прилежнѣе учиться по-русски (какъ многіе теперь издаютъ свои труды по-нѣмецки для той же цѣли, чтобы имѣть большій кругъ читателей). Я думалъ, что заинтересую въ этомъ дѣлѣ Хлудова... Прилагаю при семъ письма П. А. Кулаковскаго[2]).

---

[1]) См. № 8 „Гол. Мин.“.
[2]) Извѣстный славистъ, проф. Варшавскаго университета.

I.

Многоуважаемый

Григорій Александровичъ,

Почти каждый день собирался отвѣчать Вамъ на Ваше интересное письмо, присланное вмѣстѣ съ письмомъ для Хлудова, и не успѣвалъ. Ваша записка, мною нынче полученная, показала, что Вы также поджидали моего письма. Ваше письмо къ Хлудову я послалъ по городской почтѣ уже давно, такъ что отослать его Вамъ не могу. Въ эти полтора мѣсяца начавшагося года я былъ занятъ такъ, что, право, мнѣ невозможно было съѣздить къ Хлудову. А съ другой стороны, признаюсь Вамъ откровенно, я принадлежу къ тѣмъ людямъ, которые весьма осторожны съ купцами. Можетъ быть, Хлудовъ и прекрасный человѣкъ, но надобно помнить, я думаю самъ по себѣ, что наша купеческая плутократія вообще склонна къ нѣкоторой надменности, которая для меня вообще противна. Я вполнѣ согласенъ съ Вами, что тотъ, кто возьмется за предпріятіе, Вами намѣченное, заслужитъ великую благодарность отъ потомства, а въ ближайшемъ будущемъ наживетъ и барыши. Мнѣ кажется, что лишь окончательно слѣпые не видятъ, что славянскій вопросъ близокъ къ разрѣшенью, и что насъ русскихъ, во всякомъ случаѣ, онъ касается прежде всего. Понадобятся свѣдѣнія о славянахъ, а ихъ едва ли окажется больше, чѣмъ во время герцоговинскаго возстанія, когда спрашивали, почему герцоговинцы называются именно такъ, и не нѣмцы ли они. Наши публицисты и патріоты вообще односторонни: они никакъ не могутъ понять, что мелочи славянской жизни, и въ прошломъ, и въ настоящемъ, могутъ имѣть важный интересъ для будущаго и нашей Россіи. Мы привыкли слишкомъ свысока смотрѣть на славянскій міръ, и отучить насъ отъ этого задача не легкая. Всегда у насъ или одностороннее изображеніе славянъ — ангелами, непочатыми натурами, полными талантовъ, или, напротивъ того, полное презрѣніе ко всѣмъ славянамъ, какъ къ расѣ низшей, недостойной вниманія цивилизованныхъ русскихъ-европейцевъ.

Прибавьте къ этому полное отсутствіе яркихъ дарованій на славянскихъ каѳедрахъ, да ихъ притомъ полагается по одной всюду. Вы получите результатъ печальный: если мы вправѣ жаловаться на славянъ, что они не знаютъ Россіи и узнаютъ о ней изъ нѣмецкихъ источниковъ, то на столько же, если не больше, въ правѣ обвинять насъ славяне въ невѣжествѣ относительно ихъ и даже въ полномъ индиферентизмѣ къ нимъ...

Мысль о подобнаго рода изданіи давно приходила и мнѣ въ голову. Не разъ я говорилъ объ этомъ Аксакову и другимъ въ былые годы. А теперь, погруженный въ мелкія грустныя и убивающія душу заботы дня учительскаго, я лишь могу отзываться на подобныя предпріятія всѣмъ моимъ сердцемъ и готовъ принять участіе въ качествѣ суроваго работника. Слышали Вы о затѣѣ Славянскаго общества въ Петербургѣ начать изданіе журнала или чего-то въ родѣ этого по славяновѣдѣнію. Я слышалъ это на-дняхъ отъ генерала Кирѣева, пріѣзжавшаго въ Москву. Говорятъ, заправителемъ будетъ Страховъ.

Не работаете ли надъ чѣмъ-нибудь? Вотъ Вы свободный человѣкъ, — и Вы могли бы отдаться теперь серьезнымъ и интереснѣйшимъ изслѣдованіямъ. Теперь, напр., было бы очень кстати какое-нибудь изслѣдованіе о хорватахъ, которые хотѣли было, сослуживъ службу Австріи въ Босніи, усилить свое вліяніе въ Австріи, но сорвалось, и теперь бродятъ во тьмѣ.

До свиданія. Пока благодаритъ за память и кланяется Вамъ

искреннопреданный Вамъ

П. Кулаковскій.

1883 г. 16 февр. Москва.

Получилъ грамм. Вука и Даничича отъ Васъ. Получаете ли преобразованную «Русь.» Тамъ по временамъ будутъ помѣщаться и мои статьи.

II.

Многоуважаемый

Григорій Александровичъ,

Простите меня, что я такъ замедлилъ посылкою Вамъ моего грѣха, исполнившаго роль диссертаціи. Причины двѣ: 1) забылъ, или правильнѣе затерялъ Вашъ адресъ, 2) въ сущности лишь мѣсяцъ тому назадъ мы устроились на квартирѣ, такъ какъ пришлось два раза переѣзжать и мѣнять квартиру по разнымъ причинамъ. А Вы знаете, что значатъ переѣзды для книгъ. Пока разберешься съ ними, потратишь страшно много времени.

Вамъ извѣстно, что я вновь учительствую. Какъ это теперь ни скучно и ни трудно, но — конечно — это дѣло знакомое. Въ университетѣ не оказалось праздной доцентуры или не пожелали имѣть меня на каѳедрѣ славистики, или какъ здѣсь мнѣ объяснили, — просто не считаютъ славистику нужной для русскаго просвѣщенія на столько, на сколько, напримѣръ, классическіе или восточные языки съ литературами и т. д.

Понятно, что, занятый уроками, я не могу быть такъ свободенъ, чтобы отдаться любимымъ занятіямъ. Впрочемъ, не думаю, чтобы такъ дѣло тянулось долго.

Въ политикѣ нашей, теперь, конечно, полная безсмыслица. Славяне имѣютъ право быть недовольными ею. Но съ другой стороны — это время можетъ быть для нихъ и поучительно: они поймутъ, наконецъ, что сами по себѣ — они безсильны, и что лучше смириться съ нашими недостатками, чѣмъ придираться къ нимъ. Я почти убѣжденъ, что наступитъ реакція и этого направленія дѣлъ...,

«Русь» преобразуется въ 2-хъ недѣльную. Въ сущности теперь бы нужно преобразовать ее въ ежедневную, но Аксаковъ усталъ, да и затраты требуются большія.

Что хорошаго дѣлаете Вы? Вѣроятно много работаете? Не пишите ли чего-нибудь?

Да, мнѣ какъ будто помнится, что когда-то (лѣтъ 10 тому назадъ) я Вамъ далъ Serbische Grammatik Вука Караджича въ переводѣ Гримма. Если это такъ, и если книжечка эта у Васъ сохранилась, то не можете ли ее прислать?

Прилагаю одну изъ моихъ статеекъ. Впрочемъ, я бы теперь много въ ней измѣнилъ: иначе думаю о книгѣ Миличевича. Къ сожалѣнію, не имѣю оттисковъ другихъ статей моихъ и не могу послать ихъ къ Вамъ. Сербскія статьи почти и не были въ оттискахъ, русскія — отчасти разошлись, отчасти тоже не были.

Пишите.

Искренно уважающій Васъ

П. Кулаковскій.

28 ноября 1883 г. Москва.

Новгородское земство.

Моя земская дѣятельность ознаменовалась однимъ интереснымъ эпизодомъ въ Новгородѣ...

Новгородское земство обращалось съ ходатайствомъ къ правительству относительно увѣнчанія зданія т.-е. дарованія конституціи. Я былъ въ числѣ ходатайствующихъ и первый, когда увидѣлъ, что люди колебались подписать это обращеніе къ Верховной Власти, подписалъ на листѣ свою фамилію. Министръ внутреннихъ дѣлъ призвалъ тогда Савича, губернскаго предводителя, и, напомнивъ ему, какъ поступили съ тверскими дворянами, спросилъ, желаетъ ли онъ повторенія этого эпизода. Что отвѣчалъ Савичъ, не знаю, но дѣло послѣдствій не имѣло, и ходатайство не было принято.

Новгородцы сдрейфили, какъ говорятъ моряки, и сыграли очень плачевную роль. Предсѣдатель управы Костливцевъ былъ призванъ къ Оржевскому, который огорошилъ его слѣдующею фразою: «Знаете ли Вы, что сдѣлали съ тверскими дворянами. Посадили ихъ въ клѣтки» и т. д... Костливцевъ струсилъ и заявилъ, что, если министру угодно, онъ подастъ въ отставку. Оржевскій прочиталъ ему отеческое наставленіе, требовалъ, чтобы онъ не подавалъ въ отставку, пока министръ не дастъ ему на это приказаніе. То же самое случилось и съ Савичемъ (предводитель губернскій). Онъ тоже растерялся и въ оправданіе принесъ стенографическій оттискъ о засѣданіи. — *Оржевскій:* «Да въ отчетѣ совсѣмъ нѣтъ о требованіи свободы слова. Оставьте этотъ оттискъ, я покажу министру». Все это обошлось келейно, по-семейному (хотя и говорилось, что есть Высочайшее повелѣніе). Повелѣніе не показывалось провинившимся школьникамъ, которые, получивъ ферулу строгаго учителя, покаялись въ своихъ вольныхъ и невольныхъ прегрѣшеніяхъ и были за такое покаяніе отпущены съ миромъ домой.

Канцлеръ Горчаковъ.

Недавно сошелъ въ могилу, пережившій и себя и свою славу, маститый канцлеръ Россіи. Я не находился въ числѣ близкихъ ему лицъ, но знаю многихъ, которые видѣли его почти ежедневно и были въ числѣ его intimes (Стремоуховъ, Стуартъ и много другихъ). Отъ этихъ господъ я слышалъ кое-что объ Горчаковѣ и занесу эти факты въ свою записную книжку. Трудно судить государственнаго человѣка въ монархіи абсолютной, когда все зависитъ отъ личныхъ взглядовъ государя. Государи наши считали себя à tort ou à raison хорошими дипломатами и вели иностранную политику на собственный страхъ.

Удачнымъ министромъ иностранныхъ дѣлъ была Екатерина II, отчасти Александръ I, сломившій Наполеона. Обсуждая политику Горчакова, нельзя не замѣтить двухъ крупныхъ промаховъ. Первый разъ во время франко-прусской войны Россія сыграла безкорыстную дуру и поддержала Пруссію à ses risques et périls, не взявши себѣ ни одного клочка землицы. Компенсаціею — уничтоженіе унизительнаго параграфа Парижскаго трактата, такой пустякъ, о которомъ и не стоитъ говорить. Правда, газеты возносили Горчакова до небесъ и за эту доблесть, и даже министерство явилось in corpore поздравить канцлера. Но это современный судъ, а судъ современный не нелицепріятенъ и не совсѣмъ безкорыстенъ... Вторую ошибку сдѣлали мы, когда

рѣшились послѣ побѣдоносной войны отказаться отъ обладанія Константинополемъ, когда мы, побѣдители, пошли въ качествѣ подсудимыхъ (какъ сказалъ Аксаковъ и многіе другіе) вымаливать у Европы ратификацію нашихъ побѣдъ.

Говорятъ, что, не сдѣлай мы уступокъ, противъ насъ пошла бы вся Европа. Risum teneatis amici. Какая Европа? ***Франція*** была слишкомъ занята своими внутренними дѣлами и слишкомъ напугана войною. ***Германія***, благодаря родственнымъ связямъ государей и честному, рыцарскому характеру Вильгельма, была бы за насъ, несмотря на всѣ происки Бисмарка. Это было бы и хорошею политикою, потому что Германія не была обезпечена на счетъ Франціи. ***Австрія*** со скрежетомъ зубовнымъ, конечно, примирилась бы съ совершившимся фактомъ. Остается одна *Англія*. Вотъ съ нею можно было поторговаться, дать ей острова, Египетъ. Мнѣ всегда смѣшно, когда говорятъ о коалиціи, угрожавшей намъ въ 1878 г. Англія преспокойно проглотила Египетъ, нѣмцы взяли Эльзасъ-Лотарингію и 5 милліардовъ, и никто въ Европѣ не пикнулъ. Даже и конгресса не созвали. Но скажутъ, что Горчаковъ тутъ не виноватъ, виноватъ другой, болѣе авторитетный человѣкъ, но онъ не подалъ въ отставку, потому что это былъ остроумный балагуръ, а не государственный человѣкъ, и человѣкъ жадный, алчный, корыстолюбивый. При громадномъ его богатствѣ, онъ былъ грязно скупъ. Свѣчи отпускались ему по расчету за каждый длинный зимній вечеръ. Перо, чернила, бумагу онъ бралъ изъ министерства. Книгопродавцы посылали ему книги на просмотръ, и онъ всегда устраивалъ такъ, что секретари его выписывали за свой счетъ книги, которыя читалъ самъ канцлеръ на даровщинку. «Mon cher Pritivitz,—говаривалъ онъ,—voilà les livres qu'on m'envoie»,—а потомъ—«renvoyez les», — а потомъ, когда ими пріобрѣтались книги, говаривалъ: «Donnez les moi je les feuilleterais»...

Отказаться отъ мѣста онъ не могъ, потому что содержаніе, получаемое имъ въ качествѣ министра иностранныхъ дѣлъ, — было ему дороже его славы, Россіи и всякихъ другихъ соображеній. О скаредности канцлера разсказываетъ Стуартъ: въ бытность его въ Будапештѣ онъ занялъ всю квартиру Стуарта и жилъ почти на его харчахъ, бралъ его карету, опустошалъ его погребъ, и все это дѣлалось съ видомъ добродушія и ласки. Стуартъ, положимъ, не бѣдный человѣкъ, но, во всякомъ случаѣ, человѣкъ семейный, съ годовымъ доходомъ въ 15 т., имѣетъ много тратъ и безъ такого экстраординарнаго гостепріимства. — Ce vin est très bon, je le prend pour moi. Даже Лейхтенбергскому, который хотѣлъ дотронуться до какого то ликера, онъ замѣтилъ, что

ликеръ предназначенъ ему. Орлова разсказывала мнѣ, что она, когда Горчаковъ былъ гдѣ-то инкогнито (изъ-за скупости) въ Германіи, сказала нарочно содержателю гостиницы, что это канцлеръ Горчаковъ. Содержатель гостиницы и подалъ канцлерскій счетъ, чѣмъ возбудилъ ужасную ярость канцлера.

Вотъ что разсказывалъ гр. Сансе о скаредности князя. Въ Швейцаріи, когда къ нему пріѣхалъ Жомини, онъ огорошилъ его слѣдующими словами: «je ne dîne pas chez moi, on dîne très bien en face», показывая на ресторанъ и далъ тѣмъ понять, что онъ не намѣренъ угостить его обѣдомъ. Другой разъ съ нимъ обѣдалъ Новиковъ и не рѣшился заплатить за обѣдъ. — Канцлеръ вывелъ его изъ затрудненія: «Regardez dans Votre note, si on a mis le dîner. On se trompe parfois».

Третій разъ дѣло было въ отправкѣ телеграммы поздравительной отъ русскихъ въ Швейцаріи. Горчаковъ самъ составилъ телеграмму и передалъ ее кельнеру. «Aber das Geld?» рѣшилъ замолвить словечко кельнеръ. «Das Geld» нашелся Горчаковъ, — «zahlen die Herren», указывая на стоящихъ кругомъ него русскихъ.

Скандальна также еще одна черта въ его характерѣ. Онъ всюду пристраивалъ своихъ родственниковъ. Гирсъ (тупица) тоже вышелъ въ люди, благодаря тому, что женатъ на племянницѣ Горчакова. Поведеніе его сына (посланника въ Мадридѣ) тоже не изъ похвальныхъ.

Что же выходитъ въ итогѣ? Горчаковъ, при несомнѣнномъ умѣ, остроуміи, не обладалъ умомъ государственнаго человѣка, былъ жаденъ, потворствовалъ непотизму и смотрѣлъ на министерство иностранныхъ дѣлъ, какъ на свою вотчину, и когда нужно было ставить на карту не состояніе, а только казенное жалованье, пассовалъ и цѣплялся за это жалованье съ цѣпкостью какого-нибудь Плюшкина. Интересы Россіи были ли дороги ему? Настолько, насколько онъ дорожилъ своею славою. Онъ былъ либеральнаго образа мысли, говорилъ хорошо въ Государственномъ Совѣтѣ, когда дѣло касалось прессы. Но это еще мало.— Лицейская закваска сидѣла въ немъ, и это была хорошая закваска во всякомъ случаѣ. Онъ никогда не хотѣлъ зануздывать печать и всегда ратовалъ за свободу, прислушивался къ общественному мнѣнію. Это былъ бюрократъ старой школы, остроумный, образованный, съ либеральными поползновеніями.

Знаменіе времени въ Петербургѣ.

Бывалъ я въ обществѣ, только рѣже, чѣмъ прежде [1]). Всѣ точно выдохлись и впитятъ напропалую. Не слышно оживлен-

---

[1]) Авторъ въ это время (конецъ 1883 г.) служилъ въ Азіатскомъ департаментѣ мин. ин. д.

ныхъ споровъ, точно все уже пережевано, передумано и самымъ существеннымъ занятіемъ является винтъ, который, кажется, гипнотизируетъ общество. Что это — спячка, разложеніе или роздыхъ передъ подъемомъ умственныхъ и нравственныхъ силъ. Какъ прежде либералы властвовали повсюду, такъ теперь раздается голосъ чревовѣщающихъ ретроградовъ. Какихъ вздоровъ не наслушаешься въ промежутокъ между картами и ѣдою. Салонъ З. Ю. Яковлевой, прежде либеральный и даже радикальный, обратился вдругъ въ правительственный. Ей льститъ, что она знакома съ министрами, съ директорами канцеляріи... Vanitas vanitatum. Бываю я и въ настоящемъ, подлинномъ реакціонномъ салонѣ: И. П. Корнилова [1]). Самъ хозяинъ милѣйшій, добрѣйшій человѣкъ. Говоритъ съ потугами, тягучимъ голосомъ, растягивая слова. Славянофилъ по убѣжденіямъ, онъ сочувствуетъ реакціоннымъ мѣрамъ, хотя неспособенъ сдѣлать кому-нибудь зло. Тамъ бываетъ эпитропъ [2]) Тертій Филипповъ, который стоитъ за университетскій уставъ Толстого. Онъ изрыгаетъ брань противъ новыхъ судовъ, земства, Тургенева и т. д. Теперь это важная персона — товарищъ министра и держитъ себя съ важностью, подобающей его сану. Ораторствовалъ на счетъ того, что министры и директора департаментовъ не должны подавать руки подчиненнымъ, какъ это дѣлалось въ доброе старое время при Пеликанѣ, и въ этомъ, кажется, видитъ основу будущаго благополучія Россіи. Говоритъ съ негодованіемъ о Зарудномъ, который, будто бы, вводитъ адвокатскіе пріемы въ Сенатѣ, защищая горячо какого-то несчастнаго, осужденнаго на каторгу. Ему вторитъ П. П. Семеновъ (тоже сенаторъ). Шепелявымъ голосомъ разсказываетъ онъ о прежней комиссіи при гр. Ростовцевѣ и, какъ говорятъ его ближайшіе друзья, слегка привираетъ. Онъ тоже ругаетъ новые суды и находитъ, что старые суды, куда лучше ихъ. Возражалъ ему кто?— Какъ Вы думаете? — Юзефовичъ — бывшій директоръ (?) Третьяго Отдѣленія. Voilà on le libéralisme va se nicher. Онъ же, Юзефовичъ, декламируетъ стихи Апухтина и вообще стихи съ либеральнымъ оттѣнкомъ.

Тамъ бываетъ Гедеоновъ (сенаторъ), Кирѣевъ, который всегда разсказываетъ какую-нибудь придворную новость, Батюшковъ [3]), Гильдебрандтъ, изъ «Голоса» перелетѣвшій съ легкимъ сердцемъ

[1]) И. П. Корниловъ попечитель Виленс. учебн. округа (1864—1868), членъ совѣта мин. нар. просв., ум. въ 1901 г. *Ред.*

[2]) Гроба Господня; товарищъ госуд. контролера; съ 1889 г. госуд. контролеръ; умеръ въ 1899 г. *Ред.*

[3]) Помп. Никол., бывш. попечит. Виленс. учеб. округа, ум. въ 1892 г. *Ред.*

въ «Берегъ» и теперь реакціонирующій напропалую. Видѣлъ я тамъ и Шейна, собирателя пѣсенъ, почтеннаго Кояловича, который, несмотря на свои симпатіи, признаетъ, что молодежь ведутъ Богъ знаетъ куда. Изъ ученыхъ завсегдатаевъ Бычковъ, а изъ западниковъ самыхъ убѣжденныхъ Ратынскій[1]), любящій за ужиномъ разсказывать какіе-нибудь неприличные анекдоты... Время проходитъ всетаки весело, потому что эти старички живутъ, не то что молодежь, т.-е. люди шестидесятыхъ годовъ. Вообще старики какъ-то живучѣе людей нашего поколѣнія. Послѣдніе извѣрились, изломались. Въ салонѣ Корнилова читаютъ стихи реакціоннаго направленія на Тургенева, на его похороны, на его «Дымъ» и т. д.

На Зарубнаго сыплются со всѣхъ сторонъ нападки. Семеновъ и многіе другіе видятъ въ немъ главнаго виновника зла, т.-е. введеніе новыхъ судовъ, который такъ и называется судомъ Вѣры Засуличъ. Тѣмъ болѣе интересно имъ заняться. Имѣя удовольствіе знать его съ давнихъ поръ, я постараюсь въ краткихъ чертахъ нарисовать его личность. Жаль, что я былъ слишкомъ молодъ въ періодъ его славы и могущества, когда онъ былъ блестящимъ статсъ-секретаремъ. Теперь это старикъ съ нѣкоторыми чудачествами. Одно время онъ занимался садоводствомъ, и вся квартира его была заставлена горшками цвѣтовъ подъ стеклянными колпаками. Потомъ онъ написалъ своего «Беккарію»[2]). Затѣмъ взялся за переводъ Данте. Я все совѣтую ему заняться описаніемъ того времени, когда онъ былъ въ силѣ и разсказать тогдашнія теченія общества. Онъ отвергаетъ отвѣтственность за суд. уставы. Онъ былъ всегда за судъ коронный и даже находилъ, что интересы правительственныхъ учрежденій (госуд. имущ.) должны быть поставлены выше интересовъ частныхъ лицъ. Онъ стоялъ за правду, за гласность суда и за судъ присяжныхъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ. Но при первомъ появленіи его проекта его мысль считалась ужаснымъ новшествомъ. Но прошло нѣсколько лѣтъ, и его обвинили въ отсталости (кн. Гагаринъ). Движеніе переросло его, и тѣ, которые порицали его прежде за опасное новшество, теперь бранили его отсталымъ. Когда же началась реакція, то онъ не угодилъ опять Палену, который захотѣлъ затормозить судебную реформу. Для Польши, для Остзейскихъ провинцій уже давно выработаны проекты новыхъ судовъ, но эти проекты остались подъ спудомъ, а проекты для Остзейскихъ провинцій велѣно хранить подъ секретомъ. Всѣ ухищренія

[1]) Членъ совѣта главн. упр. по дѣламъ печати. *Ред.*

[2]) «Беккарія о преступленіяхъ и наказаніяхъ во сравненіи съ главою X Наказа Екатерины II и съ современными русскими законами». Спб. 1879 г. *Ред.*

Палена ввести поправки къ Уставамъ разбивались о сопротивленія ст.-секр. Заруднаго, который отстаивалъ свое мнѣніе всячески въ Государственномъ Совѣтѣ. Мнѣніе министра претерпѣвало фіаско за фіаско. Не помню, къ какому случаю придрались и доложили государю, что виноватъ во всемъ Зарудный. Живо его перевели въ старый Сенатъ доканчивать свой вѣкъ.

Онъ разсказывалъ мнѣ, какъ онъ возражалъ противъ новаго закона о печати по поводу троекратныхъ предостереженій. Онъ имѣлъ неосторожность привести мнѣніе Эмиля де-Жирардена по этому вопросу. Это нашли въ высшей степени неприличнымъ. Бываетъ онъ изрѣдка у Головнина, котораго Мещерскій назвалъ розовымъ старичкомъ. Тамъ бываютъ литераторы, которыхъ онъ кормитъ тонкими обѣдами. У Заруднаго есть излюбленныя словечки въ родѣ гвалтъ, проказа... учинили мы эту проказу, т.-е., сочинили такой-то проектъ. Въ немъ есть, дѣйствительно, нѣкоторыя странности... Но во всякомъ случаѣ, это человѣкъ, котораго нельзя третировать съ кондачка.

Бываю я иногда у Г. И. Успенскаго. Онъ очень симпатичный, милый, хорошій человѣкъ, я часто съ нимъ спорю. Онъ утверждаетъ, что бѣдность теперешней литературы зависитъ отъ тяжелыхъ условій, въ которыхъ поставлена печать. Я утверждалъ противное, находя, что тяжелое Николаевское время не помѣшало Гоголю, Бѣлинскому, Тургеневу, Достоевскому выйти на свѣтъ Божій.

...Успенскій находитъ, что жизнь теперь сложнѣе и что теперь цѣлая область замурована отъ нынѣшняго литератора. Цѣлой области и самой интересной нельзя касаться.—Тогда пишите за границею,—сказалъ я ему. Онъ разсказалъ мнѣ одинъ фактъ. Одна молодая образованная дѣвушка, экзальтированная и сосланная административнымъ путемъ, встрѣтилась съ какимъ-то рабочимъ, который былъ сосланъ за преступленіе въ родѣ кражи. Онъ сумѣлъ подладиться подъ нея и она вышла за него замужъ. И потомъ сослали куда-то далеко, и вотъ, въ одинъ прекрасный день онъ зарѣзалъ ее и себя самого. Осталась маленькая дочь. Триста верстъ отъ людей. И вотъ эту дочь пріютила какая-то тоже сосланная, потерявшая ребенка. «Вотъ драма,—сказалъ Успенскій,—а мы этой драмы не можемъ касаться».

Видѣлся я и съ (С. Н.) Кривенко. Онъ разсказалъ мнѣ про ссылку Ранцева. Ранцевъ черезъ какого то чиновника добылъ какія-то свѣдѣнія по проекту Толстого и напечаталъ статью въ «Новостяхъ». Когда проектъ провалили въ Государственномъ Совѣтѣ, то кто-то изъ членовъ Государственнаго Совѣта замѣтилъ всемогущему министру, что объ этомъ уже писали въ газетахъ и

очень дѣльно. Толстой навелъ справки и потребовалъ отъ Нотовича признанія, кто доставилъ ему эти свѣдѣнія. Нотовичъ уже былъ готовъ выдать чиновника съ головою, но этому воспротивился Ранцевъ и взялъ вину на себя. Тогда его пригласилъ Оржевскій къ себѣ, а затѣмъ и Толстой, и оба настаивали на томъ, чтобы онъ выдалъ злополучнаго чиновника. Ранцевъ даже упомянулъ Толстому, что онъ, какъ дворянинъ, долженъ понять, какъ постыдно играть роль доносчика. «А въ такомъ случаѣ,—заключилъ пренія Толстой,—Вы выѣдете изъ Петербурга въ 24 часа». — Вотъ человѣкъ, обремененный семействомъ и существующій литературнымъ трудомъ, выброшенъ на улицу!

Гр. Кассини разсказывалъ о случаѣ съ Шуваловымъ, который, хотя и не отличается умомъ, но принадлежитъ къ числу людей, глубоко преданныхъ престолу. Онъ дорожитъ своими вензелями (генералъ свиты). Въ качествѣ Предсѣдателя Тюремнаго Комитета онъ вздумалъ пойти наперекоръ Толстому и въ Государственномъ Совѣтѣ роздалъ членамъ записку, составленную, конечно, не имъ самимъ, въ которой опровергалось цифрами, самыми убѣдительными, мнѣніе Толстого. И вотъ ему велѣно подать въ отставку (онъ числился въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ) и отказаться отъ предсѣдательства въ Тюремномъ Комитетѣ подъ угрозою болѣе строгой кары. Толстой велѣлъ ему сказать, что онъ снимаетъ съ него даже вензеля. «И вотъ человѣкъ,—прибавилъ гр. Кассини,—который отличался своею собачьей привязанностью, вотъ онъ тоже теперь униженный, оскорбленный, находится въ числѣ недовольныхъ».

Вообще надо сказать, что толпа недовольныхъ растетъ съ каждымъ днемъ. Недовольны не мѣропріятіями Правительства, а скорѣе финансовыми мѣрами, которыя бьютъ по карману обывателя Петербурга. Недовольные мѣропріятіями реакціоннаго характера составляютъ меньшинство. Большинство ропщетъ на низкій курсъ, на поборы, на отсутствіе экономіи въ государственномъ хозяйствѣ. Нельзя не отмѣтить слѣдующій курьезъ: Толстой хочетъ повысить дворянство и скоро изъ дворянства сдѣлаетъ особенную привилегированную касту, въ которую не будутъ допускаться чиновники, выслужившіе извѣстный чинъ, а дворянство будетъ даваться по особому Высочайшему повелѣнію. Вмѣстѣ съ тѣмъ, интересы требуютъ того, чтобы привлечь дворянство къ уплатѣ налоговъ. И такъ одинъ министръ (Бунге) дѣйствуетъ наперекоръ другому. Молчаніе прессы объ этихъ щекотливыхъ вопросахъ не уясняетъ положенія вещей. Въ ходъ пошла рукописная литература, стишки и даже, говорятъ, прокламаціи.

Про Побѣдоносцева ходятъ слѣдующіе неказистые стихи:

Побѣдоносцевъ для Синода,
Бѣдоносцевъ для народа,
Доносцевъ для Царя,
Р .·. .цевъ для себя.—

А вотъ еще стихи, проникшіе даже въ заграничную печать:

Собрался въ Гатчинѣ квинтетъ,
На флейтѣ отличается Поссьетъ,
Катковъ читаетъ Илліаду,
Толстой Жуковскаго балладу,
Ванновскій на тромбонѣ играетъ польскій маршъ,
Побѣдоносцевъ читаетъ «Отче Нашъ»,
А Дашковъ-Воронцовъ, въ зубы взявъ гобой,
Поетъ . . . .

Толстой, говорятъ, хвастается тѣмъ, что похоронилъ Кахановскую комиссію. Лозунгъ его — успокоеніе общества, отсутствіе реформъ, потому что никакихъ реформъ не нужно. На нашу жалкую оппозицію онъ можетъ махнуть рукою... Вотъ среди этого затишья, прозябанія общественнаго, вдругъ разнеслась тревожная вѣсть: Судейкина убили въ его же собственной квартирѣ. Убилъ его одинъ изъ покаявшихся соціалистовъ[1]). Заграничныя газеты были полны этимъ дѣломъ, но и въ городѣ ходили самые разнорѣчивые слухи. Это убійство явилось какъ deus ex machina. На самого Корнилова (И. П.) это происшествіе произвело впечатлѣніе лопнувшей бомбы: Значитъ они существуютъ, не всѣхъ поймали, — слышались возгласы со всѣхъ сторонъ. Либералы теперь какъ будто подняли голову, заговорили самоувѣреннѣе, громче и съ нѣкоторымъ злорадствомъ. Самыя похороны Судейкина, по словамъ Стуарта, который на нихъ присутствовалъ, имѣли видъ печальный, мрачный. Какъ ни хотѣли устроить лояльную демонстрацію, но демонстрація вышла жалкою, и неудачною, если сравнить ее съ похоронами Тургенева.

Тутъ не помогло и присутствіе многихъ высокопоставленныхъ лицъ, военнаго эскорта съ музыкою, потому что обыкновенные обыватели отсутствовали на этой печальной процессіи.

Люди измѣняются въ наше время такъ быстро, что не успѣваешь заносить эти метаморфозы въ свою лѣтопись. Давно ли Суворинъ увлекался славянскимъ вопросомъ. Теперь онъ махнулъ на нихъ рукой. Я имѣлъ съ нимъ интересный разговоръ по поводу статьи моей «Наши пессимисты». Оптимизмъ мой ему не понравился. Не понравились ему и мои намеки на болѣе

---

[1]) Извѣстный предатель С. Дегаевъ, устроившій послѣ своего покаянія убійство Судейкина, по требованію революціонеровъ. См. о немъ въ журналѣ «Былое». 1906 г., №№ 4 и 8. *Ред.*

свободныя начала въ русской жизни. — Изъ-за этихъ г...ыхъ (sic) славянъ я не хочу рисковать предостереженіемъ. Не стоятъ они. Когда я напомнилъ ему, что онъ публицистъ, что теперешняя печать что-то бормочетъ себѣ подъ носъ и разучилась говорить, онъ согласился и разразился діатрибою противъ печати.

По его мнѣнію, газеты только одна пагуба, одинъ онанизмъ, ни одной мысли не пустили въ оборотъ. Вотъ Тургеневъ, Пушкинъ — это другое дѣло. — А даже Эмиль де-Жирарденъ, что онъ сдѣлалъ? Все однѣ фразы. Вотъ дворнику не нужна никакая газета, никакая свобода, никакая конституція, а нуженъ ему теплый уголъ, наполнить брюхо. Приравнивая газетное дѣло къ онанизму, онъ настаивалъ на томъ, что слѣдуетъ уничтожить газеты. Вотъ я бы сдѣлалъ такъ: заперся бы на нѣсколько лѣтъ куда нибудь въ крѣпость, чтобы до меня не добрались лихіе люди, и запретилъ на шесть лѣтъ всѣ газеты. Думаю, что будетъ не глупая вещь. Искусство, живопись пускай существуютъ. — «И такъ вамъ остается одно возразилъ я ему, — закрыть лавочку и перестать заниматься онанизмомъ». Это интересный признакъ времени — признаніе Суворина, извѣрившагося въ святость и полезность своей дѣятельности. Ожирѣлъ и потерялъ прежнюю энергію къ дѣлу.

Правительство наше тоже страдаетъ шатаніемъ мысли. Нѣтъ духа жива, нѣтъ умѣнія подобрать себѣ подходящихъ людей. Вотъ существуютъ такіе люди, какъ Кандауровъ, преданный Толстовской системѣ, искренній, убѣжденный консерваторъ, человѣкъ не безъ дарованія, и ему не могутъ найти дѣятельности. Также Татищевъ, перешедшій изъ блестящихъ секретарей посольства въ департаментъ исполнительной полиціи[1]), человѣкъ, годный на всякое, даже не совсѣмъ опрятное дѣло, человѣкъ съ большими способностями. И онъ тоже безъ дѣла и ищетъ куска хлѣба. Правду говоритъ пословица — «Quem deus perdere vult...» И чувствуется, что мы неудержимо стремимся къ какой-то бездиѣ, которая поглотитъ насъ. Промахи наростаютъ одинъ за другимъ, недовольство, неустройства всякаго рода и все это вмѣстѣ готовитъ насъ къ ужасной катастрофѣ, которая не заставитъ долго ждать себя. Довольно.

21 апр.

Послѣдовало увольненіе отъ службы профессора московскаго университета Муромцева и доцентовъ университета св. Влади-

[1]) Серг. Спир. Татищевъ былъ секретаремъ посольства въ Вѣнѣ въ 1881—83 г., чиновникъ особ. поруч. при мин. вн. дѣлъ гр. Игнатьевѣ и гр. Толстомъ. Позднѣе пріобрѣлъ извѣстность своими историческ. трудами. Умеръ въ 1906 г. *Ред.*

міра — Мищенко и харьковскаго — Сыцянко. Ходатайство совѣта московскаго университета о назначеніи доцентомъ магистра Дриля отклонено.

Высочайшимъ повелѣніемъ 5 іюля изъяты изъ обращенія въ библіотекахъ и общественныхъ читальняхъ 125 сочиненій разныхъ авторовъ, русскихъ и иностранныхъ, и слѣдующіе журналы: «Современникъ», «Русское Слово», «Знаніе», «Слово», «Русская Мысль», «Отечественныя Записки», «Дѣло» и «Устои». Отъ содержателей библіотекъ отобраны подписки о невыдачѣ для чтенія этихъ изданій.

Іюль.

Холодно и жарко, скучно, нечего читать и въ ожиданіи холеры... Остается одно: записать мелкіе факты нашей сѣренькой общественной жизни... Происходитъ что-то довольно странное... Вдругъ блеснетъ откуда-то молнія, то опять затихнетъ и опять тишь и благодать — ничего не разберешь... Судейкина убили... Разговоры безъ конца первую недѣлю, потомъ Судейкинъ, Дегаевъ и tutti quanti надоѣли, какъ горькая рѣдька и всѣхъ сдали въ архивъ... Винтъ воцарился снова въ обществѣ, на сценѣ Тамберликъ... Восторги, охи, ахи безъ конца... И вдругъ хлопъ— запретъ «Отечественныхъ Записокъ»... Щедринъ, говорятъ, написалъ своихъ трехъ Мишекъ (Мишка Топтыгинъ I, II, III). Но развѣ общество занималось ими. Прочитали, посмѣялись и опять забыли. Гораздо больше говорили о Тамберликѣ и разныхъ театральныхъ знаменитостяхъ.

Я, конечно, не говорю о зеленой молодежи; та, говорятъ, ходитъ точно потерянная и словно ее обухомъ по головѣ ударили. Принимали также участіе живое и ближайшіе знакомые пострадавшихъ (и то матеріально). Говорили: такому то нечего ѣсть, куда онъ дѣнется... и т. д. Въ салонѣ З. Я. разсказывали, что рѣшено было разомъ прекратить «Вѣстникъ Европы», «Дѣло», «Русскую Мысль», но будто бы Набоковъ былъ противъ такого поголовнаго избіенія журналистовъ. Слишкомъ большое впечатлѣніе произведстъ въ обществѣ, а лучше помаленьку одинъ за другимъ прикончить.

Итакъ, я говорю, что эти мѣропріятія произвели нѣкоторое впечатлѣніе, но не такое сильное, какъ игра какой-нибудь Югальдъ, о которой вдругъ заговорилъ весь Петербургъ. Послѣднее мѣропріятіе насчетъ изъятія, по-моему, даже комично. Вотъ ужъ что называется по воробьямъ изъ пушекъ стрѣлять. И зачѣмъ всѣхъ валить въ одну кучу.

Страшно это легкомысліе, это шатаніе между сатирами Щед-

рина, сочувствіемъ къ Славянству и Югальдѣ, и опереткою.
Оперетка гораздо страшнѣе сатиръ Щедрина. Сатиру Щедрина надо. во-первыхъ, понять, а для этого требуется нѣсколько большее пониманіе.

Все это пришло мнѣ въ голову, когда я въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ присутствовалъ при въѣздѣ свадебнаго кортежа Сергѣя Александровича. Были приглашены на балконъ вся fine fleur, все молодые люди, которые не иначе говорятъ, какъ по-французски, знаютъ до тонкости бульварную жизнь Парижа, всѣхъ лучшихъ портныхъ, гостиницы и, навѣрно, не читавшихъ Щедрина (или только изрѣдка)... И я былъ удивленъ разговорами, которыхъ мнѣ пришлось наслушаться.

Общее впечатлѣніе — разряженная толпа, смотрящая на какое-то опереточное представленіе. Ни капельки почтенія, благоговѣнія. — Золотыя кареты напомнили мнѣ видѣнное въ циркѣ Cendrillon: et maintenant nous allons gueuler (т.-е. кричать ура).

Въ этомъ же шуточномъ тонѣ говорилось о разныхъ взрывахъ. Однимъ словомъ, не видно было ни теплоты чувства, которымъ изобиловали люди Николаевскаго времени, вспоминающіе со слезами на глазахъ о какомъ-нибудь словѣ Николая I. А тутъ точно собрались смотрѣть на какихъ-то скомороховъ, напоминающихъ какой-то церемоніалъ (Людовика XIV) для потѣхи публики... Вотъ это страшно... На такихъ рабовъ нечего и надѣятся, они разбѣгутся при первыхъ выстрѣлахъ... А народъ? Народъ показываетъ уже себя. Въ Нижнемъ Новгородѣ опять погромъ, да почище прежнихъ. Топоры пошли въ ходъ... Вотъ надо было видѣть, какъ встрепенулась петербургская буржуазія. Перестрѣлять ихъ... Тьеръ цѣлыя тысячи разстрѣливалъ... Винтъ даже забыли на минутку. За живое схватило. Почувствовали недомоганіе какое-то, а ну какъ на насъ обратятся теперь эти топоры...

Для того, чтобы понять наше время, недостаточно читать газеты. Газеты уже не выражаютъ того, что творится въ обществѣ. Въ обществѣ офицерскомъ говорятъ, напр., о многочисленныхъ арестахъ. У насъ въ Новгородѣ одного арестовали — сынъ становаго... Говорятъ, скрывалъ Дегаева. Слышно—тамъ и сямъ идутъ аресты усиленные между артиллеристами. Что говорится въ этихъ кружкахъ; одному Богу извѣстно. А газеты говорятъ о разныхъ вздорахъ...

То уничтожаютъ, то возстанавливаютъ Судъ... То захлебываются по поводу права, даннаго земству ходатайствовать о своихъ нуждахъ, то вдругъ весь сенатъ обвиняютъ въ государственной измѣнѣ... И старички стали опасными... Старички просто не

хотятъ тупой, глупой реакціи, изъ которой въ концѣ концовъ ничего не выйдетъ...

Газеты уже раздули эту борьбу съ министромъ Толстымъ въ какое-то важное событіе. Сенатъ позволилъ земствамъ ходатайствовать и запретилъ губернаторамъ задерживать земскія ходатайства. Сенатъ позволилъ казанскому земству отслужить панихиду о Кошелевѣ и Корфѣ. Кому-то мерещатся парламенты наканунѣ французской революціи...

Но довольно. Опубликовано, наконецъ, распоряженіе о приходскихъ школахъ. Вотъ уже ridiculus mus. На всю эту исторію, говорятъ, ассигнуютъ 150.000 р... тогда какъ въ одной нашей губерніи всѣхъ школъ на 200 т. р. Какъ мѣра для образованія, она не имѣетъ никакого значенія, потому что сумма слишкомъ мала, а какъ сдерживающая мѣра нѣчто въ родѣ тормоза... тоже не достигаетъ цѣли, потому что ради пятисотъ школъ (положимъ даже такъ много) — не задержится образованіе въ другомъ духѣ. Да и расчетъ на наше духовенство плохой. Вотъ нашъ попъ Иванъ всегда пьянъ и говоритъ всегда въ риѳму... Другой Мшенскій попъ тоже безъ просыпу...И такъ много придется между этими пастырями отыскивать дѣльнаго трезваго человѣка... Все полу-мѣры; шагъ впередъ, и шагъ назадъ, а недовольство отъ этихъ полумѣръ растетъ. Военные ученые недовольны, что армію сравняли съ артиллеріею. Все, говорятъ, изъ боязни къ образованію. Всѣ министры въ ссорѣ другъ съ другомъ. Единства нѣтъ никакого. Другъ друга подсиживаютъ; интригуютъ, и сплетничаютъ, а при этомъ говорятъ: l'ordre règne à Varsovie. Толстой, безъ сомнѣнія, человѣкъ умный, энергичный, но и онъ ничего не сдѣлаетъ... У насъ еще не могутъ быть Бисмарки...

Онъ справился съ «Отечественными Записками», съ либералами, но справится ли онъ съ холерою, которая не сегодня - завтра пожалуетъ къ намъ въ гости — Vedremo...

Списокъ сочиненій, изъятыхъ изъ обращенія, напечатанъ сегодня «Новостями»...

Эта мѣра бьетъ по карману и только. Другихъ послѣдствій не будетъ. Каждое прекращеніе журнала выбрасываетъ за бортъ цѣлую стаю голодныхъ ртовъ и бросаетъ ихъ въ объятія революціи. Всѣ, начиная отъ сочинителей и кончая какимънибудь несчастнымъ метранпажемъ, всѣ очутятся на мостовой. Не могу не привести здѣсь разсказа Стуарта... Онъ большой любитель конокъ и ради этихъ конокъ теряетъ время... Такой дешевый способъ передвиженія (на верху 3 коп.) ставитъ дѣйств. статскаго совѣтника въ довольно смѣшныя столкновенія. Сидитъ онъ разъ около какихъ-то обтрепанныхъ субъек-

товъ. Начинается между его сосѣдями разговоръ: «Какъ дѣла?—Плохо... Съ тѣхъ поръ, какъ Лориса нѣтъ, тряпка совсѣмъ не идетъ»... Нашъ баронъ прислушивается и въ концѣ разговора понимаетъ, что эти моветоны во время Лориса поставляли тряпку на бумажныя фабрики, а фабрики, послѣ закрытія многихъ журналовъ, газетъ, стали меньше требовать этой самой тряпки. И вотъ все такъ въ нашей соціальной жизни. Каждое правительственное распоряженіе захватываетъ самый широкій кругъ разныхъ мелкихъ интересовъ и порождаетъ неувѣренность въ будущемъ въ какомъ-нибудь тряпичникѣ, которому, наприм., нѣтъ дѣла до литературы, создаетъ почву, удобную для всякихъ анархическихъ и революціонныхъ экспериментовъ.

Гр. де-Волланъ.

Сибирскія воспоминанія 1883—1903.

I.

Путешествіе въ Сибирь.

Изъ Одессы насъ, 22 человѣка, осужденныхъ военно-окружнымъ судомъ, посадили въ арестантскій вагонъ и повезли въ Москву. Въ Москвѣ вагонъ продержали сутки на запасномъ пути. Тутъ присоединились къ намъ еще два вагона съ ссыльными изъ Москвы и Петербурга, главнымъ образомъ, административными. Образовалась, такимъ образомъ, партія «государственныхъ преступниковъ» около ста человѣкъ, въ числѣ которыхъ были женщины, дѣвушки и нѣсколько «добровольныхъ» (такъ называла ихъ администрація) женъ. Это были жены осужденныхъ, пожелавшія отправиться въ ссылку за своими мужьями. Къ вечеру тронулись въ путь и на другой день пріѣхали въ Нижній. Здѣсь насъ пересадили на баржу, палуба которой была обтянута желѣзной сѣтью, а по бортамъ стояла цѣпь вооруженныхъ солдатъ. Запаслись мы провизіей, необходимыми принадлежностями для путешествія черезъ своихъ конвоировъ. Подошелъ пароходъ, взялъ нашу баржу на буксиръ, и двинулись мы въ путь, путь далекій, совершенно намъ неизвѣстный.

Живо у насъ образовалась коммуна, сорганизовались хозяйственная и продовольственная часть. Получаемые казенные кормовые (лицамъ привилегированнымъ 15 коп., а податного сословія 10 коп. въ сутки), а также собственныя деньги нѣкоторыхъ товарищей составляли общую кассу. И нашъ дружный мірокъ, отдѣленный отъ всего міра желѣзной сѣткой, какъ одна семья безъ печали и унынія, съ гордымъ сознаніемъ честно исполненнаго долга, поплылъ въ невѣдомую даль.

Недѣля такого плаванія до Перми ранней чудной весной по величественнымъ рѣкамъ, Волгѣ и Камѣ, совмѣстная жизнь съ товарищами послѣ долгаго одиночнаго заключенія, послѣ всякихъ терзаній во время слѣдствія и на судѣ, все это заставило насъ

забыть, что мы обречены на долгое изгнаніе, оторваны отъ дорогого намъ дѣла, отъ родныхъ, друзей, и идемъ въ сибирскую тундру на каторгу, на всевозможныя лишенія.

Это было даже веселое, можно сказать, пріятное путешествіе. Больные товарищи поправились, набрались силъ и здоровья въ запасъ будущихъ невзгодъ. Кто увидѣлъ бы эту плывшую тюрьму съ жизнерадостными пассажирами, кто услышалъ бы, какъ могуче лилась, особенно по вечерамъ, свободная пѣснь надъ широкой рѣкой, будившая грозные утесы отъ вѣкового сна, тотъ никогда не подумалъ бы, что въ этой баржѣ увозятъ тяжкихъ преступниковъ—«разрушителей государственнаго и общественнаго строя».

На пристаняхъ, гдѣ останавливался нашъ пароходъ для закупки дровъ и провизіи, собирался народъ и съ удивленіемъ разсматривалъ насъ. Не одна сотня баржъ, не одна тысяча закованныхъ и бритыхъ людей ежегодно проплываетъ мимо этихъ береговъ. И береговой житель понималъ, за что́ правительство гонитъ ту сѣрую, обездоленную, безправную массу, почему и далъ ей характерное прозвище—«несчастенькіе». Въ насъ же они видѣли особыхъ арестантовъ—«господъ» въ кандалахъ и въ арестантскихъ халатахъ. И не могли понять, что за злодѣйство мы учинили. Почему привольную «господскую» жизнь мы промѣняли на арестантскую. Особенно интересовались нашими женщинами.

— И чтой-то вотъ эта молоденькая нагрѣшила?.. Аль муженька извела, аль дятенка удушила?..—Не разъ слышалось съ берега по адресу одной изъ нашихъ товарокъ, красивой, жизнерадостной, вѣчно-веселой Фанни Морейнисъ.

Не разъ болѣе любопытныя изъ бабъ пытались подойти поближе, заговорить съ ней, хотѣлось имъ отъ нея самой услышать про совершенное ею злодѣйство. Но конвойные грубо и грозно отгоняли любопытныхъ подальше.

Въ Перми баржу нашу снова смѣнила чугунка, и по стальному пути мы, переваливъ уральскій хребетъ, добрались до Екатеринбурга. Отсюда тронулись цѣлымъ поѣздомъ уже на лошадяхъ до Тюмени. Въ каждомъ тарантасѣ насъ, «преступниковъ», было по 4, да 3-ое конвойныхъ. Лихо везли насъ, по этой дорогѣ. Въ одномъ изъ тарантасовъ отъ такой ѣзды сломалась ось, и вся сидящая въ тарантасѣ публика вылетѣла вонъ. Одна изъ женщинъ порядкомъ ушиблась. Но скоро все привели въ порядокъ, и мы пріѣхали въ Тюмень, откуда предстоялъ снова водяной путь по Иртышу и Оби до Томска.

Пріѣхали мы въ Тюмень 13 мая. Насъ помѣстили въ пересыльной тюрьмѣ, объявивъ, что 15 мая мы поѣдемъ дальше.

На 15 мая была назначена коронація, и мы сильно были заинтригованы, что дастъ намъ этотъ день. Тюремный инспекторъ на наши вопросы отвѣчалъ какъ-то загадочно, уклончиво.

— Все можетъ быть,—говорилъ онъ.—Ни одно коронованіе русскихъ государей не проходило безъ великихъ милостей. Можетъ быть, и назадъ вернетесь...

Въ то время шли переговоры правительства съ представителями Народной Воли. Хотя у насъ не было точныхъ свѣдѣній объ этихъ переговорахъ, но невольно хотѣлось вѣрить, что правительство пойдетъ на уступки. Поговаривали о конституціи, о широкой амнистіи, и зарождались невольно надежды о возвращеніи на родину.

— Чѣмъ чортъ не шутитъ!—говорили болѣе легковѣрные.— Поѣдемъ, ребята, отсюда обратно съ тріумфомъ. На тройкахъ будутъ развиваться красные флаги!.. Въ Екатеринбургѣ намъ подадутъ особый поѣздъ!.. Публика встрѣтитъ, забросаетъ цвѣтами...

Такъ мечтали и говорили вслухъ легковѣрные. Скептики же молчали, но въ душѣ тоже лелѣяли надежду на 15 мая.

Настало, наконецъ, и 15 Мая. Вмѣсто ожидаемой амнистіи намъ объявили, что всѣ лишенные правъ подлежатъ бритью лѣвой половины головы. До этого времени никого изъ государственныхъ не брили до прихода каторжанъ на Кару. Мы заявили, что не позволимъ брить товарищей. Забаррикадировали дверь тюрьмы, вооружились, чѣмъ попало. Начались переговоры съ начальствомъ. Инспекторъ, въ концѣ-концовъ, объявилъ, что не будутъ брить товарищей, если мы спокойно выйдемъ во дворъ для переклички и сдачи насъ конвою, который уведетъ насъ и посадитъ на баржу для слѣдованія въ Тюмень. Но не успѣли мы выйти во дворъ и вынести свой багажъ, какъ моментально были окружены цѣлымъ отрядомъ солдатъ. И тотъ же инспекторъ потребовалъ всѣхъ подлежащихъ бритью выйти изъ круга для производства надъ ними позорной операціи. Возмущенные такимъ вѣроломствомъ, мы запротестовали и не пустили товарищей. Инспекторъ предупредилъ насъ, что солдаты будутъ стрѣлять. Офицеръ уже скомандовалъ «готовсь». Солдаты взяли на прицѣлъ. Партія не шевелилась, а наши женщины (у нѣкоторыхъ на рукахъ были дѣти) вышли на переднюю линію съ крикомъ: «стрѣляй прежде всего въ насъ»!

Прошло не болѣе минуты, но она показалась всѣмъ очень долгой. Всѣ ждали приказа: «пли»... И вдругъ услышали: «отставить!» Ружейные приклады гулко стукнулись о землю.

Снова вступили въ переговоры. Инспекторъ клялся, что получилъ по телеграфу изъ Петербурга распоряженіе брить каторжныхъ. Увѣрялъ, что ему нагоритъ за неисполненіе этого приказа. Но мы стояли на своемъ: живыми не дадимся.

— Будь, что будетъ!—махнулъ рукой заскорузлый тюремщикъ.—Ступайте съ Богомъ... Ради вашихъ женъ уступаю.

И мы отправились на приготовленную для насъ баржу.

— Ну и отчаянныя же вы, барыни,—напутствовалъ инспекторъ нашихъ дамъ.—Только знайте: въ Томскѣ все равно брить будутъ,—добавилъ онъ.

Къ вечеру пароходъ взялъ нашу баржу на буксиръ, и мы тронулись въ путь. Десять дней совершалось плаваніе до Томска. Внизу Оби ледъ еще не прошелъ, и насъ у Сургута затерло льдомъ. Простояли мы тамъ два дня, пока очистилась рѣка отъ льда.

Два дня мы смотрѣли съ баржи на жалкій городишко. Жители его все время толклись на берегу, разглядывая насъ съ любопытствомъ. Удручающе подѣйствовала на насъ слѣдующая сцена. Среди сургутской публики стоялъ и безучастно глядѣлъ на нашу баржу почти молодой человѣкъ, одѣтый въ инородческій костюмъ. Рядомъ съ нимъ была женщина-остячка. Какъ-то странно было видѣть эту пару рядомъ. На лицѣ, несомнѣнно интеллигентномъ, была видна полнѣйшая апатія. Глаза безжизненны. И рядомъ съ нимъ полудикарка скалитъ зубы, показывая своему спутнику на насъ пальцами.

— Боже мой, да это Ивановъ!—вскричала одна изъ нашихъ барынь.—Ивановъ! Ивановъ! Это вы?.. Не узнаете?.. Что съ вами?—кричала она.

Тотъ поднялъ глаза, всмотрѣлся въ говорившую.

— Это вы, Ольга?.. Вотъ гдѣ увидѣлись!.. Куда?.. Въ Сибирь?.. Какъ-то медленно-вяло задавалъ вопросы Ивановъ.

— Но что съ вами?.. Какой видъ?.. Какъ живете?..—волновалась Ольга.

— Ничего, живу... Вотъ моя жена,—указалъ Ивановъ на стоящую возлѣ него остячку.

— Но что же вы насъ не разспросите ни о чемъ?.. Знаете, со слѣдующей партіей идетъ Софья, ваша сестра!.. Она на каторгу осуждена... Боже мой, Боже мой. Онъ ничѣмъ не интересуется. Онъ погибъ!.. Это ужасно... Это хуже смерти...

Разстроенную дѣвушку пришлось увести съ палубы. Мы всѣ были подавлены происшедшей сценой. Невольно каждый изъ насъ содрогался при мысли, что и его, можетъ быть, ждетъ такая же участь въ ссылкѣ.

Ивановъ, артиллерійскій офицеръ, былъ сосланъ админи-

стративнымъ порядкомъ три года тому назадъ въ Сургутъ. Три года ссылки въ такомъ звѣрномъ логовищѣ,—и вотъ результатъ. Передъ нимъ сто слишкомъ человѣкъ единомышленниковъ, и онъ не интересуется ничѣмъ. Даже извѣстіе, что его любимая сестра идетъ на каторгу, онъ выслушалъ спокойно. Изъ энергичнаго, образованнаго человѣка въ три года получился живой трупъ. Еще кое-кто пробовалъ разговориться съ несчастнымъ Ивановымъ, но безуспѣшно. Наши сообщенія его не интересовали. На вопросы онъ отвѣчалъ отрывисто, неохотно. Затѣмъ, взявъ за руку жену, онъ удалился съ берега и больше не показывался. Въ Сургутѣ, кромѣ Иванова, никого не было изъ государственныхъ ссыльныхъ. Бѣдняга не выдержалъ и вскорѣ послѣ нашего проѣзда застрѣлился.

Подошли мы, наконецъ, къ Томску. Вышли на берегъ. Насъ окружили солдаты, и мы пѣшкомъ пошли съ пристани въ пересыльную тюрьму. По дорогѣ насъ встрѣтили томскіе ссыльные товарищи. Конвойные не подпускали ихъ близко, отгоняли отъ насъ. Они шли поодаль и сообщали намъ новости. Оказалось, что они уже знали о тюменьской исторіи съ нами. Сообщили, что здѣсь уже имѣется распоряженіе обрить нашихъ товарищей насильно. Сообщили, что насъ долго продержатъ въ Томскѣ, спрашивали о нашихъ нуждахъ и т. п. Предупредили насъ, что «добровольныхъ женъ» здѣсь будутъ выпускать въ городъ, а потому дали свои адреса.

Тутъ былъ Соломонъ Чудновскій [1]) по большому процессу, сестры Корниловы, Присѣцкія и др., не помню теперь кто... Это была для насъ радостная встрѣча.

Въ пересыльной тюрьмѣ намъ отвели двѣ громадныхъ казармы съ отдѣльнымъ дворомъ. Дверь на день не запиралась, и мы сейчасъ же принялись за устройство и приспособленіе жилища на болѣе продолжительное время. Никто не имѣлъ особеннаго желанія торопиться къ мѣсту своего назначенія. Черезъ недѣлю пришла еще партія, большею частью административно-ссыльныхъ, такъ что насъ набралось свыше 150 человѣкъ. Жилось намъ тутъ недурно. «Добровольныя жены» ходили въ городъ, приносили намъ новости. Погода стояла чудная. Дворъ былъ обширный, даже съ садикомъ.

Но вскорѣ вновь возникъ вопросъ о бритьѣ. Мы заявили, что не дадимъ, не позволимъ брить товарищамъ головы. На открытое насиліе власти не рѣшились. Обманомъ увели каторжанъ поодиночкѣ въ городъ, засадили въ городскую тюрьму, и тамъ, съ насиліемъ, обрили головы. Когда товарищи снова вер-

---

[1]) Умеръ въ прошломъ году въ Одессѣ.

нулись къ намъ, головы у всѣхъ были обезображены, а у Иванайна, сильно сопротивлявшагося при операціи, была изрѣзана и кожа на головѣ.

Тутъ у насъ произошли кое-какія событія. Пріѣхала невѣста къ товарищу Панову. Въ тюремной церкви состоялось вѣнчаніе. У Осмоловской заболѣлъ скарлатиной ребенокъ и умеръ. Тутъ же умеръ нашъ товарищъ по процессу—Петръ Клименко.

Хотя наша казарма была отдѣлена особымъ дворомъ отъ казармъ уголовныхъ ссыльныхъ, но сообщенія съ ними все-таки завязались. Какъ-то появился на дворѣ у насъ пожилой съ просѣдью уголовный арестантъ и предложилъ «смѣну». Дѣйствительно онъ, какъ двѣ капли воды, походилъ на товарища Дзвонкевича, осужденнаго на безсрочную каторгу. Смѣнщику была назначена ссылка въ г. Маріинскъ. Вотъ онъ и предложилъ помѣняться ролями. Онъ долженъ былъ перейти въ нашу казарму, а Дзвонкевичъ въ уголовную. Когда Дзвонкевичъ дойдетъ до Маріинска подъ его именемъ и освободится отъ конвоя, то сейчасъ же можетъ скрыться, такъ какъ за уголовными не особенно слѣдятъ. А смѣнщикъ подъ именемъ Дзвонкевича долженъ былъ дойти съ нами до Иркутска и тамъ только заявить начальству, что онъ смѣнщикъ. Дзвонкевичъ же въ это время уже будетъ въ безопасности, а смѣнщикъ отдѣлается лишь розгами. И за всю эту музыку просили съ насъ всего лишь пятьдесятъ рублей. Соблазнъ былъ великъ, но по разнымъ соображеніямъ пришлось отказаться отъ этого предложенія.

Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, Дзвонкевичъ, все время сильно мечтавшій о побѣгѣ, рѣшился на отчаянную попытку. По дорогѣ въ Иркутскъ, прямо изъ-подъ конвоя онъ бросился въ лѣсъ, но былъ настигнутъ солдатами, избитъ и исколотъ штыками. Оправившись отъ ранъ, онъ все-таки былъ доставленъ на Кару, гдѣ и отбылъ свой срокъ, нѣсколько уменьшенный послѣдовавшими манифестами.

Въ это время измѣнился порядокъ пересылки государственныхъ ссыльныхъ. Возили до сего времени политическихъ отъ Томска до мѣста назначенія поодиночкѣ на тройкахъ съ двумя конвоирами. Это стоило громадныхъ денегъ. Теперь же рѣшили отправлять пѣшимъ порядкомъ небольшими группами подъ особымъ конвоемъ слѣдомъ за общеуголовными партіями арестантовъ. Былъ составленъ списокъ такихъ группъ по усмотрѣнію начальства, но мы не согласились и потребовали составить группы по нашему желанію. Снова пререканія, столкновенія. Группы двѣ или три были отправлены въ составѣ по указанію начальства, а затѣмъ сдѣлали уступку, и мы сами подобрались по своему выбору.

И такого пѣшаго пути было отъ Томска до Иркутска 1500 в. Каждый день по одному переходу въ 20—25 верстъ, а черезъ 2 дня дневка на сутки. На этапахъ намъ отводили отдѣльное помѣщеніе отъ уголовныхъ. Для багажа давали подводу, и для лицъ привилегированнаго сословія также полагалась лошадь.

Настала очередь и мнѣ выступать изъ Томска. Группа, въ которой я шелъ, состояла изъ 5 лицъ, товарищей по процессу и двухъ солдатиковъ изъ Петропавловскаго гарнизона по дѣлу о покушеніи на освобожденіе Нечаева изъ крѣпости. Я одинъ имѣлъ право на четверть подводы, но такъ какъ ни лошадь, ни телѣгу нельзя было раздѣлить на 4 части, то съ нами шла подвода цѣликомъ, и часто она выручала уставшихъ или ослабѣвшихъ.

Дорогой приходилось не разъ вступать въ столкновеніе съ грубыми конвойными начальниками, мѣнявшимися каждые два дня. Эти офицеры не могли мириться съ тѣмъ, что мы, лишенные правъ, не позволяемъ оскорблять себя. А потому зачастую дѣлалась попытка показать свою власть надъ безправнымъ арестантомъ, и всякій разъ слѣдовалъ надлежащій съ нашей стороны отпоръ. Кромѣ того, наше присутствіе при уголовной партіи стѣсняло конвойнаго офицера. На нашихъ глазахъ они не рѣшались обижать уголовныхъ. Уголовные, видя нашу стойкость, наше поведеніе съ начальствомъ, относились къ намъ съ сочувствіемъ, хотя мы старались не входить съ ними въ близкія сношенія. Уголовный арестантъ не понималъ, почему такая разница въ обращеніи конвойнаго начальника съ нами и съ ихъ братомъ, хотя приговоръ ставилъ и ихъ, и насъ на одну доску, одинаково лишалъ правъ, ставилъ внѣ закона. Уголовный видѣлъ въ насъ баръ, которымъ даже въ кандалахъ дается привилегія. Сочувствуя нашимъ протестамъ противъ разныхъ поползновеній конвоя и даже завидуя нашему въ этомъ успѣху, уголовный старался сблизиться, войти въ сношенія съ нами, но не для того, чтобы отъ насъ почерпнуть поддержку, научиться и самому отстаивать свои нарушенные интересы, а исключительно съ цѣлью чѣмъ нибудь поживиться, подъ какимъ-либо предлогомъ выманить у насъ денегъ. Пробовали мы не разъ говорить съ ними, указывать на ихъ ужасное положеніе, но ничего не выходило изъ этого.

— Посмотрите,—говорили мы уголовнымъ,—насъ 7 человѣкъ, а конвойныхъ 10. Васъ же 400 человѣкъ, а конвой вашъ всего 25 солдатъ. И вы боитесь протестовать, не рѣшаетесь отстаивать себя отъ произвола конвоя.

На это уголовные только махали рукой и отвѣчали.

— «Шпанка [1])» народъ нашъ. Согласія никакого и темнота. не можемъ дружно дѣйствовать».

Не доходя до Красноярска, на одномъ изъ переходовъ у насъ произошло маленькое дорожное приключеніе. Если я не ошибаюсь, этапъ называется Малый Кемчугъ. Конвойный начальникъ, пожилой капитанъ, въ дорогѣ не проявлялъ никакихъ репрессій. Какъ только мы пришли на дневку и расположились въ отведенной намъ камерѣ, пришелъ туда денщикъ капитана съ подносомъ, уставленнымъ разными сластями, закусками и фруктами. Помню свѣжую рѣдиску и сливочное масло, про существованіе которыхъ мы успѣли уже забыть.

— Барыня прислала все это вамъ, — доложилъ намъ денщикъ.

Насъ это удивило, и мы сказали денщику, чтобы онъ отнесъ все назадъ своей барынѣ. Мы, молъ, не нуждаемся и подношенія не принимаемъ.

Черезъ полчаса вбѣжалъ въ камеру самъ капитанъ. Хваталъ насъ за руки, увѣрялъ въ своемъ сочувствіи къ намъ и просилъ принять это угощеніе, какъ дружеское. Увѣрялъ онъ насъ, что всегда всѣмъ проходившимъ политическимъ старается онъ сдѣлать что-нибудь угодное. Нашъ отказъ глубоко огорчилъ его и его жену. Онъ самъ сынъ поляка, сосланнаго въ Сибирь за мятежъ, и видитъ въ насъ не преступниковъ, а жертвъ царящаго въ Россіи гнета и т. п. Словомъ, уговорилъ. Мы приняли угощеніе. Затѣмъ онъ прислалъ намъ газетъ и не велѣлъ запирать камеру. Мы свободно цѣлый день выходили на дворъ гулять.

Уголовные арестанты, сосланные на каторгу, зачастую бѣгутъ совершенно свободно изъ мѣста своего заключенія. Весной толпами уходятъ арестанты изъ тюремъ, и никто не безпокоится объ этомъ. Бѣжавшихъ продолжаютъ числить по спискамъ и выводятъ въ отчетахъ полное положеніе по содержанію ихъ. Это главная статья дохода тюремной власти. И вотъ съ весны до поздней осени на протяженіи всего тракта отъ Забайкалья до Урала бредутъ бѣглецы. Никто ихъ не ловитъ, никто не задерживаетъ, разъ они не совершаютъ по дорогѣ преступленій. Жители сибирскихъ деревень подаютъ этимъ несчастнымъ хлѣбъ, иногда копеечку, и разрѣшаютъ даже ночевать въ баняхъ (у каждаго почти сибиряка имѣется собственная баня на задворкахъ).

Что за жизнь, какимъ мытарствамъ, какимъ лишеніямъ подвергались эти несчастные въ дорогѣ, говорить не буду. Имѣет-

[1]) Такъ называютъ въ Сибири уголовныхъ арестантовъ.

ся уже по этому поводу обширная литература. Много такихъ бродягъ гибнетъ отъ голода, лишеній, таежнаго звѣря и даже отъ руки своего же брата, такого же бродяги. Рѣдко кому изъ нихъ удается перевалить черезъ Уралъ. Большинство застрѣваетъ въ Западной Сибири и зимой снова заполняетъ тюрьмы. Попавшіе въ тюрьму уже называются не своими именами, а вымышленными, особыми бродяжническими кличками и зачисляются въ разрядъ «непомнящихъ родства». Весной ихъ снова гонятъ этапомъ, но уже какъ бродягъ. За бродяжничество полагалось поселеніе. Такъ и совершался вѣчный круговоротъ. На востокъ гнали ежегодно этапнымъ порядкомъ десятки тысячъ людей, а съ востока на западъ люди сами шли обратно. Въ слѣдующемъ году ихъ снова гнали по этапу. Властямъ все это было извѣстно, но подѣлать ничего не могли. Ко времени, о которомъ я пишу, была принята мѣра къ уменьшенію бродяжничества. Бродяга наказывался теперь пятилѣтней каторгой, нѣсколько времени позже—ссылкой на Сахалинъ. Но и эта мѣра не прекратила бродяжничества, и съ Сахалина убѣгали.

Такъ вотъ изъ такихъ молодцовъ, не разъ уже промѣрявшихъ многострадальный Сибирскій трактъ, и состояла уголовная партія, при которой шла наша группа. Это была сплоченная, крѣпко сорганизованная по традиціямъ бродяжничества партія. Конвойному начальнику приходилось зачастую считаться съ желаніями и установившимися въ ней порядками. На многое конвой смотрѣлъ сквозь пальцы, лишь бы не произошло побѣга во время пути. И, дѣйствительно, побѣга въ пути тогда не бывало. За этимъ зорко слѣдила сама партія.

— Придешь на мѣсто, тогда бѣги!—говорили они.

Но даже и такая, подобранная изъ отпѣтыхъ людей, партія отстаивала лишь внутреннее свое устройство. Заправилы партіи, такъ наз. «Иваны»,—были деспоты, эксплоататоры своихъ же товарищей. Картежная игра, пьянство царили здѣсь во всей силѣ. «Майданъ» [1]) управлялъ своей партіей, распоряжался всѣмъ, и конвойные власти закрывали глаза, лишь бы все было снаружи спокойно.

«Иваны» себя обставляли хорошо, на остальныхъ членовъ партіи смотрѣли, какъ на подчиненныхъ, обязанныхъ безпрекословно исполнять ихъ волю. И партія подчасъ терпѣла отъ деспотизма своихъ «Ивановъ» и «майдановъ», болѣе, чѣмъ отъ произвола конвойныхъ. По приговору «Ивановъ» арестантъ могъ

[1]) «Майданъ»—это было маркитантское учрежденіе, но вмѣстѣ съ тѣмъ и распорядительное бюро во внутренней жизни партіи. «Майданъ» платилъ взятки конвою и неограниченно распоряжался арестантами. Это злой геній,. внутренній насильникъ партіи.

приговариваться и къ смерти. И приговоръ, приведенный въ исполненіе на ночевкѣ, оставался безнаказаннымъ.

Въ то время завѣдывалъ передвиженіемъ партій между Томскомъ и Иркутскомъ инспекторъ полковникъ Загаринъ. Онъ пріобрѣлъ большую извѣстность въ концѣ семидесятыхъ и въ первой половинѣ восьмидесятыхъ годовъ своимъ самодурствомъ, жестокостью и рядомъ столкновеній съ государственными ссыльными. Разъѣзжая взадъ и впередъ по этому тракту, онъ налеталъ на идущую партію и учинялъ погромъ и насиліе. Онъ былъ вѣчно пьянъ (впослѣдствіи умеръ въ бѣлой горячкѣ).

Благодушествуя у либеральнаго конвойнаго въ Маломъ Кемчугѣ, мы услышали сначала звонъ колокольцевъ, стукъ подъѣхавшаго къ этапу тарантаса и затѣмъ усиленное движеніе и суету во дворѣ. Оказалось, пріѣхалъ полковникъ Загаринъ.

Входитъ полковникъ со свитой къ намъ въ камеру.

— Встать! Шапки долой!—кричитъ онъ.

Никто изъ насъ не шевельнулся. Тогда полковникъ схватилъ за ногу лежавшаго на нарахъ товарища и кричитъ:

— Подымись, каналья! Не видишь, кто пришелъ?

Товарищъ вырвалъ изъ рукъ грознаго полковника свою ногу и толкнулъ его ногой.

— А, вотъ какъ!—закричалъ полковникъ.—Заковать его въ наручни!

Мы всѣ сразу вскочили и приняли угрожающія позы.

— Заковать всѣхъ въ наручни!.. Принесите сюда наручни!..—оретъ полковникъ.

Явились солдаты съ цѣпями. Дверь въ камеру стояла открытой. Въ коридорѣ толпилась партія уголовныхъ. Загаринъ повернулся къ двери и, обращаясь къ двумъ стоящимъ впереди бродягамъ, говоритъ:

— Возьмите наручни и надѣньте этимъ мерзавцамъ на руки!

Бродяги не тронулись съ мѣста.

— Вы что?.. Не слышите развѣ?..—кричитъ Загаринъ.

— Мы, вашескородіе, не можемъ этого сдѣлать,—отвѣчаетъ стоящій впереди здоровенный бородачъ.

— Что-о-о?.. Да ты кто такой?—багровѣетъ отъ злости инспекторъ.

— Я бродяга, ваше выскородіе, а не палачъ. На то у васъ имѣются солдаты...—спокойно отвѣтилъ бородачъ.

— Такъ вотъ что!.. Увести его въ кордегардію и всыпать 25 розогъ!—приказываетъ полковникъ конвойному капитану.

— Сѣчь, такъ сѣки всѣхъ, а одного не дадимъ!..—загудѣли арестанты.—Это вѣрно, мы не палачи!.. раздались голоса,

Полковникъ оторопѣлъ. Приказалъ закрыть двери въ камеру.

— Надѣньте на этого!—обратился онъ къ солдатамъ, указывая на товарища, который уже поднялся и стоялъ спокойно у наръ.

Солдаты бросились на него и заковали ему руки. Затѣмъ нерѣшительно стали они подходить къ товарищу Батогову, который держалъ въ рукахъ вырванную изъ наръ доску. Въ это время я поднялъ валявшійся на полу кирпичъ и разбилъ замокъ въ наручняхъ у закованнаго товарища. Наручни со звономъ упали на полъ. Такая съ моей стороны дерзость отвлекла вниманіе полковника и солдатъ, наступавшихъ на Батогова.

— Заковать этого!—крикнулъ Загаринъ,—указывая на меня.

Солдаты охотно отошли отъ вооруженнаго доской силача и бросились ко мнѣ. Но, къ ихъ удивленію, я выпустилъ изъ рукъ кирпичъ и самъ протянулъ руки со словами:

— Пожалуйста!.. Надѣвайте!..

Мнѣ надѣли на руки цѣпи. Такая покорность ошеломила полковника. Онъ обвелъ всю камеру пьянымъ взоромъ и съ угрозой: «хорошо! я съ вами раздѣлаюсь въ Красноярскѣ», выскочилъ изъ камеры, сѣлъ въ тарантасъ и укатилъ съ этапа.

Послѣ его отъѣзда товарищи разбили у меня замокъ на наручняхъ, и я ихъ сбросилъ. Проводивъ полковника, прибѣжалъ къ намъ капитанъ и сталъ укорять насъ, зачѣмъ разсердили начальство. Онъ предсказывалъ, что это намъ даромъ не пройдетъ, и что въ Красноярскѣ намъ достанется. Капитанъ умолялъ меня и товарища надѣть снова, хотя бы для вида, наручни, но мы отказались, предоставляя ему право заковать насъ насильно. Холодно мы разстались съ капитаномъ. Нашу камеру заперли на замокъ и поставили наружныхъ часовыхъ.

Тутъ я долженъ разсказать объ одномъ обстоятельствѣ. Наша группа всю дорогу мечтала о побѣгѣ. Либеральный капитанъ имѣлъ бы право считать насъ еще болѣе неблагодарными, если бы удалось осуществить нашу затѣю, которая, благодаря налету Загарина, къ нашему благополучію, не осуществилась. Наша камера никѣмъ не охранялась. Наружная стѣна выходила прямо въ лѣсъ. Въ этой стѣнѣ была внизу гнилая балка, и мы проломили ее. Въ ночь того дня, когда произошла исторія съ Загаринымъ, насъ, 5 человѣкъ, кромѣ петропавловскихъ солдатиковъ, рѣшили бѣжать. Куда бы мы ушли, не знаю, но близость Красноярска (гдѣ мы могли найти пріютъ и пособіе къ дальнѣйшему бѣгству) сильно соблазняла наши молодыя головы. Мы надѣялись 30—40 верстъ сдѣлать по тайгѣ успѣшно. Исторія съ полковникомъ испортила нашъ планъ. Хотя пролома въ стѣнѣ

не подозрѣвали, но съ наружной стороны поставили къ ночи часовыхъ, да у дверей стоялъ конвойный. Замыселъ нашъ не удался, а на слѣдующій день мы тронулись въ путь.

Пришли въ Красноярскъ. Насъ поодиночкѣ вводили въ большую комнату, всю уставленную солдатами вдоль стѣнъ. Посрединѣ стоялъ столъ, за которомъ возсѣдало судилище. Мнѣ и товарищу объявили, что насъ приговариваютъ на недѣлю въ карцеръ съ заковкой въ наручни, а всѣхъ остальныхъ товарищей тоже заковали въ наручни и отправили немедленно дальше. Кромѣ меня, остальные товарищи были уже закованы, какъ каторжане въ ножные кандалы, такъ что для нихъ наручни были болѣе обременительны, чѣмъ для меня. Я заявилъ протестъ противъ наложенія на меня цѣпей, такъ какъ я не былъ лишенъ всѣхъ правъ, и только судъ могъ наложить на меня такое наказаніе, а не ареопагъ чиновниковъ приказа о ссыльныхъ. Но, разумѣется, на мой протестъ эти достойные мужи только улыбнулись.

— Когда придете въ Иркутскъ, то можете на насъ жаловаться. Для васъ лучше, что мы до суда не доводимъ,—отвѣтили мнѣ.

Пришлось покориться, отстать отъ товарищей и засѣсть въ карцеръ на недѣлю.

Я уѣхалъ въ Сибирь, не попрощавшись съ женой, не условившись съ нею о дальнѣйшей жизни. И никакихъ извѣстій я не имѣлъ отъ нея. Письма, посланныя ею мнѣ, не дошли еще до меня. Они валялись по пересыльнымъ пунктамъ. Гдѣ жена, что намѣрена она дѣлать, я ничего не зналъ. На третій день моего сидѣнія въ карцерѣ въ Красноярскѣ меня вызываютъ въ тюремную контору, гдѣ сдаютъ на руки двумъ конвойнымъ, которые и ведутъ меня въ арестантскомъ халатѣ съ цѣпями на рукахъ черезъ весь городъ къ фотографу. Вдругъ на улицѣ меня окликаютъ. Смотрю, съ извозчика соскакиваетъ моя жена и бѣжитъ ко мнѣ. Солдаты были довольно добродушные и не мѣшали нашему свиданію. Оказалось, что она уже съ мѣсяцъ живетъ въ Красноярскѣ въ ожиданіи моего прихода. Несмотря на то, что я уже третій день сидѣлъ въ красноярской тюрьмѣ, ей все-таки говорили, что имъ неизвѣстно, гдѣ я нахожусь. Это было для меня непредвидѣннымъ сюрпризомъ, такъ какъ я написалъ женѣ, отправляясь въ Сибирь, чтобы она не ѣхала за мной въ ссылку, а осталась бы дома. Но мои письма къ ней тоже не дошли. Вотъ вышла бы исторія, если бы намъ удался побѣгъ изъ Малаго Кемчуга.

Отсидѣвъ положенное время въ карцерѣ, я былъ отправленъ дальше уже съ женой и дѣтьми. Ихъ было въ это время

двое, оба малолѣтнихъ. Такъ какъ намъ полагалась подвода, то переѣзды совершались быстро, не слѣдуя за нашей партіей уголовныхъ. Но путешествіе все-таки было утомительное... Больше одного этапа въ день мы не могли сдѣлать, такъ какъ должны были дожидаться пѣшей партіи. Нѣсколько разъ въ дорогѣ посѣщалъ меня на этапахъ полковникъ Загаринъ.

Въ первый разъ онъ объявилъ мнѣ, что разрѣшаетъ снять наручни, въ виду того, что я ѣду съ семьей. На это я ему отвѣтилъ.

— Вы не имѣли права заковать меня и не имѣете права расковать. Я въ Иркутскѣ буду жаловаться.

Въ слѣдующія свои посѣщенія онъ уже просилъ снять цѣпи, но я снова отказался. Наконецъ, я поставилъ ему условіе. Если онъ сниметъ наручни со всѣхъ моихъ товарищей, то и я сниму съ себя. Долго онъ не соглашался, но въ концѣ-концовъ уступилъ. Черезъ нѣсколько дней снова пріѣхалъ и заявилъ, что всѣ мои товарищи раскованы, но я потребовалъ доказательства. Загаринъ обѣщалъ доставить доказательства.

Въ Канскѣ на стѣнѣ этапа я прочелъ цѣлое письмо товарищей, вырѣзанное ножемъ. Меня увѣдомляли, что они всѣ раскованы и просятъ меня снять тоже цѣпи. Начальникъ Канской тюрьмы самъ показалъ мнѣ это оригинальное письмо на стѣнѣ и передалъ записку товарищей, гдѣ подтверждалось написанное на стѣнѣ. Тюремщикъ хотѣлъ ключомъ отпереть замокъ у наручней, но я тряхнулъ руками, и цѣпи со звономъ упали на полъ.

— Ага, и васъ научили секрету!—улыбнулся онъ.

Дѣло въ томъ, что ношеніе кандаловъ и наручней—была одна комедія. Арестанты уголовные давно придумали способъ во всякое время снимать съ себя эти украшенія. Отъ нихъ переняли и мы этотъ секретъ. Ножные кандалы, какъ извѣстно, заклепываются. Желѣзныя заклепки арестанты въ дорогѣ замѣняютъ свинцовыми. Когда понадобится снять кандалы, тогда легко сами и снимаютъ. У наручней же имѣются особыя скобки у запястій. Если скобки выбросить, то цѣпь, запертая замкомъ, ключъ отъ котораго находится у конвойнаго, свободно проходитъ черезъ кольцо, и запястья снимаются съ рукъ. Для того, чтобы перемѣнить бѣлье, надо отпереть замокъ. Вотъ въ это время почти на глазахъ конвойнаго снимешь скобки и бросишь ихъ вонъ. Конвойный не замѣтитъ этого или не хочетъ замѣтить, и преспокойно запираетъ замокъ. Благодаря этому, наручни всегда лежали около меня, и только при отправкѣ съ этапа и при пріемѣ на новомъ этапѣ я ихъ надѣвалъ, а затѣмъ все остальное время оставался со свободными руками.

Прошло нѣсколько дней, добрались мы до Нижнеудинска. Настала уже осень. Дорога была отвратительная. На этапахъ сыро, холодно. Про грязь и клоповъ говорить нечего. Началось у меня недомоганіе, а въ Нижнеудинскѣ я слегъ. Пришелъ тюремный фельдшеръ, посмотрѣлъ и нашелъ, что у меня простая простуда, нисколько не мѣшающая ѣхать дальше. Къ ночи усилился жаръ, и начался бредъ. Жена отправилась въ городъ и пригласила врача. Явился военный врачъ, завѣдующій городскою больницей, и объявилъ, что у меня тифъ пятнистый.

Врачъ этотъ, по фамиліи Поповъ, принялъ горячее участіе, убѣдилъ мѣстныя власти снестись по телефону съ Иркутскомъ, чтобы разрѣшили перевести меня въ городскую больницу. Получилось разрѣшеніе, но съ условіемъ, что я буду въ отдѣльной палатѣ подъ замкомъ и съ часовымъ у дверей.

Три недѣли слишкомъ я пролежалъ въ городской больницѣ. Палату дали большую, тамъ же помѣстилась и моя жена съ дѣтьми. Дверь была заперта, и часовой съ ружьемъ зорко смотрѣлъ за моимъ поведеніемъ въ дверное окошко. Все обошлось благополучно. Благодаря заботамъ и стараніямъ врача Попова, я скоро оправился отъ болѣзни.

Отправляясь въ Сибирь, мы представляли себѣ много ужасовъ. Пока цѣлой компаніей ѣхали вмѣстѣ, не такъ было жутко. Но, разбившись на небольшія группы, мы думали, что останемся забытыми, беззащитными. Оказалось не такъ. Въ Сибири въ это время было масса товарищей по разнымъ городамъ. Всюду получались свѣдѣнія о проходящихъ, всюду знали, кто куда идетъ, что съ кѣмъ приключилось. Широко была организована помощь всякаго рода ссыльнымъ. Весь Сибирскій трактъ былъ покрытъ сѣтью агентовъ этой организаціи, участіе въ которой принимали также и лучшіе люди изъ мѣстныхъ жителей. Администрація преслѣдовала членовъ этой организаціи, арестовывала, держала въ тюрьмахъ, ссылала въ болѣе отдаленныя мѣста, но организація не распадалась, а все крѣпла и крѣпла. Преслѣдованіе правительства сдѣлало то, что изъ организаціи чисто благотворительной, изъ организаціи, преслѣдовавшей лишь цѣль оказанія всякаго рода помощи политическимъ ссыльнымъ, постепенно выработалась уже настоящая революціонная организація, такъ-наз. «Красный Крестъ Народной Воли».

Когда я по болѣзни застрялъ въ Нижнеудинскѣ, что могло меня ожидать въ чужомъ, незнакомомъ городѣ? Что могло ожидать мою семью, если бы болѣзнь приняла печальный исходъ? Прежде, чѣмъ потерять сознаніе, я помню, меня сильно мучила эта мысль. Но я ничего не успѣлъ придумать, какъ начался бредъ

и потеря сознанія. Тѣмъ съ большей радостью я узналъ, придя въ сознаніе, что мы не остались заброшенными, забытыми. О моей болѣзни узнали по всей линіи. Всѣ проходящіе товарищи интересовались ходомъ болѣзни, нашимъ положеніемъ. Кое-кому изъ болѣе близкимъ нашихъ товарищей даже удалось получить разрѣшеніе видѣть меня. Но я, къ сожалѣнію, никого не узнавалъ. Изъ ближайшаго города прислали денегъ, а товарищъ Новаковскій навѣстилъ меня, когда я уже сталъ поправляться. Это было большое утѣшеніе, и неизвѣстная будущность не представлялась уже зловѣщей.

Въ Иркутскъ я попалъ въ мрачные дни. Только что тамъ была совершена казнь надъ мѣстнымъ учителемъ—Неустроевымъ, давшимъ пощечину генералъ-губернатору Анучину. Въ иркутской тюрьмѣ я засталъ многихъ товарищей, ушедшихъ впередъ, но у всѣхъ было тяжелое настроеніе. Только что совершившаяся казнь угнетала всѣхъ. Еще вчера съ дорогимъ товарищемъ видѣлись, разговаривали, а сегодня онъ—бездыханный трупъ.

Пришлось просидѣть въ иркутской тюрьмѣ около мѣсяца, пока генералъ-губернаторъ рѣшалъ, куда меня водворить. Семьи наши были помѣщены въ особомъ корпусѣ, и имъ разрѣшали днемъ выходить въ городъ. Наконецъ, мнѣ объявили, что я назначенъ на жительство въ Верхнеудинскъ, въ Забайкальской области. И въ половинѣ декабря 1883 г. почтовая тройка увезла меня съ семьей изъ Иркутска подъ конвоемъ двухъ жандармовъ. Пришлось ѣхать Круго-Байкальскимъ трактомъ, по отвѣснымъ кручамъ, по глубокимъ снѣгамъ. Триста съ небольшимъ верстъ мы совершили въ семь дней. Ночами не ѣхали. Ночевали на почтовыхъ станціяхъ. Морозы были ужасные, но теплая одежда и крытая кибитка дѣлала путешествіе сноснымъ. Подъ Верхнеудинскомъ, на станціи «Половинка», насъ нагнали тройки, везшія товарищей, каторжанъ Батогова, Дрея и Иванайна. Наши жандармы согласились здѣсь заночевать, и мы всѣ вмѣстѣ провели на станціи всю ночь. На утро распростились на нѣсколько лѣтъ, а Иванайна я уже больше не видѣлъ. Онъ умеръ на Карѣ, отравившись въ видѣ протеста противъ насилія надъ Сигидой.

Пріѣхали въ Верхнеудинскъ. Маленькій, чистенькій городокъ на главномъ Сибирскомъ трактѣ произвелъ на насъ хорошее впечатлѣніе. Подкатили къ полицейскому управленію. Семья осталась въ кибиткѣ, а я съ жандармами зашелъ въ управленіе. Исправникъ преподнесъ мнѣ сюрпризъ. Онъ объявилъ, что я тутъ не останусь, такъ какъ получена телеграмма изъ Читы,

чтобы отправить меня дальше, въ Баргузинъ, верстъ за триста къ сѣверу. Для отдыха онъ разрѣшаетъ мнѣ пробыть здѣсь сутки, а завтра ѣхать дальше.

— Вотъ тутъ рядомъ гостиница,—говоритъ мнѣ исправникъ.— Идите, устройте поскорѣе семью и возвращайтесь сюда. Можетъ быть, что-нибудь придумаемъ.

Черезъ часъ я снова пришелъ въ полицію. Пригласили на совѣтъ секретаря, который сразу нашелъ выходъ изъ затруднительнаго положенія. Онъ указалъ статью закона, въ силу которой можно было задержать ссылаемаго въ дорогѣ, разъ кто-нибудь изъ членовъ его семьи заболѣетъ.

— Вотъ и отлично,—воскликнулъ исправникъ.—Я вамъ сейчасъ дамъ записку городовому врачу. Идите къ нему.

Городовой врачъ, узнавъ отъ меня, въ чемъ дѣло, сейчасъ же написалъ свидѣтельство о болѣзни моей дочери. Я, захвативъ свидѣтельство, поспѣшилъ къ исправнику.

— Ну и живите съ Богомъ! Я пошлю телеграмму губернатору, что, по случаю болѣзни дочери, вы оставлены мною временно здѣсь,—объявилъ мнѣ исправникъ.

На другой день мы наняли квартиру и рѣшили оттянуть поѣздку въ Баргузинъ по возможности какъ можно дальше.

2.

Верхнеудинскъ и Баргузинъ.

Итакъ путь этапный оконченъ. Началась ссыльная жизнь. Въ Верхнеудинскѣ государственныхъ ссыльныхъ тогда не было. Въ городѣ проживалъ лишь временно административный ссыльный Окушко, которому предстоялъ вскорѣ переѣздъ въ Западную Сибирь. Вѣсть о прибытіи нашемъ быстро облетѣла городъ. А черезъ нѣсколько дней у насъ уже завелись знакомства кое съ кѣмъ изъ обывателей.

Мы думали, что въ ссылкѣ придется имѣть много непріятностей съ полиціей. Но первая встрѣча насъ ободрила. Прошло нѣсколько дней. Утромъ является полицейскій солдатъ. Меня покоробило.

— Неужели,—подумалъ я,—будутъ ходить справляться, не убѣжалъ ли я.

— Что надо?—спрашиваю сурово солдата.

— Г. исправникъ приказали доложить, что прибыли государственные преступники. Не желаете ли повидаться съ ними?— рапортуетъ полицейскій, козыряя.

Мы съ женой глаза вытаращили отъ удивленія. Бѣгу въ полицейское управленіе. Тамъ въ отдѣльной комнатѣ я увидѣлъ А. В. Прибылева съ женой (по процессу 17-ти въ Петербургѣ). Ихъ везли изъ Иркутска на Кару. Здѣсь имъ дали дневку. Вмѣсто тюрьмы исправникъ отвелъ имъ комнату при полиціи и послалъ за мной. Скоро вошла съ покупками А. В. Акимова-Кобозева. Оказалось, что она съ конвойнымъ была отпущена на базаръ за покупками.

Верхнеудинскіе обыватели и не подозрѣвали, что высокаго роста дама, ходящая по базару, за которой полицейскій солдатъ почтительно слѣдовалъ съ покупками, никто иная, какъ бывшая хозяйка сырной лавки въ домѣ Менгдена, на М. Садовой.

Съ тѣхъ поръ всякій разъ, если кто-нибудь изъ товарищей проѣзжалъ черезъ городъ, ко мнѣ являлся полицейскій съ докладомъ, и я шелъ на свиданіе. Если проѣзжавшихъ держали не при полиціи, а въ тюрьмѣ, то я получалъ пропускъ прямо въ камеру. Были случаи, когда дневавшихъ отпускали къ намъ на квартиру, правда съ конвоемъ.

Читатель вообразитъ себѣ, что этотъ исправникъ былъ либералъ. Нѣтъ, это былъ извѣстный самодуръ и взяточникъ. Онъ былъ царь и богъ въ своемъ округѣ. И если онъ дѣлалъ по отношенію ко мнѣ такія отступленія отъ закона, то это для того, чтобы жить со мной въ мирѣ. Впослѣдствіи я жилъ во многихъ городахъ Сибири, и всюду встрѣчалъ подобные примѣры. Разъ исправникъ взяточникъ, насильникъ и вообще пакостный господинъ, то онъ большею частью относился хорошо къ государственнымъ ссыльнымъ, на многое смотрѣлъ сквозь пальцы, лишь бы только все было благополучно. И пока не представлялось случая особаго столкновенія ссыльныхъ съ полиціей, до тѣхъ поръ допускались многія льготы [1]).

Черезъ нѣсколько времени получилось изъ Читы освѣдомленіе о здоровьи моей дочери. Въ Читу послали новое свидѣтельство врача. Прошелъ мѣсяцъ, повторилась та же исторія. Наконецъ, получилось предписаніе губернатора, чтобы меня отправить въ Баргузинъ, а семью оставить въ Верхнеудинскѣ до выздоровленія дочери. Какъ ни грустно было разставаться съ семьей, съ пріобрѣтенными уже въ городѣ пріятелями, а главное постоянное общеніе съ проѣзжавшими на Кару и съ Кары товарищами, но дѣлать было нечего. Пришлось ѣхать въ Баргузинъ.

Подали мнѣ сани (кошеву) усадили съ двумя солдатами

---

[1]) Въ Забайкальѣ лишь Чита отличалась нѣкоторою суровостью. Тамъ нашихъ товарищей администрація сильно тѣснила.

изъ мѣстной команды (тамъ жандармовъ тогда еще не было), вооруженными ружьями съ примкнутыми штыками, и рѣзвыя бурятскія лошаденки лихо помчали меня на сѣверъ, въ злополучный Баргузинъ. Только выѣхали за городъ, солдаты отомкнули штыки, уложили на дно кошевы винтовки и укутались казенными шубами. Четверо сутокъ, кромѣ остановокъ на ночлегъ, мы вихремъ неслись, перемѣняя на станціяхъ лошадей. Дорога пролегала по снѣжнымъ сугробамъ. Высокія стѣны вѣкового строевого лѣса стояли по обѣ стороны. Двѣсти верстъ мы проскакали, не встрѣтивъ никакого жилья, кромѣ одинокихъ почтовыхъ станцій. На третьи сутки къ вечеру мы въѣхали въ с. Турки. Тутъ были сѣрнистые ключи, у которыхъ правительство выстроило лѣчебницу для сифилитиковъ-каторжанъ. Лѣчебницей и ключами завѣдывалъ врачъ, къ которому у меня было рекомендательное письмо изъ Верхнеудинска. Я заѣхалъ къ нему. Это былъ еще молодой человѣкъ, пріѣхавшій прямо съ университетской скамьи въ такое глухое мѣсто на службу. Прослужилъ онъ годъ съ небольшимъ и уже одичалъ.

Не знаю, кто кому больше обрадовался при этомъ свиданіи.

Мои конвоиры были народъ покладистый, и я остался ночевать у врача. Долгій зимній вечеръ мы скоротали незамѣтно въ нескончаемыхъ разговорахъ о томъ мірѣ, который далеко, далеко остался позади дремучихъ лѣсовъ, куда не доносилось дикое завываніе мятели, свирѣпствовавшей въ эту ночь надъ стѣнами нашего теплаго пріюта. На утро я отправился дальше, распростившись съ радушными хозяевами.

Часовъ въ двѣнадцать дня торжественно въѣхала наша кибитка въ Баргузинъ. Я сидѣлъ посрединѣ, по бокамъ солдаты съ ружьями. Въѣзжая въ городъ, они вытащили винтовки, примкнули штыки и держали ихъ передъ собой въ рукахъ.

Городъ Баргузинъ расположенъ въ узкой горной щели, на днѣ которой мчится дикая и стремительная рѣчка того же имени. Жители занимаются рыбными промыслами на озерѣ Байкалѣ, куда впадаетъ Баргузинъ, или уходятъ на заработки въ пріисковую тайгу, въ систему рѣки Витима[1]), верстъ за двѣсти отъ города. Большинство жителей—это пролетаріи, батраки рыбо- и золотопромышленниковъ. Кое-кто занимается подрядами, извозомъ по доставкѣ грузовъ въ тайгу, кое-кто спиртоношествомъ вблизи пріисковъ, но большинство, говорю, обездоленные, безправные рабы рыбопромышленниковъ или пріисковаго предпринимателя. Большую часть года въ городѣ остаются лишь женщины, дѣти, да старики. Зимою городъ оживаетъ. Но оживаетъ нездоровою

[1]) Баргузинскій округъ примыкаетъ къ Якутской области.

жизнью. Послѣ тяжелой работы на пріискахъ, послѣ каторжной жизни на рыбныхъ промыслахъ являются баргузинскіе граждане и разный пришлый людъ въ городъ. Начинается разгулъ, безобразіе. Повыѣхавшіе съ промысловъ тоже на отдыхъ или по порученію промысловые служащіе, довѣренные вносятъ въ городскую жизнь лишь одну пакость. Идутъ кутежи, развратъ. Деньги швыряются широко, а нужда въ населеніи—велика. Женщина поддается соблазну, семейный очагъ оскверняется, идетъ сплошное поруганіе женской чести, женскаго тѣла.

Мѣстная администрація состоитъ изъ исправника, его помощника, двухъ-трехъ казаковъ-бурятъ для несенія полицейской службы и охраны города. Имѣется тамъ врачъ, которому отпускаютъ на лѣкарства 50 руб. въ годъ. Затѣмъ священникъ и мѣщанскій староста—вотъ и все высшее сословіе. Аптеки нѣтъ, телеграфа тоже, а почта ходитъ разъ въ недѣлю. Казначейства тоже нѣтъ, а для казенныхъ нуждъ деньги получаются почтой изъ Читы (около 1000 верстъ). Даже магазины не были постоянно открыты, а если надо было что-нибудь купить, то приходилось итти на домъ къ купцу. Тогда купецъ отправлялся съ покупателемъ, отворялъ лавку и отпускалъ товаръ. Мясникъ сначала обходилъ жителей и спрашивалъ, сколько кому потребуется мяса. Если получалось достаточное потребленіе, ради котораго стоило убить телку, то мясо являлось. Мѣстные жители питались соленой рыбой (омулемъ) и выпивали неимовѣрное количество чаю, преимущественно кирпичнаго. Затѣмъ подспорьемъ служила картошка.

И вотъ этотъ убогій городишко, окруженный дикими утесами, мрачною непроходимою тайгой, былъ облюбованъ правительствомъ для поселенія въ немъ государственныхъ ссыльныхъ. Чуть ли не первымъ ссыльнымъ этого города былъ декабристъ Кюхельбекеръ. Мѣсто, гдѣ онъ жилъ, и могилу, гдѣ онъ былъ похороненъ, намъ показали. Затѣмъ былъ перерывъ, а съ 1878 года снова стали заселять его ссыльными. Кромѣ административныхъ ссыльныхъ, туда попали, по отбытіи каторги, рабочіе: Богдановъ, Агаповъ, Щадринъ и осужденная по процессу 193-хъ Е. К. Брешковская.

Екатерина Константиновна не могла примириться съ такой могилой, какъ Баргузинъ, и вскорѣ въ компаніи съ Тютчевымъ, Самаринымъ и Линевымъ былъ организованъ ею побѣгъ. Попытка не удалась. Е. К. Брешковскую за побѣгъ присудили снова на каторгу, а ея товарищей выслали въ Якутскую область[1]).

---

[1]) Побѣгъ этотъ очень интересенъ. Желательно услышать его отъ участниковъ въ этомъ смѣломъ предпріятіи.

Тутъ только начальство всполошилось и рѣшило учредить особый надзоръ надъ ссыльными. Прислали въ Баргузинъ человѣкъ 12 казаковъ-бурятъ, по числу ссыльныхъ. Эти казаки были приставлены къ каждому ссыльному, чтобы слѣдить за ними. Вначалѣ это показалось ссыльнымъ нѣкоторымъ отягощеніемъ, но скоро съ казаками-бурятами устроились миролюбиво. Нравы здѣсь были слишкомъ патріархальны. У каждаго ссыльнаго казакъ-бурятъ поселился въ домѣ и помогалъ ему по хозяйству. Его кормили, платили ему за услуги, и охранитель превратился въ денщика, въ слугу, которому сносно жилось, съ которымъ хорошо обращались. Это былъ свой вѣрный человѣкъ по дому, по хозяйству, особенно у семейныхъ. Когда же Г. М. Баломезъ задумалъ тоже бѣжать изъ Баргузина, то всѣ товарищи были у него на проводахъ, а казакъ, жившій у Баломеза, самъ запрягалъ ему лошадь и укладывалъ вещи въ сани.

Эта попытка къ побѣгу тоже не удалась. Баломезъ чуть не погибъ на Байкалѣ во время поднявшейся пурги и былъ очень радъ, когда на одномъ изъ бурятскихъ стойбищъ его, голоднаго, полузамерзшаго отыскалъ исправникъ. За свое покушеніе Баломезъ отдѣлался нѣсколькими днями ареста при полиціи.

Вообще первое время много было попытокъ бѣжать съ мѣста ссылки, а въ 1882 году даже съ Кары, но побѣги все были неудачны. Всѣ эти попытки носили фантастическій характеръ. Бѣглецы не считались съ дикостью страны, съ ожидавшими ихъ лишеніями. Теперь всей читающей публикѣ извѣстно покушеніе на побѣгъ изъ Якутской области Сѣрашевскаго съ товарищами, окончившееся неудачей. Грандіозный побѣгъ съ Кары въ 1882 г. каторжанъ потерпѣлъ тоже пораженіе и повлекъ за собой печальныя послѣдствія. Правда, Мышкину и Хрущеву удалось добраться до Владивостока, совершенно замести свой слѣдъ, но эти смѣльчаки не успѣли уйти «за предѣлы досягаемости». Мышкинъ умеръ отъ руки палача въ Шлиссельбургѣ, а Хрущевъ, попавшій въ «колонисты»[1]), превратился въ деревенскаго дѣльца въ Уссурійскомъ краѣ.

Нѣсколько лѣтъ спустя послѣ этого побѣга, я слышалъ отъ бывшаго полицеймейстера г. Хабаровска такой разсказъ.

Въ Хабаровскѣ ждали съ пароходомъ губернатора. На пристани была приготовлена торжественная встрѣча. Когда пароходъ причалилъ къ пристани, полиція отдала приказъ не спускать съ парохода палубныхъ пассажировъ, чтобы они не мѣшали

---

[1]) Когда настали репрессіи на Карѣ, то нѣсколько человѣкъ смалодушничали и подали просьбу о помилованіи. Ихъ выпустили на поселеніе. Вотъ эти-то лица и получили кличку «колонистовъ». О побѣгѣ Мышкина и Хрущева см. также воспоминанія Виташевскаго «На Карѣ» Гол. Мин. 1914 № 8.

своей толкотней начальству. Всѣ пассажиры подчинились этому приказу, только два какихъ-то разночинца протестовали и шумѣли. Особенно одинъ съ горящими глазами рвался черезъ поставленную цѣпь городовыхъ и кричалъ: «Не имѣете права задерживать публику! Требую пропуска на пристань!»

— А вотъ я тебѣ покажу право!.. Хотѣлъ было я броситься на него,—разсказываетъ полицеймейстеръ,—какъ тутъ меня потребовалъ губернаторъ. За суетой я забылъ про протестанта. А когда вспомнилъ, усадивъ губернатора въ экипажъ, то голубчиковъ и слѣдъ простылъ. Мѣсяца черезъ два или три провозили черезъ Хабаровскъ пойманныхъ во Владивостокѣ Хрущева и Мышкина. Здѣсь подъ моимъ наблюденіемъ,—продолжалъ разсказчикъ,—перемѣняли конвой для нихъ. И вдругъ въ Мышкинѣ я узналъ того буяна, который требовалъ спуска съ парохода раньше губернатора.

— Можете себѣ представить мое отчаяніе!.. Какое счастье было у меня почти въ рукахъ, и я упустилъ его!—огорчался разсказчикъ.

Оказалось, что Мышкинъ и Хрущевъ, оставивъ лодку, на которой они вначалѣ спускались по Амуру, перешли на пароходъ и вмѣстѣ съ приморскимъ губернаторомъ ѣхали благополучно до Хабаровска. Добравшись до Владивостока, они поступили рабочими въ военный портъ. Въ рабочихъ тогда былъ недостатокъ и платили хорошо. Заработавъ деньги на дорогу, Мышкинъ и Хрущевъ рѣшили уѣхать въ Японію. Получить право на выѣздъ тогда было нетрудно. И они благополучно уѣхали бы, если бы не паспортъ Хрущева. У него былъ паспортъ уголовнаго, котораго разыскивала полиція. Хрущева приняли за этого уголовнаго и задержали, а затѣмъ взяли и его товарища, уже сѣвшаго на пароходъ. Полиція ликовала, когда была установлена личность задержанныхъ.

Впослѣдствіи, когда побѣги были менѣе фантастично задуманы, а въ разныхъ городахъ Сибири были пособники, они совершались легко и удачно. Такъ Феликсъ Волховской[1]) безпрепятственно проѣхалъ въ 1889 г. всю Сибирь отъ Томска до Владивостока, гдѣ иностранный корабль принялъ его на бортъ и доставилъ въ Америку. Проѣздомъ изъ Томска въ С.-Франциско онъ остановился у меня въ Верхнеудинскѣ. Это былъ уже сѣдой, разбитый недугами человѣкъ, хотя имѣлъ отъ роду немного больше 30 лѣтъ. Затѣмъ въ 1892 г. Леонидъ Шишко прямымъ путемъ проѣхалъ изъ Иркутска въ Парижъ, а иркутскій губернаторъ узналъ объ этомъ лишь изъ телеграммы департамента полиціи. Мнѣ разсказывалъ губернскій чиновникъ слѣдующее по этому поводу.

[1]) Умеръ въ іюлѣ с. г. за границей.

Иркутскій губернаторъ, получивъ изъ департамента полиціи телеграфный запросъ, гдѣ находится Шишко, отвѣчалъ: «въ Балаганскѣ». На это получилась новая депеша изъ департамента полиціи, сообщающая, что Леонидъ Шишко въ настоящее время проживаетъ не въ Балаганскѣ, а въ Парижѣ, улица такая-то № такой-то, о чемъ, молъ, и доводится до свѣдѣнія его превосходительства. Довольно кислая, надо полагать, получилась физіономія у генерала Свѣтлицкаго при чтеніи этой телеграммы.

Много позже такъ же благополучно уѣхалъ за границу Иванъ Мейснеръ, бывшій сахалинецъ, а вслѣдъ за нимъ и Л. Г. Дейчъ. Оба уѣхали свободно черезъ Владивостокъ.

Но я уклонился отъ порядка воспоминаній и возвращаюсь къ Баргузину.

Въ Баргузинѣ, какъ я говорилъ выше, весь гарнизонъ состоялъ изъ 10—12 человѣкъ казаковъ-бурятъ, изъ которыхъ двое были вооружены единственнымъ кремневымъ ружьемъ, остальные шашками. Эти два фузилера постоянно находились при полиціи и ночью несли караульную службу около денежнаго ящика. Кто стоялъ на очереди, тому и полагалась кремневая фузія. Грозное оружіе притулялось къ стѣнѣ, а караульный спалъ на денежномъ сундукѣ сномъ праведника до слѣдующей смѣны. Солдатъ вовсе не было въ Баргузинѣ, а потому, когда появилась на улицѣ моя кошева[1]) съ двумя солдатами и ружьями, то всѣ жители высыпали изъ домовъ и глазѣли на мой торжественный въѣздъ

Исполнивъ необходимыя формальности, исправникъ отпустилъ меня устраиваться въ городѣ. Тутъ меня окружили товарищи съ привѣтствіями и засыпали разспросами о томъ мірѣ, отъ котораго они были давно уже отрѣзаны.

Въ это время въ Баргузинѣ было человѣкъ десять товарищей.— Жилось, разумѣется, скверно. Жители очень хорошо и дружелюбно относились къ ссыльнымъ, несмотря на то, что за нами установилось названіе «государственные преступники». Слово «преступникъ» какъ-то игнорировалось населеніемъ, а со словомъ «государственный» связывалось у нихъ понятіе о насъ, какъ о лицахъ, *близкихъ* къ государю. Видя, что мѣстная власть, царь и богъ для обывателей, съ нами обращается совершенно иначе, не осмѣливается надъ нами проявлять свою власть, даже заискиваетъ, чтобы только все было спокойно, зная про получаемые нами ежемѣсячно изъ казны 15 рублей, обыватель вообразилъ, что мы особы важныя, что государь съ нами просто *поссорился*, поселилъ насъ здѣсь на время и платитъ *жалованье* намъ. Когда же у насъ устроились казаки, то обыватели это такъ поняли: госу-

[1]) Дорожныя сани.

дарь, по ихъ мнѣнію, далъ намъ этихъ казаковъ въ денщики, ибо только у исправника да у насъ были казенные слуги.

Каждому изъ насъ полагалось по 15 руб. въ мѣсяцъ и 25 руб. въ годъ на «одежду». Женатымъ выдавали такую же сумму на жену и въ половинномъ размѣрѣ на дѣтей. Г. М. Баломезъ былъ женатъ и имѣлъ 3-хъ дѣтей. Онъ получалъ ежемѣсячно 52 р. 50 к. и единовременно «на одежду» 87 р. 50 к., итого въ годъ 717 р. 50 к. Это обстоятельство сильно смущало помощника исправника, получавшаго жалованья всего 600 руб. въ годъ.

— Просто обидно,—говорилъ помощникъ исправника.—Я двадцать лѣтъ на службѣ, имѣю чинъ надворнаго совѣтника и получаю 600 руб. жалованья. Гавріилъ Михайловичъ Баломезъ считается измѣнникомъ, бунтовщикомъ и получаетъ больше меня. У меня семь человѣкъ дѣтей, и я могъ бы получать въ полтора раза больше, если бы перешелъ съ казенной должности въ вашу компанію.

Разумѣется, этотъ помощникъ исправника не принималъ въ расчетъ своихъ получекъ съ промысловъ, пріисковъ и обывателей. Въ Сибири о должностныхъ лицахъ сложилась такая поговорка: «Не спрашивайте у чиновниковъ сколько они получаютъ, а спросите, сколько сами *берутъ*».

Въ Баргузинѣ была окружная акушерка. Одинъ изъ товарищей пожелалъ съ нею вступить въ бракъ. Акушеркѣ пришлось испросить разрѣшеніе на вступленіе въ бракъ у областного медицинскаго начальства. Пришло такое рѣшеніе. Если она выйдетъ замужъ за ссыльнаго, то должна оставить службу. Казеннаго жалованія она получала 200 руб. въ годъ, а потому предпочла бросить казенную службу и выйти замужъ за ссыльнаго. Ей стали выдавать 180 руб. въ годъ и 25 руб. «на одежду». Окружною акушеркой могъ помыкать исправникъ; передъ женой же «государственнаго преступника» исправникъ пикнуть не смѣлъ.

Итакъ, говорю, обыватели относились къ намъ очень дружелюбно. Каждый изъ нихъ желалъ заполучить кого-либо изъ насъ къ себѣ на квартиру. Не одна мѣстная невѣста мечтала о нашихъ холостякахъ. И кое-кто изъ товарищей не избѣгъ разставленныхъ ловко сѣтей. Мѣстная интеллигенція—врачъ, купцы, промышленники завязали съ нами знакомство, приглашали въ качествѣ учителей, давали кое-какую работу, словомъ, никто не отстранялся отъ насъ. Наоборотъ, за честь считалось принимать у себя и бывать у «государственныхъ преступниковъ».

Только одно лицо было въ городѣ, которое относилось враждебно къ намъ и старалось вооружить средняго обывателя противъ насъ. Это—мѣстный священникъ. Человѣкъ еще не старый,

но многосемейный. Сибиряки вообще народъ не набожный. Служба совершалась разъ въ недѣлю, и церковь посѣщалась лишь старыми прихожанами, надѣявшимися на старости лѣтъ замолить грѣхи молодости. Доходы церкви были скудны. Этотъ скучающій пастырь началъ въ церкви громить насъ. Но такъ какъ прихожане ясно видѣли противорѣчіе въ словахъ пастыря, то пропускали его обвиненія противъ насъ мимо ушей.

Какъ-то ночью случился пожаръ. Пожарныхъ средствъ никакихъ. Постройки деревянныя, вѣтеръ былъ сильный. И почти цѣлый кварталъ выгорѣлъ. Вблизи пожарища стояла деревянная церковь. Пламя и искры неслись на нее. На пожаръ прибѣжали и наши товарищи. Помогали, чѣмъ могли. Кто-то изъ нихъ потребовалъ кошмы (войлокъ), чтобы покрыть крышу церкви. Нанесли войлоковъ, таскали воду ведрами и поливали войлоки. Церковь отстояли. На другой день священникъ съ церковной каѳедры укорялъ прихожанъ въ оскудѣніи вѣры, въ нерадѣніи къ храму Божьему. Говорилъ, что за грѣхи Богъ послалъ къ нимъ «государственныхъ преступниковъ», отъ которыхъ послѣдуетъ много еще бѣдствій. И вчерашній пожаръ приписывалъ нашимъ товарищамъ.

— Люди, дерзнувшіе поднять руку,—говорилъ пастырь,—на помазанника Божія, не задумаются сжечь городъ, гдѣ живутъ маловѣрные, многогрѣшные жители.

На этотъ черносотенный, говоря по современному, призывъ служителя церкви, одинъ изъ молящихся сталъ оппонировать. Онъ напомнилъ священнику, что, благодаря «государственнымъ преступникамъ», вчера удалось отстоять церковь.

— Вѣрно, вѣрно, послышались голоса.—Напраслину клеплешь, батя!.. Никто еще не видѣлъ отъ нихъ никакой обиды!.. Грѣшно тебѣ обижать людей!

Даже исправникъ, узнавъ о происшедшемъ въ церкви, хотѣлъ писать губернатору и архіерею, что священникъ возбуждаетъ среди населенія вражду противъ насъ. Но наша колонія уговорила исправника плюнуть на это дѣло, не заводить доносовъ.

Припоминаю я еще такой курьезъ. Въ городѣ стоялъ необитаемый домъ, принадлежавшій прогорѣвшему золотопромышленнику. Описанный за долги, этотъ домъ находился въ вѣдѣніи полиціи, которая никакъ не могла продать его. Существовало повѣріе, что въ этомъ домѣ поселилась нечистая сила и къ ночи въ образѣ козла ходитъ по комнатамъ. Домъ былъ громадный, хорошо устроенный, но никто не рѣшался жить въ немъ. Вотъ этотъ-то домъ наняли у полиціи наши товарищи за 12 руб. въ годъ. И нѣсколько человѣкъ поселилось въ немъ. Одинъ устроилъ тамъ

столярную мастерскую, другой варилъ мыло и сальныя свѣчи (стеариновыя свѣчи были въ Баргузинѣ большою рѣдкостью и стоили рубль за фунтъ).

Священникъ, для большаго убѣжденія прихожанъ, что мы народъ опасный, доказывалъ имъ, что мы состоимъ въ близкихъ отношеніяхъ съ нечистой силой.

— Ни одна православная нога не рѣшится переступить порогъ этого дома,—говорилъ злобный попъ,—а они поселились тамъ и мирно уживаются съ бѣсовскимъ козломъ.

Но ничего не помогало, и обыватели вскорѣ начали посѣщать насъ даже въ этомъ заколдованномъ домѣ.

Прожилъ я въ Баргузинѣ мѣсяца три. Въ Забайкалье былъ назначенъ новый губернаторъ, который разрѣшилъ мнѣ выѣхать на время въ Верхнеудинскъ для свиданія съ семьей. Я надѣялся, что совсѣмъ не вернусь въ Баргузинъ. Въ Верхнеудинскѣ жена получила хорошіе уроки. Я началъ переплетать книги (тамъ не было переплетчика вовсе), съ полиціей жилъ въ ладахъ. Когда же я сдѣлалъ для полицейскаго управленія гектографъ, то привелъ полицію въ восхищеніе. Особенно понравилось помощнику исправника, когда я имъ посовѣтовалъ обливать массу послѣ смывки чернилъ спиртомъ. Тотчасъ же послѣ производства мною опыта, помощникъ исправника велѣлъ написать бумагу мѣстному кабачному тузу.

— Напишите—отдалъ онъ приказъ—Голдобину, чтобы ежемѣсячно присылалъ въ полицейское управленіе три ведра спирту для промывки гектографа.

Для гектографа заказали дорогой ящикъ съ замкомъ и держали его въ присутствіи рядомъ съ зерцаломъ. Въ городѣ не было типографіи, и на гектографѣ печатали повѣстки, циркуляры, объявленія. Но разъ вышелъ скандалъ съ расклеенными по городу объявленіями. Анилиновыя чернила выцвѣли отъ солнца. Подпись же исправника, сдѣланная обыкновенными чернилами, уцѣлѣла. Какой-то мѣстный юмористъ написалъ на полинявшемъ листѣ неприличный текстъ, и уцѣлѣвшая подпись исправника, какъ бы санкціонировала написанное. Пришлось мнѣ указать полиціи на способъ сохранять написанное отъ вліянія свѣта, и снова у нихъ пошла работа.

Назначили новаго исправника. Завелъ онъ другіе порядки. У меня вышло съ нимъ столкновеніе. Кромѣ того, одинъ изъ товарищей, проѣзжавшій черезъ городъ, допустилъ нѣкоторое нарушеніе тюремныхъ правилъ. Явилось подозрѣніе, что я содѣйствовалъ ему. Приказано было произвести слѣдствіе, а меня пока

отправить въ Баргузинъ. Слѣдствіе это, вѣроятно, и до сихъ поръ не окончено.

Но въ Баргузинъ пришлось мнѣ все-таки ѣхать. Вскорѣ туда переѣхала и моя семья. Къ этому времени въ Баргузинѣ умеръ въ бѣлой горячкѣ Богдановъ. Его смерть такъ подѣйствовала на нѣкоторыхъ товарищей, злоупотреблявшихъ до того времени спиртными напитками, что они бросили пить, исправились, вошли въ общую нашу семью, и мы зажили дружно. Нехватало только для многихъ заработка. Всѣ, знающіе какое-либо ремесло, хорошо зарабатывали. Кое-кто, и я въ томъ числѣ, пробовали дрова рубить, сѣно косить, но результаты получались неутѣшительные. Нарубленныя дрова такъ и остались въ лѣсу, сѣно же въ половодье затопило. Дѣваться было некуда, надо было какъ-нибудь жить. Такъ прошло еще года полтора. Когда же мнѣ разрѣшили разъѣздъ по области, я тотчасъ же уѣхалъ изъ Баргузина и уже навсегда.

Обыватели Баргузина надолго сохранили хорошую память о многихъ уѣхавшихъ по окончаніи ссылки товарищахъ. Дѣти нѣкоторыхъ изъ нихъ, учившіеся у ссыльныхъ, потянулись къ свѣту знанія. Юноши и дѣвушки очутились затѣмъ въ столицахъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, а кое-кто изъ молодого поколѣнія сталъ и въ ряды революціоннаго движенія. Такимъ образомъ, правительство способствовало тому, что даже изъ Баргузина, который не такъ скоро можно отыскать на картѣ, вышли на борьбу съ нимъ молодыя силы, сохранившія завѣты своихъ пришлыхъ учителей.

Разскажу еще одинъ эпизодъ изъ баргузинской жизни.

Мѣстный попъ, какъ я говорилъ, сильно агитировалъ противъ насъ, но цѣли не достигъ и примирился со своей неудачей. Старшій сынъ его учился въ иркутской семинаріи. Пріѣхавъ на каникулы къ отцу, семинаристъ слегъ въ постель. У него оказался брюшной тифъ. Семья попа была велика, помѣщеніе небольшое, и вскорѣ всѣ въ домѣ заразились. Одинъ за другимъ умирали, уцѣлѣли лишь самъ попъ, да дочка лѣтъ шести. Какъ только домъ священника превратился въ лазаретъ, его тотчасъ же оставили работники и женская прислуга. Всѣ бѣжали отъ заразы. Въ городѣ не было ни больницъ, ни сидѣлокъ, ухаживать было некому. Врачъ уѣхалъ на пріиски надолго. Кого изъ обывателей ни приглашалъ священникъ, никто не соглашался ни за какую плату итти къ нему въ домъ. Отчаянное положеніе было у бѣдняги. Схоронивъ 5 человѣкъ дѣтей и матушку, священникъ не выдержалъ и самъ свалился съ ногъ.

Жилъ онъ на краю города, мы съ нимъ не имѣли никакихъ

сношеній. Только случайно узнавъ о постигшемъ его несчастьѣ, мы тотчасъ же рѣшили отправиться къ нему на помощь. Уцѣлѣвшую дѣвочку забрали къ себѣ и принялись за очистку, уборку и дезинфекцію квартиры. Образовалось дежурство для ухода за заболѣвшимъ священникомъ. Руководство принялъ на себя нашъ товарищъ врачъ Дубровинъ[1]), и черезъ двѣ недѣли священника поставили на ноги. Когда онъ пришелъ въ сознаніе и увидѣлъ себя окруженнымъ «государственными преступниками», то не высказалъ особаго удивленія. Отнесся какъ-то онъ ко всему безучастно, все время молчалъ и ни о чемъ не разспрашивалъ. Къ концу болѣзни намъ удалось уговорить одну изъ мѣстныхъ женщинъ заняться хозяйствомъ у священника. Отослали къ нему дочку и прекратили посѣщенія.

Прошло дня три-четыре. Собралась у Баломеза вечеромъ наша колонія. Вдругъ отворяется дверь, и входитъ священникъ. Не поздоровавшись ни съ кѣмъ, онъ быстро опустился на колѣни и зарыдалъ. Мы растерялись сначала, затѣмъ бросились къ нему, стали поднимать съ колѣнъ, успокаивать.

— Вы, вы?.. Невѣрующіе въ Бога, непризнающіе царя... Вы, которыхъ называютъ преступниками, пришли на помощь моему горю?—съ сильными спазмами въ горлѣ говорилъ бѣдняга.—Мои прихожане бросили своего пастыря... Бѣжали... А вы, какъ истинные христіане, не убоялись... На мою къ вамъ ненависть, на вражду мою вы отвѣтили христіанской любовью!.. Богъ покаралъ меня жестоко за грѣхи мои...

Понемногу онъ успокоился, и весь вечеръ мы провели въ самой дружеской съ нимъ бесѣдѣ. Съ тѣхъ поръ у насъ съ священникомъ установились хорошія отношенія. Его осиротѣвшая дочка играла съ дѣтьми Баломеза, куда заходилъ по вечерамъ и удрученный горемъ вдовецъ. Баломезъ жилъ въ томъ заколдованномъ домѣ, о которомъ я упоминалъ выше, и теперь «нечистый козелъ» нисколько не мѣшалъ посѣщеніямъ просвѣтленнаго батюшки.

Въ Баргузинѣ у меня родилась дочь. Пришлось крестить ее. У насъ дома торжественно совершено было таинство. Вся компанія обрадовалась случаю поразнообразить время, и вечеръ прошелъ у насъ весело. Какъ тамъ и что написали въ церковныхъ книгахъ, мы тогда не полюбопытствовали. А нѣсколько лѣтъ спустя, вытребовавъ метрическое свидѣтельство, мы прочли въ немъ, что въ метрической книгѣ баргузинской церкви записанъ слѣдующій актъ: «Такого-то года и числа у государственнаго преступника

---

[1]) Е. А. Дубровинъ, осужденный по дѣлу покушенія въ 1882 году на освобожденіе Нечаева изъ Петропавловской крѣпости.

(имя рекъ) и законной его жены государственной преступницы (имя рекъ) родился младенецъ женскаго пола и крещена такого-то года и числа. Воспріемники были—государственный преступникъ (такой-то) и повивальная бабка (такая-то)».

Пришло время отдавать дочь въ гимназію. Дѣло было уже въ Одессѣ, куда уѣхала изъ Сибири жена съ дѣтьми. Прочли въ гимназіи метрическое—и не принимаютъ. Обратилась жена къ попечителю,—только руками машетъ попечитель

— Помилуйте, съ рожденія государственная преступница. Какая ей гимназія?

Пришлось обратиться къ министру народнаго просвѣщенія, и только министръ разрѣшилъ принять «государственную преступницу» въ гимназію.

3.

Снова Верхнеудинскъ.

Получивъ право разъѣзда по области, я выѣхалъ сначала въ Верхнеудинскъ, а затѣмъ направился въ Кяхту за поисками занятій.

Слобода Кяхта находится на границѣ Монголіи въ ста саженяхъ отъ китайскаго городка Маймачина и въ 4-хъ верстахъ отъ русскаго городка Троицкосавска. Въ ней было около 20 купеческихъ помѣстій, владѣльцы которыхъ составляли сообщество подъ наименованіемъ «Торгующее на Кяхтѣ купечество». Кромѣ этихъ купцовъ, пограничнаго комиссара, да ветеринарнаго врача, въ слободѣ не было другихъ обывателей. Это былъ изолированный отъ остального міра уголокъ, гдѣ двадцать милліонеровъ жили особою жизнью, имѣли особое самоуправленіе, пользовались широкими привилегіями по чайной торговлѣ. Въ теченіе многихъ лѣтъ кяхтинское купечество держало въ своихъ рукахъ транзитъ чая, пользовалось особыми льготами и покровительствомъ министерства финансовъ и гипнотизировало всѣхъ чаеторговцевъ, пустивъ слухъ, что чай не выноситъ морской перевозки.

Сухимъ путемъ изъ Пекина на Калганъ, а оттуда по пустынѣ Гоби черезъ Ургу направлялись чаи на Кяхту. Кирпичные чаи шли на телѣгахъ, запряженныхъ монгольскими быками, а байховые—вьючнымъ порядкомъ—на верблюдахъ. Въ Калганѣ и Ургѣ основались русскія переотправочныя конторы. Чай шелъ въ камышевыхъ цибикахъ и деревянныхъ ящикахъ, при чемъ байховый чай обшивался шерстяными рядпами. Въ Кяхтѣ цибики и ящики зашивались въ сыромятную кожу («ширились», по мѣстному выраженію) и отсюда уже шли гужомъ на лошадяхъ черезъ

Байкалъ на Иркутскъ, Томскъ и т. д. въ Европейскую Россію и въ Средне-Азіатскія владѣнія. Въ описываемое мною время въ Забайкальѣ было порто-франко, а потому таможня въ Кяхтѣ была упразднена и перенесена въ Иркутскъ.

Чайный транзитъ давалъ работу монгольскому и забайкальскому населенію по перевозкѣ груза, а жителямъ Троицкосавска работу по «ширенію». Все рабочее населеніе Троицкосавска цѣлыми днями трудилось въ кяхтинскихъ пакгаузахъ. Все служилое и чиновное сословіе было къ услугамъ кяхтинскихъ купцовъ, получая по заслугамъ подачки, субсидіи и т. п. Собственно у кяхтинскаго купечества было на первомъ планѣ не торговля чаями, а комиссіонныя порученія отъ крупныхъ русскихъ чайныхъ фирмъ: Боткиныхъ, Губкиныхъ, Поповыхъ, Вогау и другихъ. Кяхтинцы служили лишь посредниками по закупкѣ и переотправкѣ чая изъ Китая въ Россію, хотя «попутно» и сами вели торговлю, особенно съ средне-азіатскими пунктами: Ташкентомъ Самаркандомъ, Семипалатинскомъ и др. Дѣло было прибыльное, наживное. Особенно по доставкѣ транспортовъ черезъ Монголію, населеніе которой эксплоатировалось самымъ безпощаднымъ образомъ. Немалую выгоду доставляли кяхтинцамъ и «ширка» чаевъ, благодаря искуственно создаваемому колебанію цѣнъ на кожи.

Какъ извѣстно, въ Монголіи чумная эпизоотія была обычнымъ явленіемъ. Въ Кяхтѣ былъ учрежденъ карантинъ, и имѣлся спеціальный ветеринарный врачъ для надзора за привозимыми изъ Монголіи кожами. Нужно ли говорить, что этотъ врачъ былъ въ полномъ распоряженіи «Торгующаго на Кяхтѣ купечества»? Стоило лишь врачу объявить чуму и наложить запретъ на ввозъ изъ Монголіи кожи, и стоимость «кожъ» повышалась, такъ какъ Забайкалье не могло удовлетворить потребности, и кожи, якобы, приходилось выписывать изъ Иркутской губерніи. Разумѣется, кяхтинцы запасались монгольскими кожами до «объявленія чумы», а довѣрители-чаеторговцы переплачивали на «ширкѣ» изрядныя суммы.

Была раньше еще одна статья дохода. Это «совочный» чай, но потомъ она прекратилась. Съ каждой партіей чая шла «проба». Чтобы удостовѣриться, что и въ цибикахъ чай соотвѣтствуетъ «пробѣ», каждый цибикъ *проходится* въ Кяхтѣ передъ «ширкой» совкомъ, вынимающимъ до $1/4$ фунта чая. Разумѣется, вынутый совкомъ чай въ цибикъ не возвращался, а поступалъ въ пользу комиссіонера. При сотняхъ тысячъ ящиковъ, проходившаго черезъ Кяхту чая, совочныя выемки составляли немалую толику дарового товара. Совочный чай закупоривался въ отдѣльные цибики и шелъ въ продажу уже отъ комиссіонера.

Вотъ этотъ-то чай и назывался «совочнымъ», а торгующіе имъ назывались «совочными» купцами.

Нашлись, наконецъ, смѣльчаки, рискнувшіе провезти чай моремъ черезъ Одессу, и гипнозъ разсѣялся, Кяхта потеряла свою монополію, а чаи пошли черезъ Одессу, или же на Владивостокъ и Николаевскъ моремъ, а оттуда водой до Срѣтенска, гдѣ уже къ этому времени былъ проведенъ рельсовый путь черезъ всю Сибирь.

Среди кяхтинскихъ купцовъ былъ въ описываемое время выдающійся человѣкъ—А. М. Лушниковъ. Родомъ изъ Селенгинска, Лушниковъ получилъ свое образованіе и воспитаніе отъ проживавшихъ тамъ декабристовъ. Лушниковъ всю свою жизнь остался вѣрнымъ завѣтамъ своихъ учителей и сумѣлъ остаться навсегда честнымъ, отзывчивымъ человѣкомъ. Правда, его роль ограничивалась поддержкой, главнымъ образомъ, просвѣтительныхъ цѣлей, но среди остальныхъ кяхтинскихъ толстосумовъ онъ рѣзко выдѣлялся какъ образованный, начитанный и несомнѣнно культурный человѣкъ. Сочувствуя освободительному движенію, Лушниковъ не имѣлъ мужества болѣе активно дѣйствовать, но при случаѣ оказывалъ кое-какое содѣйствіе.

Въ Кяхтѣ я прожилъ съ полгода, получивъ должность конторщика у одного изъ чаеторговцевъ. Служба моя была неудачна, платили гроши и смотрѣли на служащаго, какъ на раба. Я бросилъ скоро службу и снова переѣхалъ въ Верхнеудинскъ. Тамъ все-таки было лучше. И связи уже завязались съ мѣстнымъ обществомъ, а главное—Верхнеудинскъ находился на тракту. Сношенія съ внѣшнимъ міромъ постоянно поддерживались. Жена получила уроки, а я нашелъ себѣ занятія въ камерѣ товарища прокурора.

Институтъ прокурорскаго надзора только что выступилъ на сцену, замѣнивъ архаическихъ стряпчихъ. Чины прокурорскаго надзора сразу стали въ оппозицію съ администраціей. Первый мой начальникъ былъ молодой, безпутный человѣкъ, беззаботно прожигавшій жизнь. И все дѣло пришлось вести мнѣ одному. Онъ лишь подписывалъ бумаги. Даже областной прокуроръ считался со мною, убѣдившись, что я веду дѣлопроизводство исправно. Затѣмъ рядъ скандальныхъ исторій на почвѣ кутежа вынудилъ начальство убрать этого товарища прокурора, а на смѣну ему пріѣхалъ прекрасный и честный служака, сильно вѣрившій, что, опираясь на законъ, онъ сумѣетъ прекратить ту вакханалію, тотъ произволъ администраціи, который царилъ въ краѣ. Правда, онъ разворотилъ осиное гнѣздо, раскрылъ массу злоупотребленій, но высшая администрація не давала ему

хода и прикрывала самыя вопіющія злоупотребленія. Прокуратура сразу стала во враждебное положеніе съ администраціей, но послѣ упорной борьбы сдалась на капитуляцію. Областной прокуроръ получилъ переводъ въ Прибалтійскій край, а мое начальство навсегда оставило судебное вѣдомство, потерявъ вѣру въ силу существующихъ лишь на бумагѣ законовъ.

Два года дѣятельности этого товарища прокурора надѣлали много шума въ Верхнеудинскѣ. Полиція травила его, писала на него доносы. Мѣстные дѣльцы возненавидѣли этого человѣка, особенно винный тузъ, гордившійся своимъ знакомствомъ съ генералъ-губернаторомъ, бар. Корфомъ. Когда пріѣзжалъ баронъ въ Верхнеудинскъ, то останавливался у виннаго туза, и тутъ шло разливанное море. И вотъ этого почтеннаго коммерсанта дерзкій товарищъ прокурора вздумалъ обвинять въ поджогѣ, засадилъ въ тюрьму за нѣсколько дней до ожидаемаго проѣзда черезъ городъ высокаго гостя—нынѣшняго государя. Скандалъ получился громадный. Полетѣли телеграммы въ Петербургъ. Товарища прокурора вызвали экстренно въ министерство, а виноторговца освободили изъ тюрьмы.

И ихъ степенство въ мундирѣ вѣдомства императрицы Маріи удостоился чести принимать у себя царственнаго путешественника.

Меня травили тоже, и однажды была послана телеграмма въ Петербургъ, подписанная тремя *почетными* обывателями приблизительно такого содержанія:

— «Полякъ Г—скій, здѣшній товарищъ прокурора, и государственный преступникъ Т—ъ притѣсняютъ честныхъ гражданъ. Просимъ защиты».

Кромѣ кружка, раболѣпствовавшаго передъ этимъ кабатчикомъ, вся интеллигенція въ городѣ была съ нами въ большой дружбѣ. Жилось сносно, но все-таки тянуло на просторъ. Было сильное стремленіе къ болѣе культурному центру, хотя бы въ родѣ Иркутска. И когда въ 1890 г. мнѣ разрѣшили переѣхать туда, я переселился въ эту столицу Сибири, гдѣ уже окрѣпла и устроилась довольно обширная колонія старыхъ ссыльныхъ.

Но, прежде, чѣмъ покончить съ Верхнеудинскомъ, я разскажу про содержаніе въ Верхнеудинской тюрьмѣ Е. Н. Ковальской. Не буду разсказывать про трагедію, происшедшую на Карѣ въ 1888 году. Про нее уже разсказали болѣе талантливые люди. Перейду прямо къ тому времени, когда Е. Н. Ковальскую замуровали въ Верхнеудинской тюрьмѣ.

Баронъ Корфъ пріѣхалъ въ Верхнеудинскъ, посѣтилъ тюрьму, самъ выбралъ одиночную камеру для Ковальской, помѣщавшуюся

въ совершенно уединенномъ крылѣ зданія, попробовалъ затворы, далъ лично инструкцію смотрителю тюрьмы.

Въ темную осеннюю ночь 1888 г. подъѣхала кибитка къ воротамъ тюрьмы. Два дюжихъ жандарма внесли на рукахъ больную, истерзанную женщину, завернутую въ одѣяло. Никто не долженъ былъ знать имени таинственной узницы, и крѣпкая желѣзная дверь мрачной одиночной камеры захлопнулась наглухо. Но такъ какъ все тайное все-таки становится явнымъ, то скоро и мы узнали, что привезенная женщина—Е. Н. Ковальская.

Условія заточенія были таковы. Кромѣ смотрителя тюрьмы, никто не смѣлъ входить въ ея камеру. Узница не имѣла права носить свое бѣлье, имѣть свою пищу, книги. Не смѣла ни писать, ни получать письма. Ни доктора, ни лицъ прокурорскаго надзора къ ней допускать не разрѣшалось. Только смотритель могъ входить въ ея камеру, даже пищу вносить разрѣшалось только смотрителю. Убирать камеру обязана была сама узница.

Намъ удалось завести дружбу со смотрителемъ тюрьмы и, благодаря его содѣйствію, Ковальская получила возможность имѣть свое бѣлье, свою пищу, книги, писала и получала письма и даже имѣла свиданія съ моей женой и со мною. Намъ было поставлено условіемъ лишь одно: не замышлять ея освобожденія. Все шло прекрасно. Смотритель періодически доставлялъ непосредственно барону Корфу отчеты о содержаніи и поведеніи заключенной, и къ концу 1889 года, на основаніи хорошихъ отзывовъ смотрителя, Ковальскую перевели въ женское отдѣленіе, гдѣ хотя и отвели одиночку, но днемъ выпускали въ общую камеру.

Доходили иногда до товарища прокурора слухи, что въ тюрьмѣ что-то неладное творится. Смотритель, молъ, воруетъ и жестоко расправляется съ уголовными арестантами. Дѣлился этими слухами и со мною товарищъ прокурора, но какъ-то не вѣрилось, что такой добрый тюремщикъ способенъ на жестокости. И вдругъ товарищъ прокурора, неожиданно явившись въ тюрьму въ семь часовъ утра, засталъ экзекуцію. Партія пересыльныхъ арестантовъ стояла на 30 градусномъ морозѣ, а смотритель поролъ розгами изобличенныхъ въ промотаніи казенныхъ халатовъ, бродней и т. п. вещей. Экзекуція была остановлена товарищемъ прокурора. Черезъ нѣсколько дней открылось новое звѣрство смотрителя. Одинъ изъ арестантовъ, посаженный въ нетопленный карцеръ, отморозилъ себѣ ноги. Извлеченный оттуда товарищемъ прокурора и переведенный въ больницу, арестантъ умеръ отъ гангрены. Разумѣется, началось слѣдствіе. Смотритель вначалѣ испугался за свою участь прибѣжалъ ко мнѣ и поставилъ ультиматумъ: уговорить товарища прокурора, чтобы онъ замялъ дѣло,

въ противномъ случаѣ онъ сообщитъ о нашихъ сношеніяхъ съ Ковальской губернатору. Мы прогнали нахала съ его ультиматумомъ. Смотрителя стала поддерживать администрація въ лицу прокурорскому надзору. Прислали чиновника особыхъ порученій для провѣрки обвиненій. И этотъ чиновникъ нашелъ, что дѣло сильно раздуто товарищемъ прокурора, а показаніями тюремныхъ надзирателей установлено было, что арестантъ по злобѣ на смотрителя выбилъ въ окнѣ стекла, высунулъ ноги наружу и нарочно *самъ заморозилъ ихъ*. Смотрителя все-таки убрали, но дали повышеніе по службѣ.

Я уѣхалъ вскорѣ въ Иркутскъ послѣ этой исторіи, а Ковальскую, вслѣдствіе доноса смотрителя, что она готовится къ побѣгу, перевели въ Зерентуйскую каторжную тюрьму.

Передъ оставленіемъ должности въ Верхнеудинской тюрьмѣ смотритель, какъ я узналъ впослѣдствіи, обманулъ Ковальскую. Онъ ей объяснилъ свой уходъ со службы такъ. Товарищъ прокурора, по его словамъ, узналъ про льготы, допущенныя имъ по отношенію къ Ковальской, и донесъ начальству. Ковальская повѣрила, такъ какъ мы уже не могли передать ей о всемъ происшедшемъ.

Догадывался ли товарищъ прокурора про наши сношенія съ Ковальской, я не знаю. Но положительно утверждаю, что заявленіе смотрителя наглая ложь. Товарищъ прокурора—безусловно честный человѣкъ, что онъ и доказалъ впослѣдствіи, снявъ съ себя мундиръ судебнаго вѣдомства съ такой мотивировкой, которая можетъ назваться подвигомъ для коронного чиновника, особенно въ то реакціонное время. Онъ въ настоящее время живъ, состоитъ присяжнымъ повѣреннымъ и имѣетъ нѣкоторое имя въ литературѣ.

Послѣднее мое сообщеніе очень важно для возстановленія добраго имени этого человѣка, на котораго, по невѣдѣнію, Е. Н. Ковальская нѣсколько лѣтъ тому назадъ бросила обвиненіе, что по доносу его ея перевели въ «Зерентуй». Е. Н. Ковальская была обманута негодяемъ-смотрителемъ, и невинному человѣку пришлось пережить тяжелое обвиненіе. Только я могъ разъяснить истину, но я былъ далеко и очень поздно узналъ о печальномъ событіи.

4.

Иркутскъ.

Вотъ я и въ столицѣ Сибири—въ Иркутскѣ. Послѣ медвѣжьихъ угловъ сразу вздохнулъ полной грудью. Городъ даже въ то время былъ много лучше большинства губернскихъ городовъ Европей-

ской Россіи. Колонія нашихъ товарищей жила здѣсь не обособленною жизнью, а имѣла общеніе съ мѣстной интеллигенціей прогрессивнаго направленія. Центромъ тяготѣнія для всѣхъ былъ отдѣлъ Географическаго Общества съ музеемъ и редакція газеты «Восточное Обозрѣніе», издаваемая тогда Ядринцевымъ. Оппозиціоный духъ чувствовался даже среди чиновничества, до канцеляріи генералъ-губернатора включительно. Государственныхъ ссыльныхъ не тѣснили, не препятствовали имъ въ выборѣ занятій. И гдѣ только можно было, каждый какъ-нибудь пристраивался. Д. А. Клеменцъ[1]), составившій себѣ къ этому времени имя въ ученомъ мірѣ, занялъ даже офиціальное положеніе при музеѣ. На дорожныхъ работахъ по Сибирскому тракту начальниками участковъ были государственные ссыльные, какъ напр. Лапицкій, Сикорскій и другіе. Подъ ихъ руководствомъ работало немало по всему тракту нашей ссыльной братіи.

Хотя пять тысячъ слишкомъ верстъ и отдѣляло насъ отъ центра Россіи, хотя сообщеніе все еще было на лошадяхъ, но все это казалось пустяками. Обмѣнъ мыслями, свѣдѣніями совершался непрерывно. Къ тому же и живой народъ двигался взадъ и впередъ по этому громадному пространству.

То время было канунъ великаго экономическаго переворота въ Сибири. Канунъ проведенія желѣзной дороги. Сибиряки-прогрессисты были противъ проведенія рельсоваго пути, и «Восточное Обозрѣніе»—ихъ органъ—писало громовыя статьи по этому вопросу. Желѣзную дорогу находили преждевременной, гибельной для населенія Сибири. Требовали употребить эти милліоны на болѣе неотложныя, ближайшія нужды населенія.

— Надо сначала,—говорилось,—поднять благосостояніе края, загаженнаго ссылкой. Необходимъ рядъ крупныхъ общественныхъ и просвѣтительныхъ реформъ. И только тогда уже соединить Сибирь съ центромъ Россіи желѣзною дорогою.

— Рельсовый путь,—говорили,—убьетъ существующій извозный промыселъ, что разоритъ въ конецъ придорожное населеніе, т.-е. всю Сибирь, такъ какъ она, главнымъ образомъ, и заселена вдоль великаго тракта.

Дорогу считали убыточной, ибо вывозъ ничтожный.

— Два, три поѣзда,—говорили съ цифрами въ рукахъ,—увезутъ сразу все, что въ теченіе года везли на лошадяхъ. Но самое главное,—утверждали сибиряки,—поѣзда наводнятъ Сибирь новыми отбросами, разными авантюристами, сомнительными прожектерами. Польется мутный потокъ всего нечистаго въ Сибирь, для которой долгій и дорогой путь на лошадяхъ служитъ нѣкоторой

[1]) Умеръ въ 1913 г.

защитой отъ подобнаго нашествія. Неокрѣпшая темная окраина будетъ порабощена, задавлена алчными пришельцами.

Вопросъ о желѣзной дорогѣ горячо и страстно обсуждался въ печати, въ обществѣ. Образовалось два лагеря: одни за дорогу, другіе противъ. Единомышленники по общимъ общественнымъ и государственнымъ вопросамъ расходились рѣзко по вопросу желѣзнодорожному.

Генералъ-губернаторомъ былъ въ это время А. Д. Горемыкинъ (нынѣ умершій). Генералъ этотъ былъ человѣкъ честный въ бюрократическомъ смыслѣ, т.-е. не причастенъ къ воровству. Жилъ скромно, что особенно бросалось въ глаза послѣ широкой жизни его предшественника, гр. А. П. Игнатьева. Говорятъ, что когда Игнатьевъ пріѣхалъ въ Иркутскъ и увидѣлъ домъ, гдѣ ему приходилось жить, то произвесъ такую фразу:

— И въ этой конюшнѣ я долженъ жить цѣлые годы!

Горемыкинъ же, прибывъ въ то же помѣщеніе, воздѣлъ руки горѣ и съ умиленіемъ воскликнулъ.

— Благодарю Тебя, Боже, и моего государя: хоть на старости лѣтъ поживу въ такомъ дворцѣ.

Не ручаюсь за достовѣрность приведеннаго разсказа, но вся дальнѣйшая (около 10 лѣтъ) жизнь Горемыкина была полною противоположностью Игнатьева.

Горемыкинъ, старый армейскій служака, не обладающій административными талантами, рѣшилъ оправдать оказанное ему довѣріе точнымъ исполненіемъ данной ему при назначеніи инструкціи. А потому онъ сразу сталъ попадать въ просакъ. Врагъ всякой помпы, онъ съ палкою въ рукахъ, безъ свиты и конвоя отправлялся гулять по городу и отъ встрѣчныхъ требовалъ поклона съ обнаженіемъ головы. Получались цѣлыя исторіи по этому поводу, а иногда и скандалы.

— Я здѣсь представитель моего государя, говорилъ Горемыкинъ. Снятія фуражки требую не для себя лично, а какъ представитель монарха.

Къ чести Горемыкина надо сказать, что онъ терпѣливо выслушивалъ всякаго смѣлаго человѣка. И если доводы были убѣдительны, то онъ сдавался на капитуляцію. «Шапочный» вопросъ такимъ образомъ и разрѣшился. Горемыкину доказали всю нелѣпость его требованія. И генералъ скоро сталъ большинству публики лично извѣстенъ, на улицахъ многіе раскланивались теперь съ нимъ изъ вѣжливости къ самому генералу, а не по принужденію.

Съ первыхъ же дней своего пріѣзда въ Иркутскъ Горемыкинъ затребовалъ списки государственныхъ ссыльныхъ въ краѣ и

навелъ справки, выполняются ли въ точности существующіе циркуляры. На бумагѣ существовалъ такой порядокъ. Передвиженіе ссыльнаго въ предѣлахъ округа (уѣздъ) зависѣло отъ разрѣшенія исправника, въ предѣлахъ области или губерніи—отъ губернатора, а въ предѣлахъ Восточной Сибири отъ генералъ-губернатора.

— Государственные ссыльные—враги моего государя, а потому и мои враги. Никакихъ льготъ имъ не дамъ,—такъ заявилъ генералъ, и отдалъ приказъ, чтобы всякое передвиженіе ссыльныхъ совершалось лишь съ его, генералъ-губернаторскаго разрѣшенія. Кромѣ того онъ нашелъ, что Иркутскъ слишкомъ хорошее мѣсто для ссылки, и намѣренъ былъ выселить насъ всѣхъ оттуда. Поднялся переполохъ. Всѣ, жившіе въ Иркутскѣ, уже отбыли первыя стадіи ссылки и имѣли право тутъ основаться. Послѣ долгихъ препирательствъ насъ оставили въ покоѣ, но новыхъ рѣшено было не пускать въ Иркутскъ.

Суровый приказъ для иногороднихъ разрѣшился довольно комично. Есть городъ Балаганскъ, гдѣ жили ссыльные, жила полиція и очень мало обывателей. Городъ на половину былъ пустъ. Балаганскъ отдѣлялся рѣкой Ангарой отъ большого, оживленнаго села Малышевки. Фактически Малышевка была городомъ, а Балаганскъ его слободой. За всякой надобностью, до закупки провизіи включительно, надо было идти въ Малышевку. И вотъ въ силу приказа Горемыкинскаго необходимо было просить разрѣшеніе генералъ-губернатора на выѣздъ изъ Балаганска въ Малышевку за покупками. Разумѣется, выполнить этотъ приказъ не было физической возможности. Но для огражденія мѣстной полиціи, ссыльные стали ежедневно заваливать Горемыкина прошеніями о разрѣшенія отправиться въ Малышевку. Взвыла канцелярія генералъ-губернатора отъ получаемой ежедневно груды прошеній. Горемыкинъ растерялся, и приказъ былъ отмѣненъ. Были еще попытки репрессій противъ государственныхъ ссыльныхъ, но все неудачныя, а затѣмъ установились мирныя отношенія.

Великій Сибирскій трактъ—Иркутскъ—Томскъ—былъ сплошной пыткой для проѣзжающихъ. Выбоины, провалы лѣтомъ, а зимою, благодаря снѣжнымъ заносамъ, «нырки», глубиной съ сажень—это были такіе дорожные ужасы, что и описать трудно. Ремонтъ тракта производился «натуральною повинностью», которая была настоящій бичъ для населенія и крупной наживой для уѣздной полиціи. При Игнатьевѣ установили «повозный сборъ» съ проходящихъ обозовъ. Такой сборъ достигъ свыше 200.000 рублей въ годъ, и эта сумма была назначена на ремонтъ

тракта въ 1500 верстъ. Попали денежки «повозныя» въ руки чиновныхъ техниковъ, а тракту отъ того было не легче. Чѣмъ больше на ремонтъ идетъ денегъ, тѣмъ трактъ становится болѣе непроѣзжимъ.

Поѣхалъ Горемыкинъ на ревизію. Даже подготовленный для его проѣзда трактъ привелъ въ ужасъ генерала. Только на одномъ изъ участковъ генералъ отдохнулъ, тарантасъ его плавно покачивало на гибкихъ дрожжинахъ. Ухабовъ ни слѣда, промоинъ не видать, и по мостамъ свободный проѣздъ. Удивило это генерала. Потребовалъ къ себѣ начальника участка.

— Какъ вы этого достигли? Во что вогнали версту?

Стоимость ремонта на версту поразила генерала своею дешевизной по сравненію съ расходами на другихъ участкахъ.

— Да вы кто такой?..

— Государственный ссыльный...

— Теперь я понимаю весь секретъ! —ударилъ себя по лбу генералъ.

По окончаніи ревизіи тракта произошла коренная реформа дорожнаго управленія. Во главѣ дѣла появился дѣльный инженеръ, а большинство начальниковъ участковъ—государственные ссыльные, какъ Лапицкій, Сикорскій и др. Масса мелкихъ техниковъ, подрядчиковъ была набрана также изъ ссыльныхъ. И до самаго открытія рельсоваго пути трактъ—Иркутскъ—Томскъ—былъ въ образцовомъ порядкѣ.

Въ другую изъ своихъ поѣздокъ Горемыкинъ открылъ массу злоупотребленій въ волостяхъ. Писаря были, главнымъ образомъ, изъ уголовныхъ ссыльныхъ. И Горемыкинъ порекомендовалъ поселенію приглашать въ волостные и сельскіе писаря государственныхъ ссыльныхъ.

Такъ постепенно генералъ, объявившій вначалѣ войну «врагамъ государства», долженъ былъ сознаться, что эти враги не такъ ужъ плохи, и о гоненіяхъ, притѣсненіяхъ уже не было и рѣчи. Иркутскъ все больше и больше пополнялся нашими товарищами. Изъ болѣе глухихъ мѣстъ понемногу съѣзжались въ Иркутскъ, кое-какъ устраивались здѣсь, и колонія все росла и росла.

Но курьезовъ было немало. Генералъ по многимъ вопросамъ былъ мало свѣдущъ и часто влеталъ здорово.

Однажды онъ разнесъ въ пухъ и прахъ кандидата на военно-судебныя должности З. за то, что тотъ, явившись къ нему, представился такимъ образомъ: «я явился къ вашеству, какъ повѣренный сс. каторжнаго N, чтобы подать прошеніе о помилованіи...»

— Вы кто такой? вскипѣлъ генералъ.

— Кандидатъ на военно-судебныя должности капитанъ З.

— Не вѣрю!..

— Вашество, я не разъ имѣлъ честь представляться...

— Не вѣрю!.. Говорю, не вѣрю!.. Не могу вѣрить!.. Капитанъ службы моего Государя—повѣренный сс.-каторжнаго?!! Да вы съ ума сошли?..—горячится генералъ.

И только, когда Горемыкину разъяснили, что быть повѣреннымъ сс.-каторжнаго совмѣстимо съ званіемъ капитана, онъ развелъ руками и произнесъ:

— Я солдатъ, и разныхъ судейскихъ порядковъ не могу понять!.. Развѣ мало гражданскихъ адвокатовъ?..

Второй случай.

Въ городѣ совершилось дерзкое убійство съ ограбленіемъ. Виновные были преданы военному суду. Слѣдствіе установило существованіе организованной шайки, долго оперировавшей въ Иркутскѣ. Въ поимкѣ злодѣевъ отличился одинъ полицейскій чинъ, хотя главари и ускользнули. Горемыкинъ поторопился представить этого чина къ наградѣ. Затѣмъ на судѣ раскрылась картина, довольно непріятная для полиціи. Обвиняемые указывали на чиновъ полиціи, какъ на своихъ участниковъ и, главнымъ образомъ, на чина, отличившагося поимкой грабителей. Горемыкинъ рвалъ и металъ. Онъ потребовалъ къ себѣ этого вѣроломнаго полицейскаго на расправу.

Въ пріемную входитъ полицейскій офицеръ. Взвинченный до-нельзя генералъ вскакиваетъ.

— Честь имѣю!.. началъ было вошедшій.

— А!.. Такъ вотъ вы какой негодяй?!. набросился Горемыкинъ на него, весь багровый отъ гнѣва.

— Честь имѣю... снова начинаетъ вошедшій, пораженный такой встрѣчей.

— Молчать! Я вамъ покажу, какъ нарушать присягу!.. Марать мундиръ... Я васъ на каторгѣ сгною!..

— Позвольте, ваше-ство, доложить...

— Молчать! говорю вамъ... Еще оправдываться смѣете?.. Сію минуту подъ арестъ! Вонъ!!! и генералъ позвонилъ.

Вбѣжавшій адъютантъ получилъ приказъ отправить полицейскаго подъ арестъ. Но тутъ выяснилось маленькое недоразумѣніе. Представлявшійся полицейскій офицеръ ѣхалъ въ Забайкалье на службу и проѣздомъ черезъ Иркутскъ рѣшилъ явиться къ Горемыкину. Вызванный же для разноса полицейскій чинъ любезно уступилъ свою очередь пріѣзжему, и генералъ, не узнавъ его, распекъ невиновнаго. Горемыкинъ извинился, даже отдалъ визитъ невинно-обиженному.

Понемногу все сгладилось. Горемыкинъ, говорю, былъ цѣн-

нымъ человѣкомъ въ томъ смыслѣ, что всегда почти сознавалъ свои промахи, если ему ихъ доказывали. И со временемъ иркутяне зажили съ генераломъ миролюбиво, насколько это было возможно.

Газету вести бывало подчасъ трудновато. Цензура сильно временами тѣснила. Особенно, когда получала нахлобучки изъ Питера. Въ такихъ случаяхъ Горемыкинъ набрасывался на редактора и самъ держалъ цензуру. Это было на руку газетѣ, и самыя смѣлыя (по тогдашнему времени) статьи проходили при цензурѣ генерала. Помню такой случай.

По случаю смерти Александра III «Восточное Обозрѣніе» написало передовую статью. Горемыкинъ не пропустилъ, найдя ее крамольной. Редакція не хотѣла давать другой. Горемыкинъ требовалъ статью, грозя не выпустить номера. Тогда редакція составила новую, очень краткую. Тамъ было сказано, что за тринадцать лѣтъ царствованія въ Бозѣ почившаго императора было произведено тринадцать такихъ-то реформъ (всѣ ретроградныя)— и только. Горемыкинъ пропустилъ и поблагодарилъ редактора за объективность статьи. А черезъ мѣсяцъ изъ Петербурга отъ цензурнаго комитета получилась сильная головомойка. Чуть-чуть газета не погибла.

Пріѣхавъ въ Иркутскъ, я скоро поступилъ на службу по вольному найму въ губернскій судъ личнымъ секретаремъ предсѣдателя. Я пользовался его довѣріемъ. Предсѣдатель хотѣлъ даже ходатайствовать у министра юстиціи, чтобы, въ виду недостатка въ Иркутскѣ сносныхъ чиновниковъ, разрѣшили бы мнѣ занять штатную должность. А, дѣйствительно, въ канцеляріи суда былъ форменный сбродъ, способный на всякую гадость. Кража дѣлъ изъ суда—было заурядное явленіе. Однажды на должность секретаря суда пришлось, *за недостаткомъ подходящаго лица*, пригласить устраненнаго отъ службы помощника исправника. Предсѣдатель былъ очень недовѣрчивъ, боялся состава канцеляріи, почему и пригласилъ меня въ помощь себѣ. Но пришлось скоро уйти изъ суда, такъ какъ мнѣ предложили службу въ контрольной палатѣ, гдѣ тоже нуждались въ работникахъ, и гдѣ по вольному найму можно было занять отвѣтственную должность. Въ обоихъ случаяхъ требовалось согласіе генералъ-губернатора на допущеніе меня въ казенныя учрежденія, и таковое было дано Горемыкинымъ.

Не буду описывать порядковъ въ контрольной палатѣ. Много я потратилъ энергіи, много убилъ часовъ на кропотливую работу, пока не убѣдился въ безполезности контроля. Мелкая неисправность, простая неаккуратность подъотчетнаго лица или учрежде-

нія вызывали громы и молніи, порождали кучу переписки. Крупное же хищеніе оставалось безнаказаннымъ или неуловимымъ. Контроль былъ безсиленъ, особенно противъ лицъ рангомъ повыше. Больно было, когда затраченный трудъ пропадалъ даромъ.

Цѣлые мѣсяцы я работалъ какъ-то днями и вечерами надъ отчетностью по постройкѣ таможни. Мои открытія приводили управляющаго палатой въ восхищеніе. Онъ меня поощрялъ, онъ увѣрялъ, что добьется наказанія расхитителей казны. Послѣ перваго доклада государственному контролеру о результатахъ ревизіи строителя, правда, устранили отъ должности, но вскорѣ перевели съ повышеніемъ въ Европейскую Россію. Когда же ревизія закончилась, то вся наша работа, отосланная въ Петербургъ, канула въ вѣчность. Другой случай былъ съ отчетностью одного изъ вице-губернаторовъ. Тутъ даже не маскировали самыхъ безцеремонныхъ расходовъ. Начетъ въ 6 тысячъ рублей черезъ государственнаго контролера поступилъ на заключеніе министра внутреннихъ дѣлъ. Въ результатѣ вице-губернаторъ былъ убранъ съ должности, но затѣмъ получилъ мѣсто губернатора въ Европейской Россіи, а начетъ по Высочайшему повелѣнію сложенъ.

Перейду теперь къ описанію своего правового положенія. Государственные ссыльные всѣхъ категорій не подводились вначалѣ подъ Уставъ о ссыльныхъ. Они стояли въ сторонѣ и зависѣли отъ усмотрѣнія администраціи. Судъ приговаривалъ къ точно опредѣленному наказанію, а администрація варьировала отбываніе его по своему усмотрѣнію. Населяли централки, застѣнки Петропавловской крѣпости и Шлиссельбурга. Права, предоставленныя Уставомъ о ссыльныхъ, не примѣнялись къ государственнымъ преступникамъ. И поселенецъ, и административно-ссыльный находились въ одинаковомъ положеніи, положеніи неопредѣленномъ. «Государственный преступникъ»—была общая кличка для всѣхъ. Въ ней—всѣ права, всѣ обязанности ссыльнаго. Никто изъ насъ не заботился о болѣе точномъ опредѣленіи своего правового положенія. Мы знали лишь одно, что для измѣненія нашего положенія необходимо измѣненіе существующаго государственнаго строя. И если мы обращались иногда къ какому либо законоположенію, то лишь съ цѣлью облегчить себѣ условія ссылки въ мелочахъ, ослабить немного существующій на мѣстѣ режимъ. Каждый изъ насъ зналъ, что всякій лишенный правъ, до каторжника включительно, могъ сразу возстановить все имъ утраченное. Стоило только смалодушничать, принести раскаяніе и просить помилованія. Но также знали мы, что административно сосланный безъ суда и слѣдствія могъ долгіе годы влачить существованіе въ тундрѣ, несмотря на назначенный ему срокъ. Кончался срокъ,

и ему объявляли надбавку. Юридически полноправный человѣкъ могъ сгнить въ ссылкѣ въ положеніи лишеннаго всѣхъ правъ ссыльнаго.

Въ 1886 или 1887 г. намъ объявили, что ссыльные по суду могутъ воспользоваться тѣми льготами, которыя имъ даетъ Уставъ о ссыльныхъ. Я и рѣшилъ этимъ воспользоваться. Моя ссылка безъ срока съ ограниченіемъ въ правахъ была затѣмъ опредѣлена по коронаціонному манифесту 15-тью годами. По закону я имѣлъ право по прибытіи на мѣсто ссылки записаться въ любое податное общество, не испрашивая его согласія. Это для меня было важно еще потому, что я, получивъ право передвиженія по Восточной Сибири, могъ бы разъѣзжать съ мѣщанскимъ паспортомъ, а не съ полицейскимъ волчьимъ свидѣтельствомъ, гдѣ я именовался государственнымъ преступникомъ, и которое во всякое время по самодурству любого администратора могло быть у меня отобрано.

Вотъ я и обратился къ генералъ-губернатору, чтобы меня причислили въ мѣщане г. Иркутска. Долго шла переписка съ Забайкальемъ, гдѣ находились мои документы. Наконецъ, мнѣ объявили, что еще въ 1883 году я, по постановленію областного правленія, зачисленъ уже *поселенцемъ* Горячинской волости, Баргузинскаго округа; и что, въ силу такой-то статьи Уст. о ссыльныхъ, я имѣю право хлопотать черезъ десять лѣтъ со дня зачисленія о припискѣ меня въ крестьянское сословіе, если такое дастъ пріемный приговоръ. Такимъ образомъ, областное правленіе собственною властью измѣнило приговоръ суда, обративъ меня изъ ссыльныхъ на житье въ ссыльно-поселенца, т.-е. лишеннаго всѣхъ правъ.

Пришлось много потратить времени на переписку съ Петербургомъ. И вопросъ разрѣшился такъ. Мнѣ объявили, что я могу, не обращая вниманія на глупость (на бумагѣ было болѣе мягкое выраженіе) областного правленія, записаться въ любое мѣщанское сословіе, но взявши *пріемный приговоръ*. Переписываться дальше или обращаться съ жалобой въ Сенатъ не было охоты, и я плюнулъ. Выбралъ городъ Иркутской губерніи, гдѣ приговоръ стоилъ дешевле, и сдѣлался мѣщаниномъ города Балаганска.

П. Торгашовъ.

Записки библейскаго книгоноши.

I.

Прежде чѣмъ приступить къ описанію своего пятнадцатилѣтняго книгоношества, я рѣшилъ записать, насколько позволяетъ мнѣ память, пережитую мною духовную жизнь дѣтства и юношества.

Жизнь моя еще съ ранняго дѣтства слагалась совсѣмъ инымъ порядкомъ, чѣмъ слагается она вообще у большинства людей. Но у меня на это были особыя причины, или, иначе сказать, духовные толчки, которые толкали и вели мою дѣтскую душу и мой пытливый дѣтскій умъ еще съ восьмилѣтняго дѣтскаго возраста.

Отъ отца я унаслѣдовалъ только его твердую непреклонную волю, а отъ матери ея робкій, тихій, отчасти грустный и до меланхоліи задумчивый характеръ, отъ нея же унаслѣдовалъ и болѣзненное слабое тѣло.

Потому-то я, вѣроятно, и не любилъ веселыхъ шумныхъ дѣтскихъ игръ и предпочиталъ уединеніе. Рано полюбилъ природу и рано научился думать.

Однажды въ хорошую погоду мать моя и сестра, въ сообществѣ нѣсколькихъ односельчанокъ, собрались на богомолье за двадцать верстъ, къ Николаю Чудотворцу въ Остолопово. Пріятное путешествіе въ хорошую весеннюю погоду по роскошнымъ лугамъ соблазнило и меня, и я ни за что не хотѣлъ отказаться отъ сообщества пилигримовъ. Въ то время мнѣ было восемь лѣтъ. Переѣхавъ утромъ на паромѣ Каму, мы пошли по тропѣ пѣшеходовъ, пролегавшей по чудно изумрудному лугу, усыпанному роскошными разнообразными цвѣтами.

Идя позади женщинъ, я вспоминалъ все, что слышалъ въ разное время о чудесахъ Николы Остолопскаго, а также вспоминались мнѣ слышанные чудеса Николы Билярскаго, Николы Новоявленнаго въ Каюкахъ и Николы Березовскаго. И я, собравъ всѣ эти чудеса вмѣстѣ въ умѣ своемъ, рѣшилъ спросить еще мать.—Правда ли

мама, говорилъ я, что Николай угодникъ раздаетъ деньги бѣднымъ, заступается за невинно осужденныхъ, утѣшаетъ скорбящихъ, исцѣляетъ всякія болѣзни, спасаетъ утопающихъ и наказываетъ еретиковъ.—Да, правда, подтвердили мнѣ почти всѣ женщины въ одинъ голосъ, а Федосья Ивановна Корчебокова, одна изъ всѣхъ рыбно-слободскихъ женщинъ умѣвшая въ то время грамотѣ и читавшая по покойникамъ псалтирь (даже говорили про нее, что она читала библію), стала разсказывать, какъ одного разбойника Николай чудотворецъ отучилъ отъ разбоя

— Разбойникъ этотъ, говорила Федосья Ивановна, положилъ себѣ за правило передъ каждымъ разбоемъ ставить Николѣ Милостивому свѣчку за полтину, и дѣло его всегда было удачно. Но однажды, собравшись по обыкновенію на разбой и поставивъ, какъ всегда, свѣчку Николѣ, пошелъ на большую дорогу поджидать жертву. И только набросился было на проѣзжаго человѣка, какъ вдругъ услышалъ онъ шумъ отъ множества скачущихъ всадниковъ и крикъ голосовъ, въ которыхъ ясно услышалъ: здѣсь мы его навѣрно схватимъ. И разбойникъ такъ испугался шума и крика голосовъ, что бросилъ свою жертву и побѣжалъ со всѣхъ ногъ въ сторону, и, какъ быстро онъ ни бѣжалъ, все же отъ шума несущихся всадниковъ и ихъ голосовъ не могъ убѣжать. «Ну, подумалъ онъ самъ въ себѣ, погибель моя неизбѣжна, такъ какъ силы мои истощились и я сейчасъ упаду отъ усталости и больше не встану». Но вдругъ онъ увидѣлъ впереди, въ сторонѣ отъ дороги. большую деревянную колоду, въ какихъ мѣсятъ мѣсиво (кормъ) для скота. Разбойнику пришла мысль спрятаться въ эту колоду, но только онъ влѣзъ въ нее, какъ почувствовалъ отвратительное смердящее зловоніе, отъ котораго онъ задыхался и терялъ сознаніе. Но шумъ несущихся всадниковъ все былъ ближе. У разбойника отъ страха и ужаса замирало сердце, и волосы становились дыбомъ. А смердящее зловоніе все усиливалось и проникало во всѣ внутренности его. Онъ чувствовалъ, что терпѣть больше зловоніе онъ не можетъ,—пройдетъ еще минута и онъ задохнется, а шумъ и голоса всадниковъ совсѣмъ близко, еще минута, и они будутъ у колоды. Но какъ ни страшился и ни боялся разбойникъ всадниковъ, а все же не могъ больше терпѣть зловонія въ колодѣ и рѣшилъ выйти изъ нея, пусть лучше схватятъ и убьютъ или повѣсятъ меня, чѣмъ умирать отъ смердящаго зловонія въ колодѣ; а когда онъ вылѣзъ изъ колоды, то оказалось, что это была не колода, а трупъ разлагавшагo верблюда, и шума и крика никакого не было. Невдалекѣ же стоялъ Николай Чудотворецъ въ архіерейскомъ облаченіи и, указавъ рукой на разлагавшійся трупъ, сказалъ разбойнику: «такъ, какъ для тебя пріятна

была эта колода, такъ для меня—твоя свѣча». Сказавъ это, онъ исчезъ. А разбойникъ послѣ этого покаялся и сталъ добродѣтельнымъ человѣкомъ. Да, вотъ онъ какой милостивецъ нашъ,—добавила Федосья Ивановна.

Но я спросилъ Федосью Ивановну: а какой же это Николай Чудотворецъ спасъ разбойника Остолопскій, Билярскій или Каюковскій? На что Федосья Ивановна добродушно засмѣялась и сказала:—Глупый ты, глупый, да вѣдь это только образа того Николая Чудотворца, который когда-то давно жилъ на землѣ, былъ архіереемъ и велъ споръ на соборѣ съ нечестивымъ Аріемъ и разъ въ спорѣ ударилъ его по щекѣ, за что и прославленъ былъ. Такъ вотъ этотъ-то Николай Чудотворецъ и дѣлаетъ всѣ чудеса.

Дуня Кокушкина, старая дѣва, ходившая пять разъ по обѣщанію въ Кіевъ, волнуясь заговорила своимъ тоненькимъ серебристымъ голосомъ, не давъ еще договорить послѣднихъ словъ Федосьѣ Ивановнѣ.—А какъ же Остолопскій-то Николай Угодникъ каждый мѣсяцъ башмаки изнашиваетъ? (Относительно изнашиванія башмаковъ Остолопскимъ Николой угодникомъ у насъ въ Рыбной Слободѣ говорили всѣ). А тетка Авдотья Вахмистрова, ехидная старуха, качала головой и, ехидно улыбаясь, тоже заговорила, перебивая Дуню Кокушкину.—Вотъ такъ грамотея! Вотъ такъ разумница! Слышите, бабыньки, окинувъ взглядомъ всѣхъ женщинъ, умница-то наша говоритъ: что чудеса-то не творитъ ни Остолоповскій, ни Билярскій, ни Каюковскій Никола Милостивый и что это де только образа, а позволь спросить тебя, разумница ты наша,— ядовито обратилась къ Федосьѣ Ивановнѣ тетка Авдотья—зачѣмъ же ты въ Остолоповъ-то идешь съ нами? И зачѣмъ въ прошломъ году въ Каюки ходила, да въ Билярскѣ-то, кажется, ни одинъ разъ была. Ну-ка, скажи-ка намъ глупымъ людямъ, а мы послушаемъ твоихъ умныхъ рѣчей,—язвила тетка Авдотья. Вѣдь Никола-то Батюшка и въ нашей Рыбно-Слободской церкви есть, да и нѣтъ, кажется, такого православнаго дома, гдѣ не было бы святаго лика, а народъ-то вотъ за сотни верстъ идетъ и въ Остолопово, и въ Билярскъ, и въ Каюки.

И всѣ женщины завторили теткѣ Авдотьѣ, пересчитывая всѣ тѣ чудеса извѣстныя имъ, содѣланныя исключительно Остолоповскимсъ, Билярскимъ и Каюковскимъ Николой.

За разсужденіемъ и споромъ мы не замѣтили, какъ вошли въ Остолопово.

Къ удивленію своему, на нѣкоторыхъ соломенныхъ крышахъ я увидѣлъ большія деревянныя закоптѣлыя трубы. Это были, какъ объяснила мнѣ мать, избы по-черному (курныя), о существованіи которыхъ я зналъ еще раньше дома.

А вотъ передъ нами и небольшая деревянная церковь, куда мы и направились отстоять вечерню. На деревянныхъ ступенькахъ церковной паперти уже сидѣло нѣсколько женщинъ, съ котомками и узелками и берестовыми бураками въ рукахъ, очевидно пришедшіе, какъ и мы, на богомолье изъ другихъ деревень.

Теперь я не могу передать тѣхъ ощущеній и чувствъ, охватившихъ меня въ то время при входѣ въ церковь. Помню только, что я боялся войти въ нее и раскаивался, что пошелъ въ Остолопово.

Церковь была почти полна женщинами-пилигримками, мужчинъ же я не видѣлъ ни одного. Первое, что я увидѣлъ въ церкви, это былъ огромнѣйшій подсвѣчникъ со множествомъ горящихъ мелкихъ свѣчей, а за подсвѣчникомъ увидѣлъ грозную и грубо вырѣзанную фигуру Николая Чудотворца; въ одной простертой рукѣ его былъ мечъ, а въ другой модель храма. Грозная фигура Николая Чудотворца настолько поразила меня, что я ахнулъ и замеръ на мѣстѣ отъ страху, а когда мать моя, послѣ нѣкоторыхъ уговоровъ и угрозъ, потащила было меня силой приложиться къ образу, то я ухватился за какую-то попавшуюся рѣшетку руками и ногами и не хотѣлъ сдаваться.

Окружавшія насъ женщины совѣтовали матери прибѣгнуть къ болѣе крутымъ и рѣшительнымъ мѣрамъ: «А ты его, милая, за вихры-то», совѣтовала одна. «Ишь вѣдь и отъ земли-то не видно, а тоже свой характеръ показываетъ», разсуждала другая. «А ты, милый, не бойся», нашлась и добродушная молодуха, «онъ тя не тронетъ».

Въ это время въ церковь пришелъ священникъ и, увидавъ суетящихся около меня женщинъ, спросилъ, что это значитъ. А когда узналъ въ чемъ дѣло, то постороннихъ женщинъ попросилъ отойти отъ меня, а матери сказалъ, что насильно тащить ребенка прикладываться къ образу не слѣдуетъ.

Грозная и грубо вырѣзанная статуя Николая Чудотворца, съ держащимъ горизонтально въ одной рукѣ мечемъ, коломъ засѣла въ головѣ моей; а все слышанное мною о немъ захватило весь дѣтскій мозгъ мой и всю душу мою. Какъ ни силился я, какъ ни старался понять и разобраться во всей этой, казавшейся мнѣ въ то время темною, путанницѣ, но въ концѣ-концовъ обезсиливалъ и еще больше запутывался.

Вскорѣ къ мучившему меня вопросу прибавилось еще новое недоразумѣніе. Однажды въ нашъ домъ зашла странница, одѣтая вся въ черное; на спинѣ ея былъ огромный клеенчатый мѣшокъ; на лѣвую руку была надѣта плетеная корзинка, наполненная разными узелками, жестяными баночками и склянками; а въ правой рукѣ ея была толстая и длинная бамбуковая трость.

Зайдя въ избу, она первымъ долгомъ усердно и истово помолилась на иконы, а затѣмъ рекомендовала себя за странницу, идущую изъ святого города, стараго Іерусалима, въ удостовѣреніе чего показала на правой рукѣ своей печать (выжженную порохомъ), которую яко бы приложилъ ей самъ патріархъ іерусалимскій. Затѣмъ она стала разсказывать про видѣнныя ею диковинки и святыя мѣста во святомъ градѣ іерусалимскомъ.

— И вотъ, матушка ты моя, благодѣтельница,—разсказывала странница моей матери,—видѣла я домъ царя Давида, и домъ тотъ глазомъ окинуть нельзя; и ушелъ онъ наполовину во сыру землю; а окошечки въ томъ домѣ узенькія-преузенькія, точно щелочки, а всѣ двери въ томъ домѣ запечатаны седьмью печатями. И слышно изъ дома того плачъ да вопль, да скрежетъ зубовъ день и ночь. Все-то стонутъ тамъ души грѣшныя; ждутъ онѣ себѣ отъ царя-царей осужденія.—Далѣе она разсказывала, что видѣла пупъ земли, подъ самымъ престоломъ Божіимъ, что въ большомъ храмѣ Соломоновомъ, въ тотъ пупъ земли Господь всходилъ въ преисподняя и вывелъ оттуда души праведныхъ, отъ Адама до святого Ивана Крестителя. Затѣмъ она разсказывала, что видѣла тамъ гдѣ-то дубъ мамврійскій, тотъ самый дубъ, говорила странница, подъ которымъ сидѣла сама святая Троица у Авраама въ гостяхъ, а также видѣла она тамъ гдѣ-то на перепутьи застрявшій въ горахъ ковчегъ Ноя. Такъ великъ онъ, такой большой, что больше горы великой. Но только сталъ гнить онъ и разваливаться.

Послѣ всѣхъ этихъ и подобныхъ разсказовъ она предложила матери моей купить имѣющіяся у нея святости и, доставъ изъ корзины жестяную банку, а изъ послѣдней вынувъ дубовую корку, она говорила, что вотъ кора эта отъ того самаго мамврійскаго дуба, подъ которымъ сидѣла Святая Троица, сказавшая престарѣлой и безплодной Саррѣ, что у нея родится сынъ Исаакъ, а потому кора эта хорошо помогаетъ отъ безплодія и при трудныхъ родахъ. Затѣмъ изъ другой жестяной баночки она достала гнилушку и сказала, что это отъ ковчега Ноева, и что если эту гнилушку какой человѣкъ всегда будетъ носить при себѣ, то онъ никогда не утонетъ въ водѣ. Далѣе она предлагала засохшую вѣточку, яко бы отъ того самаго горящаго и несгорающаго куста, который видѣлъ Моисей (Неопалимая купина), и что вѣточка эта будто бы предохраняетъ отъ пожаровъ. Потомъ она достала склянку съ водой и сказала, что вода эта настоящая Іорданская, съ того самаго мѣста, гдѣ крестился самъ Господь нашъ Батюшка Іисусъ Христосъ. Отъ воды этой пахло рыгалемъ, и странница утверждала, что отъ рѣки той Іорданской благовоніе неизре-

ченное. Говорила она также матери, что если одну каплю этой воды дать хотя бы совсѣмъ умирающему, то онъ сейчасъ же выздоровѣетъ, если только съ вѣрой принять ее, и что если одну каплю этой Іорданской воды капнуть на сорокъ ведеръ простой обыкновенной, рѣчной, колодезной или ключевой воды, то вся вода эта сдѣлается чудодѣйственной. Предлагала она часть камешка, отколотаго отъ того камня, который отваленъ былъ ангеломъ отъ гроба Господня. Самое же удивительное—она предложила купить крупицу крови Господней. Какъ ни былъ я еще глупъ и наивенъ, но продавать кровь Господню казалось мнѣ дерзостью и нахальствомъ, и я возмутился. Да и мать моя, какъ ни была проста и всему вѣрующая, но и она смутилась. Но странница не потерялась и тотчасъ поправила свою ошибку.

— Когда Господь нашъ Іисусъ Христосъ,—говорила она,—былъ распятъ на горѣ Голгоѳѣ, то на горѣ той былъ камень зело великъ, и попала на камень тотъ одна только капля пречистой крови Христа и сталъ съ того времени камень тотъ весь кровянымъ, и всѣ люди благочестивые чтутъ камень тотъ, какъ самую кровь Христа.

Затѣмъ, послѣ странницы, сильный толчокъ дала моимъ мыслямъ исторія съ Корсунской иконой Божьей Матери.

Она заключалась въ слѣдующемъ.

Одинъ нашъ односельчанинъ, извѣстный міроѣдъ и кулакъ, разбогатѣвшій и разжирѣвшій за счетъ односельчанъ, вдругъ занемогъ и, убоявшись смерти, а паче всего и немалыхъ грѣховъ своихъ, далъ нѣсколько обѣтовъ. Въ чемъ состояли всѣ его обѣты, я не знаю, кромѣ одного: сдѣлать на Корсунскую икону, стоявшую въ нашей Рыбно-Слободской церкви на видномъ мѣстѣ, дорогую ризу. Послѣ чего онъ почувствовалъ себя лучше, а когда выздоровѣлъ совсѣмъ, то обѣтъ свой по отношенію къ иконѣ выполнилъ добросовѣстно, такъ что икона эта стала украшеніемъ всего храма. Послѣ чего сердца всѣхъ вѣрующихъ обратились исключительно только къ Корсунской иконѣ. Стали усиленно служить ей молебны, акаѳисты, стали носить ее по домамъ. А священникъ въ своихъ церковныхъ проповѣдяхъ говорилъ народу объ особомъ заступничествѣ Владычицы міра надъ слобожанами. Говорилъ о происходящихъ будто бы чудесахъ и исцѣленіяхъ, происходящихъ исключительно отъ Корсунской иконы. Хотя чудеса и исцѣленія эти были довольно неясны и даже сомнительны, но все же вѣра въ икону эту все росла и росла. Даже поговаривали одно время, что Остолоповское духовенство не на шутку встревожилось за дальнѣйшее свое существованіе, которое давалъ имъ чудотворный образъ

Николая Чудотворца, благодаря увеличивающейся славѣ Корсунской иконы Божьей Матери, и подавали куда-то на рыбнослободскаго священника жалобу.

Но тутъ случился нѣкій грѣхъ: желаніе во что бы то ни стало сдѣлать Корсунскую икону чудотворной и канонизировать ее, вѣроятно, вызвало новый слухъ о чудѣ.

Одна богатая и самолюбивая вдова-старушка, живущая вблизи церкви, говорила всѣмъ, что будто бы она каждую ночь видитъ происходившій изъ окна церкви, гдѣ стоитъ Корсунская икона, чудный свѣтъ, а когда она подходитъ къ этому окну, то ясно слышитъ чтеніе и чудное пѣніе акаѳиста, хотя церковь была заперта и жители Рыбной Слободы всѣ спали, такъ какъ происходило это въ глухую полночь. Отсюда вытекаетъ изъ разсказа старушки, что чтеніе и пѣніе акаѳиста въ запертой церкви происходитъ ангелами. И какъ ни старался священникъ раздуть это чудо въ народѣ, но... оно не имѣло успѣха; наоборотъ, оно даже у нѣкоторыхъ вызвало сомнѣніе и въ томъ, во что они прежде вѣрили. Сначала при распространеніи этого послѣдняго чуда всѣ рыбно-слободскія женщины, въ томъ числѣ и мать моя со мной и съ моей старшей сестрой, подъ рядъ нѣсколько ночей дежурили около того окна, откуда исходилъ свѣтъ, пѣніе и чтеніе. Но никто ничего не видѣлъ и не слышалъ. А однажды отецъ мой въ моемъ присутствіи по поводу этого чуда выразился такъ: «Все это поповскія выдумки да бредни изъ ума выжившей старухи. Имъ это выгодно, и тому и другому,—говорилъ дальше отецъ.—Такъ какъ попу отъ этого рублей полсотни въ мѣсяцъ перепадетъ больше на наряды попадьѣ да дочкамъ его, а самолюбивой ханжѣ-старухѣ отъ этого больше почету и уваженія будетъ».

Не вѣрить отцу я не имѣлъ никакого основанія, такъ какъ я не зналъ ни одного случая, чтобы онъ кого-нибудь когда обманулъ или сказалъ бы умышленно кому ложь.

Такимъ образомъ, эта послѣдняя исторія съ Корсунской иконой влила въ душу мою новый огромный потокъ духовной борьбы, страданій и мученій. Здѣсь я въ первый разъ потерялъ вѣру въ людей, въ первый разъ узналъ низость, пошлость и трусость людскую. Сомнѣнія относительно чудесъ, исходившихъ отъ иконъ, у меня были и раньше, но сомнѣнія эти не давили и не мучили прежде меня. Я зналъ, что и мать моя, и тетка Авдотья, и грамотея Федосья Ивановна, да и всѣ наши рыбно-слободскія женщины, а можетъ быть и мужчины, въ дѣлахъ религіи и въ дѣлахъ вѣрованій были свѣдущи, пожалуй, не больше меня, а потому обижаться или сердиться на ихъ незнаніе, на ихъ невѣжество

у меня не было никакого основанія. Теперь же я узналъ, что есть люди, которые сознательно и умышленно играютъ на темныхъ и невѣжественныхъ человѣческихъ душахъ только ради своей корыстной цѣли, отъ этого мнѣ было нестерпимо больно, страшно и обидно.

Я такъ же, какъ и раньше, уходилъ съ утра и до вечера на «Плаксивый камень» или въ поле, но теперь уже не заслушивался звонкой пѣсни жаворонка, овсянки, пѣночки или иволги; не считалъ издали доносившихся до меня кукованій кукушки; не слѣдилъ за работой милліарда разныхъ насѣкомыхъ. И хотя такъ же, какъ и раньше, лежалъ неподвижно по нѣсколько часовъ на луговинкѣ, среди благоухающихъ травъ и цвѣтовъ, но мой дѣтскій мозгъ теперь горѣлъ пламенемъ. Меня мучили и жгли неразрѣшимые вопросы; напримѣръ, я думалъ: если Николай Чудотворецъ не Богъ, и жилъ на землѣ только, какъ человѣкъ, то какъ можетъ онъ слышать по всему лицу земли милліоны разныхъ человѣческихъ прошеній, взывающихъ къ нему въ одно и то же время, а главное, исполнить ихъ. А также, думалъ я, почему одни иконы могутъ дѣлать чудеса, а другія нѣтъ? И какъ можетъ икона сдѣлать чудо, если она не одухотворена и безжизненна? Но разрѣшить эти мучившіе меня вопросы у меня не было силъ.

Однажды за рѣшеніемъ этихъ жгучихъ своихъ вопросовъ я обратился къ матери, но такъ напугалъ ее этими вопросами, что она заплакала, замахала руками и хотѣла за это побить меня, а потомъ пригрозила пожаловаться на меня отцу.

Сь тѣми же вопросами я обращался впослѣдствіи и къ кротчайшему Ивану Петровичу Аристову, нашему Рыбнослободскому дьячку и временному учителю. Но Ивана Петровича я напугалъ еще больше, чѣмъ мать свою. Онъ при всей своей болѣзненности и старости отскочилъ отъ меня однимъ прыжкомъ чуть ли не на сажень и, сдѣлавъ сердитое лицо, громко сказалъ своимъ разбитымъ старческимъ баскомъ: «Да ты съ ума сошелъ, Ванюшка?!! Не белены ли ты объѣлся?!. Кто могъ посѣять въ тебѣ такія еретическія мысли?!! Да знаешь ли ты, курицынъ сынъ, что тебя ожидаетъ на томъ свѣтѣ за такія мысли?» и онъ перебралъ мнѣ всѣ тѣ дьяволскія въ аду мученья, начиная съ дранья шкуры до поджариванія на сковородѣ. Далѣе Иванъ Петровичъ сожалѣлъ, что не въ бурсѣ въ доброе старое время я учусь, «а то бы тамъ за такія еретическія мысли не одну бы шкуру съ тебя спустили», сказалъ онъ мнѣ въ заключенье.

Вскорѣ послѣ этого померъ мой отецъ, оставивъ на попеченіе матери пять человѣкъ дѣтей; изъ троихъ братьевъ я былъ старшій,

мнѣ шелъ одиннадцатый годъ, и мать, чтобы избавиться отъ лишняго ѣдока съ хлѣба долой, отдала меня въ мальчики въ Казань къ богатому купцу, старовѣру Софронову, имѣвшему въ Казани два чайныхъ магазина. Здѣсь мнѣ съ первыхъ же дней пришлось вступить въ религiозныя препирательства и недоумѣнiя. Хозяйки женщины полюбили меня за мой робкiй и тихiй характеръ, а когда онѣ узнали, что я молюсь двухперстнымъ крестомъ (а двухперстнымъ крестомъ молиться научила меня мать), то онѣ еще больше полюбили меня.

Каждый вечеръ, когда я приходилъ изъ магазина, по окончанiи торговли, домой, и въ праздники, когда не производилась торговля, онѣ зазывали меня къ себѣ и угощали чаемъ съ вареньемъ и конфетами, кормили вкусными пирожками, ватрушками и прочими разными сладкими и вкусными яствами. Съ перваго же года моей службы въ мальчикахъ одѣли и обули меня такъ, какъ я не одѣвался и послѣ, будучи уже взрослымъ. А за чаемъ старая хозяйка Прасковья Григорьевна всегда говорила мнѣ: «Эхъ, Ванюшка, славный ты парнишка, полюбила я тебя, какъ родного сына, такой ты тихiй да робкiй и молишься-то ты по-нашему двухперстнымъ крестомъ, а все-таки пропадешь ты въ Никоновской ереси, погубишь свою душеньку, не увидишь пресвятую Дѣву Владычицу и всѣхъ святыхъ пророковъ и апостоловъ, и всѣхъ мучениковъ, за Спаса Христа муку мучившихся, и всѣхъ святыхъ архангеловъ и херувимовъ. Не видать тебѣ и пресвѣтлаго града Божiя Iерусалима вышняго, гдѣ будетъ обитать самъ Спасъ Iсусъ Христосъ на престолѣ своемъ, а около него будутъ стоять всѣ святые праведники и мученики, сохранившiе вѣру древле-православную, въ бѣлыхъ одеждахъ и золотыхъ вѣнцахъ. И всѣ они будутъ пѣть и играть на золотыхъ гусляхъ новую пѣснь Спасу Христу».

У дѣвушки, горничной Тани, стоявшей тутъ и всегда слушавшей Прасковью Григорьевну, текли слезы отъ умиленiя; плакала и старая няня Васильевна, плакала и сама разсказчица отъ собственныхъ своихъ словъ. Жутко и мнѣ было отъ словъ Прасковьи Григорьевны.

Иногда она убѣдительно просила меня перейти въ ихъ вѣру.

— Иди, Ванюшка, въ нашу вѣру,—говорила Прасковья Григорьевна.—Счастливъ ты будешь и въ будущемъ вѣкѣ, и въ этомъ. Вѣдь у насъ благодать-то какая! Не такъ, какъ у васъ. У васъ все табачникъ да щепотникъ, и Богу-то молятся, точно на балалайкѣ играютъ. А у насъ всѣ молятся настоящимъ двухперстнымъ крестомъ, какъ подобаетъ всякому древле-православному христiанину. И крестятся-то истово: сперва на чело, потомъ

на животъ, потомъ на правое и лѣвое плечо. А благолѣпіе-то какое въ храмѣ у насъ: все чинно, степенно, не шушукаются, не кривляются, съ мѣста на мѣсто не перебѣгаютъ, одѣты всѣ скромно: женщины всѣ въ сарафанахъ, а мужчины въ поддевкахъ, чтобы не было никому соблазну. А у васъ и въ церковь-то точно на балъ пріѣзжаютъ—и разодѣнутся-то, и разрядятся-то, такъ что тошно смотрѣть; да и служба-то у васъ въ церкви точно въ театрѣ: дьяконъ во всю мочь кричитъ и гогочетъ, такъ что въ окнахъ стекла дребезжатъ, а пѣвчіе поютъ такъ, что хоть въ плясъ пускайся. А у насъ поютъ все протяжно, да заунывно, индо за сердце хватаетъ. А посмотрѣлъ бы ты иконы-то какія у насъ! Кажется, слѣпой и тотъ пойметъ, что изображеніе-то на нихъ настоящее, какъ подобаетъ быть святому, лица-то у нихъ черныя, и сами-то они, батюшки наши, тощіе, ручки и ножки у нихъ точно палочки, а одѣтые-то въ одни рубища и съ босыми ногами. А у васъ вонъ и Самого Спаса Христа-то изображаютъ точно купчика первой гильдіи: лицо у него выхоленное да румяное, волосы расчесаные и завитые, руки пухлыя, однимъ словомъ—купчикъ или баринъ. Вашимъ-то иконамъ не только покланяться не подобаетъ, а и въ домѣ-то въ древле-православномъ не должно имѣть ихъ, такъ какъ отъ нихъ одинъ только соблазнъ.

Однажды Прасковья Григорьевна предложила мнѣ ѣхать съ ней въ старообрядческую моленную: «Ты только побудь, посмотри, послушай, какая благодать-то у насъ, и не вышелъ бы оттуда вѣкъ; настоящій рай земной, и не поймешь, гдѣ ты стоишь: на землѣ или на небѣ».

Когда мы пріѣхали въ моленную, то Прасковья Григорьевна поручила меня какому-то старичку, стоявшему у порога, который въ свою очередь отвелъ меня на правую сторону, гдѣ стояли одни только мужчины, и поставилъ къ сторонкѣ въ уголокъ. Въ это веня въ моленной дьячокъ читалъ псалмы. Читалъ онъ громко, отчетливо и неторопливо. Не такъ читалъ онъ, какъ читалъ нашъ кротчайшій Иванъ Петровичъ въ Рыбно-Слободской церкви, у котораго при чтеніи сорокъ разъ «Господи помилуй» всегда выходило «помилосъ, помилосъ», а что читалъ Иванъ Петровичъ помимо «помилоса», то это только одинъ Господь Богъ знаетъ.

А когда нашъ кротчайшій Иванъ Петровичъ за всенощной читалъ каѳизмы, то скучища была страшная, а священникъ въ алтарѣ въ это время садился въ мягкое кресло и предавался дремотѣ. Иногда же Иванъ Петровичъ, послѣ единственнаго понятнаго всѣмъ возгласа, громко возглашалъ: «Именемъ Господнимъ благослови, отче!» и прерывалъ чтеніе, то въ это время со стороны алтаря былъ слышенъ легкій храпъ. Тогда Иванъ

Петровичъ, помолчавъ съ полминутки, говорилъ: «аминь». А затѣмъ опять начиналъ читать до новой остановки, въ концѣ же онъ гасилъ огарокъ восковой свѣчки, которымъ свѣтилъ на книгу, и шелъ въ алтарь. Послѣ чего храпъ прекращался и начиналось оживленіе; всѣ, какъ бы проснувшись отъ сна, закашляютъ, зачихаютъ, зашевелятся и ободрятся.

Здѣсь въ моленной за чтеніемъ псалмовъ не было такой дремоты, и молящіеся, перебирая свои лестовки, время отъ времени клали увѣсистые поклоны.

Послѣ продолжительнаго чтенія дьячка въ старообрядческой моленной началось гнусавое и заунывное пѣніе, отъ котораго у меня скверно дѣлалось на душѣ; оно раздражало нервы. Затѣмъ опять чтеніе дьячка, потомъ возгласъ священника, а послѣ гнусливое пѣніе пѣвцовъ. Такъ продолжалось чуть ли не четыре часа. При всемъ этомъ удушливый спертый воздухъ и густой запахъ отъ кадильнаго дыма и восковыхъ свѣчей вызывалъ во мнѣ тошноту. Мнѣ хотѣлось бы отсюда бѣжать и бѣжать безъ оглядки, но я не хотѣлъ оскорблять Прасковью Григорьевну, такъ какъ далъ ей честное слово простоять всю церковную службу до конца чинно, тихо и благородно.

Теперь мнѣ наша Рыбно-слободская церковная служба съ совершенно непонятнымъ чтеніемъ Ивана Петровича казалась раемъ, такъ какъ она при самыхъ торжественныхъ случаяхъ продолжалась не болѣе часа. Того же благолѣпія, про которое мнѣ говорила Прасковья Григорьевна, я не чувствовалъ въ душѣ своей ни на одну іоту. Церковная иконопись въ моленной показалась мнѣ ужасной. Въ разставленныхъ въ иконостасѣ иконахъ святые изображены были въ профиль, но съ полуобороченными лицами къ публикѣ. Святые эти размѣщены были въ иконостасѣ такъ, какъ будто всѣ они идутъ другъ другу навстрѣчу. Изображены они всѣ въ согбенной позѣ съ приподнятыми до груди и съ сложенными ладонь въ ладонь руками и съ тонкими голыми, у нѣкоторыхъ до колѣнъ и выше, ногами. У всѣхъ почти святыхъ мужскаго пола были длинныя бороды и волосы. Иконы эти казались мнѣ карикатурными и лубочными.

Въ общемъ посѣщеніе мною старообрядческой моленной не успокоило душу мою, а, наоборотъ, оно какъ будто отметнуло меня куда-то еще дальше, и тѣ мучившіе меня вопросы, которые я всѣми усиліями ума своего старался разрѣшить, теперь сразу какъ-то всѣ оборвались, и въ душѣ моей образовалась какая-то пустошь. Но отъ этого мнѣ не было лучше; наоборотъ: у меня явилась смертельная тоска, я сталъ апатиченъ и вялъ, и ничто не интересовало меня. Молиться я уже не могъ ни на иконы,

ни на старовѣрческій образокъ Спаса, данный мнѣ Прасковьей Григорьевной. Когда же тоска доводила меня до полнаго отчаянія, до невозможности больше терпѣть, я уходилъ на пустой заднiй дворъ подъ огромный старый тополь и, скрывшись въ вѣтвяхъ его, молился или же ложился подъ тополемъ ницъ на землю и горько плакалъ, мысленно же несмѣло и робко просилъ Бога: «Господи, укажи мнѣ истину. Господи, укажи мнѣ правую вѣру». И эта простая импровизированная молитва и пролитыя слезы нѣсколько успокаивали меня, смертельная тоска на время переставала глодать мое сердце и душу.

Но горе мое у купца Софронова было не отъ одного только душевнаго недуга, а было и отъ другихъ причинъ. Меня возненавидѣли товарищи, мальчики-сослуживцы, которые всячески преслѣдовали и травили меня, обзывая измѣнникомъ, продажной душой, переметчикомъ, подлипалой, старовѣрской образиной и т. д., безъ конца. Недолюбливали меня и приказчики, и самъ старшій. На это, конечно, у нихъ было полное основаніе. Напримѣръ, мальчики-сослуживцы ходили въ грязи, и ихъ буквально заѣдали вши, тогда какъ обо мнѣ заботились до пустѣйшихъ мелочей Прасковья Григорьевна, дочь ея и всѣ приживалки ихъ. Приказчики же, а въ томъ числѣ и старшій, не долюбливали меня за то, что я былъ самымъ неспособнымъ къ торговлѣ мальчикомъ. Покупатели преимущественно у насъ были провинціалы, простая сѣрая публика, которая пріучена была къ божбѣ, т.-е. требовала въ подтвержденіе доброкачественности товара отъ продавцовъ клятвы или божбы, но я не божился. И какъ ни старались приказчики и старшой внушить мнѣ словами и дѣйствіями, чтобы я увѣрялъ покупателей божбой, какъ и всѣ, но въ этомъ я былъ непреклоненъ. Я даже не увѣрялъ въ доброкачественности товара и словами, если зналъ, что онъ недоброкачественный. Также и обвѣшивать, вѣшать съ пальцемъ я тоже не могъ. Отсюда было и пренебреженіе ко мнѣ приказчиковъ и старшого. Они обзывали меня за это фефелой, растяпой, разгильдяемъ и говорили, что лучше шелъ бы я въ сапожники, чѣмъ въ торговцы, такъ какъ все равно изъ меня путнаго приказчика не выйдетъ.

Но зато, насколько помню, я былъ ревностнымъ и точнымъ исполнителемъ тѣхъ приказаній и порученій старшого и приказчиковъ, которыя мнѣ были не противъ совѣсти.

Покупалъ у насъ въ кредитъ одинъ отставной военный полковникъ, расплату же онъ дѣлалъ послѣ полученія пенсіи, разъ въ мѣсяцъ, но на уплату былъ тугъ и затяжливъ. Однажды посылаетъ меня къ нему старшой за полученіемъ денегъ и наказываетъ, чтобы деньги я съ него получилъ непремѣнно и безъ денегъ

чтобы не приходилъ обратно въ магазинъ. Пришелъ я къ полковнику. Вышелъ онъ ко мнѣ въ прихожую и сказалъ, что денегъ не заплатитъ. Тогда я сказалъ полковнику, что старшой не велѣлъ мнѣ безъ денегъ возвращаться обратно, на что полковникъ сердито сказалъ мнѣ: «А по мнѣ чортъ подери твоего старшого да и тебя вмѣстѣ съ нимъ», шибко хлопнулъ дверью и ушелъ въ глубь комнаты. Что мнѣ было дѣлать, я не зналъ. Итти обратно безъ денегъ? Я боялся старшого. Оставаться и подождать еще тутъ? Но не было никакой надежды на милость полковника. Все-таки я рѣшилъ послѣднее и просидѣлъ въ прихожей около часа.

Но вотъ дверь съ шумомъ отворилась и въ прихожую гнѣвно входитъ полковникъ съ большой рыжей собакой. «Ахъ ты сволочь эдакая, ты еще тутъ?» гнѣвно закричалъ на меня полковникъ и затѣмъ скомандовалъ: «Трезоръ, пиль его!» Въ одну минуту Трезоръ исполосовалъ полы пиджака моего и брюки, на брюкахъ были вырваны клочья вмѣстѣ съ исподними кальсонами, при чемъ пострадало и тѣло, такъ что въ вырванныя отверстія виднѣлись голыя окровавленныя ноги.

Когда полковникъ взялъ озвѣрѣвшаго Трезора за ошейникъ и побѣдоносно вышелъ съ нимъ изъ прихожей, то опять-таки первая мысль была у меня въ головѣ: а какъ же деньги-то. И лишь пожилая женщина-прислуга чуть не силой вывела меня изъ прихожей во дворъ и при этомъ сказала: «Дуракъ ты этакій, чего ты на грѣхъ навелъ барина-то, моли Богу, что живъ еще остался», при этомъ она заперла за мной дверь. И я, зажавъ голое, окровавленное на ногѣ тѣло ладонью и согнувшись, пошелъ домой безъ денегъ.

Въ то время у Софронова служилъ дворецкимъ и экономомъ плѣшивый старичокъ лѣтъ шестидесяти, Петръ Гурьевичъ Шапошниковъ.

Петръ Гурьевичъ жилъ съ нами вмѣстѣ въ молодцовской, во дворѣ во флигелѣ. Въ первый годъ своей службы у Софронова я какъ будто и не замѣчалъ Петра Гурьевича, хотя комната его была рядомъ съ нашей комнатой мальчиковъ. Но я немало слышалъ о немъ разговоровъ. Говорили о немъ приказчики между собой, и одни изъ нихъ хвалили Петра Гурьевича, а другіе корили и называли его іеговистомъ или просто жидомъ. Не разъ съ безпокойствомъ спрашивала меня о Петрѣ Гурьевичѣ и Прасковья Григорьевна: «Что тамъ у васъ старый-то болтунъ не болтаетъ ли чего тебѣ?» Но, получивъ утѣшительный отвѣтъ, она на время успокаивалась. Слышалъ я не разъ разговоръ о Петрѣ Гурьевичѣ и между домовой прислугой, собравшейся вмѣстѣ за обѣдомъ или ужиномъ. Собственно говоря, о Петрѣ Гурьевичѣ вели

диспутъ всегда почти только двое старыхъ Софроновскихъ слугъ: кучеръ Мокеичъ и поваръ Иванъ Лаврентьевичъ.

Мокеичъ всегда утвердительно говорилъ, что Петръ Гурьичъ правильный человѣкъ и Бога помнитъ. О правильности Петра Гурьевича у Мокеича было слѣдующее основаніе: «Когда мы ѣздимъ съ нимъ на рынокъ за провизіей, говоритъ Мокеичъ, то Петръ Гурьичъ, покупая у деревенскихъ бабъ куръ, цыплятъ, масло и яйца, никогда не торгуется съ ними. Ну что, говоритъ, съ деревенской бабой торговаться. Ужъ если, говоритъ, она принесла за двадцать, за тридцать верстъ на базаръ продавать, можетъ быть, послѣднюю курицу, послѣднее яичко отъ дѣтей своихъ, то значитъ, что у нея нужда до зарѣза, а потому ей каждый грошъ много дороже нашего рубля. А вотъ, бывало, я ѣздилъ на рынокъ-то съ самой, такъ она изъ-за копейки весь рынокъ обойдетъ и у всѣхъ бабъ одной только божбой души вымотаетъ, а когда пойдетъ дочкѣ разныя бездѣлушки да наряды покупать да заказывать, такъ тамъ и сотни не жалѣетъ».

— Да это все можетъ быть и такъ,—невольно согласился Иванъ Лаврентьичъ,—а все же, какъ вспомнишь, какимъ онъ былъ прежде и какимъ сталъ теперь, такъ жутко какъ-то станетъ; думаешь, до какой глупости можетъ дойти человѣкъ отъ упрямства своего, самъ добровольно въ адъ лѣзетъ. А вѣдь лѣтъ пять-шесть тому назадъ онъ былъ самымъ ревностнымъ христіаниномъ. Бывало, у него весь уголъ въ иконахъ увѣшенъ былъ и у каждой иконы лампадки день и ночь горѣли, а самъ-то почти всегда стоялъ за аналойчикомъ и читалъ разные акаѳисты. Потомъ онъ вдругъ куда-то исчезъ и пропадалъ года три, а вернулся совсѣмъ другимъ человѣкомъ, жидомъ не жидомъ, Богъ знаетъ кѣмъ; и иконъ у него ни одной теперь нѣтъ, а самъ только и знаетъ, что читаетъ Библію да Апокалипсисъ. Ну, какой же послѣ этого онъ правильный человѣкъ?—авторитетно отвѣтилъ Иванъ Лаврентьевичъ Мокеичу.

Съ доводомъ Ивана Лаврентьевича согласилась большая половина слушателей.

Дворникъ Панкратъ категорично заявилъ: «Ну, ужъ какой онъ правильный человѣкъ, когда въ Бога не вѣруетъ?» А домовая прачка Дарья сказала, что, можетъ быть, онъ въ Бога-то и вѣруетъ, только не по-нашему.

— Нѣтъ, ужъ если святыхъ иконъ не почитаетъ, значитъ ни въ какого Бога не вѣруетъ,—по-своему заключила людская кухарка Васильевна.

Одинъ только молодой конюхъ Яша, прозванный красавцемъ, твердо поддерживалъ кучера Мокеича.

— Нѣтъ,—говорилъ онъ,—по наружному вѣрованію нельзя узнать человѣка, иной по наружному-то вѣрованію совсѣмъ кажется преподобнымъ и пахнетъ-то отъ него святостью, а раскуси-ка его, да посмотри, что внутри-то у него; тамъ, глядишь, въ самой глубинѣ-то сердца змѣя сидитъ, и чуть кто не по ней, она сейчасъ же и ужалитъ.

И Яшѣ аплодировали двѣ молодыя дѣвушки-горничныя, Таня и Паша. —Вѣрно, Яша! Вѣрно,—съ восторгомъ говорили онѣ ему.—Ты у насъ умникъ и всегда вѣрнѣе всѣхъ разсудишь.

Лично я Петромъ Гурьевичемъ заинтересовался при слѣдующихъ обстоятельствахъ: однажды, придя изъ магазина, я не пошелъ почему-то, по обыкновенію, къ хозяевамъ, а остался дома во флигелѣ и сидѣлъ въ коридорчикѣ, отдѣляющемъ двѣ молодцовскія комнаты отъ нашей и комнаты Петра Гурьевича. И вотъ я услышалъ изъ молодцовской комнаты слѣдующее отчетливое и ясное чтеніе Петра Гурьевича: «И явилось на небѣ великое знаменіе—жена, облеченная въ солнце, подъ ногами ея луна, а на головѣ вѣнецъ изъ двѣнадцати звѣздъ».

— Это Дѣва Марія,—пояснялъ Петръ Гурьевичъ.—Она имѣла во чревѣ и кричала отъ боли и мукъ рожденія. И другое знаменіе явилось на небѣ: вотъ большой красный драконъ съ седьмью головами и десятью рогами и на головѣ его семь діадемъ.

— Это князь міра сего,—опять пояснилъ Петръ Гурьевичъ.—Хвостъ его увлекъ съ неба третью часть звѣздъ и повергъ ихъ на землю. Это значитъ, что власть князя міра сего такъ велика, что и ставленники его, изображенные здѣсь хвостомъ, могутъ повергать звѣзды, т.-е. лучшихъ свѣтлыхъ людей.

Далѣе Петръ Гурьевичъ читалъ: «И пустилъ змѣй изъ пасти своей въ слѣдъ жены воду, какъ рѣку, дабы увлечь ее рѣкою. Но земля помогла женѣ: разверзла земля уста свои и поглотила рѣку, которую пустилъ драконъ изъ своей пасти». Здѣсь Петръ Гурьевичъ пояснялъ, что князь міра сего или, иначе, змѣй, онъ же и драконъ, изображенъ въ лицѣ царя Ирода, который, узнавъ, гдѣ родился Христосъ, повелѣлъ избить тамъ всѣхъ младенцевъ мужскаго пола до двухлѣтняго возраста. Но Дѣва Марія, по внушенію свыше, бѣжала въ Египетъ.

Далѣе онъ читалъ: «И сталъ я на пескѣ морскомъ и увидѣлъ выходящаго изъ моря звѣря съ семью головами и десятью рогами. На рогахъ его было десять діадемъ, на головѣ его имена богохульныя. И увидѣлъ другаго звѣря, выходящаго изъ земли, онъ имѣлъ два рога, подобные агнчимъ, и говорилъ, какъ драконъ. Онъ дѣйствуетъ передъ нимъ со всею властію перваго звѣря и заставляетъ всю землю и жившихъ на ней преклоняться

первому звѣрю. И творитъ великія знаменія такъ, что огонь низводитъ съ неба на землю передъ людьми».

— Въ этой тринадцатой главѣ Апокалипсиса изображены двѣ власти,—пояснилъ Петръ Гурьевичъ:—одна гражданская, а другая духовная. Десять діадемъ—это эмблема власти надъ десятью народностями.

Но съ особеннымъ вниманіемъ Петръ Гурьевичъ объяснялъ семнадцатую главу Апокалипсиса о великой блудницѣ, которую онъ приравнивалъ къ католическому и православному духовенству и церкви. Мнѣ же запали всего болѣе слѣдующія слова Петра Гурьевича, прочитанныя имъ тоже изъ Апокалипсиса: «Прочіе же люди, которые не умерли отъ этихъ язвъ, не раскаялись въ дѣлахъ рукъ своихъ такъ, чтобы не поклоняться бѣсамъ золотымъ, серебрянымъ, мѣднымъ, каменнымъ и деревяннымъ идоламъ, которые не могутъ ни видѣть, ни слышать, ни ходить».

Когда я такъ сильно увлекся чтеніемъ Петра Гурьевича Апокалипсиса и чтеніемъ изъ книги пророка Даніила, выдержки котораго я опустилъ здѣсь, то все рѣже и рѣже сталъ ходить къ хозяевамъ и все свободное время проводилъ въ коридорчикѣ, внимательно вслушиваясь къ чтенію и разговору Петра Гурьевича, чѣмъ доставилъ не малое удовольствіе приказчикамъ. Впрочемъ, не такъ посмотрѣла на мое увлеченіе Прасковья Григорьевна; она сдѣлала мнѣ строгій выговоръ и рѣшила перевести меня изъ молодцовской въ свою квартиру. Но тутъ случилось нѣчто неожиданное. Въ одинъ прекрасный день Петръ Гурьевичъ собралъ всѣ свои небольшіе пожитки и ушелъ, неизвѣстно куда. Никто не зналъ истинной причины такого быстраго исчезновенія Петра Гурьевича. Говорили, что ему отказалъ Софроновъ за его развращающее толкованіе Апокалипсиса. Но это едва ли вѣрно, такъ какъ Софроновъ былъ ему другомъ дѣтства и очень любилъ его. Говорили также, что онъ ушелъ куда-нибудь къ сектантамъ, кто-то говорилъ даже утвердительно, что онъ ушелъ на югъ къ вновь появившимся сектантамъ подъ именемъ штундистовъ.

Петръ Гурьевичъ уже не разъ исчезалъ отъ Софронова, но черезъ годъ, черезъ два и даже черезъ три опять появлялся, и съ какой-нибудь новой религіей. Въ послѣднее время онъ признавалъ изъ Ветхаго Завѣта только одну книгу пророка Даніила, а изъ Новаго—Апокалипсисъ, откуда и черпалъ все для своей духовной жизни. Мнѣ было очень жаль Петра Гурьевича, хотя я ничего общаго съ нимъ не имѣлъ и заинтересованъ имъ былъ только въ послѣдніе мѣсяцы его пребыванія у Софронова.

Съ исчезновеніемъ Петра Гурьевича проходившая было тоска моя опять вернулась ко мнѣ и уже съ большей силой преслѣдо-

вала меня, такъ что я не находилъ себѣ мѣста. Прасковья Григорьевна считала виновникомъ моей тоски Петра Гурьевича. «Это онъ тебя испортилъ», говорила она и велѣла по сту разъ въ день читать Іисусову молитву, затѣмъ еще какую-то старообрядческую молитву, записанную на бумажкѣ, велѣла привязать къ тѣльному кресту и носить постоянно вмѣстѣ съ крестомъ, а также она заказывала своему старообрядческому священнику вынимать за меня части и читать за престоломъ какую-то молитву. Но, убѣдившись, что всѣ ея хлопоты пропадаютъ напрасно, и увѣрившись, что я уже неисправимо испорченный человѣкъ, отступилась отъ меня, а въ концѣ-концовъ мы дошли съ ней до полнаго охлажденія другъ къ другу, и я уже не сталъ ходить къ ней по праздникамъ и вечерамъ.

Съ мальчиками и приказчиками я тоже не сошелся и всю свою службу у Софронова жилъ особнякомъ.

Послѣ окончанія срока моего въ мальчикахъ у Софронова, мнѣ случайно представился случай поступить въ казанскій Казическій монастырь, находящійся въ четырехъ верстахъ отъ Казани. Случай этотъ сильно обрадовалъ меня: я былъ увѣренъ, что въ монастырѣ всѣ мои недоразумѣнія по вопросамъ вѣры легко разъяснятся.

Монастырь Казическій въ то время управлялся казначеемъ о. Тихономъ. О. Тихонъ былъ небольшого роста, съ маленькими пытливыми глазами и съ вкрадчивой рѣчью. Онъ сравнительно былъ еще молодой, ему было не болѣе сорока пяти лѣтъ. Офиціальнымъ же настоятелемъ монастыря считался казанскій викарный архіерей, который въ монастырѣ бывалъ очень рѣдко, до дѣлъ монастырскихъ не касался и лишь только былъ участникомъ въ дѣлежѣ братской кружки, изъ которой бралъ себѣ львиную долю.

О. Тихонъ въ монастырь меня принялъ больше, чѣмъ благосклонно. Онъ далъ мнѣ длинныя отеческія наставленія, заключающіяся главнымъ образомъ въ послушаніи, а затѣмъ въ кротости, цѣломудріи и воздержаніи. Потомъ онъ строго запретилъ мнѣ знаться и даже говорить съ живущими тутъ двумя неблагонадежными и опасными въ религіозномъ отношеніи монахами; одного изъ нихъ назвалъ онъ звѣздочетомъ, а другого Феоктистомъ, и для того чтобы не подпасть мнѣ какъ-нибудь подъ вліяніе звѣздочету или Феоктисту, онъ помѣстилъ меня въ келью, находящуюся между кельями, занимаемыми, по его мнѣнію, вполнѣ благонадежными монахами. Въ келью онъ далъ мнѣ Четью-Минею и большой слѣдованный Псалтирь. Четью-Минею онъ совѣтовалъ какъ можно усерднѣе читать, а по Псалтири молиться Богу.

Кромѣ того о. Тихонъ назначилъ мнѣ послушаніе «виночерпія». Собственно говоря должности такой въ монастыряхъ не существуетъ, но Казическій монастырь въ этомъ отношеніи былъ исключеніе. Дѣло въ томъ, что при Казическомъ монастырѣ существуетъ кладбище, куда хоронятъ всю казанскую аристократію, и всѣхъ людей, власть имущихъ. Вслѣдствіе чего въ Казическомъ монастырѣ рѣдкій день не было поминальныхъ обѣдовъ для монаховъ, при этомъ, ужъ какъ водится, благочестивые жертвователи не забывали присылать и должное количество различныхъ питій. Но случалось такъ, что благочестивые жертвователи не соображались съ количествомъ живущихъ монаховъ и присылали питій въ такомъ количествѣ, что, послѣ распитія всѣхъ присланныхъ питій, въ монастырѣ поднималась такая катавасія и свирѣпая буря, нарисовать которую нехватило бы никакихъ красокъ.

Въ виду этого о. Тихонъ изобрѣлъ было новую должность виночерпія; назначая же меня въ виночерпіи, онъ строго повелѣлъ слѣдить за щедрой присылкой благотворителями питій и вообще назначилъ норму, сколько выдавать къ обѣду монахамъ вина. Все же остальное онъ велѣлъ мнѣ прятать до другого раза. Но монахи узнали про этотъ наказъ о. Тихона и къ присылкѣ въ монастырь благотворителями провизіи и питій присылали своего депутата, который, пересчитавъ бутылки и записавъ для памяти въ записную книжку, уходилъ.

Когда же я хотѣлъ исполнить волю о. Тихона, то монахи кричали, что водка наша, а не Тихона, намъ ее благодѣтели прислали помянуть раба Божія такого-то.

На меня они кричали и ругались, что если я не отдамъ имъ всю водку, то они мнѣ ребра переломаютъ. И я въ первомъ же столкновеніи съ монахами самъ произвольно бросилъ это послушаніе и категорически заявилъ о. Тихону, что послушаніе это я не могу нести. Второе послушаніе, назначенное мнѣ о. Тихономъ, оказалось для меня тоже не лучше перваго.

Въ Казани каждый годъ, 27 іюня, приносятъ изъ Семиозерной пустыни икону Смоленской Божіей Матери. Встрѣча этой иконы бываетъ довольно торжественная.

При полномъ колокольномъ звонѣ всѣхъ церквей съ хоругвями, крестами и иконами, съ соединенными хорами пѣвчихъ, съ сотнями тысячъ пріѣхавшаго и пришедшаго на этотъ случай со всей губерніи народа, при полномъ военномъ парадѣ, при звукахъ военной духовой музыки, шло все духовенство съ архіереемъ во главѣ и въ полномъ церковномъ одѣяніи, сверкая на солнцѣ золотыми ризами, въ четырехъ верстахъ отъ Казани у Казическаго

монастыря оно останавливалось, и поджидало изъ Семиозерной пустыни икону Смоленской Божіей Матери. Ждать приходилось недолго, минутъ двадцать или черезъ полчаса изъ Березовой рощи слышится гулъ, похожій на пѣніе, а затѣмъ подымается все гуще и гуще пыль. Народъ, весь распотѣвшій и перепачканный осѣдавшей пылью, все гуще и гуще подходилъ къ Казическому монастырю, но вотъ изъ-за березъ показалась и сама икона, вложенная въ огромный металлическій кіотъ наподобіе часовни, который несли на шестахъ измученныя сотни людей. Вотъ заиграла музыка, запѣли соединенные хоры пѣвчихъ и все духовенство, усилился колокольный звонъ, и все это смѣшалось въ какой-то гулъ, слышались вопли и ревъ истеричныхъ старухъ, визгъ наподобіе собачьяго лая кликушъ, а то слышится отчаянный голосъ: «Батюшки караулъ! Карманъ срѣзали, бумажникъ вытащили, кошелекъ украли: и все-то, все-то до копеечки украли».

Послѣ короткаго молебна въ Казическомъ монастырѣ шествіе направляется къ Казани.

Въ Казани икону Смоленской Божіей Матери, а совмѣстно съ ней икону Св. Гурія изъ каѳедральнаго собора и икону Казическихъ чудотворцевъ носятъ изъ дома въ домъ и днемъ и ночью по всей Казани ровно мѣсяцъ. Къ иконамъ этимъ командируются смѣны монаховъ и послушниковъ для пѣнія молебновъ, для собиранія денегъ и собиранія восковыхъ свѣчей, въ особенности послѣднихъ собираютъ огромное количество. Въ каждомъ домѣ къ приносимымъ иконамъ на приносимые же подсвѣчники ставятъ довольное количество восковыхъ свѣчей, а такъ какъ молебенъ продолжается не болѣе двухъ-трехъ минутъ, то послушники только что зажженныя свѣчи тотчасъ же гасятъ и, собравъ ихъ, всѣ кладутъ въ мѣшки, наполненные же мѣшки отправляютъ въ Семиозерный и Казичевскій монастыри.

Вотъ на эти-то хожденія съ иконами я и былъ назначенъ въ число послушниковъ пѣть молебны.

Но тутъ вышла опять непріятная исторія: когда къ намъ пришла другая смѣна послушниковъ, а мы съ наполненными денежными кружками пошли въ монастырь, то по дорогѣ лугами товарищи мои зашли въ кустарникъ и стали вытряхать изъ кружекъ, съ помощью лезвія ножа, деньги. Натряся же достаточное количество, они стали дѣлить ихъ, при этомъ выдѣлили и на мою долю, но я отказался. Тогда они заявили мнѣ, что возьму ли я свою долю или не возьму,—это мое дѣло, но если я скажу объ этомъ о. Тихону, или еще кому-нибудь въ монастырѣ, то они не оставятъ меня живымъ. Такимъ образомъ положеніе мое оказалось крайне скверное. Я не зналъ, какъ мнѣ быть,—молчать или

сказать. А главное, я боялся за слѣдующіе дни, такъ какъ хожденіе съ иконами, какъ я уже говорилъ, продолжается цѣлый мѣсяцъ. Оставался мнѣ единственный исходъ—бѣжать изъ монастыря. Но къ счастію или къ несчастію моему на другой день я заболѣлъ и тѣмъ избавился отъ непріятнаго мнѣ второго послушанія.

Живя нѣкоторое время безъ послушанія и усердно читая Четью-Минею, я всетаки слѣдилъ и присматривался къ нѣкоторымъ выдающимся монахамъ. Больше же всего я былъ заинтересованъ монахомъ о. Феоктистомъ.

Когда я еще въ первый разъ пришелъ въ монастырскую трапезную, то увидѣлъ пришедшаго послѣ всѣхъ и усѣвшагося съ краю стола монаха. Монахъ этотъ былъ гигантскаго роста, а въ плечахъ косая сажень, тѣмъ не менѣе лицо и руки у него были костлявые. На немъ былъ одѣтъ довольно плохой и старый подрясникъ и еще худшая, поверхъ подрясника, ряса. Онъ молча вошелъ въ трапезную, молча просидѣлъ за столомъ весь обѣдъ, и молча ушелъ, не сказавъ никому ни единаго слова. Въ этотъ же день я узналъ отъ монаховъ, что это и есть тотъ самый монахъ Феоктистъ, съ которымъ такъ строго запретилъ мнѣ говорить и знакомиться о. Тихонъ. Отъ монаховъ же я узналъ и причину опалы на Феоктиста. Феоктистъ узналъ, что въ монастырь поступилъ какой-то крупный вкладъ отъ благотворителя, но про вкладъ этотъ начальство монастыря умалчивало. Такъ прошло долгое время. Наконецъ, Феоктистъ дѣлаетъ по этому поводу у монастырскаго начальства запросъ, но оно не пожелало ему отвѣтить. Тогда онъ строчитъ объ этомъ заявленіе въ консисторію; та тоже не пожелала отвѣтить Феоктисту, и онъ строчитъ заявленіе архіерею, на которое получается резолюція слѣдующаго содержанія: лишить іеродіакона Феоктиста братской кружки и сослать его подъ надзоръ въ Женомироносицкую пустынь. Но Феоктистъ рѣшенію этому не подчинился, отправить же его силой не могли, такъ какъ Феоктистъ имѣлъ огромную силу, и кромѣ того половина монаховъ была на его сторонѣ, и резолюція архіерея осталась неисполненной. Феоктиста не усмирила резолюція архіерея, и онъ уже сталъ строчить прошенія оберъ-прокурору святѣйшаго синода, тогда еще гр. Толстому, отъ котораго пришла въ монастырь резолюція, что іеродіакона Феоктиста оставить при прежнемъ положеніи до назначенія по этому поводу изъ Петербурга слѣдствія.

Съ Феоктистомъ мнѣ всетаки пришлось вскорѣ познакомиться при слѣдующихъ обстоятельствахъ.

Однажды къ кельѣ моего сосѣда подошелъ регентъ Соколовъ,

а затѣмъ Феоктистъ. Увидѣвъ случайно идущаго келейника, о. Тихона Малиновскаго, они стали манить его рукою къ себѣ, а затѣмъ увидали меня въ окно, стали манить и меня. Я вылѣзъ въ окно, въ которое глядѣлъ (оно было въ уровень съ землею), и подошелъ къ собравшимся. Тогда регентъ Соколовъ подвелъ насъ къ плохо занавѣшанному окну, и мы увидѣли отвратительное зрѣлище. Мои два благонадежные сосѣда, подъ присмотръ которыхъ отданъ былъ я о. Тихономъ, занимались мужеложствомъ. Фактъ этотъ Феоктистъ пожелалъ засвидѣтельствовать, а для этого мы всѣ зашли къ келью регента Соколова, гдѣ Феоктистъ составилъ о видѣнномъ нами отвратительномъ зрѣлищѣ протоколъ, и мы всѣ къ нему подписались. Слухъ объ этомъ происшествіи разнесся по всему монастырю въ тотъ же день, и монахи, покачивая головами, говорили: «Ай да святоши! Вотъ такъ святоши!»

Озлобленные сосѣди мои всю злобу хотѣли выместить на мнѣ, и для этого рѣшили избить меня; но такъ какъ одинъ изъ нихъ былъ сухорукій, а другой малосильный, а потому, не надѣясь на свои силы, они пригласили для исполненія своихъ намѣреній слѣпого звонаря, который по силѣ своей уступалъ только Феоктисту. Мѣстомъ для избіенія меня они выбрали рощу, такъ какъ я проводилъ тамъ большую часть дня. Они захватили меня въ рощѣ, въ самомъ глухомъ мѣстѣ, на любимомъ моемъ бугоркѣ посреди вѣковыхъ сосенъ. Они уже съ крикомъ набросились было на меня, но въ этотъ моментъ, какъ изъ земли, выросла грозная фигура Феоктиста, и въ одинъ мигъ картина измѣнилась. Враги мои въ ужасѣ исчезли, какъ дымъ; даже слѣпой звонарь сразу понялъ въ чемъ дѣло, круто повернулъ назадъ и быстро зашагалъ съ протянутыми впередъ руками, которыми онъ предупреждалъ опасность наткнуться на сукъ или стволъ дерева.

По минованіи для меня опасности, я съ благодарностью протянулъ руку о. Феоктисту, и мы усѣлись рядомъ на бугоркѣ. Онъ разсказалъ мнѣ, какъ случайно узналъ о заговорѣ избить меня, а сейчасъ случайно же увидѣлъ ихъ троихъ, идущихъ въ рощу, и рѣшилъ, что это они идутъ для выполненія своего заговора, а потому и пошелъ слѣдить за ними. Въ этотъ разъ Феоктистъ разсказалъ мнѣ довольно интересную для меня свою біографію.

— Отецъ мой былъ деревенскимъ кулакомъ и кабатчикомъ,— говорилъ Феоктистъ. Еще съ ранняго дѣтства я наглядѣлся на людское горе и нищету. Видѣлъ, какъ мужики и бабы тащили послѣднюю овцу, послѣднюю телку, новину холста и на колѣняхъ, рыдая, вымаливали у него прибавить какой-нибудь грошъ несчастный. Видѣлъ, какъ пропивали мужики въ нашемъ кабакѣ послѣд-

нюю съ себя рубаху, или на пропой тащили отъ дѣтей послѣднюю мѣрку ржи. Сколько при этомъ приходилось видѣть сценъ ужаса, проклятія, дракъ и рыданій. Несчастныя женщины съ воплями и рыданіями умоляли, валяясь въ ногахъ мужей своихъ, пощадить ихъ и не пропивать общее добро ихъ.

— Я зналъ и видѣлъ,—говорилъ Феоктистъ,—что отецъ мой былъ не одинъ такой жестокосердечный человѣкъ, такъ какъ видѣлъ глумящимися надъ бѣдными и беззащитными мужиками и старшину, и старосту, и волостного писаря, не говоря уже о становомъ и урядникѣ. Мнѣ казалось тогда, что всякое человѣческое благополучіе построено на потокахъ пролитыхъ слезъ, а потому мнѣ стало страшно. «А ну какъ, подумалъ я, и я устрою свое благополучіе на потокахъ пролитаго мужицкаго пота и слезъ?» И вотъ мнѣ пришла въ голову мысль итти въ монастырь, гдѣ я думалъ служить Богу и не быть участникомъ въ причиненіи того страшнаго безвыходнаго народнаго горя, слезъ и нищеты.

Долго уговаривали меня отецъ и мать бросить свои глупыя затѣи (я былъ одинъ только сынъ, кромѣ меня были двѣ сестры). Отецъ мнѣ говорилъ, что онъ всю жизнь свою положилъ ради меня, стараясь скопить средства и обезпечить мою жизнь. Мать умоляла меня остаться хоть ради нея въ устроенномъ отцомъ гнѣздѣ, такъ какъ она и отецъ стали стары, а потому всю надежду свою и утѣшеніе свое видѣли на старости лѣтъ во мнѣ. Но я въ своемъ намѣреніи былъ непреклоненъ. И вскорѣ ушелъ отъ нихъ странствовать, а дойдя до Кіева, я поступилъ въ Кіевскую лавру, гдѣ, проживъ десять лѣтъ, постригся въ монахи подъ именемъ Феоктиста (раньше мое имя было Федоръ), послѣ чего вскорѣ меня посвятили въ санъ іеродіакона, а затѣмъ, послѣ смерти родителей, мнѣ захотѣлось перевестись въ свою губернію поближе къ родинѣ, и я перевелся вотъ сюда въ Казическій монастырь.

Въ концѣ бесѣды нашей Феоктистъ убѣдительно уговаривалъ меня уйти изъ монастыря, и что въ монастырѣ утвердиться въ вѣрѣ немыслимо. Въ доказательство чего сказалъ про себя, что раньше онъ ни на одну іоту не сомнѣвался въ православіи, а теперь какъ разъ обратное. Затѣмъ мы распростились самыми близкими друзьями. Чтобы не навлечь подозрѣніе о. Тихона, Феоктистъ проводилъ меня до кладбища и вернулся обратно въ рощу, а я пошелъ въ свою келью.

Вскорѣ послѣ событія въ рощѣ я пошелъ какъ-то вечеромъ къ о. Тихону за благословеніемъ на отпускъ дня на два къ родственникамъ въ Казань. Мнѣ это послѣднее время сильно недомогалось: у меня сильно болѣла голова, появились галлюцинаціи. Подъ вліяніемъ ли прочитанной Четьи-Минеи или же отъ

пережитого и видѣннаго мною хотя въ короткій срокъ монастырскаго житья-бытья я видѣлъ въ темныхъ углахъ моей кельи всевозможныхъ формъ, цвѣта и величины чертей, которые дразнили меня, высовывая на аршинъ и болѣе свой отвратительный языкъ, дѣлали разныя гримасы и приставляли къ носу свои отвратительные пальцы съ длинными когтями, дѣлая мнѣ носъ, или же всѣ черти моментально превращались въ красивыхъ балеринъ въ короткихъ тюлевыхъ юбкахъ и начинали въ моей кельѣ танцовать и вертѣться, маня и меня къ себѣ. Далѣе эти балерины моментально превращались въ страшныхъ и беззубыхъ колдуній. Когда же въ кельѣ дѣлалось совсѣмъ темно, тогда черти виднѣлись на стѣнахъ и потолкѣ надъ моей кроватью, они плевали и харкали въ меня, и грозились разнымъ оружіемъ. Когда же я думалъ въ умѣ своемъ, что это все отъ болѣзни, что это отъ галлюцинацій. то тогда они кололи меня острой пикой, и я дѣйствительно чувствовалъ ощущеніе какъ отъ укуса комара, блохи или клопа. Когда же въ кельѣ моей начинало свѣтать, тогда видѣнія исчезали. Вотъ поэтому-то я и рѣшилъ сходить въ Казань и провести тамъ дня два или три между родными, въ надеждѣ забыться отъ пережитыхъ послѣднихъ дней въ монастырѣ.

Придя въ покои о. Тихона (онъ занималъ архіерейское помѣщеніе, заключающее семь или восемь комнатъ), я не встрѣтилъ по обыкновенію въ прихожей келейника; не видать его было и во второй и третьей комнатѣ, а между тѣмъ откуда-то доносились мужскіе и женскіе веселые и оживленные голоса и хохотъ. Простоявъ нѣкоторое время въ недоумѣніи, я пошелъ по направленію исходящихъ голосовъ и смѣха, и когда я отворилъ дверь въ ту комнату, откуда исходилъ говоръ и хохотъ, то увидѣлъ слѣдующую картину: на колѣняхъ о. Тихона и студента академіи, извѣстнаго монахамъ подъ именемъ архіерейскаго племянника, сидѣли по дѣвицѣ, а на столѣ около нихъ разставлены бутылки и разныя явства, картины эта настолько поразила меня, что я рѣшительно растерялся и не зналъ, что дѣлать: уходить ли немедленно назадъ или всетаки сказаться о. Тихону. Не менѣе меня пораженъ былъ, кажется, и о. Тихонъ. Онъ почти сбросилъ съ колѣнъ сидѣвшую дѣвицу и, весь красный, какъ вареный ракъ, подбѣжалъ ко мнѣ, спросилъ, что мнѣ надо. Я же, не протягивая по обыкновенію руки для благословенія, объяснилъ ему, что мнѣ нужно уйти на два дня въ Казань, на что онъ быстро отвѣтилъ: идите, и также быстро захлопнулъ за мной дверь.

Свиданіе съ родными не остановило теченія болѣзни моей, и галлюцинаціи прогрессировали. Придя изъ Казани, я скоро совсѣмъ слегъ въ постель, а сколько дней пролежалъ въ постели,

не знаю, но страдалъ страшно и отъ головной боли, и отъ галлюцинацій, даже кажется бывалъ отъ головной боли въ безпамятствѣ. Помню, что меня мучила жажда, и я кричалъ до потери сознанія: дайте пить! дайте пить! пить хочу! но, вѣроятно, голосъ мой настолько былъ слабый, что никто не слыхалъ его.

Въ тотъ ли день, въ который я просилъ пить, или на другой, но уже поздно вечеромъ, очнувшись отъ забытья, я увидѣлъ около себя о. Феоктиста и еще другого монаха, въ которомъ узналъ Питирима (звѣздочета). Когда я открылъ глаза, то Питиримъ держалъ мою руку и выслушивалъ пульсъ, а Феоктистъ поднесъ изъ чашки что-то выпить, кажется, эѳирно-валеріановыхъ капель. Затѣмъ о. Питиримъ ласковымъ голосомъ сказалъ мнѣ: Что это вы, молодой человѣкъ, до чего довели себя; завтра утромъ о. Феоктистъ свезетъ васъ къ знакомому мнѣ доктору, я напишу ему письмо, за визитъ ему не платите, я съ нимъ сочтусь послѣ, за извозчика тоже я заплачу, а сейчасъ я вотъ съ о. Феоктистомъ пришлю вамъ чаю и что-нибудь поѣсть. Затѣмъ, простившись, онъ ушелъ. Отецъ Питиримъ былъ тотъ самый звѣздочетъ, съ которымъ отецъ Тихонъ строго запретилъ мнѣ имѣть знакомство.

Питиримъ въ монастырѣ жилъ особнякомъ, изъ кельи своей выходилъ только почти вечеромъ на монастырскую колокольню, гдѣ онъ изучалъ въ астрономическую трубу небо. Въ трапезную онъ не ходилъ, а готовилъ себѣ обѣдъ самъ на керосинкѣ. Монахи говорили, что о. Питиримъ присланъ въ казанскій монастырь по указу Св. Синода, и что прежде онъ будто былъ по однимъ словамъ архимандритомъ, а по другимъ ректоромъ семинаріи или академіи и что посланъ онъ въ казанскій Казическій монастырь за свободное толкованіе св. Писанія.

Черезъ полчаса о. Феоктистъ принесъ мнѣ большой бокалъ сладкаго чая, бѣлый хлѣбъ и пару яицъ.

На другой день я рано проснулся отъ громыхавшей по монастырскому двору пролетки. Это, оказалось, пріѣхалъ о. Феоктистъ за мной, но, прежде чѣмъ ѣхать, о. Питиримъ прислалъ опять вчерашнюю порцію чаю, хлѣба и яицъ, послѣ чего о. Феоктистъ почти на рукахъ вытащилъ меня изъ кельи и усадилъ на извозчика. Прохладный и сухой осенній воздухъ освѣжилъ меня, а суета городского народа отвлекла мысли мои отъ монастыря. И когда мы подъѣхали къ квартирѣ доктора, то я уже почти твердо могъ стоять и идти своими ногами.

Прочитавъ длинное письмо Питирима и выслушавъ пульсъ и сердце мое, докторъ категорически заявилъ мнѣ: вотъ что, молодой человѣкъ, въ монастырѣ и одной минуты нельзя вамъ оставаться больше, и покуда вы еще окончательно не потеряли

разсудокъ, бѣгите оттуда сейчасъ же, сію же минуту, слышите! Затѣмъ, написавъ рецептъ и объяснивъ, какъ принимать лѣкарство, онъ еще добавилъ: а главное ваше спасеніе въ томъ, чтобы сейчасъ же оставить монастырь.

Рѣшивъ окончательно въ умѣ своемъ оставить монастырь и ѣхать домой, я сразу почувствовалъ въ душѣ своей легкость. Пріѣхавъ отъ доктора, я тотчасъ же отправился къ о. Тихону получить свой паспортъ.

О. Тихонъ, выдавая мнѣ паспортъ, сунулъ мнѣ съ паспортомъ чуть не насильно нѣсколько рублей, яко бы принадлежащихъ мнѣ, а о. Феоктистъ, чтобы не тратить лишнихъ денегъ на извозчика, нанялъ въ Казической слободкѣ телѣгу и, наложивъ въ нее сѣна, проводилъ меня до пароходной пристани и, дождавшись парохода, самъ занялъ мѣсто и усадилъ меня.

Пароходы шли послѣдніе, такъ какъ наступилъ уже октябрь мѣсяцъ. Съ о. Феоктистомъ я распростился, какъ съ самымъ близкимъ дорогимъ другомъ, обѣщая одинъ другого не забывать и одинъ другому, какъ можно чаще, писать. Но съ Феоктистомъ, какъ я узналъ впослѣдствіи, случилось что-то неладное. Не дождавшись петербургскаго слѣдствія, онъ куда-то таинственно исчезъ. Исчезновеніе Феоктиста даже для о. Питерима было загадочно.

Дома въ своей Рыбной Слободѣ у матери я скоро окрѣпъ, а за зиму оправился окончательно. Но вотъ наступила весна, зазеленѣли лужайки, съ юга прилетѣли скворцы, жаворонки и проч. перелетныя птицы. На Камѣ пошелъ ледоходъ, вслѣдъ котораго робко и осторожно пошли первые пароходы. И сердце мое дрогнуло, и опять загрустило. Меня потянуло къ тѣмъ прозорливцамъ и чудотворцамъ, спасающимъ душу свою въ лѣсныхъ дебряхъ и пустыняхъ, про которыхъ говорили странники и монахи, что и весь міръ недостоинъ ихъ. У нихъ-то я и думалъ найти истину и познать Бога.

Какъ ни уговаривала и ни упрашивала меня мать, чтобы я оставилъ эти затѣи. «Ѣхалъ бы ты въ Казань, говорила она мнѣ, и поступилъ бы къ купцу торговать, успокоилъ бы меня старуху, да и самъ бы зажилъ настоящимъ человѣкомъ, какъ и всѣ добрые люди живутъ». Но я не внялъ просьбѣ матери и, забравъ перемѣну бѣлья, ковригу хлѣба и уложивъ все это въ холщевый мѣшечекъ, повѣсилъ его за спину, а затѣмъ, распростившись съ рыдающей матерью и сестрами, отправился странствовать.

Я не буду описывать здѣсь всѣхъ подробностей моего почти четырехлѣтняго странствованія по разнымъ монастырямъ, скитамъ и пустынькамъ, такъ какъ это составило бы толстую и

едва ли интересную книгу, да и кромѣ того многое уже изъ памяти моей за давностью времени изгладилось. Но опишу здѣсь лишь тѣ случаи, которые твердо засѣли въ моей головѣ.

Въ то время только что прославился о. Варнава, а извѣстно, что въ народѣ существуетъ такая увѣренность, что первое время отъ прозорливца ли, отъ новооткрытыхъ ли мощей, или отъ новоявленной иконы сила исцѣленія гораздо сильнѣе, а потомъ она хотя и будетъ, но уже не та; въ особенности по народному представленію сила мощей бываетъ большая въ тотъ моментъ, когда только что открываются мощи.

Къ Варнавѣ я пришелъ лѣтомъ, въ полевую рабочую пору, но тѣмъ не менѣе я увидѣлъ по дорогѣ идущихъ къ нему толпами деревенскихъ женщинъ. Я подошелъ къ кельѣ его въ 10 часовъ утра; у кельи уже сидѣли и стояли около пятидесяти женщинъ. Самая же келья особнякъ была заперта изнутри, изнутри же закрыты ставнями окна. Женщины сказали мнѣ, что не приматъ... боленъ де...—А чего же вы дожидаетесь,—спросилъ я женщинъ.—А може приметъ, отвѣтили женщины, чай издалеча пришли, вонъ она тетенька-то изъ Сибири пришла,—показали на женщину съ худымъ и черным отъ вѣтра и загара лицомъ и съ ввалившимися глубоко глазами.

Я снялъ котомку и сѣлъ тутъ же съ женщинами, упершись спиною въ стѣну. Подходили все новыя и новыя партіи женщинъ, а время отъ времени на порогѣ въ сѣнцы и келью о. Варнавы появлялась съ хитрымъ и плутоватымъ лицомъ фигура послушника, который говорилъ: вѣдь я вамъ сказалъ, что о. Варнава боленъ и не принимаетъ, чего же вамъ еще надо, уходите, а то напрасно прождете и напрасно время потеряете; послѣ чего нѣкоторыя женщины поднимались и уходили, другія же твердо рѣшили хотя бы до ночи сидѣть и дожидаться съ вѣрой и надеждой на милость о. Варнавы.

Но вотъ чуть слышно загромыхалъ гдѣ-то несущійся по мостовой экипажъ; громыханье его все слышнѣе и слышнѣе, вотъ онъ подъѣхалъ и остановился у святыхъ воротъ, а вотъ и двѣ изящно одѣтыя дамы, очевидно только что подъѣхавшія въ экипажѣ, направляются къ кельѣ о. Варнавы, а послушникъ Варнавы уже широко отворилъ дверь въ сѣнцы и, держась обѣими руками за дверные косяки, лукаво ухмыляется и низко кланяясь дамамъ,—пожалуйте, молъ, мы рады такимъ гостямъ.

Всѣ женщины, крестьянки, лапотницы глубоко вздохнули, но молчали. Но вотъ подъѣзжаетъ другой и третій экипажъ, и всѣ, слѣзшіе съ него, находятъ для себя широко открытыя двери о. Варнавы. Вотъ съ легкимъ смѣшкомъ и веселыми шуточками стали

выходить одна за другой къ ожидавшимъ ихъ экипажамъ дамы. Проводивъ послѣднихъ гостей, послушникъ злобно посмотрѣлъ на все еще упорно сидѣвшихъ женщинъ и, уходя въ келью, шибко хлопнулъ наружною въ сѣнцы дверью.

Вотъ ударили къ вечернѣ, значитъ уже четыре часа. Огромная толпа собравшагося къ этому времени народа зашевелилась. Всѣ, затаивъ дыханіе, чего-то ждали. Но вотъ отворились сѣнцы и вышелъ юркій и самодовольный, улыбающійся Варнава, онъ высоко поднялъ крестъ, чтобы благословить всѣхъ огуломъ женщинъ. Нѣкоторыя попадали на колѣна, а другія хватали края одежды его, чтобы поцѣловать ее. Женщина-сибирячка съ рыданіемъ стояла на колѣняхъ и тогда еще, когда Варнава ушелъ къ вечернѣ, толпа не разошлась. Когда я подошелъ къ ней, она твердила: недостойная я, недостойная, грѣшница великая, третій день жду его батюшку, вѣдь три тысячи верстъ прошла, изъ Иркутской губерніи я, всѣ ноженьки-то отбила, думала исцѣлитъ онъ тоску мою смертную, душеньку мою изстрадавшую, недостойная я, окаянная, —съ отчаяніемъ и рыданіемъ повторяла женщина.

Горько и обидно мнѣ было за эту несчастную женщину, но чѣмъ ее утѣшить, какъ ей помочь—я не зналъ. Меня сильно мучила жажда, и я пошелъ въ страннюю, чтобы тамъ напиться.

Въ странной за большимъ столомъ сидѣли два монаха или два послушника, очевидно безъ должности, и пили чай. Я попросилъ принять меня въ компанію, на что они изъявили согласіе. Одинъ изъ нихъ уже пожилой, съ опухшимъ водянистымъ лицомъ и одѣтый во все рваное и старое, но монашеское. Онъ говорилъ хриплымъ басомъ и былъ навеселѣ, второй же былъ почти мальчикъ, одѣтый тоже въ полукафтанье, но въ болѣе приличное.

— Нѣтъ, братъ Сашуха, если ты хочешь здѣсь поступать, такъ просись къ Варнавѣ, говорилъ хриплый басъ, люблю я Варнаву, обставистый онъ больно, однимъ словомъ профессоръ своего дѣла. Шарикъ, братъ, у него работаетъ здорово. Вѣдь я живалъ здѣсь еще тогда, когда Варнава былъ ничто, да и рѣдко тогда кто заходилъ сюда, доходы были совсѣмъ нищенскіе, да не отъ чего ихъ было и имѣть-то; пещеры тогда ровно ничего не давали, потому что не такъ было поставлено дѣло. Бывало, если соберется человѣкъ десять, ну такъ поведетъ ихъ монахъ въ пещеру, а теперь, пожалуйте, пещеры всегда отперты, только каждый богомолецъ долженъ купить свѣчку за пять копѣекъ, да идти съ зажженной свѣчкой. И теперь эти пещеры стали доходной статьей, теперь въ лѣтнее время по праздникамъ въ пещерѣ-то перебываетъ до пяти тысячъ человѣкъ, пять тысячъ пятачковъ значитъ отъ свѣчъ, а свѣчу-то, когда богомолецъ выходитъ изъ пещеры,

назадъ берутъ, а много ли ее сгоритъ—на грошъ. Такъ вотъ ты сочти, сколько теперь эта пещера доходу приноситъ. А все это Варнава. А знаешь ли, какъ за исповѣдь огребаетъ онъ денежки-то, говорилъ все тотъ-же басъ,—говорятъ онъ отъ московскихъ докторовъ научился. У него на исповѣди-то стоитъ полное блюдо все четвертныхъ, красненькихъ, да пятишекъ, даже не одной тройчатки нѣтъ. А знаешь ли это для чего, вотъ то-то и дѣло-то, говорилъ все тотъ же хриплый басъ. А это, значитъ, другой купецъ или тамъ купчиха и богата, а норовитъ за исповѣдь то рублевку, а то и полтинничками отдѣлаться, ну, а какъ увидятъ на блюдѣ то меньше пятерочки нѣтъ, ну и онъ, глядишь, тройчатку положитъ. Только тройчатку, послѣ ухода купца, о. Варнава сейчасъ же сниметъ, да въ карманъ, потому, значитъ, чтобы соблазну отъ нея не было. А ужъ относительно тамъ, чтобы къ нему какая голь на исповѣдь пробралась, такъ нѣтъ, братъ, шалишь. У него поставлено все такъ тонко, что вся публика черезъ тонкое сито проходитъ.

Но, отпивъ послѣдній глотокъ послѣдней чашки чаю, разсказчикъ опрокинулъ чашку вверхъ дномъ на блюдечко и, утеревъ рванымъ рукавомъ подрясника потное лицо свое, сталъ вылѣзать изъ-за стола. За нимъ вылѣзъ и молодой товарищъ его, послѣ ихъ вышелъ и я.

Варнаву видѣть больше послѣ первой неудачной попытки я не хотѣлъ. Не захотѣлъ и остаться пожить въ какомъ-либо изъ здѣшнихъ монастырей и пошелъ въ Троицко-Сергіевскую Лавру.

Когда я подходилъ къ огромнѣйшей и богатѣйшей Сергіевской Лаврѣ, то пораженъ былъ великимъ множествомъ трактировъ, кабачковъ, винныхъ и пивныхъ лавокъ, размѣстившихся противъ самаго монастыря. А вдоль огромной монастырской стѣны, въ святыхъ воротахъ и въ оградѣ монастыря, я увидѣлъ множество магазиновъ, лавокъ и лавочекъ съ разными товарами.

Въ монастырскихъ воротахъ усиленно предлагали каждому проходившему купить бутылку деревяннаго масла на неугасимую лампаду преподобному Сергію, и каждый купившій бутылку масла долженъ сдать его особо поставленнымъ на это монахамъ, а послѣдніе, въ свою очередь, по скопленіи бутылокъ посылаютъ ихъ обратно въ лавочки на продажу. Здѣсь мнѣ представилась на первый разъ не святая обитель, какую я мечталъ встрѣтить, а какой-то огромнѣйшій торгъ или ярмарка.

Всюду и вездѣ я видѣлъ разставленныхъ съ металлическими тарелочками монаховъ: попьешь ли ключевой или колодезной воды въ монастырѣ, и съ тебя за это монахъ требуетъ положить ему что-нибудь въ металлическую тарелочку; пойдешь ли при-

ложиться къ гробницамъ усопшихъ митрополитовъ и архіереевъ, и тебѣ напоминаютъ положить что-нибудь. Будешь ли прикладываться къ иконамъ, къ кресту, къ мощамъ, и за все за это нужно класть на металлическую тарелочку монаху или въ кружку. Пойдешь ли въ ризницу, на колокольню или еще куда-нибудь, и вездѣ тебѣ напоминаютъ или звонкомъ колокольчика, или словами, что нужно платить.

Деньги и деньги, всюду деньги; съ деньгами вы всюду пройдете и все увидите, а безъ денегъ вы всюду будете оставаться за флангомъ. А главное, у кого есть деньги, съ тѣми монахи обходительны, вѣжливы и любезны, а у кого ихъ нѣтъ, съ тѣми они грубы, жестокосерды и нахальны.

Здѣсь въ Сергіевской Лаврѣ не было въ то время ни прозорливцевъ, ни чудотворцевъ, и вся притягательная сила заключалась только въ мощахъ Сергія преподобнаго, а потому оставаться на болѣе продолжительное время въ Лаврѣ мнѣ не было смысла; да и въ короткое мое пребываніе паны-монахи произвели на меня самое удручающее, самое отвратительное впечатлѣніе.

А сколько скорби и горя эти упитанные паны-монахи причиняютъ всѣмъ молодымъ женщинамъ и дѣвушкамъ, въ особенности деревенскимъ и пришедшимъ на богомолье беззащитнымъ. И только лишь особое русское долготерпѣніе, да особые, покровительствующіе монастырямъ, законы скрываютъ всю грязь, замаскировываютъ крупные скандалы, и все благополучно сходитъ съ рукъ монашествующей братіи.

Здѣсь лаврскіе монахи не могутъ сказать про свой монастырь, какъ вообще любятъ называть всѣ монахи свои монастыри, «Тихимъ пристанищемъ», «Смиренною обителью», «Райскимъ житьемъ» и проч.

Здѣсь же въ Лаврѣ на всѣхъ видныхъ мѣстахъ наклеены плакаты, гласящіе: «берегите карманы», «берегитесь воровъ». Очевидно, воры-карманники устроили тутъ прочное гнѣздо себѣ; и монастырское начальство, и полиція не въ силахъ бороться съ ними.

Но вотъ я попадаю въ скромную пустыньку. Здѣсь тихо, хорошо, кругомъ дремучіе лѣса, монастыремъ обрабатываются поля и огороды. Здѣсь нѣтъ сутолоки отъ странниковъ и богомольцевъ, если и бываютъ иногда въ праздники, то это только ближняки, и то въ слишкомъ ограниченномъ количествѣ.

— Вѣдь не будешь жить-то у насъ,—заявилъ мнѣ старичекъ-настоятель.—Скудно у насъ, бѣднота, нейдутъ къ намъ богомольцы-то, благотворители.

— Вѣдь, кажись, и святыни-то у насъ не меньше другихъ

монастырей: и икона чудотворная есть, и праведный старецъ есть Виссаріонъ-молчальникъ, да... а нѣтъ, нейдутъ. Если и заходятъ ближняки какіе, такъ одна бѣднота, а настоящихъ богомольцевъ-благотворителей нѣтъ и нѣтъ. Какое тутъ житье,—говорили мнѣ монахи;—хуже каторги, дѣваться некуда... въ головѣ мало, да рыло худое. Вотъ и околачиваемся здѣсь, а кто мало-мальски поумнѣе, такъ тотъ и недѣли не выживетъ здѣсь. Настоятель—мямля,—говорили монахи. Нѣтъ у него настоящей смѣтки и предпріимчивости: надо бы всюду людей своихъ посылать въ народъ, да и въ газетахъ или въ книжкахъ мелкихъ напечатать, что тамъ-то, молъ, въ такомъ-то монастырѣ исцѣленія во множествѣ отъ чудотворной иконы или тамъ отъ мощей истекаютъ, и всѣ исцѣленія, какія у насъ въ монастырѣ записаны, выписать. Да если бы настоящій ловкій настоятель былъ, такъ и Виссаріономъ раздулъ бы дѣло, пустилъ бы его въ оборотъ, а то что, только хлѣбъ зря ѣстъ.

Молчальнику о. Виссаріону было за шестьдесятъ лѣтъ, обѣтъ молчанія онъ взялъ на себя около десяти лѣтъ, и за эти десять лѣтъ отъ него не слышалъ никто ни одного звука. Онъ жилъ въ небольшомъ особнякѣ съ отдѣльнымъ маленькимъ дворикомъ, откуда былъ и входъ въ его келью. Калитка во дворикѣ всегда была заперта, а окна въ келью занавѣшены шторами. Келейника онъ не имѣлъ, обѣдъ приносилъ ему изъ трапезной служитель, онъ же приходилъ за пустой посудой, а самоваръ онъ ставилъ себѣ самъ. Къ себѣ же онъ не принималъ не только постороннюю публику, но не принималъ никого изъ монашествующихъ братій.

Узнать, какъ проводитъ свое время и чѣмъ занята жизнь о. Виссаріона, мнѣ пришлось только нелегальнымъ путемъ, чистосердечно сознаюсь и каюсь, путемъ кривымъ и безчестнымъ. Я нашелъ въ заборѣ во дворикъ къ о. Виссаріону разсѣлину, откуда мнѣ было видно все, что дѣлалось въ кельѣ о. Виссаріона, такъ какъ дверь изъ кельи во дворикъ почти всегда была открыта. Придя отъ обѣдни, о. Виссаріонъ снималъ съ себя рясу и переодѣвалъ другой подрясникъ, ставилъ самоваръ, а покуда кипѣлъ самоваръ, о. Виссаріонъ снималъ со стѣны плетку съ привязаннымъ на концѣ квадратнымъ кускомъ толстой кожи и ловкими ударами плетки убивалъ мухъ, затѣмъ, попивъ съ аппетитомъ чаю, онъ съ неменьшимъ аппетитомъ принимался за принесенный обѣдъ, а послѣ обѣда садился на порожекъ своей кельи съ плеткой въ рукахъ и при тихомъ вѣяніи доносившагося до него со дворика вѣтерка предавался пріятной дремотѣ, но стоило пролетѣть какой ошалѣлой мухѣ мимо о. Виссаріона въ келью, и о. Виссаріонъ вскакивалъ и гнался за ошалѣлой мухой и ловкимъ ударомъ

плетки клалъ на мѣстѣ дерзкую муху. И такъ продолжалось до вечерни; послѣ вечерни опять чай, а потомъ ужинъ, и такъ во вся дни живота своего.

Послѣднее скитаніе мое было въ Кіевъ уже къ увядавшему прозорливцу Іонѣ. Звѣзда Іоны въ то время закатилась, но было время, когда слава его гремѣла по всей Руси великой. Но Іона былъ еще силенъ, если не въ духовномъ, то въ матеріальномъ, добра собрано у него было на многіе годы. Впрочемъ, ходили слухи между странниками еще и въ то время, что Іонѣ каждый мѣсяцъ привозитъ барыня по нѣскольку тысячъ рублей для кормленія странныхъ, и что барыня эта никто иная, какъ сама Мать Пресвятая Богородица.

На Іону у меня была послѣдняя надежда, хотя и эта надежда уже колебалась во мнѣ; все же въ Іонѣ я видѣлъ послѣдній пунктъ, послѣднюю точку опоры, дальше дороги для меня не было. Къ мощамъ и иконамъ я уже не заходилъ. Мнѣ нужно было живое, живительное слово, мнѣ нуженъ былъ вѣрный, надежный путь къ правдѣ, къ любви и покою.

Іона меня, какъ я уже думалъ и раньше, не принялъ, а можетъ быть, не принялъ его слуга, такъ какъ вся сила въ оцѣнкѣ человѣка, кого пустить и кого не пустить, была у слуги. Можетъ быть, ему нужно было что-нибудь дать, а у меня многаго не было, а малое дать было стыдно. Впрочемъ, намъ сказали, что о. Іона насъ всѣхъ странниковъ приметъ огуломъ, и для этого отвели въ особое большое помѣщеніе, перегороженное вдоль деревяннымъ барьеромъ, гдѣ вскорѣ мы увидѣли выходящаго изъ боковой двери за барьеромъ обрюзглаго старика-монаха съ пачкой поучительныхъ листковъ, которые онъ и раздавалъ каждому по листку. Мнѣ, напримѣръ, досталось слово Іоанна Златоуста о сквернословіи, а инымъ онъ давалъ о куреніи табаку, о винѣ и т. п. Видъ Іоны, если это только былъ не подставной, а настоящій Іона, показался мнѣ несимпатичнымъ. Какъ я уже сказалъ выше, обрюзглое, какъ у алкоголика, лицо, выцвѣтшіе глаза и большой, острый. немного вкось животъ.

Не найдя желаемаго удовлетворенія у Іоны и потерявъ послѣднюю надежду на свое духовное удовлетвореніе, на исцѣленіе истерзанной души своей, я почувствовалъ какую-то пустоту и въ душѣ, и въ умѣ своемъ. Я не зналъ, что мнѣ дѣлать, чѣмъ жить, куда итти.

Въ Кіевской Лаврѣ я познакомился съ молодымъ человѣкомъ, который, подобно мнѣ, исколесилъ всю православную Русь, ища царства Божія и правды Его, но, не найдя этого въ монастыряхъ и православіи, онъ звалъ меня къ штундистамъ. Но о штунди-

стахъ я слышалъ отъ лаврскихъ монаховъ, представлявшихъ ихъ мнѣ чуть ли не людоѣдами и самыми необузданно-развратными еретиками, а потому я рѣшилъ итти обратно въ Москву. Теперь, идя обратно, дорога казалась мнѣ безцѣльной, трудной, а тоска, какъ тисками, время отъ времени сжимала мое сердце, а при видѣ мчавшагося поѣзда желѣзной дороги и при переходѣ мостовъ черезъ рѣки мнѣ приходила страшная мысль: зачѣмъ такъ мучить себя? Какой смыслъ въ такой моей жизни? Не лучше ли прекратить все это одной минутой? Но у меня гдѣ-то глубоко въ сердцѣ сохранилась еще вѣра въ Бога, хотя вѣра эта была смутная и слишкомъ робкая, но тѣмъ не менѣе она была, и эта вѣра спасла меня въ минуты борьбы и испытанія и въ минуты отчаянія.

Въ Москвѣ еще разъ я обсудилъ свое положеніе. Что дѣлать мнѣ, куда итти? Если итти домой на родину, то это значитъ закабалить себя къ купцу торговать. Итти въ монастырь въ послушники, что было мнѣ всего проще, такъ какъ я имѣлъ порядочный голосъ и зналъ церковное пѣніе, я не могъ по совѣсти. И я рѣшилъ итти въ чернорабочіе и по возможности въ самую трудную и грязную работу, что мнѣ и удалось. Я поступилъ на фабрику Эмиль Циндель, гдѣ поставили меня на промывную машину, промывающую толстую бумажную матерію, подъ названіемъ милюстринъ. Послѣ промывки, матерія эта въ нѣсколько кусковъ наматывалась машиной же на роликъ, а послѣдній мы вдвоемъ съ товарищемъ по работѣ должны были отнести на плечахъ въ сушку, и такая работа продолжалась отъ шести часовъ утра и до восьми вечера. Работу эту и сильные опытные рабочіе называли каторжной, потому что все время работы приходится стоять въ водѣ, а таскaніе промытой матеріи на роликахъ до шести пудовъ вѣсу по крутой лѣстницѣ въ сушилку тоже было уже слишкомъ чувствительно; я же, какъ непривычный къ тяжелой работѣ, скоро захилѣлъ, а потомъ схватилъ сильное воспаленіе легкихъ и еще какихъ-то органовъ, и фабричная администрація отправила меня въ безсознательномъ состояніи въ больницу чернорабочихъ, у Калужской заставы. Въ больницѣ я былъ положенъ въ палату туберкулезныхъ и пневмониковъ. Всѣ больные этой палаты считались безнадежными, про это знали и сами больные, но нисколько отъ этого не унывали и смѣло смотрѣли въ лицо смерти и даже шутили надъ ней. Недалеко отъ меня лежали два парня чернорабочихъ въ послѣднихъ градусахъ чахотки. Когда эти парни просыпались утромъ, то поздравляли другъ друга съ побѣдой надъ смертью. «Еще по деньку отняли отъ нея», шутили они. А когда одинъ изъ нихъ,

проснувшись, увидѣлъ кровать товарища пустою, то онъ гордо и самодовольно обвелъ глазами всѣхъ въ палатѣ больныхъ и, показывая глазами на пустую кровать товарища, безъ словъ говорилъ: вотъ посмотрите, молъ, люди честные, я друга-то пережилъ; его нѣтъ, а я еще лежу живой, но къ вечеру унесли и его въ мертвецкую. Рядомъ со мной лежалъ больной туберкулезный, дядя Василій, мужчина среднихъ лѣтъ. Онъ сильно страдалъ и при сильныхъ схваткахъ боли стоналъ; когда же боль у него немного утихала, то онъ шутилъ и говорилъ остроты. Передъ самой смертью сынъ его принесъ ему полбутылки портвейну и маленькую полуфунтовую баночку малиноваго варенья; у дяди Василія въ этотъ день уже и цвѣтъ лица принялъ землистый оттѣнокъ. Но тѣмъ не менѣе онъ былъ очень доволенъ подарку сына; портвейнъ онъ велѣлъ сыну поставить на маленькій столикъ, стоящій у его кровати, а банку съ вареньемъ на край стола такъ, чтобы ему можно было протянуть руку и достать, не вставая съ постели. На бутылку онъ показывалъ рукой и глазами, а когда могъ говорить, и словами, всѣмъ больнымъ своей палаты и заходившимъ изъ другихъ палатъ. Вотъ вѣдь какъ мы, съ золотой головкой пьемъ. Ему очень хотѣлось откупорить банку съ вареньемъ, но непремѣнно самому, но ему это никакъ не удавалось; когда приходила въ палату нянька или кто изъ больныхъ подходилъ къ нему, то онъ банку пряталъ подъ одѣяло. Утромъ я проснулся отъ какой-то возни около меня. Оказалось, что это два служителя завертывали въ простыню дядю Василія, на которой онъ спалъ, и, положивъ его на носилки, понесли въ мертвецкую. Полбутылка портвейна стояла на столѣ все на томъ же мѣстѣ неоткупоренной, а съ баночки съ вареньемъ была сорвана сверху бумажка и свинецъ, самое же варенье было не тронуто.

Однажды докторъ, по обыкновенію придя въ нашу палату для осмотра больныхъ, подошелъ ко мнѣ и, послѣ тщательнаго осмотра, поздравилъ меня съ надеждой на выздоровленіе, а черезъ нѣсколько дней перевелъ меня въ другую палату.

Однажды, лежа на своей постели, я услышалъ тихое, но ясное чтеніе:

«Іисусъ сказалъ ему въ отвѣтъ: истинно, истинно говорю тебѣ, если кто не родится свыше, не можетъ увидѣть царствія Божія. Никодимъ говоритъ ему: какъ можетъ человѣкъ родиться, будучи старъ? Неужели можетъ онъ въ другой разъ войти въ утробу матери своей и родиться? Іисусъ отвѣчалъ: истинно, истинно говорю тебѣ, если кто не родится отъ воды и духа, не можетъ войти въ царствіе Божіе. Рожденіе отъ плоти есть плоть, а рожденіе отъ духа есть духъ. Не удивляйся тому, что я сказалъ тебѣ: должно всѣмъ родиться свыше. Духъ дышитъ, гдѣ хочетъ, и голосъ его слышишь, а не знаешь, откуда приходитъ и куда уходитъ. Такъ бываетъ со всякимъ, рожденнымъ отъ духа».

Всѣ эти слышанныя слова сильно встрепенули меня, заснувшая мысль опять проснулась и начала усиленно работать. Что-то вспомнилось мнѣ старое, но возвышенное, аналогичное съ слышаннымъ чтеніемъ. Читалъ слова эти моему сосѣду какой-то посѣтитель.

Вскорѣ я опять увидѣлъ пришедшаго къ моему сосѣду—больному того человѣка, отъ котораго слышалъ интересное для меня чтеніе, и человѣкъ этотъ опять сталъ читать тихимъ и ровнымъ голосомъ. На этотъ разъ меня озарили и встрепенули душу мою слѣдующія слова:

«Женщина говоритъ ему: Господи, вижу, что ты пророкъ. Отцы наши поклонялись на этой горѣ, а вы говорите, что мѣсто, гдѣ должно покланяться, находится въ Іерусалимѣ. Іисусъ говоритъ ей: повѣрь мнѣ, что наступаетъ время, когда и не на горѣ сей и не въ Іерусалимѣ будете поклоняться Отцу. Вы не знаете, чему кланяетесь, а мы знаемъ, чему кланяемся, ибо спасеніе отъ іудеевъ. Но настанетъ время и настало уже, когда истинные поклонники будутъ покланяться Отцу въ духѣ и истинѣ, ибо такихъ поклонниковъ Отецъ ищетъ себѣ. Богъ есть духъ, и покланяющіеся ему должны поклоняться въ духѣ и истинѣ».

Читавшій человѣкъ, по окончаніи чтенія, обратилъ вниманіе на мое усиленное вниманіе къ чтенію и, подойдя ко мнѣ, строго спросилъ меня: имѣю ли я евангеліе? Я сказалъ, что нѣтъ. А умѣю ли я читать, опять спросилъ онъ. Я сказалъ, что умѣю. Тогда онъ мнѣ далъ маленькое, въ красивомъ голубомъ коленкорѣ, евангеліе и сказалъ все тѣмъ же строгимъ голосомъ: на вотъ, читай, и, больше ничего не сказавъ мнѣ, ушелъ къ тому больному, къ которому онъ приходилъ читать евангеліе.

По уходѣ этого страннаго человѣка, я узналъ отъ больного сосѣда, что человѣкъ, приходившій читать евангеліе, былъ библейскій книгоноша, и онъ подробно разсказалъ мнѣ о существованіи библейскаго общества и о цѣли распространенія имъ библіи и евангелія и о книгоношахъ. Тотчасъ же въ умѣ моемъ зародился вопросъ, а что, если бы Богъ привелъ мнѣ быть книгоношей, вотъ бы счастливъ я былъ, и желаніе это съ каждымъ часомъ и днемъ росло и выросло въ жгучее нетерпѣніе. Мнѣ хотѣлось бы, не дожидаясь полнаго выздоровленія, бѣжать изъ больницы и быть книгоношей.

Между тѣмъ данное мнѣ евангеліе я читалъ съ величайшимъ вниманіемъ, и я все удивлялся, почему его раньше никогда не читалъ, почему мнѣ ни въ одномъ монастырѣ не давали его читать, а давали всегда четьи минеи, псалтири и акафисты. Въ евангеліи особенно сильно поразила меня шестая и седьмая главы евангелія отъ Матѳея, притча о милосердномъ самарянинѣ и нѣкоторые отдѣльные тексты, напримѣръ: «итакъ во всемъ какъ хотите, чтобы съ вами поступали люди, такъ поступайте и вы

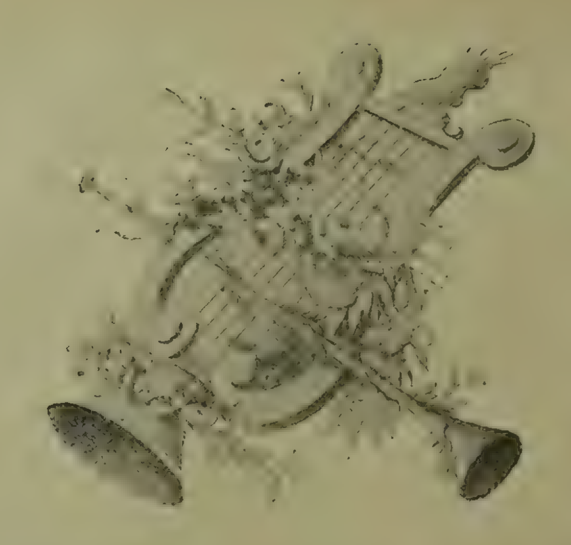
съ ними». Съ глазъ моихъ свалилась какъ бы какая пелена. И я сравнилъ себя съ Агарью, умиравшей въ пустынѣ отъ жажды и не видѣвшей около себя колодца, и увидавшей его лишь по указанію ангела.

Евангеліе открыло мнѣ, что Царствіе Божіе нельзя найти у прозорливцевъ, въ мощахъ или въ чудотворныхъ иконахъ, что Царствіе Божіе дается при усиленномъ самосовершенствованіи самого себя.

Будьте совершенны, какъ Отецъ вашъ небесный совершенъ. Царствіе Божіе внутри васъ есть,—училъ Іисусъ Христосъ. И только чистые сердцемъ Бога узрятъ.

И. Старининъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).



И. С. Тургеневъ въ перепискѣ съ графиней Е. Е. Ламбертъ.

I.

Зимой 1855—1856 г.г. судьба подарила Ивана Сергѣевича Тургенева въ Петербургѣ знакомствомъ съ графиней Елизаветой Егоровной Ламбертъ.

Знакомства вообще давались Тургеневу легко. Красавецъ по наружности, прекрасно образованный, занимательнѣйшій собесѣдникъ, съ мягкими благородными пріемами въ обращеніи съ людьми,—онъ былъ желаннымъ гостемъ во всѣхъ, даже самыхъ высокихъ, кругахъ столичнаго общества. За границей, въ мѣстахъ, излюбленныхъ русскими путешественниками, Тургеневъ былъ предметомъ общаго вниманія ихъ и нерѣдко получалъ привѣтствія и поклоны отъ лицъ, которыхъ самъ не узнавалъ. Въ писательской средѣ знакомства Тургенева были весьма обширны и переходили за грани всѣхъ кружковъ и направленій. А по мѣрѣ того, какъ росла его собственная литературная слава, кругъ знакомыхъ Тургенева расширялся все болѣе и болѣе. По свидѣтельству друга его, П. В. Анненкова, «молодые писатели, начинающіе свою карьеру, одинъ за другимъ являлись къ нему, приносили свои произведенія и ждали его приговора, въ чемъ онъ никогда не отказывалъ имъ, стараясь уразумѣть ихъ дарованія и ихъ наклонности. Свѣтскія высокопоставленныя особы и знаменитости всѣхъ родовъ искали свиданія съ нимъ и его знакомства. Особенно онъ сдѣлался любимцемъ прекраснаго пола,

упивавшагося чтеніемъ его романа («Дворянское Гнѣздс»). Женщины высшихъ круговъ петербургскаго общества открыли ему свои салоны, ввели его въ свою среду, заставили отцовъ, мужей, братьевъ добиваться его пріязни и довѣрія. Онъ сдѣлался *свой человѣкъ* между ними и каждый вечеръ облекался во фракъ, надѣвалъ бѣлый галстукъ и являлся на ихъ рауты и causeries удивлять изящнымъ французскимъ языкомъ, блестящимъ изложеніемъ мнѣній своихъ, съ примѣненіемъ къ понятіямъ новыхъ его слушательницъ и слушателей, остроумными анекдотами и оригинальной и весьма красивой фигурой»[1]).

Очень трудно прослѣдить, какъ началось новое знакомство Тургенева съ семьей графа Ламбертъ. Къ сожалѣнію, біографическая литература о Тургеневѣ сохранила мало свѣдѣній о представителяхъ этой семьи, и эти свѣдѣнія, повидимому, исчерпываются нѣсколькими упоминаніями, напечатанными П. В. Анненковымъ, который на всю жизнь оставался другомъ Тургенева и черезъ его посредство былъ принятъ въ домѣ Ламбертъ. Большинство этихъ упоминаній содержатся въ письмахъ самого Тургенева къ Анненкову и относятся лишь къ первымъ шагамъ знакомства Анненкова съ графиней.

Въ письмѣ отъ 31 октября 1857 года Тургеневъ спрашивалъ Анненкова: «Познакомились ли вы съ графиней Ламбертъ? Она этого желала, и я вамъ совѣтую. Я опять напишу ей письмо черезъ ваше посредничество. На этотъ разъ войдите къ ней».[2]). Анненковъ, очевидно, не торопился послѣдовать совѣту своего друга, и Тургеневъ 19 января 1858 года снова писалъ ему: «Да сходите, наконецъ, къ графинѣ Ламбертъ и попросите ее написать мнѣ свое мнѣніе объ «Асѣ», нужды нѣтъ, выгодное или невыгодное»[3]). Въ письмѣ отъ 8 іюля 1860 года Тургеневъ сообщалъ Анненкову, что онъ въ Эмсѣ «посѣтилъ графиню Ламбертъ»[4]). Но самъ Анненковъ и въ этомъ году еще не рѣшался пріобрѣсти новое знакомство. 19 ноября 1860 года Тургеневъ писалъ ему[5]): «Кстати, извольте немедленно отправиться, по полученіи сего, къ гр. Ламбертъ (на Фурштадтской, въ соб. домѣ). Она говорила о нашемъ обществѣ съ Мейендорфомъ, и тотъ пожелалъ увидаться съ вами, и графиня мнѣ пишетъ, чтобы я васъ послалъ къ ней. Теперь уже у васъ нѣтъ предлога не идти, и я васъ убѣдительно прошу это сдѣлать и предсказываю вамъ,

---

[1]) П. В. Анненковъ. Литературныя воспоминанія. Спб. 1909. 507—508 стр.
[2]) Ibid., 496 стр.
[3]) Ibid., 503 стр.
[4]) Ibid., 525 стр.
[5]) Ibid., 536—537 стр.

что если вы это сдѣлаете, вы будете просиживать у ней три вечера въ недѣлю, и это будетъ доброе дѣло (я уже не говорю объ удовольствіи, которое вы чрезъ то получите), потому что она одинокая и больная женщина. Слышите, пожалуйста, ступайте къ ней». Черезъ годъ, 3 декабря 1861 года, Тургеневъ сообщилъ Анненкову о семейномъ горѣ, постигшемъ графиню. Онъ писалъ: «Вы знаете, бѣдная гр. Ламбертъ потеряла своего единственнаго сына... Она не переживетъ этого удара».[1]) Въ письмѣ отъ 17 января 1866 года Тургеневъ спрашивалъ у Анненкова: «Графиня Ламбертъ все еще въ Петербургѣ? и гдѣ именно, т.-е., гдѣ ея квартира?»[2]). А въ слѣдующемъ письмѣ отъ 9 февраля 1866 года этотъ вопросъ повторялся уже, но только съ большею настойчивостью: «Да, что же адресъ гр. Ламбертъ? Сообщите, отецъ, если возможно. Она жила, въ прошломъ году, на углу Фурштадтской и Воскресенской, въ домѣ Кокошкина, но она собиралась покинуть Петербургъ»[3]).

Въ промежуткѣ между этими крайними сроками отъ 1860-го до 1866 года, Анненковъ несомнѣнно былъ у графини Ламбертъ и познакомился съ этою замѣчательною женщиной. Въ одномъ случаѣ своихъ «Литературныхъ воспоминаній»[4]) онъ приводитъ свое собственное сужденіе о ней, основанное на личномъ знакомствѣ и личномъ впечатлѣніи. Случай этотъ относится ко времени появленія въ свѣтъ Тургеневскаго «Наканунѣ» и очень ярко характеризуетъ то вліяніе, какое производила графиня Ламбертъ на Тургенева, и то значеніе, какое Тургеневъ придавалъ ея оцѣнкамъ и сужденіямъ. Анненковъ такъ разсказываетъ объ этомъ случаѣ:

«Почти тотчасъ послѣ прибытія моего изъ деревни я получилъ отъ Тургенева въ Петербургѣ довольно странную записочку: «Четвергъ, вечеромъ.—Любезнѣйшій Павелъ Васильевичъ. Со мной сейчасъ случилось преоригинальное обстоятельство. У меня сейчасъ была графиня Ламбертъ съ мужемъ, и она (прочитавши мой романъ) такъ неопровержимо доказала мнѣ, что онъ никуда не годится, фальшивъ и ложенъ отъ А до Z, что я серьезно думаю—не бросить ли его въ огонь? Не смѣйтесь, пожалуйста, а приходите-ка ко мнѣ часа въ три, и я вамъ покажу ея написанныя замѣчанія, а также передамъ ея доводы. Она, безъ всякаго преувеличенія, поселила во мнѣ отвращеніе къ моему продукту, и я, безъ всякихъ шутокъ, только изъ уваженія къ вамъ и вѣря въ вашъ вкусъ, не тотъ же часъ уничтожилъ мою работу. При-

---

[1]) Ibid., 553 стр.
[2]) Ibid., 585 стр.
[3]) Ibid., 586 стр.
[4]) Ibid., 513—514 стр.

ходите-ка, мы потолкуемъ, и можетъ быть, и вы убѣдитесь въ справедливости ея словъ. Лучше теперь уничтожить, чѣмъ впослѣдствіи бранить себя. Я все это пишу не безъ досады, но безо всякой жолчи, ей-Богу. Жду васъ и буду держать огонь въ каминѣ». Огонь въ каминѣ оказался не нуженъ,—разсказываетъ Анненковъ. Черезъ полчаса размышленія сообща авторъ убѣдился самъ, что непривычка къ политическимъ мотивамъ въ художническомъ дѣлѣ была одна изъ причинъ недовольства его критика,—точно такъ же, какъ заявленная критикомъ невозможность допустить увлеченія болгарской идеей на Руси и особенно въ женскомъ сердцѣ породила всѣ тѣ упреки въ несообразностяхъ, рѣзкостяхъ и преувеличеніяхъ, какія пришлось выслушать отъ него автору съ глазу на глазъ. Графиня Ламбертъ была женщина чрезвычайно умная и чуткая къ красотѣ поэзіи, но, какъ большинство развитыхъ русскихъ женщинъ, не любила, чтобы искусство искало помощи и содѣйствія политики, философіи, чего-либо посторонняго, хотя бы даже науки вообще. «Наканунѣ» было такимъ образомъ спасено и явилось въ свое время и на назначенномъ ему мѣстѣ. Въ теченіе недолгаго нашего разговора съ авторомъ мнѣ все казалось, что уничтоженія романа не желалъ и онъ самъ, что онъ обратился къ постороннему человѣку съ цѣлью имѣть третье, незаинтересованное въ дѣлѣ лицо, на которое можно бы было, при случаѣ, сослаться».

Этими сообщеніями Анненкова исчерпываются литературныя свѣдѣнія о графинѣ Ламбертъ. За отсутствіемъ другихъ и болѣе точныхъ и подробныхъ свѣдѣній, въ біографіи Тургенева совсѣмъ не отведено ей то обширное и важное мѣсто, какое принадлежитъ ей въ дѣйствительности и по праву.

Графиня Елизавета Егоровна Ламбертъ была дочерью графа Егора Францовича Канкрина, русскаго министра финансовъ. Блестящее воспитаніе и высокое положеніе въ Петербургскомъ обществѣ открыли ей возможность къ счастливому замужеству и близости ко двору наслѣдника престола, а потомъ императора Александра II Николаевича. Она вышла замужъ за графа Іосифа Карловича Ламбертъ. Воспитанникъ Ришельевскаго Лицея въ Одессѣ, привлекшаго къ себѣ, по открытіи, цвѣтъ русской аристократіи, графъ Іосифъ Карловичъ сдѣлалъ быстро завидную карьеру при дворѣ наслѣдника. Въ чинѣ полковника въ 1851 году, онъ былъ адьютантомъ цесаревича Александра Николаевича. Родной братъ его, графъ Карлъ Карловичъ Ламбертъ, былъ потомъ намѣстникомъ въ Варшавѣ. Между прочимъ, графъ Карлъ познакомилъ своего брата съ Николаемъ Никифоровичемъ Мурзакевичемъ, тоже воспитанникомъ Ришельевскаго Лицея. Вслѣд-

ствіе письма графа Карла, Мурзакевичъ послѣ 1851 года сблизился съ графомъ Іосифомъ въ Петербургѣ и впослѣдствіи вспоминалъ о немъ съ особымъ чувствомъ уваженія и любви. «Открытый, благородный характеръ этого рыцаря чести, правды многимъ извѣстенъ», засвидѣтельствовалъ Мурзакевичъ о графѣ Іосифѣ Ламбертъ[1]).

Молодость, образованіе, умъ и всѣ высокія качества личныхъ характеровъ графа Іосифа и графини Елизаветы Ламбертъ, безъ сомнѣнія, привлекали къ нимъ все великосвѣтское общество и сдѣлали домъ ихъ предметомъ искательства для столичной молодежи.

Неудивительно, что Тургеневъ въ первый же свой пріѣздъ въ Петербургъ, послѣ продолжительной отлучки, былъ принятъ въ домѣ графа Іосифа Ламбертъ и вскорѣ былъ оцѣненъ радушными хозяевами и удостоенъ искренняго расположенія и симпатіи со стороны графини Елизаветы Егоровны.

Было въ это время и еще одно обстоятельство въ личной жизни Тургенева, которое могло заставить его даже искать знакомства въ домѣ графа Ламбертъ. Въ 1856 году, въ годъ появленія «Рудина», совершился поворотъ въ жизни Тургенева. Тургеневъ вздумалъ поѣхать за границу, однако исполнить свое желаніе ему было нелегко, такъ какъ онъ находился еще подъ особымъ наблюденіемъ и присмотромъ представителей власти. Очень могли помочь ему въ этомъ случаѣ его знакомые среди высшаго и особенно придворнаго общества. Ходатайство за него представителей придворной знати было очень цѣнно для Тургенева, и онъ желалъ и искалъ его для себя среди своихъ знакомыхъ изъ лицъ двора цесаревича. Біографіи Тургенева извѣстны хлопоты за него со стороны егермейстера Ивана Матвѣевича Толстого, впослѣдствіи графа. Тургеневу естественно было желать расширить кругъ своего знакомства среди придворной аристократіи и укрѣпить свои добрыя отношенія съ ними. Домъ графини Ламбертъ могъ стать предметомъ особаго искательства со стороны Тургенева, такъ какъ положеніе его и связи въ административныхъ кругахъ могли быть для Тургенева весьма полезны. Очень вѣроятнымъ подтвержденіемъ этого предположенія можетъ служить первое же письмо Тургенева къ графинѣ Ламбертъ. Въ немъ Тургеневъ прежде всего высказываетъ желаніе быть благодарнымъ и благодаритъ графиню за «участіе», которое графиня оказывала ему. Въ ту зиму помощь при полученіи заграничнаго паспорта

[1]) «Записки Н. Н. Мурзакевича», въ «Русской Старинѣ», 1887 г., февраль, 290 стр.; 1889 г., февраль, 249 стр.; ср. «Воспоминанія Н. И. Кокшарова», въ «Русской Старинѣ», 1890 г., іюнь, 534 стр. и «Императоръ Александръ II», С. С. Татищева, томъ I, 114 стр.

была, кажется, единственнымъ способомъ выразить «участіе» къ Тургеневу.

Какъ бы то ни было, новое знакомство очень скоро выдвинулось впередъ изъ ряда петербургскихъ знакомствъ Тургенева и заняло среди нихъ, да и среди другихъ знакомствъ его, совсѣмъ особое положеніе. Тургеневъ быстро оцѣнилъ отмѣнныя достоинства графини Ламбертъ, ея тонкій и изящный вкусъ, просвѣщенный далеко незауряднымъ образованіемъ, ея любовь къ искусству и пониманіе задачъ его, ея горячее и отзывчивое сердце, открытое ко всѣмъ просьбамъ и для каждой нужды,—и сразу же поставилъ ее едва ли не въ самомъ центрѣ своей благородной дружбы и сердечной привязанности. Расположеніемъ графини, участіемъ ея ко всѣмъ подробностямъ его писательской и личной жизни Тургеневъ дорожилъ какъ благословеніемъ судьбы, какъ лучезарнымъ просвѣтомъ въ его одинокихъ, цыганскихъ скитаньяхъ. Посвящая ее въ каждый шагъ своей жизни, во всѣ думы, замыслы и переживанія своей писательской души, Тургеневъ искалъ поддержки и сочувствія графини, желалъ провѣрить себя ея дружественными взглядами, а иногда ея ласковымъ привѣтомъ и теплымъ, сердечнымъ участіемъ замѣнялъ для себя отсутствіе «собственнаго гнѣзда», и изливалъ передъ ней, какъ близкимъ по душѣ человѣкомъ, свои жалобы на одиночество, на тяжесть нераздѣленныхъ чувствъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Тургеневъ не скрывалъ и собственнаго своего чувства, чувства глубокой привязанности и братской любви, которое зажгла въ его душѣ графиня, и которое озарило его жизнь лучами пробужденія чистыхъ радостей, забытыхъ чувствъ и несбывшихся мечтаній...

Тургеневъ любилъ бесѣдовать съ графиней въ уютной комнаткѣ въ томъ небольшомъ домикѣ на Фурштадтской, который занимали Ламбертъ. Въ рѣдкіе и все же короткіе пріѣзды свои въ Петербургъ онъ часами просиживалъ у радушной и умной хозяйки домика, наслаждаясь всѣми дарами ея ума и сердца. О многомъ, очень многомъ вели рѣчь оживленные собесѣдники. Тургеневъ прежде всего посвящалъ графиню рѣшительно во всѣ подробности своей жизни. Вся внѣшняя сторона пережитаго, а часто и ожидаемаго рисовалась графинѣ въ занимательныхъ разсказахъ Тургенева. Мценскъ и село Спасское, Парижъ, Куртавнель, Баденъ-Баденъ, Римъ, Лондонъ, Москва, Петербургъ,—всѣ города, курорты и селенія, со всѣми подробностями остановки и житья въ нихъ, поочередно бывали предметами любопытныхъ сообщеній и разсказовъ Тургенева. Событія личной жизни его, его дочь и другіе родные, его знакомые и друзья дѣлались хорошо

извѣстными и графинѣ. Обо всѣхъ и обо всемъ онъ передавалъ ей все интересное и занимательное.

Еще чаще и охотнѣе Тургеневъ несъ свои думы и затрудненія на судъ графини. Онъ уважалъ ея умъ и вѣрилъ въ ея сочувствіе и участіе, и ничего не скрывалъ отъ нея. Были ли это заботы о дочери и ея замужествѣ, или хлопоты о близкихъ ему бѣднякахъ, или размолвки съ друзьями и писателями—Тургеневъ во все посвящалъ графиню.

Особенно Тургеневъ цѣнилъ взгляды графини на всѣ случаи его затрудненій въ писательскихъ его трудахъ. Онъ вводилъ ее во всѣ свои замыслы, излагалъ передъ нею планы будущихъ своихъ сочиненій, характеры участвующихъ въ нихъ лицъ, не скрывая своихъ творческихъ затрудненій и ища совѣтовъ и указаній для болѣе совершенной обработки своихъ повѣстей и романовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ бесѣдахъ съ графиней Тургеневъ почерпалъ для себя много полезныхъ свѣдѣній и наблюденій. Въ ея живой рѣчи онъ искалъ отраженія петербургскихъ настроеній и чутко прислушивался въ ней къ біенію пульса русской общественной жизни. Все это дѣлало бесѣды ихъ занимательными, полными захватывающаго интереса и значенія, и заставляло Тургенева искать и добиваться ихъ при всякомъ удобномъ случаѣ.

Но отлучки Тургенева изъ Петербурга и даже Россіи бывали часты и продолжительны. А желаніе и даже жажда общенія и обмѣна взглядами съ умной и сердечной графиней Елизаветой Егоровной становилась настойчивой и неотразимой. И вотъ быстро и сама собою завязалась оживленная переписка. Тургеневъ письмами старался замѣнить недоступныя бесѣды и свиданія и въ письмахъ, какъ въ живой рѣчи, изливалъ передъ графиней всю свою душу. Въ письмахъ своихъ Тургеневъ встаетъ передъ читателемъ какъ живой, во всѣхъ подробностяхъ и своихъ скитаній и своего житья по разнымъ угламъ и Россіи, и заграницы. Въ нихъ живо чувствуются всѣ волновавшія его тревоги и радости, въ нихъ запечатлѣны завѣтныя думы его, его ожиданія и отъ жизни, и отъ своихъ твореній. Въ письмахъ Тургенева къ графинѣ Ламбертъ—его собственная автобіографія, вдобавокъ начерченная и изложенная его мастерскою рукой.

Вотъ въ чемъ значеніе и интересъ писемъ Тургенева къ графинѣ Е. Е. Ламбертъ. Ихъ сохранилось, вмѣстѣ съ коротенькими и незначительными записочками, 115 на пространствѣ времени отъ 9-го мая 1856 года до 29-го апрѣля 1867 года. Ихъ первое и самое главное значеніе, конечно, біографическое. Хронологія и обстановка жизни Тургенева въ нихъ полныя и самыя точныя. Мало того, въ нихъ изложены сокровенныя переживанія души

Тургенева и его творческаго генія, и тоже имъ самимъ изложены, и значитъ не подлежатъ ни сомнѣнію, ни оспариванію и перетолкованію. Поэтому біографическое значеніе писемъ Тургенева тѣсно примыкаетъ къ значенію ихъ для исторіи творческихъ замысловъ его и для исторіи его сочиненій. Очень любопытны въ письмахъ и отношенія его къ такимъ русскимъ писателямъ, какъ графъ Л. Н. Толстой и Д. В. Григоровичъ.

II.

Первыя письма писаны Тургеневымъ изъ села Спасскаго, куда только что онъ пріѣхалъ изъ Петербурга, 7-го мая 1856 года[1]). Въ нихъ онъ знакомитъ графиню прежде всего со своей деревней, а потомъ и со всѣми подробностями своей жизни. Видимо, въ Петербургѣ онъ не успѣлъ при личныхъ свиданіяхъ сообщить о себѣ всѣ, интересовавшія графиню, свѣдѣнія, быть можетъ и самое знакомство съ графиней состоялось лишь въ концѣ его пребыванія въ Петербургѣ, незадолго до отъѣзда въ Спасское. Во всякомъ случаѣ, графиня уже успѣла произвести сильное впечатлѣніе на Тургенева, и первыя его письма къ ней уже полны свидѣтельствами личнаго его расположенія и его личныхъ чувствъ.

Но сами письма краснорѣчивѣе разскажутъ начальную исторію знакомства Тургенева съ графиней Ламбертъ. Вотъ они изъ Спасскаго, Петербурга и изъ-за границы:

С. Спасское.
9-го мая 1856 г.

Любезная Графиня,

Спасскимъ называется моя деревня. Она находится въ Орловской губерніи, въ 9 верстахъ отъ города Мценска. Она не очень красива, но въ ней есть садъ, въ которомъ я провелъ большую часть моего дѣтства. Я пріѣхалъ сюда третьяго дня—и сегодня сѣлъ писать къ Вамъ письмо.

Прежде всего мнѣ хочется поблагодарить Васъ отъ души за участіе, которое Вы мнѣ оказывали. Я человѣкъ плохо воспитанный и мало знакомый съ условіями du savoir vivre, но я умѣю и люблю быть благодарнымъ.

Мнѣ очень жалко, что я такъ поздно съ Вами познакомился. Несмотря на различіе нашихъ мнѣній, между нами есть, если

[1]) Необходимо исправить хронологію Н. М. Гутьяръ, который относитъ пріѣздъ Тургенева въ Спасское ко дню 9 мая. См. «Хронологическая канва для біографіи И. С. Тургенева», стр. 30, въ «Сборникѣ отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ», томъ 87, Спб., 1910.

не ошибаюсь, симпатія чувствъ и ощущеній, а эта связь прочнѣе связи, основанной на тождествѣ мнѣній. Но прошедшаго не передѣлаешь,—остается, насколько хватаетъ умѣнія, пользоваться настоящимъ.

Вашей книги я еще не начиналъ. Я намѣренъ здѣсь работать. Я здѣсь почти никого не буду видѣть, исключая одной графини Толстой, сестры литератора, очень милой женщины, но съ некрасивыми руками, а для меня это—если не все, то почти все.

Съ тѣхъ поръ какъ я здѣсь, мной овладѣла внутренняя тревога.. Знаю я это чувство! Ахъ, Графиня, какая глупая вещь—потребность счастья, когда уже вѣры въ счастье нѣтъ! Однако, я надѣюсь, все это угомонится, и я снова, хотя не вполнѣ, пріобрѣту то особеннаго рода спокойствіе, исполненное внутренняго вниманія и тихаго движенія, которое необходимо писателю, вообще художнику.

Погода еще не совсѣмъ хороша. Все еще какъ-то грубо и рѣзко: вѣтеръ воетъ какъ осенью, мокрыя, сѣрыя тучи несутся и льютъ тонкій, непріятный дождь. Но все уже зелено, и сегодня мои собаки издали на травѣ, освѣщенной солнцемъ, производили картинное впечатлѣніе.

Здѣсь живетъ мой дядя, добрый и простой человѣкъ, который управляетъ моимъ имѣніемъ. У него жена, и сестра жены живетъ вмѣстѣ съ ними. Люди тихіе и незатѣйливые, съ ними легко, и я все-таки не совершенно одинъ.

Вы мнѣ говорили, что Вы теперь уже почти ничего не читаете. Возьмитесь за Пушкина въ теченіе лѣта, я тоже буду его читать, и мы можемъ говорить о немъ. Извините, я Васъ еще мало знаю, но мнѣ кажется, что Вы съ намѣреньемъ, можетъ быть, изъ христіанскаго смиренія, стараетесь себя суживать.

Это письмо идетъ скачками, à batons rompus, какъ говорятъ Французы, но Вы сами этого требовали, то-есть, Вы требовали, чтобы я писалъ Вамъ, что мнѣ придетъ въ голову, а мнѣ въ голову мысли приходили именно въ томъ порядкѣ, въ какомъ я Вамъ излагалъ ихъ, такъ что собаки пришлись раньше родственниковъ.

Съ нетерпѣніемъ буду ожидать Вашего отвѣта... Кстати, какіе у Васъ добрые и милые глаза! Это «*кстати*» можетъ быть очень некстати,—Вы извините меня, если я въ этомъ случаѣ не долженъ былъ написать то, что я подумалъ.

Въ г-жѣ Веригиной мнѣ нравится то, что она Васъ любитъ. Поклонитесь ей отъ меня, если Вы ее увидите.

Вообразите, мнѣ вдругъ показалось, что письма Вамъ надобно посылать не въ Ревель, а куда-то въ другое мѣсто,—однако все-таки я поставлю на адресѣ Ревель.

Прощайте, любезная Графиня, желаю Вамъ всего хорошаго въ мірѣ и остаюсь навсегда преданный Вамъ.

P. S. Мой адресъ: Орловской губерніи, въ городъ Мценскъ. Кланяюсь Вашему мужу.

С. Спасское.
10-го іюня 1856 г.

Ваше письмо изъ Ревеля, любезная Графиня, меня очень обрадовало и нѣсколько пристыдило: я чувствую, что не заслуживаю всѣхъ тѣхъ милыхъ вещей, которыми оно исполнено, и знаю (хотя изъ вашей книги болѣе 30 страницъ до сихъ поръ не прочелъ), что человѣческое сердце такъ устроено, что и незаслуженныя похвалы доставляютъ ему тайную сладость, или, по крайней мѣрѣ, удовольствіе смиренія... Это все опасныя чувства, и лучше даже не говорить о нихъ.

Благодарю Васъ за то, что Вы вспомнили обо мнѣ, и желаю отъ души, чтобы Вы остались довольны Вашимъ пребываніемъ въ Ревелѣ.

Скажу Вамъ нѣсколько словъ о себѣ.

Во-первыхъ, я получилъ изъ Петербурга извѣстіе, что паспортъ мнѣ выданъ, и я уѣзжаю изъ Россіи въ 20-хъ числахъ будущаго мѣсяца: мы еще успѣемъ обмѣняться письмами. Я надѣюсь, что и во время моего пребыванія за границей наша переписка не прекратится.

Позволеніе ѣхать за границу меня радуетъ... и въ то же время я не могу не сознаться, что лучше было бы для меня не ѣхать. Въ мои годы уѣхать за границу—значитъ: опредѣлить себя окончательно на цыганскую жизнь и бросить всѣ помышленья о семейной жизни. Что дѣлать! Видно такова моя судьба. Впрочемъ, и то сказать: люди безъ твердости въ характерѣ любятъ сочинять себѣ «судьбу»; это избавляетъ ихъ отъ необходимости имѣть собственную волю и отъ отвѣтственности передъ самими собою. Во всякомъ случаѣ le vin est tiré—il faut le boire.

У меня здѣсь нѣтъ барскаго дома; былъ—да сгорѣлъ; я живу въ старомъ флигелькѣ. А садъ есть, большой и хорошій, и прудъ. Сосѣдокъ нѣтъ никакихъ, ни Татьянъ-сосѣдокъ, ни просто — сосѣдокъ. Да и я самъ куда какъ не похожъ на Онѣгина!

Охота еще не началась.

Да! еще вотъ что я долженъ сказать Вамъ: анекдотъ, разсказанный мною Вамъ о барынѣ, съ которой я обѣдалъ и которая, нехотя, меня разочаровала, нисколько не относится къ той женщинѣ, о которой Вы пишете...

А Вы очень мило пишете по-русски,—знаете ли Вы это? И ни одной, даже орѳографической ошибки! А все-таки пишите мнѣ по-французски. Все-таки замѣчается нѣкоторое усиліе въ отыскиваніи выраженій, и Вы какъ будто мысленно переводите съ французскаго. По-французски Вамъ будетъ легче писать, и Вы охотнѣе писать будете.

Мнѣ пріятно думать о томъ, что мы будемъ, хотя изрѣдка, мѣняться мыслями и ощущеніями. Еще пріятнѣе думать, что придетъ время, мы, Богъ дастъ, увидимся снова, и, смѣю надѣяться, окончательно станемъ друзьями. Въ жизни мужчины наступаетъ, какъ и въ жизни женщины, пора, когда болѣе всего дорожишь отношеніями тихими и прочными. Свѣтлые осенніе дни—самые прекрасные дни въ году. Я надѣюсь, что тогда мнѣ удастся убѣдить Васъ не бояться чтенія Пушкина и другихъ. Или Вы еще страшитесь «тревоги»?

Я не разсчитываю болѣе на *счастье* для себя, т.-е., на счастье въ томъ опять-таки *тревожномъ* смыслѣ, въ которомъ оно принимается молодыми сердцами. Нечего думать о цвѣтахъ, когда пора цвѣтенія прошла. Дай Богъ, чтобы плодъ по крайней мѣрѣ былъ какой-нибудь, а эти напрасныя порыванія назадъ могутъ только помѣшать его созрѣванію.—Должно учиться у природы ея правильному и спокойному ходу, ея смиренію... Впрочемъ, на словахъ-то мы всѣ мудрецы: а первая попавшаяся глупость пробѣжитъ мимо, такъ и бросишься за нею въ погоню.

Какъ оглянусь я на свою прошедшую жизнь, я, кажется, больше ничего не дѣлалъ, какъ гонялся за глупостями.—Донъ-Кихотъ по крайней мѣрѣ вѣрилъ въ красоту своей Дульцинеи, а нашего времени Донъ-Кихоты и видятъ, что ихъ Дульцинея уродъ, а все бѣгутъ за нею.

У насъ нѣтъ идеала, — вотъ отчего все это происходитъ: а идеалъ дается только сильнымъ гражданскимъ бытомъ, Искусствомъ (или Наукой) и Религіей. Но не всякій родится аѳиняниномъ или англичаниномъ, художникомъ или ученымъ, и религія не всякому дается тотчасъ. Будемъ ждать, и вѣрить, и знать, что—пока—мы дурачимся. Это сознаніе все-таки можетъ быть полезнымъ.

Но я, кажется, зафилософствовался. А потому, съ Вашего позволенія (помнится, Вы мнѣ говорили, что это можно), почтительно и дружески жму Вашу руку, желаю Вамъ всего хорошаго и остаюсь душевно Вамъ преданный

P. S. Мой усердный поклонъ Вашему супругу.

С.-Петербургъ.
20-го іюля 1856.

Я ѣду завтра за границу, любезная Графиня, и едва имѣю довольно времени, чтобы сказать Вамъ два слова.

Мнѣ непремѣнно хочется знать, получили ли Вы мой отвѣтъ на Ваше письмо, посланный мною изъ деревни 12-го числа прошлаго мѣсяца? Если Вы до сихъ поръ не отвѣчали мнѣ, то будьте такъ добры, напишите мнѣ въ Парижъ, poste restante. Если же мой отвѣтъ затерялся (что было бы очень досадно), все-таки дайте мнѣ знать объ этомъ въ Парижъ. Я Вамъ напишу, какъ только попаду на мѣсто, и надѣюсь, что въ теченіе зимы мы, хотя изрѣдка, будемъ подавать другъ другу вѣсти.

Надѣюсь, что здоровье Ваше поправляется.

До свиданія въ будущемъ году, а пока желаю Вамъ всего хорошаго. Позвольте заочно пожать Вамъ руку и увѣрить Васъ въ чувствахъ искренней привязанности и уваженія преданнаго Вамъ

Парижъ.
13/25 марта 1857.

Недавно кто-то сказалъ мнѣ, любезная Графиня, будто Вы жаловались на меня за то, что я не отвѣчалъ на Ваше послѣднее, *французское*, письмо. Съ одной стороны я порадовался, потому что это доказывало мнѣ, что Вы меня не забыли; но, съ другой стороны, я пришелъ въ великое недоумѣніе, потому что *я* считалъ за Вами цѣлыхъ три неотвѣченныхъ письма, изъ которыхъ послѣднее было послано мною къ Вамъ въ Ревель, въ началѣ августа, за два дня до моего отъѣзда за границу. Вѣроятно, эти письма не дошли до Васъ. Какъ бы то ни было, я рѣшился попытаться еще разъ возобновить переписку съ Вами. Можетъ-быть, на этотъ разъ Вы и отвѣтите.

Мнѣ нечего говорить Вамъ, что я часто вспоминалъ о Васъ, о посѣщеніяхъ моихъ, и о разговорахъ нашихъ въ Вашей маленькой комнаткѣ наверху, когда Вы наставляли меня уму-разуму и поясняли мнѣ всѣ недостатки моего воспитанія. Я думаю, Вы очень хорошо знаете сами, что люди, удостоенные Вашего расположенія или даже простого знакомства, Васъ не забываютъ. Но у насъ въ Россіи обыкновенно думаютъ, что люди, попавшіе за границу и особенно въ Парижъ, живутъ въ какомъ-то чаду, кружатся въ какомъ-то вихрѣ, и что все прошедшее, все русское выскакиваетъ у нихъ изъ головы, которая такъ и вертится отъ избытка удовольствій и ощущеній.

Не знаю, какъ другіе; но я провелъ всю эту зиму въ Парижѣ

не только тихо (что совершенно согласуется съ моими вкусами); но непріятно: я былъ постоянно боленъ мучительной и несносной невральгіей,—и если бы не моя дочка (я, кажется, Вамъ сказывалъ, что у меня есть дочь, которая воспитывается здѣсь), я бы давно бросилъ Парижъ, климатъ котораго имѣетъ на меня самое вредное дѣйствіе. Теперь мнѣ остается пробыть здѣсь всего три недѣли; потомъ я ѣду въ Лондонъ, оттуда куда-нибудь на воды, а осенью возвращаюсь домой и зиму проживу въ Петербургѣ. Если вы будете тоже жить зимой въ Петербургѣ,— я надѣюсь, мы будемъ видѣться часто (если я Вамъ не надоѣмъ). Мнѣ уже теперь представляется Вашъ домикъ на Фурштадтской... (кажется, на Фурштадтской?).

Кстати, я, не помнивъ хорошенько Вашего адреса, вздумалъ послать Вамъ это письмо черезъ моего хорошаго пріятеля П. В. Анненкова, съ которымъ совѣтую Вамъ познакомиться: онъ прекраснѣйшій человѣкъ, и, я увѣренъ, понравится Вамъ очень. А познакомиться Вамъ очень легко: напишите ему записочку (живетъ онъ въ Демидовскомъ переулкѣ, въ домѣ Висконти), и онъ тотчасъ прибѣжитъ. Я ему много говорилъ о Васъ,— и Вы можете легко представить, какъ я ему говорилъ.

Я не велѣлъ доставить Вамъ экземпляръ недавно собранныхъ моихъ повѣстей, потому что знаю, что Вы этими пустячками не занимаетесь. А грѣшный я человѣкъ! Каюсь, желалъ бы я знать Ваше мнѣніе на счетъ моего писанія; съ Вашимъ здравымъ и свободнымъ умомъ, съ Вашимъ тонкимъ и вѣрнымъ вкусомъ Вы бы мнѣ много сказали полезнаго.

Кстати, вообразите, я такъ-таки до сихъ поръ Де-Жерандо не прочелъ, а вожу его съ собою. Но я чувствую, что я когда-нибудь его прочту, и прочту съ пользой. Пока эта книжечка только и потому мнѣ мила, что напоминаетъ о Васъ.

Однако, я замѣчаю, что я Вамъ ничего не сказалъ о Парижѣ, о здѣшней жизни, о французахъ и т. д. Да я и не знаю, что сказать. Я замѣчаю одно обстоятельство: я ни одного француза не полюбилъ въ теченіе всей этой зимы, ни съ однимъ симпатически не сблизился; отъ того ли это произошло, что способность къ новой привязанности во мнѣ исчезаетъ, отъ того ли, что сами французы мнѣ кажутся холодны, мелки и плоски—не знаю! Но чего не полюбишь, того не поймешь; а чего не понялъ, о томъ не слѣдуетъ толковать; оттого я Вамъ о французахъ толковать не буду.

Пожалуйста поклонитесь отъ меня Вашему мужу и напишите мнѣ о немъ и о Вашемъ сынѣ, какъ онъ растетъ и чѣмъ становится. Поклонитесь также отъ меня г-жѣ Веригиной.

Что же касается до Васъ, то позвольте мнѣ дружески пожать Вашу руку и пожелать Вамъ всѣхъ возможныхъ благъ.

Адресъ мой: Rue de l'Arcade, № 11.

Еще разъ будьте здоровы и не забывайте

преданнаго Вамъ

Зинцигъ.
25/13 іюля 1857.

Я виноватъ передъ Вами, любезнѣйшая Графиня, но повинную голову мечъ не рубитъ; притомъ же не въ первый разъ приходится Вамъ прощать мнѣ мои проступки.

Давно бы слѣдовало мнѣ написать Вамъ, но я то разъѣзжалъ съ мѣста на мѣсто, то находился въ очень дурномъ расположеніи духа,—тутъ ужъ не до писемъ, особенно къ такимъ особамъ, въ которыхъ не желалъ бы поселить дурное мнѣніе о себѣ. Наконецъ, однако, совѣсть стала слишкомъ сильно угрызать меня,—и вотъ я пишу Вамъ изъ очень плохонькаго городишка на лѣвомъ берегу Рейна, недалеко отъ Кобленца, куда я пріѣхалъ три недѣли тому назадъ пить воды и лечиться. И вообразите себѣ, оказывается, что воды здѣшнія мнѣ вредятъ, и я дурно себя чувствую и долженъ отсюда ѣхать, куда—не знаю самъ. Впрочемъ, я Вамъ не стану говорить о моихъ недугахъ,—это очень невеселый предметъ. Перейду къ чему-нибудь другому.

Булонь.
26-го іюля (7-го августа).

Письмо мое къ Вамъ приходится продолжать уже въ Булони, куда я пріѣхалъ два дня тому назадъ для того, чтобы брать морскія ванны. На этотъ разъ я даю себѣ слово непремѣнно кончить и послать Вамъ это письмо.

Признаться, мнѣ почти нечего сказать Вамъ именно потому, что слишкомъ многое хотѣлъ бы сказать и разсказать Вамъ; отлагаю все это до нашего свиданія, которое вѣроятно произойдетъ въ октябрѣ, если вы объ эту пору будете въ Петербургѣ.

Да, Графиня, я рѣшился воротиться, и воротиться надолго. Довольно я скитался и велъ цыганскую жизнь. А потому примите мое теперешнее письмо какъ выраженіе моей благодарности за Вашу память обо мнѣ—и только.

Мысли бродятъ въ головѣ, какъ дымъ; слова не слушаются.

Хотя я почти пересталъ чувствовать себя сочинителемъ, однако я весьма порадовался Вашему одобренію, и не могу не сожалѣть о письмѣ, которое было мнѣ назначено и которое погибло.

Повторяю, обо всемъ этомъ и о многомъ другомъ мы поговоримъ обстоятельно въ Вашемъ маленькомъ кабинетѣ.—Не дождусь я этого времени.

Прошу поклониться отъ меня Вашему мужу; дружески жму Вашу руку и остаюсь

Душевно Вамъ преданный

Римъ.
3/15 ноября 1857.

Любезнѣйшая Графиня,

я считаю еще себя въ долгу у Васъ за Ваше большое и милое письмо, полученное мною въ апрѣлѣ мѣсяцѣ; потому что я не могу никакъ признать маленькую мою записку къ Вамъ за серьезный отвѣтъ. Я тогда располагалъ вернуться къ зимѣ въ Россію—и потому, надѣясь скоро свидѣться съ Вами, не считалъ нужнымъ распространяться на бумагѣ; но вмѣсто Петербурга я попалъ въ Римъ и раньше мая мѣсяца въ Россію не пріѣду. Отчасти это сдѣлалось случайно: одинъ мой хорошій пріятель отправлялся въ Римъ и пригласилъ меня съ собою; но была также и причина, почему я такъ скоро согласился.

Въ послѣднее время я, вслѣдствіе различныхъ обстоятельствъ, ничего не дѣлалъ и не могъ дѣлать; я почувствовалъ желаніе приняться за работу, а въ Петербургѣ это было бы невозможно; меня бы тамъ окружили пріятели, которыхъ бы я увидалъ съ истинной радостью, но которые помѣшали бы мнѣ (да я самъ бы себѣ помѣшалъ) уединиться; а безъ уединенія нѣтъ работы.

Римъ именно такой городъ, гдѣ легче всего быть одному. А захочешь оглянуться—не пустыя разсѣянья ожидаютъ тебя, а великіе слѣды великой жизни, которые не подавляютъ тебя чувствомъ твоей ничтожности передъ ними, какъ бы слѣдовало ожидать, а, напротивъ, поднимаютъ тебя и даютъ душѣ настроеніе нѣсколько печальное, но высокое и бодрое. Если я и въ Римѣ ничего не сдѣлаю,— останется только рукой махнуть.

Въ человѣческой жизни есть мгновенья перелома, мгновенья, въ которыя прошедшее умираетъ и зарождается нѣчто новое. Горе тому, кто не умѣетъ ихъ чувствовать, и либо упорно придерживается мертваго прошедшаго, либо до времени хочетъ вызвать къ жизни то, что еще не созрѣло. Часто я погрѣшалъ то нетерпѣньемъ, то упрямствомъ; хотѣлось бы мнѣ теперь быть поумнѣе.

Мнѣ скоро сорокъ лѣтъ; не только первая и вторая, третья молодость прошла, и пора мнѣ сдѣлаться если не дѣльнымъ человѣкомъ, то, по крайней мѣрѣ, человѣкомъ, знающимъ, куда

онъ идетъ и чего хочетъ достигнуть. Я ничѣмъ не могу быть, какъ только литераторомъ, но я до сихъ поръ былъ больше дилетантомъ. Этого впередъ не будетъ.

Пока я наслаждаюсь Римомъ и его прекрасными окрестностями. Погода стоитъ чудесная; почти не вѣришь глазамъ, встрѣчая въ ноябрѣ мѣсяцѣ только что распускающіяся розы. Но не столько поражаютъ меня эти необыкновенности, какъ вообще весь характеръ здѣшней природы. Такая ясная, кроткая и возвышенная красота разлита всюду!

Русскихъ здѣсь немного, по крайней мѣрѣ я знакомъ съ немногими. Да и Богъ съ ними! Изъ 50 заграничныхъ русскихъ лучше не знакомиться съ 49-ю. Всѣхъ ихъ втайнѣ съѣдаетъ скука, та особенная, заграничная скука русская, о которой я когда-нибудь напишу статейку.

Изъ здѣшнихъ художниковъ самый замѣчательный Ивановъ, и въ его картинѣ (которую онъ мнѣ показалъ подъ секретомъ) есть первоклассныя красоты.

А что дѣлается у насъ въ Россіи? Здѣсь ходятъ разные противорѣчащіе слухи. Если бъ не литература, я бы давно вернулся въ Россію; теперь каждому надобно быть на своемъ гнѣздѣ. Въ маѣ мѣсяцѣ я надѣюсь прибыть въ деревню и не выѣду оттуда, пока не устрою моихъ отношеній къ крестьянамъ. Будущей зимой, если Богъ дастъ, я буду землевладѣльцемъ, но уже не помѣщикомъ и не бариномъ.

Это письмо отнесетъ Вамъ Анненковъ. Познакомьтесь съ нимъ; Вы его полюбите. Онъ прекрасный, умный и милый человѣкъ.

Напишите мнѣ нѣсколько словъ (по-французски, разумѣется) о Васъ самихъ, о Вашемъ мужѣ и Вашемъ сынѣ. Все ли Вы живете на Фурштадтской, и что дѣлаетъ Ваша пріятельница m-me Veriguine? Очень бы я былъ Вамъ благодаренъ, еслибъ Вы мнѣ сказали слово о томъ, гдѣ вдова Еврейнова, и что дѣлаетъ его необыкновенная дочь Лидія?

Прощайте; желаю Вамъ всѣхъ возможныхъ благъ и крѣпко жму Вашу руку.

Мой адресъ: Rome, poste restante. Это вѣрнѣе всего.

Преданный Вамъ.

P. S. Пришлите мнѣ вашъ вѣрный адресъ.

Римъ..
22-го декабря 1857.
3-го января 1858.

Я только что собирался отвѣчать на Ваше письмо, любезнѣйшая Графиня, какъ вдругъ былъ обрадованъ присылкой другого Вашего письма, писаннаго болѣе году тому назадъ.

Спасибо Вамъ за мысль прислать мнѣ его. Я съ истиннымъ умиленіемъ прочелъ всѣ золотыя слова, которыми оно наполнено, и почувствовалъ, что многія изъ нихъ далеко и надолго залегли мнѣ въ душу.

Размышляя о моей прошедшей жизни, я не могу, несмотря на многія темныя пятна въ ней, не признать себя счастливымъ. Я, Богъ вѣдаетъ за какія заслуги, пользовался расположеніемъ двухъ, трехъ прекрасныхъ женскихъ душъ, и повѣрьте, не послѣднимъ счастьемъ моей жизни считаю я расположеніе Вашей ко мнѣ. Мнѣ пріятно думать, что и Вы убѣждены въ этомъ, и что Вы сами знаете, какъ дороги и близки Вы мнѣ стали.

Я долженъ Вамъ сказать одну мою странность: я цѣловалъ руку только у тѣхъ женщинъ, которыхъ я глубоко уважалъ и любилъ. Это Вамъ, разумѣется, все равно, но, читая Ваши письма, я у Васъ мысленно цѣловалъ руку, и когда я увижу Васъ, я попрошу у Васъ позволенія поцѣловать ее на дѣлѣ.

Я чувствую Ваше участіе въ моей судьбѣ и въ моей будущности, и я горжусь и счастливъ, и тронутъ этимъ участьемъ.

Человѣкъ, къ сожалѣнію, такъ устроенъ, что даже ясное пониманіе того, что онъ дѣлаетъ или намѣренъ дѣлать, не мѣшаетъ ему безпрестанно дѣлать самыя непростительныя ошибки. Ему надобно непремѣнно разбить себѣ голову объ стѣну, хоть онъ очень хорошо и прежде зналъ, что стѣна каменная и тверже его головы.

Я зналъ передъ моей поѣздкой за границу, передъ этой поѣздкой, которая такъ была для меня несчастлива, что мнѣ было бы лучше оставаться дома... И я все-таки поѣхалъ. Дѣло въ томъ, что судьба насъ всегда наказываетъ и такъ и немножко не такъ, какъ мы ожидали, и это «немножко» намъ служитъ настоящимъ урокомъ.

Отдохнувъ въ Римѣ, я вернусь въ Россію сильно потрясенный и побитый, но надѣюсь, по крайней мѣрѣ, что на этотъ разъ урокъ не пропадетъ даромъ.

На бумагѣ все это трудно изложить, но я предчувствую, что когда-нибудь, нынѣшней зимой, у насъ будетъ съ Вами большой разговоръ, въ которомъ я Вамъ многое выскажу и разскажу. Вы, я напередъ увѣренъ, будете мнѣ, какъ говорится, читать мораль, но изъ Вашихъ устъ мораль эта слушается съ удовольствіемъ и пользой, потому что въ ней чувствуется живая и, при всей строгости правилъ, свободная душа.

Я, кажется, просилъ Васъ сказать мнѣ свое мнѣніе о моей небольшой повѣсти подъ заглавіемъ: Ася, которая вѣроятно будетъ помѣщена въ 1-мъ № «Современника». Если бы издатели

отложили ее до другого номера, скажите Анненкову (я надѣюсь, что Вы, наконецъ, съ нимъ познакомились), чтобы онъ взялъ ее у нихъ и прочелъ бы ее Вамъ въ рукописи.

Я теперь занятъ другою, большою повѣстью, главное лицо которой, дѣвушка,—существо религіозное. Я былъ приведенъ къ этому лицу наблюденіями надъ русской жизнью. Не скрываю себѣ трудностей моей задачи, но не могу отклонить ее отъ себя. Эту повѣсть я надѣюсь прочесть Вамъ зимой. Я читаю дурно и неохотно, но Вамъ я прочту съ удовольствіемъ, потому что... по двумъ причинамъ: во-1-хъ, потому что я очень къ Вамъ привязанъ, а во-2-хъ, потому что Вы мнѣ можете сказать очень много дѣльнаго и полезнаго.

Я здѣсь въ Римѣ все это время много и часто думаю о Россіи. Что въ ней дѣлается теперь? Двинется ли этотъ Левіаѳанъ (подобно англійскому) и войдетъ ли въ волны, или застрянетъ на полпути? До сихъ поръ слухи приходятъ все довольно благопріятные; но затрудненій бездна, а охоты, въ сущности, мало. Лѣнивъ и неповоротливъ русскій человѣкъ, и не привыкъ ни самостоятельно мыслить, ни послѣдовательно дѣйствовать. Но нужда — великое слово! — подниметъ и этого медвѣдя изъ берлоги.

Не дождусь я мая... въ маѣ я вернусь къ себѣ въ деревню.

А между тѣмъ мнѣ здѣсь хорошо. Вы никогда здѣсь не были? Что за удивительный городъ! Вчера я болѣе часа бродилъ по развалинамъ Дворца Цезарей—и проникся весь какимъ-то эпическимъ чувствомъ. Эта безсмертная красота кругомъ и ничтожность всего земного и въ самой ничтожности величіе—что-то глубоко грустное и примиряющее и поднимающее душу... Этого словами передать нельзя, но, разъ ощутивъ, забыть, смѣшать, съ другимъ чувствомъ нельзя. Впечатлѣнія эти музыкальны и лучше всего могли бы передаться музыкой.

Напишите мнѣ слова два, или гораздо болѣе двухъ, о Васъ самихъ, о Вашемъ семействѣ, Вашемъ сынѣ.

Помните, вы были отъ чего недовольны мною, когда я съ Вами встрѣтился въ Лѣтнемъ саду; что это такое было?

Поклонитесь отъ меня Вашему мужу и m-me Vériguine; она Васъ любитъ, слѣдовательно и я ее люблю.

Будьте здоровы и не забывайте меня, а я все-таки на прощаньи цѣлую Вашу милую руку и остаюсь

Преданный Вамъ

P. S. Письмо это кончено наканунѣ нашего Новаго года, съ которымъ душевно Васъ поздравляю.

Если вы слышали о моемъ пріѣздѣ, любезнѣйшая Графиня, то вѣроятно пеняете на меня за то, что я до сихъ поръ у Васъ не былъ. По крайней мѣрѣ мнѣ очень бы хотѣлось думать, что Вы на меня пеняете. Но, во-первыхъ, я съ тѣхъ поръ, какъ пріѣхалъ, боленъ, сижу дома и раньше недѣли не выѣду; а во-вторыхъ, я только вчера узналъ, что Вы здѣсь. Я освѣдомлялся объ Васъ съ перваго дня моего пріѣзда, но мнѣ Анненковъ сказалъ, что Вы за границей.

Извѣстіе, что Вы здѣсь, меня очень обрадовало, и мнѣ моя болѣзнь показалась вдвое досаднѣй. Дайте мнѣ вѣсточку о себѣ, о всемъ Вашемъ семействѣ; а я, какъ только поправлюсь, тотчасъ отправлюсь въ деревянный домикъ на Фурштадтской, гдѣ я провелъ столько пріятныхъ часовъ.

Живу я въ Большой Конюшенной, въ домѣ Вебера.

Кланяюсь Вашему супругу, дружески жму Вамъ руку и остаюсь

Душевно Вамъ преданный.

Четвергъ.

Любезнѣйшая Графиня,

Я былъ все это время такъ «mismuthig», вслѣдствіе моей глупой болѣзни, что не имѣлъ духа писать къ Вамъ; и теперь берусь за перо только потому, что чувствую какъ будто маленькое облегченіе,—и докторъ начинаетъ обнадеживать меня, что я дней черезъ 10, *можетъ быть*, выѣду. Представьте, что я даже *шептать* не могу,—сейчасъ поднимается судорожный кашель.

А мнѣ такъ хотѣлось прочесть Вамъ мою новую повѣсть и услышать Ваше мнѣніе, прежде чѣмъ она пойдетъ въ печать; теперь придется ее отдать въ печать, не подвергнувъ ее Вашему суду. По крайней мѣрѣ я надѣюсь быть въ состояніи привезти Вамъ корректурные листы (понимаете ли Вы, что это значитъ?) и, въ случаѣ надобности, сдѣлаю перемѣны.

Анненковъ за меня (такъ какъ у меня нѣтъ голоса) прочелъ мою повѣсть моимъ литературнымъ собратьямъ; они остались вообще довольны. Но я хотѣлъ бы услышать судъ не литератора, именно Вашъ судъ. Что дѣлать! По крайней мѣрѣ мнѣ хочется доказать Вамъ, что у меня въ доброй волѣ недостатку не было.

Я надѣюсь, что Вы и всѣ Ваши здоровы: пожалуйста, не будьте больны: хуже этого еще никто ничего не выдумалъ. Кланяюсь Вамъ и Вашему мужу дружески и говорю Вамъ—до свиданія прежде Новаго года.

Преданный Вамъ.

Понедѣльникъ вечеромъ.

III.

Въ послѣднемъ письмѣ изъ Рима отъ 22 декабря 1857 года Тургеневъ сообщилъ графинѣ, что онъ «занятъ другою, большою повѣстью, главное лицо которой,—дѣвушка,—существо религіозное». Трудность задачи не останавливала писателя, и онъ собирался, меньше чѣмъ черезъ годъ, прочесть ее графинѣ съ тѣмъ, чтобы выслушать отъ нея «очень много дѣльнаго и полезнаго». Черезъ годъ, вернувшись въ Петербургъ и захворавъ въ немъ, Тургеневъ уже потерялъ надежду прочесть повѣсть свою, новую, графинѣ и еще до печати выслушать ея судъ и ея мнѣніе. По крайней мѣрѣ онъ еще надѣялся въ корректурѣ прочесть ее, и все-таки произвести, по указанію графини, перемѣны въ ней, въ случаѣ надобности. Эта новая «повѣсть» Тургенева было «Дворянское Гнѣздо», романъ, напечатанный въ первой книгѣ «Современника» за 1859 годъ и въ этомъ же году вышедшій отдѣльнымъ изданіемъ.

Послѣднія два письма писаны Тургеневымъ уже по возвращеніи изъ-за границы въ Петербургъ, гдѣ Тургеневъ захворалъ своею странною и тяжелою болѣзнью, и гдѣ онъ устроилъ печатаніе своего новаго романа.

Тургеневъ въ это время былъ въ расцвѣтѣ своего литературнаго дарованія и вскорѣ приступилъ къ созданію «новой повѣсти». Онъ очень чутко прислушался къ движеніямъ русской жизни и мѣтко усвоилъ ея современныя особенности. Еще изъ Рима онъ спрашивалъ графиню: «А что дѣлается у насъ въ Россіи?» Тургеневъ ясно сознавалъ возможность назрѣвавшихъ событій въ Россіи и готовился къ перемѣнѣ въ положеніи своихъ крѣпостныхъ. Что ожидало Россію послѣ этихъ реформъ? Тургеневъ какъ-то неувѣренно писалъ о движеніи Левіаоана... А между тѣмъ, проведя только весну въ Россіи, онъ уже почувствовалъ въ ней новыя вѣянія и собрался запечатлѣть ихъ въ новой своей повѣсти «Наканунѣ». Сообщая графинѣ о началѣ своей работы, Тургеневъ изложилъ и самый процессъ ея и вліяніе ея на писателя. Въ письмѣ изъ Спасскаго отъ 27 марта 1859 года онъ говоритъ:

«Я теперь занятъ составленіемъ плана и т. д. для новой повѣсти: это работа довольно утомительная, тѣмъ болѣе, что она никакихъ *видимыхъ* слѣдовъ не оставляетъ: лежишь себѣ на диванѣ, или ходишь по комнатѣ, да перевсрачиваешь въ головѣ какой-нибудь характеръ или положеніе,—смотришь: часа три, четыре прошло, а кажется немного впередъ подвинулся. Соб-

ственно говоря, въ нашемъ ремеслѣ удовольствій довольно мало. Да оно такъ и слѣдуетъ: всѣ, даже артисты, даже богатые, должны жить въ потѣ лица... А у кого лицо не потѣетъ, тѣмъ хуже для него: у него сердце либо болитъ, либо засыхаетъ».

Вспоминая объ успѣхѣ своего романа «Дворянское Гнѣздо», Тургеневъ былъ радъ, что не поддался тщеславнымъ чувствамъ. «Я очень радъ», писалъ онъ въ томъ же письмѣ, «что я не поддался желанію пользоваться успѣхомъ моего романа и не выѣзжалъ направо и налѣво: кромѣ усталости да, можетъ быть, грѣшнаго удовлетворенія мелкаго и дрянного чувства тщеславія—ничего бы мнѣ это не дало. Я убѣдился, что всякій человѣкъ долженъ обращаться самъ съ собою строго и даже грубо, недовѣрчиво. Трудно укротить звѣря въ себѣ. Случается, не поддашься грубой, глупой лести и думаешь: какой я молодецъ! А поднеси тебѣ ту же лесть, да поискуснѣе приправленную, и сталъ бы ее глотать, какъ устрицы».

Между тѣмъ работа надъ новой повѣстью «Наканунѣ» продолжалась даже и за границей, куда уѣхалъ Тургеневъ на лѣто 1859 года. Самый ходъ его работы, задачи ея и свое собственное душевное состояніе онъ подробно описалъ въ своихъ письмахъ изъ-за границы. 12 іюля 1859 года изъ Виши онъ писалъ, между прочимъ:

Я часто думаю объ Васъ и чувствую, что глубоко и искренно къ Вамъ привязанъ. Я нахожусь теперь въ томъ полувдохновенномъ, полугрустномъ настроеніи, которое всегда находитъ на меня передъ работой. Но если бы я былъ помоложе, я бы бросилъ всякую работу и поѣхалъ бы въ Италію—подышать этимъ теперь вдвойнѣ благодатнымъ воздухомъ. Стало быть, есть еще на землѣ энтузіазмъ? Люди умѣютъ жертвовать собою, могутъ радоваться, безумствовать, надѣяться? Хоть посмотрѣлъ бы на это,—какъ это дѣлается? Но теперь я уже отяжелѣлъ, лѣнь выскакивать изъ проложенной колеи, по которой со скрыпомъ и не безъ толчковъ, а все-таки катится «Телѣга жизни». Все, что осталось у меня жару, ушло въ сочинительскую способность. Все остальное холодно и неподвижно.

Я часто видѣлся въ Парижѣ съ моею дочерью и не разъ мечталъ о томъ, какъ бы я Вамъ ее показалъ. И не то, чтобы я воображалъ, что есть чѣмъ похвастаться: нѣтъ, въ ней нѣтъ ничего необыкновеннаго. Есть кое-какіе, довольно важные недостатки, но она очень чистое и честное созданіе. Она будетъ хорошей женой. Какъ это сдѣлалось,—не знаю. Воспитаніе она получила

пансіонское, французское, то-есть, прескверное. Такая уже, видно, кровь. Я не хочу этимъ сказать, что она въ меня вышла; напротивъ, этихъ-то качествъ именно и нѣтъ у меня. Я хотѣлъ сказать, что она, видно, такъ родилась. Но объясненіе напоминаетъ Мольеровское: c'est pourquoi votre fille est muette,— но почти всѣ объясненія таковы. Словомъ, я доволенъ моей дочкой и очень радъ тому, что доволенъ. Она осенью выходитъ изъ пансіона. Я ее на зиму поселю въ хорошемъ домѣ, у почтеннаго семейства. Можетъ быть, мы съ нею, передъ возвращеніемъ моимъ въ Россію, сдѣлаемъ вдвоемъ маленькое путешествіе по Рейну.—А въ Россію я возвращусь непремѣнно къ сентябрю.

Я встрѣтилъ въ Парижѣ гр. Карла Ламберта. Онъ первый сообщилъ мнѣ о Вашей поѣздкѣ въ Гапсаль. Онъ почти не хромаетъ теперь.

Пожалуйста, поклонитесь Вашему милому и доброму мужу и всѣмъ хорошимъ петербургскимъ знакомымъ.

Я Вамъ ничего не сказалъ о Виши: это довольно грязный французскій городишко, безъ тѣни и безъ хорошихъ прогулокъ; только и есть въ немъ хорошаго, что нѣсколько липовыхъ аллей, которыя теперь въ полномъ цвѣту... Этотъ сладкій запахъ напоминаетъ мнѣ родину, но нѣтъ здѣсь ея необозримыхъ полей, полыни по межамъ, прудовъ съ ракитами и т. д.

Что ни говорите, человѣкъ гораздо больше растеніе, растеніе съ *корнемъ*, чѣмъ онъ самъ предполагаетъ.

Еще разъ и долго и крѣпко цѣлую Вашу руку и прошу ее, эту руку, написать мнѣ въ Парижъ, poste restante. Я здѣсь остаюсь всего 3 недѣли.

Будьте здоровы, это главное.

Вашъ

Любезная Графиня, Вы пишите такія милыя письма, что человѣку самолюбивому отвѣчать Вамъ было бы трудно. Но мнѣ легко не потому, чтобы во мнѣ не было самолюбія, а потому что Вамъ я не стараюсь показываться съ лицевой стороны. Мы хотя недавно знакомы, но уже много перечувствовали и передумали вмѣстѣ и, я смѣю думать, привязались другъ къ другу не въ силу нашихъ надеждъ, а въ силу воспоминаній и общихъ жизненныхъ опытовъ; слѣдовательно, намъ можно отложить въ сторону всякую суету и быть другъ съ другомъ такими, какими насъ Богъ создалъ.

Я очень радъ тому, что Вы прямо высказываете мнѣ все, что у Васъ на душѣ; мнѣ только жаль Васъ, когда у Васъ на душѣ темно, и хотѣлось бы быть съ Вами, чтобы помочь Вамъ немножко и разсѣять этотъ мракъ. Надѣюсь, что пребываніе Ваше на берегу

моря будетъ Вамъ полезно, и съ радостью думаю о тѣхъ вечерахъ, которые буду проводить нынѣшнею зимой, въ Вашей милой комнатѣ. Посмотрите, какъ мы будемъ хорошо вести себя, тихо, спокойно, какъ дѣти на Страстной недѣлѣ!—За себя я отвѣчаю.

Вы, можетъ быть, найдете эту послѣднюю фразу дерзкой; но я хотѣлъ только сказать, что Вы моложе меня.

Я пишу Вамъ изъ замка (château) г-жи Віардо; имя ему: Courtavenel. Онъ находится верстахъ въ пятидесяти отъ Парижа. Я недавно возвратился изъ Виши, гдѣ съ большимъ успѣхомъ пилъ воды. Здоровье мое хорошо; но душа моя грустна. Кругомъ меня правильная семейная жизнь... Для чего я тутъ и зачѣмъ, уже отходя прочь ото всего мнѣ дорогаго, зачѣмъ обращать взоры назадъ? Вы поймете легко и что я хочу сказать, и мое положеніе.

Впрочемъ, тревоги во мнѣ нѣтъ. Говорятъ, человѣкъ нѣсколько разъ умираетъ передъ своей смертью... Я знаю, что во мнѣ умерло; для чего же стоять и глядѣть на закрытый гробъ? Не чувство во мнѣ умерло, нѣтъ..., но возможность его осуществленія. Я гляжу на *свое* счастье, какъ я гляжу на *свою* молодость, на молодость и счастье другого: я здѣсь, а все это тамъ; и между этимъ *здѣсь* и этимъ *тамъ*—бездна, которую не наполнитъ ничто и никогда въ цѣлую вѣчность. Остается одно: держаться пока на волнахъ жизни и думать о пристани, да отыскавъ товарища дорогаго и милаго, какъ Вы, товарища по чувствамъ, по мыслямъ, и главное—по *положенію* (мы оба съ Вами уже немного ждемъ для себя), крѣпко держать его руку и плыть вмѣстѣ, пока...

Вотъ Вамъ исповѣдь человѣка, который не «Сирена», увы! не «тигръ» и не «бѣлый медвѣдь», а просто старикъ, который еще не разучился любить и очень Васъ любитъ.

Я довольно много видѣлъ мою дочь въ послѣднее время и узналъ ее. При большомъ сходствѣ со мною, она—натура совершенно различная отъ меня. Художественнаго начала въ ней и слѣда нѣтъ. Она очень положительна, одарена характеромъ, спокойствіемъ, здравымъ смысломъ: она будетъ хорошая жена, добрая мать семейства, превосходная хозяйка. Романтическое, мечтательное все ей чуждо. У ней много прозорливости и безмолвной наблюдательности. Она будетъ женщина съ правилами и религіозная... Она, вѣроятно, будетъ счастлива. Я былъ съ ней въ нашей церкви и познакомилъ ее съ Русскимъ священникомъ, который даетъ ей уроки и очень ею доволенъ. Она меня любитъ страстно, но она будетъ любить немногихъ. Приведется ли ей узнать Васъ?

Я теперь занятъ большою повѣстью, въ которую намѣренъ

положить все, что у меня еще осталось въ душѣ... Богъ знаетъ, удастся ли? Я безпрестанно вожусь съ моими лицами, даже во снѣ ихъ вижу. Если я буду доволенъ своей работой,—посвящу ее Вамъ.

Ну, прощайте, пока. Будьте здоровы,—это главное.

Поклонитесь Вашему мужу и всѣмъ петербургскимъ пріятелямъ, не забывая г-жи Веригиной. Напишите мнѣ по слѣдующему адресу: Au château de Courtavenel, près de Rozoy en Brie (Seine et Marne).

Цѣлую Ваши руки и остаюсь

Любящій Васъ.

Беллфонтенъ
(близъ Фонтенебло).
23-го іюля
4-го августа 1859.

Я четвертаго дня получилъ Ваше письмо отъ 26-го Іюня, любезная Графиня. Оно дней двадцать пролежало на почтѣ. Я боюсь, какъ бы отвѣтъ мой не засталъ Васъ болѣе въ Гапсалѣ. Но я надѣюсь, что Вы, уѣзжая оттуда, распорядитесь высылкой къ Вамъ писемъ.

Я въ послѣдній разъ писалъ къ Вамъ изъ имѣнія г-жи Віардо, гдѣ я провелъ двѣ недѣли и куда я думаю возвратиться дней черезъ восемь. А теперь я нахожусь въ гостяхъ у княгини Трубецкой (матери княгини Орловой), очень доброй и милой, хотя нѣсколько эксцентрической женщины. У меня отдѣльная комнатка въ отдѣльномъ флигелѣ, и я много работаю надъ новымъ моимъ романомъ.

Эга работа отвлекаетъ мои мысли ото всего другого и придаетъ имъ что-то плоское и безжизненное, которое вѣроятно отразится въ этомъ письмѣ.

А между тѣмъ я бы такъ желалъ именно теперь владѣть всѣми своими способностями, чтобы отвѣчать Вамъ на Ваше милое, слишкомъ милое письмо. Какъ можно говорить человѣку такія лестныя вещи, и говорить ихъ такъ умно и красиво, что онъ, хотя краснѣлъ отъ незаслуженныхъ похвалъ, не можетъ не любоваться ихъ выраженіемъ? Пожалуйста, не балуйте меня слишкомъ, а то Вы будете виноваты, если я стану тщеславнымъ. Кромѣ того, увѣряю Васъ, самыя тонкія похвалы все-таки не стоютъ въ моихъ глазахъ Вашей доброй дружбы и расположенія, которыми я дорожу больше всего на свѣтѣ и за которыя я съ нѣжной благодарностью сто разъ сразу цѣлую Ваши прекрасныя руки.

Мнѣ очень пріятно видѣть изъ Вашего письма, что настроеніе Вашей души спокойнѣе и свѣтлѣй. Жизнь—не что иное какъ

болѣзнь, которая то усиливается, то ослабѣваетъ: надобно умѣть переносить ея припадки,—и Вы въ этомъ дѣлѣ мастерица. Разница этой болѣзни отъ другихъ состоитъ въ томъ, что лучшій для нея врачъ—другой больной, т.-е., другой живущій, въ особенности другъ. Мы часто въ нашей комнаткѣ на Фурштадтской помогали своимъ неудачамъ.

Мысль объ этой комнаткѣ всегда представляется мнѣ, когда мнѣ тяжело.

Гдѣ Вы будете около 10-го Сентября стараго стиля? Я проѣду тогда черезъ Петербургъ въ деревню и пробуду тамъ до 15-го Ноября. Вы можете продолжать писать мнѣ въ Парижъ, poste restante, я теперь буду чаще туда навѣдываться. А выѣзжаю я отсюда 3/15-го Сентября.

Не хочется мнѣ отсылать письмо съ четвертымъ бѣлымъ листомъ, да пора отсылать на почту.

Еща разъ крѣпко и дружески цѣлую Вашу руку, кланяюсь Вашему мужу и всѣмъ петербургскимъ друзьямъ.

Если у меня не будетъ опять болѣть горло, какъ въ прошломъ году, я прежде всѣхъ другихъ прочту Вамъ мой романъ въ Петербургѣ.

До свиданья.

Вашъ.

Вернувшись осенью того же 1859 года въ Спасское, Тургеневъ продолжалъ трудиться надъ своею повѣстью и 3-го Октября писалъ графинѣ: «Я только со вчерашняго дня присѣлъ за работу, за окончаніе моего романа». 9-го Октября Тургеневъ сообщалъ ей: «Я теперь работаю весьма прилежно надъ моей новой повѣстью, которая, если Вы найдете ее хорошей, разумѣется, будетъ посвящена Вамъ. Самъ я теперь о ней судить не могу: находясь въ дыму сраженія, не знаешь, побѣдилъ ли ты, или разбитъ. Я явлюсь къ Вамъ съ рукописью подъ мышкой около 15-го Ноября, если Богъ дастъ». И еще разъ, 14-го Октября, Тургеневъ писалъ графинѣ о своей болѣзни, которая держала его въ домѣ, въ Спасскомъ, и замѣчалъ, что это не мѣшаетъ его работѣ: «Я сижу здѣсь какъ ракъ на мели, носу не показываю изъ комнаты, не могу говорить, кашляю, но работаю усердно». Наконецъ 28 Октября Тургеневъ сообщалъ: «Моя повѣсть кончена. Надо бы ее переписать, а тутъ новое затрудненіе: когда я наклоняюсь къ столу, чтобы писать, у меня поднимается судорожный кашель»[1]).

---

[1]) Днемъ окончанія повѣсти было 25-е число октября, какъ помѣтилъ самъ Тургеневъ на черновой тетради повѣсти. См. Н. М. Гутьяръ, loc. cit., 40 стр.

Пріѣхавъ въ концѣ Ноября мѣсяца въ Петербургъ, Тургеневъ опять расхворался и никакъ не могъ пріѣхать къ графинѣ и лично передать ей свою повѣсть для прочтенія. Вынужденный сидѣть въ комнатѣ, онъ рѣшился послать графинѣ свою повѣсть и писалъ ей: «Я никакъ не могу самъ Вамъ читать мою вещь,—состояніе моего голоса мнѣ этого не позволяетъ,—а я Вамъ съ симъ письмомъ посылаю ее, если Вы только разберете мой почеркъ. Прошу Васъ дѣлать на поляхъ критическія замѣчанья карандашомъ. Вы знаете, что моя повѣсть Вамъ посвящена, но я не хотѣлъ написать это посвященіе, пока Вы ея сами не прочтете, особенно 28-ую главу».

Это посвященіе повѣсти графинѣ вызывалось тѣми чувствами, которыя онъ питалъ къ ней и о которыхъ откровенно писалъ ей еще 3-го октября 1859 года: «Я только два существа на свѣтѣ люблю больше Васъ: одно, потому что она моя дочь,—другое, потому... Вы знаете, почему».

Когда затѣмъ въ Февралѣ 1860 года Тургеневъ въ Москвѣ выпускалъ въ свѣтъ «Наканунѣ», онъ 5-го числа писалъ изъ Москвы графинѣ:

«Совѣстно писать на такомъ клочкѣ, милая Графиня, а другого нѣтъ. Впрочемъ, мнѣ хочется сказать Вамъ только два слова и поблагодарить не за письмо (это само собою разумѣется), а за то, что Вы три раза мнѣ написали, не получивши отъ меня ни строчки. Это очень мило съ Вашей стороны, и Вы очень добры. Если бъ Вы знали, какъ мнѣ хочется поскорѣй назадъ въ Петербургъ! Сижу я здѣсь, никуда не выхожу, приходятъ ко мнѣ разные пріятели, курятъ, толкуютъ, спорятъ,—я имъ радъ, а въ душѣ тайное желаніе уѣхать отъ нихъ. Впрочемъ тутъ есть два, три человѣка прелестныхъ (Фетъ, Борисовъ, гр. Н. Н. Толстой и мой хозяинъ Масловъ). Когда я вернусь и буду сидѣть въ Вашей комнаткѣ, заставьте меня описать ихъ Вамъ, очертить ихъ характеры.

«Но съ Москвой у меня рѣшительно несчастье: не удается мнѣ сблизиться съ нею. Вотъ и теперь: замѣтилъ я двѣ, три женскія личности (это одно собственно и интересно), хотѣлъ узнать, въ чемъ дѣло... Является простуда, кашель, и я кисну за стеклами двойными, какъ дряхлый старецъ. Остается дополнять фантазіей едва уловленныя черты: но фантазія, при всемъ своемъ кажущемся разнообразіи и богатствѣ, и бѣднѣе и однообразнѣе жизни, т.-е., не такъ оригинальна.

«Ничего не можетъ быть ненужнѣе, а потому досаднѣе неконченнаго этюда. Я увѣренъ, что въ эту минуту Вы думаете: «все

для него только сюжетъ этюда». Но не забывайте, пожалуйста, что Вы сами назвали себя моимъ *другомъ*, и что я Васъ *люблю*. Это не мѣшаетъ мнѣ изучать и Васъ, но это изученіе совсѣмъ другаго рода дѣло.

«А можетъ быть, Вы вовсе не имѣли бы этой мысли, а я забѣжалъ зайцемъ впередъ, и qui s'excuse, s'accuse. Но ужъ какъ бы тамъ ни было, я Васъ люблю, и съ этими тремя словами я не боюсь никого, ни собственныхъ наблюденій, ни чужихъ недоразумѣній, ни себя, ни Васъ».

Эти чувства нисколько не слабѣли отъ того, что графинѣ вовсе не понравилась повѣсть «Накануне». Тургеневъ еще не успѣлъ выѣхать изъ Петербурга, послѣ выхода въ свѣтъ повѣсти, а уже долженъ былъ признать прозорливость графини. «Ваши предсказанія, писалъ онъ ей, оправдались, и мое «Накануне» почти никому не нравится».

IV.

Вскорѣ Тургеневъ задумалъ написать «довольно большую вещь», именно, «Отцы и дѣти». Это было уже за границей, и именно въ Куртавнелѣ, куда онъ пріѣхалъ въ концѣ Сентября 1860 года.

Работа шла не быстро, да и вдохновеніе какъ-то не приходило. Къ тому же ожиданіе великой реформы 19 Февраля 1861 года вносило свою долю разсѣянія и отвлекало мысль въ иную область. Тургеневъ былъ занятъ Обществомъ грамотности и предложеніемъ барона Мейендорфа о томъ, чтобы писатели сочиняли произведенія литературныя для народа.

Въ личной жизни Тургенева много заботъ вызывало положеніе его дочери, которую онъ хотѣлъ выдать замужъ.

И несмотря на все это, работа подвигалась, и если не въ теченіе зимы, то все же вскорѣ послѣ назначеннаго имъ себѣ срока, именно въ Іюлѣ 1861 года, Тургеневъ окончилъ свой новый романъ. Еще 19 Мая 1861 года онъ писалъ графинѣ:

«Я принялся за свою работу, и она подвигается». Почти черезъ мѣсяцъ, 15-го Іюня, онъ писалъ: «Я поѣду черезъ Петербургъ въ самомъ началѣ Сентября или даже въ концѣ Августа, увижу Васъ непремѣнно и вѣроятно прочту Вамъ или дамъ прочесть мое новое произведеніе, которое приближается къ концу. Теперь я самъ никакого сужденія о немъ не могу имѣть: я знаю, что я хочу сказать: но я рѣшительно не знаю, сколько мнѣ удалось высказать... Авторъ никогда не знаетъ въ то время, какъ онъ показываетъ свои китайскія тѣни, горитъ ли, погасла ли свѣчка въ его фонарѣ.

Самъ-то онъ видитъ свои фигуры, а другимъ можетъ быть представляется одна черная стѣна».

8-го Іюля Тургеневъ сообщалъ: «Теперь я намѣренъ просидѣть безвыѣздно двѣ недѣли въ Спасскомъ, въ продолженіе которыхъ я надѣюсь окончить свой романъ». Потомъ, 19-го Іюля, работа еще продолжалась.

Въ письмѣ отъ этого числа Тургеневъ писалъ: «Романъ приближается къ концу, главные всѣ узлы уже распутаны, и я надѣюсь, недѣли черезъ двѣ, вкусить единственную отраду литературной жизни, т.-е., написать послѣднюю строчку. Не могу Вамъ, при всемъ желаніи сказать, какое мое собственное мнѣніе о немъ. Знаю только, что онъ мнѣ стоилъ больше труда, чѣмъ все, что я написалъ доселѣ. Но вѣдь это не ручательство въ томъ, удался ли онъ мнѣ. Это только доказательство, что я взялся за трудную задачу. Въ Петербургѣ я Вамъ дамъ рукопись прочесть и буду ждать Вашего суда, который, до сихъ поръ, рѣдко ошибался. Я выѣду отсюда черезъ мѣсяцъ».

Наконецъ, 6-го Августа Тургеневъ писалъ: «я на дняхъ кончилъ мою повѣсть и теперь занятъ окончаніемъ переписки. Она, вмѣстѣ со мною, предстанетъ на Вашъ судъ недѣли черезъ три, никакъ не позже».

За этимъ внѣшнимъ ходомъ работы шли разнообразныя переживанія въ душѣ Тургенева, о которыхъ онъ подробно писалъ графинѣ, и письма его за это время, отъ 3-го Октября новаго стиля 1860 года до 19-го Апрѣля 1861 года представляютъ глубокій интересъ для его біографіи и потому печатаются далѣе цѣликомъ:

Куртавнель.
3-го окт. нов. ст. 1860.

И вотъ я опять пишу къ Вамъ въ Петербургъ, милая Графиня, и Вы будете читать это письмо въ Вашей маленькой комнаткѣ, гдѣ, увы! меня не будетъ въ теченіе нынѣшней зимы! Вмѣсто Петербурга, я буду жить въ Парижѣ, и невесело представляется мнѣ это житье. Парижанъ я терпѣть не могу, между мною и моей дочерью (въ этомъ надобно сознаться, хотя она прекрасная дѣвушка) слишкомъ мало общаго, а надъ другими, Вамъ извѣстными отношеніями, легъ какой-то печальный туманъ.

Впрочемъ, нечего жаловаться и хныкать: жизнь въ *свое* удовольствіе давно кончилась для меня, и надо теперь пріучаться къ *настоящему* жертвованію собою, не къ тому, о которомъ мы такъ много говоримъ въ молодости и которое представляется намъ въ образѣ любви, то-есть, все-таки наслажденія, а къ тому,

которое ничего не даетъ личности, кромѣ развѣ чувства исполненнаго долга, и замѣтьте,—чувства сухого и холоднаго, безо всякой примѣси восторженности или увлеченія.

Вамъ все это знакомо: мы одного поля ягоды,—и я Вамъ это говорю для подкрѣпленія себя и Васъ въ этихъ мысляхъ.

Я мало доволенъ нашимъ послѣднимъ свиданіемъ въ Парижѣ. Вы были постоянно заняты какою-то тяжелой заботой (préoccupation). Я чувствовалъ себя холоднымъ и вялымъ. Да и мы очень мало видѣлись.

Иногда Васъ письма облегчаютъ; напишите мнѣ, что у Васъ теперь на душѣ: мнѣ нечего Вамъ говорить, съ какимъ теплымъ и дружескимъ чувствомъ я принимаю все, что отъ Васъ исходитъ.

Кстати, я нанялъ себѣ квартиру, rue Rivoli, 210,—пишите туда, — квартира довольно порядочная, высока немножко, зато у меня будетъ уединенный кабинетъ для работы. Я, вѣроятно, буду много сидѣть дома. Я затѣялъ довольно большую вещь и очень былъ бы радъ, еслибы мнѣ удалось написать ее въ теченіе зимы.

Я хочу пояснить Вамъ, почему именно между моей дочерью и мною мало общаго: она не любитъ ни музыки, ни поэзіи, ни природы, ни собакъ, а я только это и люблю. Съ этой точки зрѣнія мнѣ и тяжело жить во Франціи, гдѣ поэзія мелка и мизерна, природа положительно некрасива, музыка сбивается на водевиль или каламбуръ, а охота отвратительна. Собственно для моей дочери это все очень хорошо, и она замѣняетъ недостающее ей другими, болѣе положительными и полезными качествами; но для меня она—между нами—тотъ же Инсаровъ. Я ее уважаю, а это мало.

Пожалуйста, не забудьте похлопотать или замолвить слово, гдѣ возможно, о нашемъ проектѣ. Анненковъ Вамъ доставитъ тщательно переписанный экземпляръ.

Я опять получилъ письмо отъ моего знакомаго, Н. Р. Цебрикова, о которомъ я просилъ Васъ и котораго рекомендовалъ какъ отлично-честнаго и дѣятельнаго человѣка для управленія имѣніемъ; онъ все еще не нашелъ мѣста (а ищетъ онъ мѣсто въ 1200 р. сер.). При случаѣ, не забудьте и его, а я за него отвѣчаю. Адресъ его: на углу Гороховой и Большой Мѣщанской улицъ, въ домѣ Оссова, на квартирѣ Кильгаста, № 13.

Будьте здоровы, милая Графиня, и не падайте духомъ,—это главное. Поклонитесь отъ меня всѣмъ Вашимъ, а я Вамъ крѣпко, крѣпко жму руку.

Преданный Вамъ.

Парижъ.
12-го нояб. 1860.
31-го окт.

Давно мнѣ слѣдовало написать Вамъ, милая Графиня, въ отвѣтъ на Ваши два письма... Но у меня было какъ-то сухо и пусто на сердцѣ и опи уходили съ безсмысленной быстротой.

Прежде всего благодарю Васъ за память обо мнѣ и ласковое слово. Намъ обоимъ не совсѣмъ легко жить на свѣтѣ, и потому между нами есть особеннаго рода симпатія, не говоря уже о той, которая происходитъ отъ сходства вкусовъ и т. д. Кажется, какимъ образомъ можетъ помочь больной больному? А выходитъ на дѣлѣ, что его помощь и ближе и вѣрнѣе.

Впрочемъ, я слишкомъ роптать на мое теперешнее положеніе не намѣренъ. Все довольно ясно и хорошо; все какъ слѣдуетъ быть въ жизни человѣка, къ которому уже приближается старость. Я начинаю привыкать къ житію домомъ и дома. Между моей дочерью и мною нѣтъ никакихъ недоразумѣній, но, по-прежнему, слишкомъ мало общаго. Съ этимъ надобно помириться, и все-таки я виноватъ, если вглядѣться попристальнѣе.

Къ работѣ моей я, пока, приступаю довольно вяло. Въ головѣ всѣ матеріалы готовы, но еще не вспыхнула та искра, отъ которой понемножку все должно загорѣться. Задачу я себѣ задалъ трудную и болѣе обширную, чѣмъ бы слѣдовало по моимъ силамъ, которыя не созданы на большія дѣла. Буду стараться елико возможно.

Вы хотѣли прислать мнѣ повѣсть г-жи Вороновой, и напрасно этого не сдѣлали, потому что любопытство мое возбуждено сильно: понравиться Вамъ, тронуть Васъ не такъ легко (я говорю, разумѣется, о литературномъ произведеніи), и вкусъ Вашъ почти безошибоченъ. Я никогда не прочелъ ни одной строки произведеній г-жи Вороновой, и слышалъ о ней съ довольно невыгодной стороны, что, впрочемъ, и Вы успѣли замѣтить; но это все ничего не доказываетъ. Всякая жизнь, правдиво и горячо схваченная, можетъ издать изъ себя ту истину, которая положена ей въ основаніе. Въ этомъ-то и состоитъ такъ называемая идеализація художества,—а въ художествѣ случайностей и безобразія нѣтъ. А потому, опять-таки прошу о повѣсти г-жи Вороновой, да кстати напишите мнѣ Ваше мнѣніе о «Гайкѣ» г-жи Кохановской, повѣсти, появившейся въ одномъ изъ нумеровъ «Русскаго Слова».

Я Вамъ все пишу о литературныхъ дѣлахъ, а, можетъ быть, Вамъ теперь не до литературы. Пожалуйста, напишите мнѣ слова два, какія бы ни были думы у Васъ на душѣ. Мнѣ непремѣнно нужно хотя два раза въ мѣсяцъ увидать Вашъ симпатическій,

правильный почеркъ. (Замѣтьте, я говорю: правильный, а не спокойный,—а у Васъ душа правильная, но не спокойная). Пожалуйста, напишите мнѣ о своемъ здоровьѣ, объ сынѣ, обо всемъ, что касается до Васъ, такъ, чтобы я могъ перенестись въ любезный сердцу моему домикъ на Фурштадтской улицѣ.

Мое здоровье не дурно, хотя зудъ въ горлѣ и кашель на открытомъ воздухѣ опять появились.

Прощайте, желаю Вамъ всего хорошаго на свѣтѣ, а это все хорошее заключается въ одномъ словѣ: спокойствіе.

Крѣпко, крѣпко жму Вашу руку и остаюсь навсегда преданный Вамъ.

Парижъ.
10-го декаб. 1860.
28-го нояб.

Прежде чѣмъ отвѣчать на Ваши два большія и прелестныя письма, милая Графиня, позвольте попенять Вамъ (хотя это слово отзывается неблагодарностью) за слѣдующую фразу въ Вашемъ письмѣ: «Vous voulez de mon ecriture 2 fois par semaine, ma distraction a été cause que voici 2 lettres trop prés l'une de l'autre». Какъ—будто вы не знаете, что я былъ бы счастливъ, получая отъ Васъ по два письма въ день, и что мое предложеніе было единственно внушено желаніемъ быть скромнымъ и не утруждать Васъ слишкомъ! Вы иногда вычитываете между строками то, что въ нихъ не подразумѣвалось, точно также какъ Вы напрасно заподозрили ироническую улыбку на лицѣ книгопродавца Давыдова: говорятъ—Демидовъ и Демидовскій переулокъ, какъ угодно. А улыбка на лицѣ *образованнаго* купца показываетъ только его галантерейность.

Я радъ, что Анненковъ наконецъ посѣтилъ Васъ, хотя я боюсь, что изъ этого ничего не выйдетъ. Онъ робокъ, мало жилъ въ женскомъ обществѣ, плохо говоритъ по-французски, лишенъ самоувѣренности и блеска: онъ Васъ полюбитъ, будетъ уважать Васъ и не будетъ ходить къ Вамъ. Очень былъ бы я радъ, если бъ мое предсказаніе не сбылось: онъ отличный человѣкъ.

А вотъ Григоровичъ, съ которымъ Вы познакомились и который, кажется, произвелъ на Васъ впечатлѣніе, далеко не отличный человѣкъ. Это безсердечный мелкій сплетникъ и лгунъ. Пока Вы не привыкнете къ его штучкамъ, къ образности его языка, онъ будетъ Вамъ нравиться. Но я полагаю, Вы скоро его поймете, и увидите, что онъ даже не уменъ, и что живописность его выраженій ничто иное какъ манера. Охъ, какъ подумаю, какое Вы еще молодое и неопытное существо! И за это я люблю Васъ, за наивность сердца, такъ много страдавшаго, и ума, такъ искушен-

наго! А впрочемъ, отчего же и не потѣшиться Григоровичемъ,— ходятъ же въ театръ смотрѣть пустыя, но забавныя пьесы, и даже плотютъ за это.

Моя жизнь проходитъ однообразно и тихо. Я много работаю и написалъ уже около трети большой повѣсти, которую Анненковъ Вамъ прочтетъ въ рукописи, какъ только она будетъ готова. Съ дочкой мы живемъ теперь въ ладу, наше колесо больше не скрипитъ и катится, хотя общаго между нами, попрежнему, очень мало. Да сверхъ того, на-дняхъ, мое сердце умерло. Сообщаю Вамъ этотъ фактъ. Какъ его назвать, не знаю. Вы понимаете, что я хочу сказать. Прошедшее отдѣлилось отъ меня окончательно, но, разставшись съ нимъ, я увидалъ, что у меня ничего не осталось, что вся моя жизнь отдѣлилась вмѣстѣ съ нимъ. Тяжело мнѣ было, но я скоро окаменѣлъ. И я чувствую, что такъ жить еще можно. Вотъ если бы снова возродилась малѣйшая надежда возврата, она потрясла бы меня до основанія. Я уже прежде испыталъ этотъ ледъ безчувствія, подъ которымъ таится нѣмое горе... Дайте окрѣпнуть этой корѣ, и горе подъ ней исчезнетъ.

Я съ сожалѣніемъ узналъ о болѣзни Вашего сына и надѣюсь, что онъ теперь совершенно здоровъ и веселъ.

Вообразите, я совсѣмъ не зналъ, что Вашъ мужъ и Вашъ beau frère еще въ Парижѣ: я вчера пошелъ къ нимъ, но никого не засталъ дома (мужъ Вашъ уже уѣхалъ въ П.). Надѣюсь хотя изрѣдка видѣться съ графомъ Карломъ. Мнѣ быть съ нимъ пріятно, хотя онъ мнѣ мало симпатиченъ; онъ уменъ и своеобразенъ.

Я здѣсь почти никого не вижу: Французовъ я, Вы знаете, не люблю, а пріятныхъ Русскихъ мало. Здѣсь есть Кочубей, женатый на дочери Волконскаго, бывшей Молчановой: и онъ и она—милые люди и такъ любятъ другъ друга, что весело глядѣть на нихъ. Г-жу Марковичъ я видаю часто. Впрочемъ, я не помню, говорилъ ли я Вамъ о ней.

Я Вамъ скоро опять напишу, а теперь я, пока, желаю Вамъ отъ всей души много счастья и еще больше здоровья.

Дружески жму Вамъ руку.

Вашъ.

Парижъ.
17/29 декаб. 1860.

Э-э! милѣйшая Графиня, да я вижу, Вамъ Григоровичъ не на шутку понравился! Это доказываетъ только, какъ Вы впечатлительны и молоды. Но такъ какъ Вы въ тоже время очень умны и проницательны, то я надѣюсь, что Вы уже теперь его поняли и увидѣли его бѣлыя нитки. Отсутствіе сердца въ немъ Вы уже

замѣтили: не на долго можетъ скрыться отъ Васъ бѣдность и мелкота его ума, на поверхности котораго, какъ на поверхности неглубокаго пруда, разрослись пестрыя травы.

Я наконецъ увидался съ Вашимъ beau frère и долженъ на-дняхъ съ нимъ обѣдать.

Жизнь моя проходитъ однообразно по прежнему. Работа подвигается медленно, но двигается. Новаго ничего нѣтъ, да и слава Богу, что его нѣтъ. Съ дочерью мы живемъ какъ слѣдуетъ, и дни таютъ незамѣтно, какъ ледъ на солнцѣ. Жду весны и надѣюсь о ту пору вернуться хотя на время въ Россію и увидать Васъ.

Анненковъ сообщилъ мнѣ о засѣданіи, которое происходило у Васъ, и гдѣ баронъ Мейендорфъ читалъ свое предложеніе. Онъ проситъ мнѣ сказать Вамъ то, что ему невозможно было вымолвить, а именно, что баронъ Мейендорфъ не найдетъ ни одного *дѣльнаго* писателя, пока одобреніе или неодобреніе его труда будетъ зависѣть лично отъ него, барона М., а не отъ какого-нибудь комитета, какъ, напр., комитетъ Воскресныхъ школъ. Присужденіе преміи никогда не можетъ дѣлаться однимъ лицомъ. Если же баронъ М. хочетъ заказать извѣстныя работы извѣстнымъ ему лицамъ, то это дѣло другое. Но Богъ знаетъ, насколько результатъ выйдетъ удовлетворителенъ.

Желаю Вамъ отъ души спокойной тишины сердца и здоровья. Ваше семейство теперь опять все собралось подъ одну кровлю..

Главное, не желайте никогда и ни въ чемъ ни высказать, ни выслушать *послѣдняго* слова, какъ бы оно справедливо и искренно ни было: эти послѣднія, окончательныя слова большей частью бываютъ началомъ новыхъ недоразумѣній. Будьте приблизительно довольны приблизительнымъ счастьемъ... Несомнѣнно и ясно на землѣ только несчастье.

Жду присылки повѣсти г-жи Вороновой; все-таки мнѣ любопытно прочесть то, что могло Вамъ понравиться.

Я въ началѣ письма довольно рѣзко, и сколько я могу судить, довольно справедливо отозвался о Григоровичѣ... Но онъ Вамъ доставилъ нѣсколько пріятныхъ минутъ,—и я ему благодаренъ.

Вы, должно быть, сильно разсчитываете на мою скромность, когда писали слѣдующія слова: «Мнѣ казалось, что труднѣе будетъ прожить безъ Васъ. Слава Богу, человѣкъ замѣнимъ». Еще бы! Не только человѣкъ, но даже солнце, я полагаю, замѣнимо; даже безъ любви можно обойтись. Но я очень польщенъ уже тѣмъ, что Вамъ подобное сомнѣніе могло войти въ голову.

У васъ должно быть очень холодно, потому что даже здѣсь

снѣгъ и морозъ. Но зато, какъ должно быть тепло и уютно въ маленькой зеленой комнатѣ Фурштадтскаго дома!

Прощайте. Поздравляю Васъ съ новымъ годомъ. Поклонитесь отъ меня Вашему мужу. Дружески жму и нѣжно цѣлую Вашу руку.

Преданный Вамъ.

Парижъ.
8/20 янв. 1861.

Давно, давно собирался я къ Вамъ писать, милая Графиня, а между тѣмъ все мѣшкалъ. Время такъ быстро летитъ, какъ и куда—никто сказать не можетъ; многимъ даже не совсѣмъ ясно, откуда оно летитъ. Мнѣ было бы весьма трудно сказать, что я дѣлалъ такое въ теченіе истекшаго мѣсяца; даже работалъ очень мало, едвали, кажется, я жилъ,—я продолжалъ существовать—и только. Но дня два тому назадъ я занемогъ и сижу теперь дома. Уединеніе меня поневолѣ сосредоточило, и, разумѣется, одной изъ первыхъ моихъ мыслей были Вы. Ну, давайте, побесѣдуемъ немного.

Какой тишиной, холодной, печальной и въ то же время пріятной повѣяло на меня отъ Вашего письма, начатаго въ Тихвинскомъ монастырѣ! Какъ отрадна мнѣ показалась эта жизнь, занесенная снѣгомъ, вся проникнутая заранѣ неподвижностью смерти! Подъ вліяніемъ этого цѣлебнаго холода и отчужденія отъ житейской тревоги, все, даже самыя мелочи, принимаетъ особенное значеніе, какъ-то особенно дѣйствуютъ на душу. Я увѣренъ, что самый стукъ башмаковъ монахини, когда она идетъ по каменному полу коридора въ церковь молиться, ей говоритъ что-то... И это что-то, если не убиваетъ, не душитъ человѣческое, нетерпѣливое сердце, должно дать ему невыразимое спокойствіе и даже живучесть.

Напрасно Вы мнѣ жалуетесь на себя, что у Васъ *своихъ словъ* нѣтъ: Ваше письмо такъ и стало предо мной, какъ картина.

Я Вамъ такъ подробно пишу о моихъ впечатлѣніяхъ, а можетъ быть письмо мое застанетъ Васъ совершенно въ иномъ настроеніи. За жизнью не угоняешься, хотя все въ ней безпрестанно повторяется, но отъ души сказанное слово рано или поздно найдетъ свое мѣсто.

Вы не можете себѣ представить, какъ мнѣ хочется вернуться въ Россію, не теперь, а съ первыми днями весны, когда запоютъ соловьи. Только бы отдать дочь за порядочнаго человѣка замужъ, и я бы получилъ свободу. Всѣ другія связи не то что порвались, а истаяли. Я чувствую себя какъ бы давно умершимъ, какъ бы принадлежащимъ къ давно минувшему существомъ, но суще-

ствомъ, сохранившимъ живую любовь къ Добру и Красотѣ. Только въ этой любви уже нѣтъ ничего личнаго, и я, глядя на какое-нибудь прекрасное молодое лицо, такъ же мало думаю при этомъ о себѣ, о возможныхъ отношеніяхъ между этимъ лицомъ и мною, какъ будто бы я былъ современникомъ Сезостриса, какимъ-то чудомъ еще двигающимся на землѣ, среди живыхъ. Возможность пережить въ самомъ себѣ смерть самого себя есть можетъ быть одно изъ самыхъ несомнѣнныхъ доказательствъ безсмертія души. Вотъ я умеръ, и все-таки живъ и даже, быть можетъ, лучше сталъ и чище. Чего же еще?

Отъ этихъ философскихъ умозрѣній перейдемъ къ чему-нибудь болѣе практическому.

Вы уже знаете переданное мною Вамъ мнѣніе Анненкова о запискѣ Мейендорфа. Я раздѣляю это мнѣніе, но думаю, что пожертвованіе М. все-таки можетъ быть полезно, особенно при нерасположеніи правительства къ совокупнымъ дѣйствіямъ по этому вопросу. Проектъ нашего общества встрѣтилъ сильнѣйшую оппозицію: остается каждому дѣйствовать на свою руку, и желательно было бы, чтобы М. не напалъ на какихъ-нибудь плохихъ сочинителей, которые ему состряпаютъ книженки à la Григоровичъ.

Кстати, Вы еще находитесь подъ обаяніемъ этого господина?

Напишите мнѣ нѣсколько словъ о себѣ, о своемъ житьѣ-бытьѣ, о Вашемъ сынѣ и мужѣ. Можете Вы объяснить, хотя вкратцѣ, перемѣны лицъ, находившихся при Наслѣдникѣ? Такъ какъ мы не республиканцы и желаемъ жить со временемъ подъ его скипетромъ, то все касающееся до него для насъ важно.

Будьте здоровы. Крѣпко жму Вамъ руку и остаюсь навсегда

Вашъ.

Парижъ.
16/28 февраля 61.

Милая Графиня, я у Васъ въ долгу за Ваши послѣднія письма. Мнѣ то нездоровилось, то грустилось, то лѣнь на меня находила, а время утекало. Берусь наконецъ за перо; хотя предвижу, что письмо мое выйдетъ вялое и короткое. (Кстати, я совсѣмъ не помню, какія это я Вамъ «прекрасныя» письма писалъ... Вѣроятно, Ваша дружба ко мнѣ открыла достоинства тамъ, гдѣ ихъ не было, ou j'ai fait de la prose sans le savoir). Перерывъ въ корресподенціи тѣмъ еще особенно нехорошъ, что невозможно отвѣчать на содержаніе послѣдняго полученнаго письма; Вы, напр., жалуетесь на страшный холодъ, а ужъ онъ вѣроятно давно прошелъ.

Впрочемъ, есть вопросы не столь преходящіе, какъ вопросъ о погодѣ: мы всѣ, находящіеся здѣсь Русскіе, съ волненіемъ

ожидаемъ вѣстей объ окончательномъ объявленіи эманципаціи. Говорятъ, что указъ выдетъ 19-го Февраля ст. ст., то-есть, черезъ три дня... Какъ мнѣ жаль, что я теперь не въ Петербургѣ!

Продолжаю письмо 18-го Февр./2-го Марта.

Сегодня, 6 лѣтъ (уже 6 лѣтъ!) тому назадъ умеръ Николай Павловичъ... Стало быть завтра—великій день. Между тѣмъ въ Galignani стоитъ депеша, будто бы С.-П. Бургскій Генералъ-Губернаторъ объявилъ, что 19-го Февр. никакой публикаціи не будетъ; въ Парижѣ распространился слухъ, будто въ Варшавѣ вспыхнулъ бунтъ.

Сохрани насъ Богъ отъ эдакой бѣды! Бунтъ въ Царствѣ можетъ только жестоко повредить и Польшѣ и Россіи, какъ всякій бунтъ и всякій заговоръ. Не такими путями должны мы идти впередъ. Надѣюсь, что этотъ слухъ окажется ложнымъ.

А въ странное и смутное время мы живемъ. Приглядитесь къ тому, что вездѣ дѣлается... Никогда разложеніе стараго не происходило такъ быстро. А будетъ ли лучше новое—Богъ вѣсть!

Довольно однако о политикѣ.

Возвращаю Вамъ письмо г-на Г. Должно быть онъ правъ (—мой пріятель Віардо точно такого же мнѣнія о первой любви—), и мнѣ не служитъ извиненіемъ то, что я нисколько не воображалъ выбранный мною сюжетъ безнравственнымъ. Эго скорѣе—une circonstance aggravante. Противъ одного я однако позволю себѣ протестовать, а именно: я писалъ вовсе не съ желаніемъ бить, какъ говорится, на эффектъ; я не придумалъ этой повѣсти; она дана мнѣ была цѣликомъ самой жизнью. Спѣшу прибавить, что это меня не оправдываетъ; я, вѣроятно, не долженъ бы былъ касаться всего этого. Говорю: вѣроятно, потому что не хочу лгать. Если бы кто-нибудь меня спросилъ, согласился ли бы я на уничтоженіе этой повѣсти, такъ что и слѣда бы отъ нея не осталось... я бы покачалъ отрицательно головой. Но я съ охотой соглашаюсь никогда не говорить и не вспоминать больше о ней.

Здѣсь былъ проѣздомъ Левъ Толстой, писатель. Я его давно не видалъ и нашелъ въ немъ перемѣну къ лучшему. Онъ, кажется, начинаетъ устанавливаться и перестаетъ бродить. Мнѣ кажется, что онъ еще много можетъ сдѣлать, при его несомнѣнномъ талантѣ.

Моя дочь немножко исправляется въ томъ, что въ ней есть дурного, а все-таки мы далеко отстоимъ другъ отъ друга. Никакого брака до сихъ поръ не предвидится.

Я еще разъ обѣдалъ съ Вашимъ beau frère; но давно его не видалъ.

Прощайте, милая Графиня; поклонитесь отъ меня Вашему мужу и Вашему сыну. Напишите мнѣ о Вашемъ здоровьѣ; мое— en somme—порядочно. Цѣлую Ваши руки и остаюсь.

Любящій Васъ.

Парижъ.
1/19-го апр. 1861.

Милая Графиня, Вы совсѣмъ замолкли, а я ожидалъ, что именно теперь-то Вы и будете писать мнѣ. Но, вѣроятно, событія, совершающіяся въ отечествѣ, слишкомъ сильно на Васъ подѣйствовали, или представились Вамъ съ одной своей темной стороны, и Вы не настолько можете освободиться отъ ихъ гнета, чтобы быть въ состояніи ясно передавать ихъ. Какъ бы то ни было, но мы, Богъ дастъ, скоро лично съ Вами обо всемъ этомъ потолкуемъ, потому что я выѣзжаю отсюда черезъ 10 дней, и къ 25-му апрѣля стараго стиля (можетъ быть даже двумя, тремя днями раньше) надѣюсь быть въ Петербургѣ. Вслѣдствіе этого, если Вы вздумаете мнѣ отвѣчать, то напишите мнѣ нѣсколько строкъ въ Берлинъ, poste restante. Онѣ меня порадуютъ.

Я ѣду въ Россію окончательно устроить свои дѣла. Такъ какъ я дочь свою замужъ не выдалъ, то мнѣ придется къ осени опять сюда вернуться, но, надѣюсь, не надолго. Работы своей я тоже не кончилъ. Но обо всемъ этомъ при личномъ свиданіи.

Теперь я Вамъ крѣпко жму руки, желаю Вамъ всего хорошаго и кланяюсь всѣмъ Вашимъ.

Мы здѣсь недавно опять пообѣдали съ Вашимъ beau frère.

Преданный Вамъ.

V.

Въ началѣ мая 1861 года Тургеневъ снова вернулся въ свое Спасское и тамъ намѣревался прожить все лѣто, до конца августа или до сентября. Онъ увидѣлъ Россію уже раскрѣпощенною, и, повидимому, повышенныя ожиданія и общій приподнятый тонъ образованнаго общества не вполнѣ оправдались въ деревенской дѣйствительности. Тургеневъ не мало волновался этимъ несоотвѣтствіемъ въ настроеніи желающихъ облагодѣтельствовать и не принимающихъ благодѣянія.

Много безпокоилъ Тургенева и Польскій вопросъ, который въ это время начиналъ обостряться. Польскому мятежу и насильственному рѣшенію его онъ никогда не сочувствовалъ. Но теперь близкое участіе въ рѣшеніи этого вопроса принялъ хорошій знакомый Тургенева и деверь графини Ламбертъ, графъ

Карлъ Карловичъ Ламбертъ. Это новое обстоятельство само собою нашло откликъ въ ихъ перепискѣ, и Тургеневъ посвятилъ ему нѣсколько строкъ въ своихъ письмахъ.

Въ это же время разыгрался непріятный случай въ его личной жизни: онъ поссорился съ графомъ Л. Н. Толстымъ. И этотъ случай характерно отмѣченъ въ его письмахъ къ графинѣ Ламбертъ.

Едва пріѣхавъ въ деревню, Тургеневъ уже сообщалъ графинѣ въ письмѣ отъ 19 мая:

«Уже болѣе недѣли, какъ я здѣсь. Имѣлъ очень дружелюбное объясненіе съ мужиками, которые довольны, такъ какъ мои условія для нихъ крайне выгодны; но объ выкупѣ, т.-е., согласіи на участіе въ выкупѣ, и слышать не хотятъ. У насъ вездѣ довольно смирно и тихо. Большая перемѣна, происшедшая послѣ манифеста, состоитъ въ томъ, что крестьяне поняли и узнали свои права и крѣпко на нихъ настаиваютъ (такъ, напр., теперь уже ни одинъ крестьянинъ не работаетъ болѣе трехъ дней въ недѣлѣ). *Обязанности* свои они исполняютъ съ меньшей охотой. Это надо было ожидать послѣ 200-лѣтняго безправія; но перемелется мука будетъ».

Послѣдующія письма говорятъ подробно обо всѣхъ вопросахъ, которые поднимались самою русскою жизнью, и вотъ они, эти письма, почти цѣликомъ:

«...Вы рисуете довольно мрачную картину современнаго быта Россіи и русскаго характера вообще. Къ сожалѣнію, добросовѣстный человѣкъ обязанъ подписаться почти подъ каждой изъ Вашихъ фразъ. Исторія ли сдѣлала насъ такими, въ самой ли нашей натурѣ находятся залоги всего того, что мы видимъ вокругъ себя,—только мы дѣйствительно продолжаемъ сидѣть, въ виду неба и со стремленіемъ къ нему, по уши въ грязи. Говорятъ иные астрономы, что кометы становятся планетами, переходя изъ газообразнаго состоянія въ твердое; всеобщая *газообразность* Россіи меня смущаетъ и заставляетъ меня думать, что мы еще далеки отъ *планетарнаго* состоянія.

Нигдѣ ничего крѣпкаго, твердаго, нигдѣ никакого зерна; не говорю уже о сословіяхъ, въ самомъ народѣ этого нѣтъ.

До Васъ уже вѣроятно дошли слухи о *нежеланіи* народа переходить *съ барщины на оброкъ*. Этотъ знаменательный и, признаюсь, никѣмъ не предвидѣнный, фактъ доказываетъ, что нашъ народъ готовъ отказываться отъ явной выгоды (барщинные дни оцѣняются по крайней мѣрѣ въ 80 р. сер., а самый вы-

сокій оброкъ не достигаетъ 30 р.) въ надеждѣ, что вотъ авось выйдетъ еще указъ, и намъ земли отдадутъ даромъ, или Царь ее намъ подаритъ черезъ 2 года, а оброчные уже *обвязались*, т.-е., вступили въ извѣстныя опредѣленныя условія. Иные оброчные мужики при мнѣ жаловались, что вотъ-молъ, барщиннымъ мужичкамъ вышла льгота—три дня вмѣсто шести, а нашему брату ничего. Это доказываетъ, между прочимъ, какъ хорошо исполнялись законы, уже съ Петра Великаго подтверждавшіе, что больше трехъ дней не брать. Правительство наше дѣйствовало, отправляясь отъ того предположенья, что законы имѣютъ свою силу, исполняются, и мудрено было правительству иначе дѣйствовать. И вышло, что оно какъ будто сдѣлало несправедливость: однихъ наградило, другихъ оставило въ прежнемъ положеніи... Объ участіи въ выкупѣ со стороны крестьянъ и думать нечего. Не только черезъ 36 или 40 лѣтъ, если сказать нашему крестьянину, что онъ, платя лишній рубль въ теченіи 5 только лѣтъ, пріобрѣтетъ себѣ землю для своего же сына,— онъ не согласится: во-первыхъ, онъ заботится только о сегодняшнемъ днѣ, а во-вторыхъ, онъ лишенъ довѣрія въ начальство: буду платить 5 лѣтъ, думаетъ онъ, а тамъ выйдетъ повелѣніе: плати еще 5. И въ этомъ онъ не совсѣмъ неправъ. Мы пожинаемъ теперь горькіе плоды прошедшихъ 30 или 40 лѣтъ.

Недавно одинъ мой пріятель, нанимая вольнаго работника, заключилъ съ нимъ весьма выгодный (для работника) контрактъ. Черезъ нѣсколько дней приходитъ къ нему отецъ работника и съ сокрушеннымъ видомъ говоритъ:

— Эхъ-ма, баринъ, баринъ! За что же Вы малаго подъ кундрàхъ подвели! Онъ еще глупъ, не смыслитъ, а вы...

— Да развѣ условія невыгодны? — перебилъ его мой пріятель...

— Нѣтъ, этого нельзя сказать, чтобы невыгодны,—отвѣчалъ мужикъ, почесывая себѣ то затылокъ, то пониже... Да все же, зачѣмъ вы его подъ кундрàхъ подвели...

Вотъ тутъ и толкуй о законности, отвѣтственности, раздѣленіи властей, и т. д. и т. д.

Къ счастью, я еще въ прошломъ году успѣлъ перевести хотя часть крестьянъ на оброкъ.

Вы мнѣ ничего не пишете о томъ, когда Вы намѣрены ѣхать изъ Петербурга въ Малороссію. Вы, вѣроятно, нѣсколько дней остановитесь въ Тулѣ, гдѣ находится Вашъ мужъ. Еслибъ я зналъ, когда это будетъ, я бы выѣхалъ къ Вамъ навстрѣчу. Посѣщеніе Ваше моего скромнаго Спасскаго было бы для меня праздникомъ. Но ужъ это, быть можетъ, слишкомъ много, и я

Ф. В. Волховской.

(Съ фот., принадл. Ф. Н. Лянды).

не смѣю надѣяться. Хорошаго здѣсь только одинъ садъ, особенно теперь, когда все зелено, свѣжо и пышно.

Во всякомъ случаѣ, до свиданія. Спасибо Вамъ, что не забываете меня. Кланяйтесь всѣмъ Вашимъ и крѣпко жму Вамъ руку.

Преданный Вамъ.

С. Спасское.
15-го іюня 1861.

Любезнѣйшая Графиня, я всегда слышалъ, что въ Малороссіи хозяйство шло иначе, чѣмъ у насъ, но могу Васъ увѣрить, что въ томъ, что я Вамъ сказалъ на счетъ бывшихъ помѣщичьихъ распоряженій въ Орловской губерніи, преувеличеній нѣтъ ни на волосъ. И съ какой стати сталъ бы я преувеличивать? Во-первыхъ, я уже не молодъ, а во-вторыхъ, неужели Вы воображаете, что я не вижу насквозь русскаго мужичка? Народъ безъ образованія (я употребляю это слово въ смыслѣ *гражданскомъ*, не въ ученомъ или литературномъ смыслѣ) всегда будетъ плохъ, несмотря на всю свою хитрость и тонкость. Надо, съ одной стороны, вооружиться терпѣніемъ, а съ другой—стараться *учить* ихъ... А наше дальновидное правительство налагаетъ 50 р. сер. пошлины на студентовъ и на посѣтителей университетовъ!! Quos vult perdere Jupiter—dementat. Кто-нибудь Вамъ переведетъ эту фразу, а можетъ быть Вы и сами ее поймете.

Отрывокъ изъ письма Вашего польскаго пріятеля такъ же мало убѣдилъ меня. Самыя огромныя волны моря расшибаются о берегъ мелкою и часто нечистой пѣной; плохо было бы тому, кто бы вздумалъ судить объ ихъ силѣ по этой пѣнѣ, пачкающей его ноги. Чѣмъ больше я живу, тѣмъ болѣе я убѣждаюсь, что главное дѣло: *что*, а не *какъ*, хотя *какъ* гораздо легче узнать, чѣмъ *что*.

Поляки имѣютъ право, какъ всякій народъ, на отдѣльное существованіе; это ихъ: *что*, а *какъ* они этого добиваются — это уже второстепенный вопросъ. Этимъ я не хочу сказать, чтобы мы были совершенно неправы во всемъ этомъ дѣлѣ: со временъ древней трагедіи мы уже знаемъ, что настоящія столкновенія тѣ, въ которыхъ обѣ стороны *до извѣстной степени* правы. Я такъ же готовъ согласиться, что наша роль въ Варшавѣ очень трудна, и что люди, которые отправляются туда, оказываютъ самоотверженіе. Рѣдкій игрокъ сядетъ за карты, когда знаетъ, что въ *лучшемъ* случаѣ онъ можетъ кончить въ ничью, а въ *худшемъ*—проиграть все свое состояніе.

Посылаю Вамъ обратно тотъ листокъ Вашего письма, на

которомъ Вы говорите о Вашемъ beau frère-ѣ. Письма вообще никогда не сжигаютъ, и Вамъ, я думаю, будетъ пріятнѣе имѣть этотъ листокъ въ рукахъ, хотя, я надѣюсь, что Вы вѣрите въ мою скромность. Графъ К. человѣкъ очень умный, со свѣтлой головой, проницательный и тонкій, вѣроятно обладаетъ большой энергіей и имѣетъ даръ обаянія... и все-таки онъ натура не полная, можетъ быть потому, что полнота его была бы слишкомъ широка... Едва ли онъ оставитъ слѣдъ по себѣ. Когда-нибудь, если Вы сами заведете этотъ разговоръ, я вамъ скажу, почему я такъ думаю. Слѣды оставляютъ только энтузіасты или сухіе дѣльцы, а онъ ни то, ни другое.

Жаль, жаль, что Вы не заѣдете въ Спасское... но если Вамъ хорошо въ маленькомъ въ Вашемъ домѣ, оставайтесь тамъ. Безъ нужды нечего переворачиваться на жизненномъ ложѣ.

Я поѣду черезъ Петербургъ въ самомъ началѣ сентября или даже въ концѣ августа, увижу Васъ непремѣнно и вѣроятно прочту Вамъ или дамъ прочесть мое новое произведеніе, которое приближается къ концу. Теперь я самъ никакого сужденія о немъ не могу имѣть: я знаю, что я хочу сказать, но я рѣшительно не знаю, сколько мнѣ удалось высказать... Авторъ никогда не знаетъ въ то время, какъ онъ показываетъ свои китайскія тѣни, горитъ ли, погасла ли свѣчка въ его фонарѣ. Самъ-то онъ видитъ свои фигуры, а другимъ можетъ быть представляется одна черная стѣна.

Прощайте, будьте здоровы. Кланяйтесь Вашему мужу, если онъ уже къ Вамъ пріѣхалъ, и радуйтесь молодости Вашего сына.

Я, кажется, Вамъ писалъ, что старикъ Цебриковъ заѣзжалъ ко мнѣ и гостилъ у меня сутки. Еще разъ жму Вамъ руку.

Вашъ.

С. Спасское.
Середа, 19/7-го іюня 1861.

Милая Графиня,

Послѣднее письмо Ваше было мнѣ лучшимъ доказательствомъ того, что я точно къ Вамъ близокъ. Только передъ близкимъ человѣкомъ хочется и можется такъ излиться (помнится, и мнѣ случалось такъ же поступать съ Вами). Я очень сожалѣю о томъ, что Вы были приведены въ такое положеніе, но я въ то же время радъ, что могъ хотя косвенно, или, какъ говорится, пассивно, облегчить Ваше сердце.

Что дѣлать? Пословица гласитъ: перемелется—мука будетъ. А не будетъ муки? Ну, по крайней мѣрѣ прежнее зерно перемололось.

Я самъ находился въ довольно странномъ положеніи всѣ эти дни, а именно, я чуть не подрался на дуэли (пусть это останется между нами) съ графомъ Л. Н. Толстымъ, писателемъ. Надобно Вамъ сказать, что между нами существовала давнишняя антипатія. Я его всячески избѣгалъ, но онъ, не переставая меня ненавидѣть, все меня отыскивалъ и старался сближаться со мною. Не хочу о немъ говорить ничего дурного: во всякомъ случаѣ это весьма сложная и самомучащаяся натура. Онъ сходился со мною какъ будто для того, чтобы дразнить и бѣсить меня. По поводу совершенно посторонняго разговора (дѣло шло о филантропіи) я, уже внутренно взбѣшенный, сказалъ ему грубую дерзость. Я ожидалъ немедленнаго вызова, но онъ сначала былъ весьма мягокъ и вѣжливъ, и только когда я уже извинился письменно, досада въ немъ вспыхнула. Словомъ, вышла непріятная исторія, которая тянулась нѣсколько дней, въ теченіе которыхъ я былъ убѣжденъ, что поединокъ будетъ неизбѣженъ. Кое-какъ дѣло уладилось, но мы теперь раззнакомились навсегда.

Я не жалѣю объ этомъ, потому что сближенія между нами никогда быть не могло. Но я досадую на себя: какъ могъ я до такой степени потерять власть надъ собою? Оказывается, что никто ни за что ручаться не можетъ, и это, дѣйствительно, какъ говорится передъ причастіемъ: «первый грѣшникъ есмь азъ».

Эта глупость помѣшала мнѣ работать и вообще отравила мнѣ нынѣшнюю весну, которая здѣсь расцвѣла вдругъ и прелестно. (Не говорю о нынѣшнемъ днѣ: сегодня холодно, какъ въ ноябрѣ, порывистый вѣтеръ срываетъ *зеленые* листья и т. д.).

Когда Вы ѣдете въ деревню? И остановитесь ли Вы въ Тулѣ? А въ Спасское завернете? Или Вы перемѣнили свои намѣренія и не покинете Петербурга? Мнѣ бы очень хотѣлось знать не только Ваши намѣренія, но и *числа* ихъ, т.-е., leur date (А плохъ и неловокъ еще русскій языкъ). 25-го числа нынѣшняго мѣсяца я исчезаю на охоту и отыщусь въ Спасскомъ только двѣ недѣли спустя.

Прощайте, милая Графиня. Цѣлую съ нѣжностью Вашу руку. Вы какъ-то мнѣ сказали, что я прежде всегда кончалъ такъ мои письма и что это однообразно. Съ тѣхъ поръ я не всякій разъ это пишу, но всякій разъ это думаю.

Вашъ.

С. Спасское.
22-го іюня 1861.

При свиданіи моемъ съ Вами, милая Графиня, я Вамъ разскажу подробно ссору нашу съ Т. Она имѣетъ нѣкоторый пси-

хологическій интересъ. На бумагѣ ее разсказать ничего не выйдетъ. Повторяю, виноватъ былъ я—фактически, хотя въ основаніи лежали причины, меня оправдывающія. Но все это—уже старая исторія и имѣетъ интересъ почти антикварный. Она займетъ полчаса нашего времени въ день свиданья на Фурштадтской. Свиданіе это произойдетъ въ половинѣ августа, если Богъ дастъ.

Зимой того же 1861 года, 10 декабря, Тургеневъ писалъ уже изъ Парижа:

«Извѣстія изъ Россіи меня огорчаютъ. Не могу я во многомъ не винить своихъ друзей, но и правительство я оправдать не могу. Отсутствіе людей и глубокое незнаніе Россіи оказываются на каждомъ шагу.

Изъ деревни приходятъ извѣстія неблагопріятныя, но это зло необходимое и переходное; я все-таки убѣжденъ, что дѣло пойдетъ хорошо».

Между прочимъ вскорѣ, именно въ февралѣ 1862 года, въ журналѣ «Русскій Вѣстникъ» напечатанъ былъ романъ Тургенева «Отцы и Дѣти». По этому поводу въ письмѣ отъ 2 марта, Тургеневъ писалъ графинѣ Ламбертъ:

«Я не думаю, чтобы Вы теперь читали русскія книги и журналы; но если Вамъ попадется февральскій номеръ «Русскаго Вѣстника», пробѣгите мою повѣсть, которая, помнится, такъ мало Вамъ понравилась въ рукописи. Я сдѣлалъ въ ней много сокращеній и измѣненій, хотя, разумѣется, основная мысль и вся физіономія исполненія остались тѣ же. Я рѣшился было бросить эту повѣсть въ огонь, но, во-первыхъ, Катковъ поднялъ крикъ и въ письмахъ своихъ наговорилъ мнѣ всякихъ непріятностей. А главное—мнѣ деньги были нужны, потому что изъ деревни присылки плохія. Je suis resigné à un fiasco, mais heureusement j'ai l'épiderme peu sensible. А Вы все-таки напишите мнѣ свое мнѣніе, хотя бы въ подтвержденіе прежняго осужденія: осужденія отъ Васъ мнѣ дороже, чѣмъ похвала отъ другого, потому что оно поучительно, и потому что я Васъ люблю».

VI.

Въ заключеніе изъ этого богатѣйшаго источника біографическихъ свѣдѣній о Тургеневѣ любопытно отмѣтить отвѣты Тургенева на упреки, обращенные къ нему по поводу того, что онъ не пишетъ для народа и не живетъ въ Россіи. Графиня тоже упрекала его за это, и вотъ что писалъ онъ ей въ свое оправданіе:

Баденъ.
Schillerstrasse, 277.
9-го мая
27-го апр. 1863.

Милая Графиня, я съ недѣлю тому назадъ пріѣхалъ сюда и только теперь окончательно поселился, пріискалъ квартиру и т. д. Я уже собирался къ Вамъ писать хоть и не 14 страницъ, а нормальныхъ 4, какъ вдругъ явилось Ваше большое письмо, и, разумѣется, несмотря на свою безжалостную строгость, ускорило мое намѣреніе. Скажу нѣсколько словъ не въ оправданіе, а въ объясненіе.

Вы меня осуждаете какъ человѣка (въ смыслѣ политическаго дѣятеля, гражданина) и какъ писателя. Въ первомъ отношеніи Вы правы, во второмъ—нѣтъ, какъ мнѣ кажется.

Вы правы, говоря, что я не политическій дѣятель, и утверждая, что правительству нечего меня опасаться. Мои убѣжденія съ молодыхъ лѣтъ не мѣнялись. Но я никогда не занимался и не буду заниматься политикой: это дѣло мнѣ чуждое и неинтересное, и я обращаю на него вниманіе, насколько это нужно писателю, призванному рисовать картины современнаго быта. Но Вы неправы, требуя отъ меня на *литературномъ* поприщѣ того, что я дать не могу, плодовъ, которые не растутъ на моемъ деревѣ. Я никогда *не писалъ для народа*. Я писалъ для того класса публики, которому я принадлежу, начиная съ «Записокъ Охотника» и кончая «Отцами и Дѣтьми». Не знаю, насколько я принесъ пользы, но знаю, что я неуклонно шелъ къ одной и той же цѣли, и въ этомъ отношеніи не заслуживаю упрека.

Вамъ кажется, что я изъ одной лѣни не пишу, какъ Вы говорите, простой и нравственной повѣсти для народа. Но почему Вы знаете, что я двадцать разъ не пытался что-нибудь сдѣлать въ этомъ родѣ, и не бросилъ этого наконецъ, потому что убѣдился, что это не по моей части, что я этого *не умѣю?*

Вотъ гдѣ именно и высказывается слабая сторона самыхъ умныхъ людей нехудожниковъ: привыкнувъ всю жизнь свою устраивать сообразно съ собственной волей, они никакъ не могутъ понять, что художникъ часто не воленъ въ собственномъ дѣтищѣ,—и готовы обвинять его въ лѣни, въ эпикурействѣ и т. п. Повѣрьте: нашъ братъ, да и всякій, дѣлаетъ только то, что ему дано дѣлать, а насиловать себя и безполезно, и безплодно.

Вотъ отчего я никогда не напишу повѣсти для народа. Тутъ нуженъ совсѣмъ другой складъ ума и характера.

Положа руку на сердце, я такъ же не думаю, что живу за границей единственно изъ желанія наслаждаться отелями и т. п. Обстоятельства до сихъ поръ такъ сложились, что я въ Россіи

могу проводить только 5 мѣсяцевъ въ году; а теперь и того хуже стало. Вы, я надѣюсь, мнѣ повѣрите, если я скажу Вамъ, что именно теперь я желалъ бы быть въ Россіи и видѣть вблизи то, что въ ней происходитъ, и чему я глубоко сочувствую.

Дочь свою я все еще замужъ не выдалъ, впрочемъ, она къ Вамъ сама пишетъ. Я, виноватъ, забылъ поблагодарить Васъ за прекрасный альбомъ, который дошелъ къ моей дочери въ цѣлости и красуется у ней на столѣ.

Я бы очень былъ радъ, еслибъ Вамъ присовѣтовали поѣхать за границу. Здѣсь я бы имѣлъ une chance Васъ видѣть.

Будьте здоровы. Пишите мнѣ хотя негодующія письма и знайте, что я Васъ люблю отъ души и дорожу Вашей дружбой. Крѣпко жму руку Вашему мужу.

Вашъ.

Баденъ-Баденъ.
Schillerstrasse, 277.
3-го сент. 64.

Милая Графиня, прежде всего долженъ Вамъ сказать, что по непонятной для меня причинѣ письмо Ваше, писанное 18 авг., попало ко мнѣ въ руки только вчера! Это мнѣ вдвойнѣ непріятно: съ одной стороны Вы можете подумать, что я полѣнился отвѣчать Вамъ, а съ другой стороны мой отвѣтъ, пожалуй, не застанетъ Васъ въ Висбаденѣ. Но такъ и быть, не хочу по крайней мѣрѣ терять лишней минуты.

Я Вамъ очень благодаренъ за Ваше письмо, хотя Вы и браните меня и прощаетесь со мною... Я вижу изъ него, что Вы еще помните меня и даже чувствуете ко мнѣ нѣкоторую дружбу... Въ Васъ, къ счастью для меня, никогда не было той, хотя добродѣтельной, но высокомѣрной неспособности понять, а иногда и простить чужіе недостатки, которую я замѣчалъ во многихъ христіанахъ, и христіанахъ изъ высшаго общества. Вы меня упрекаете, правда: но, во-первыхъ, въ упрекахъ Вашихъ слышится благосклонность, а во-вторыхъ, они мнѣ даютъ возможность попытаться оправдать себя.

Съ Вашей точки зрѣнія за мною двѣ большія вины: первая—отсутствіе... ортодоксіи; вторая—удаленіе изъ родины, происходящее отъ желанія эпикурейской жизни, отъ эгоизма однимъ словомъ.

О первомъ пунктѣ я не буду распространяться: я не христіанинъ въ Вашемъ смыслѣ, да пожалуй и ни въ какомъ, и потому оставимъ это въ сторонѣ: это можетъ повести только къ тяжелымъ недоразумѣніямъ.

Что касается до второго пункта, то позвольте прежде всего протестовать противъ слова: презрѣніе, которое Вы мнѣ приписываете: презираютъ только молодые, горячіе люди, а за мной и въ молодости этого грѣха не водилось.

Вы говорите: должно служить отечеству,—прекрасно. Но Вы согласитесь, что я не могу служить ему ни какъ военный, ни какъ чиновникъ, какъ агрономъ или фабрикантъ; посильную пользу приносить могу я только какъ писатель, какъ артистъ. Я бы могъ замѣтить тутъ кстати, что для всякаго артиста наступаетъ время и даже право покоя. Я хочу только обратить Ваше вниманіе на тотъ фактъ, что нѣтъ никакой необходимости писателю непремѣнно жить въ своей родинѣ и стараться улавливать видоизмѣненія ея жизни, во всякомъ случаѣ нѣтъ необходимости дѣлать это постоянно. Я довольно потрудился на этомъ поприщѣ, и теперь—почему Вы знаете?—можетъ, я намѣренъ приступить къ сочиненію, которое не будетъ имѣть значенія спеціально-русскаго, а поставитъ себѣ цѣль болѣе обширную? Вы мнѣ отвѣтите, что я хочу только придумать благовидный предлогъ для моей лѣни... Но Вы не будете совершенно правы.

Словомъ, я не вижу причины, почему мнѣ не поселиться въ Баденѣ: я это дѣлаю не изъ желанія наслажденій (это тоже удѣлъ молодости), а просто для того, чтобы свить себѣ гнѣздышко, въ которомъ буду дожидаться, пока наступитъ неизбѣжный конецъ.

Надобно замѣтить, что еще годомъ раньше, именно 6 іюля 1863 года, Тургеневъ писалъ графинѣ изъ Баденъ-Бадена: «Я никогда не чувствовалъ себя такимъ русскимъ, какъ именно теперь, и много бы далъ, чтобы побывать на родинѣ».

Оканчивая этимъ печатаніе нѣкоторыхъ писемъ и отрывковъ изъ писемъ Тургенева къ графинѣ Ламбертъ, мы обязываемся признать, что далеко не исчерпали всего богатства ихъ содержанія. Нашу задачу мы ограничили исключительно желаніемъ познакомить читателя съ перепиской Тургенева, которая должна считаться автобіографіей его за десять лѣтъ наиболѣе интереснаго времени и въ жизни самого писателя, и въ исторіи Россіи за весь XIX вѣкъ.

Г. П. Георгіевскій.

Ф. В. Волховскій.

Мы встрѣтились съ Феликсомъ Вадимовичемъ въ первый разъ ровно 43 года тому назадъ, осенью 1871 г. Онъ тогда былъ только что оправданъ по Нечаевскому дѣлу, къ которому его совершенно случайно припутали, и временно жилъ въ Петербургѣ съ своей старушкой-матерью и женой, М. О. Антоновой, гдѣ-то на Выборгской сторонѣ. Послѣ 2-хъ слишкомъ лѣтъ заключенія и волненій суда онъ уже тогда производилъ впечатлѣніе молодого старика, несмотря на свои 25 лѣтъ, былъ почти совсѣмъ глухъ, говорилъ какимъ-то нервно-надтреснутымъ голосомъ и безпрестанно хватался за посеребренную уже голову, жалуясь на невыносимыя невралгіи. Такимъ онъ остался и на всю жизнь. Надломлено его здоровье было еще за три года до этого въ Кіевѣ, гдѣ онъ по какому-то пустому студенческому дѣлу угодилъ на нѣсколько мѣсяцевъ въ сырую камеру, жестоко простудился и уже никогда не могъ поправиться.

Изъ первыхъ же словъ разговора на злобу дня выяснилось наше общее отрицательное отношеніе къ такъ наз. «Нечаевщинѣ». Но какъ только рѣчь зашла объ его товарищахъ по суду, онъ преобразился, забылъ о своихъ болѣзняхъ, въ глазахъ забѣгали огоньки тонкаго, любовнаго юмора и художественной наблюдательности; посыпались яркія характеристики, мѣткія сравненія и оцѣнки, чего отъ каждаго изъ нихъ можно ожидать въ будущемъ, какъ будто онъ зналъ всѣхъ этихъ людей съ малыхъ лѣтъ и былъ призванъ озаботиться ихъ дальнѣйшей судьбой.

Тутъ же было рѣшено, что ко всѣмъ, осужденнымъ по этому дѣлу и не имѣвшимъ въ городѣ родныхъ, долженъ кто-нибудь ходить на свиданія въ пересыльную тюрьму, снабжать ихъ всѣмъ необходимымъ для ихъ далекаго путешествія въ Сибирь и кстати принять мѣры къ тому, чтобы съ ними не были утеряны связи. Затѣмъ послѣдовалъ цѣлый длинный рядъ проектовъ разныхъ статей, изданій, карикатуръ и памфлетовъ, которые необходимо было осуществить въ ближайшемъ будущемъ. Словомъ было ясно, что въ этомъ скорбномъ, больномъ тѣлѣ жилъ необыкновенно живучій и богато одаренный духъ.

Мнѣ, едва 20-лѣтнему юношѣ, только что собиравшемуся ступить на общественную стезю, приходилось смотрѣть на Волховского, какъ уже на ветерана, который пережилъ и выстрадалъ много такого, что для меня было совершенно ново. Признаюсь, впечатлѣніе было неотразимо. И впослѣдствіи, когда приходилось работать съ Ф. В. изо дня въ день, въ немъ всегда поражало это присутствіе какого-то червяка изобрѣтательности и разнообразной детальной предпріимчивости, который вѣчно шевелился въ немъ и не давалъ ему покоя.

Въ то время изъ всѣхъ этихъ проектовъ, правда, осуществилось наименьшее количество; тогда, какъ разъ, нѣкоюю литературною группою, такъ наз. «извощиковъ» (Рождественскій, Гриднинъ и др.), былъ затѣянъ новый радикальный органъ, не помню подъ какимъ названіемъ, и Ф—у В—чу было предложено написать передовицу для перваго номера. На дѣятельность нашей собственной группы онъ вліянія не оказалъ, намъ онъ казался политическимъ радикаломъ, тогда какъ мы считали себя соціалистами-народниками.

Тѣмъ не менѣе, наша слѣдующая встрѣча произошла уже въ Одессѣ, куда онъ переселился съ семьей и занялъ мѣсто частнаго секретаря у городского головы Новосильцева, а въ то же время сталъ во главѣ молодой народнической группы, въ которую входили нѣкоторыя выдающіяся впослѣдствіи личности: одинъ изъ братьевъ Жебуневыхъ, Костюринъ, Франжоли, Ольга Макаревичъ, сыгравшая видную роль въ итальянской политической жизни, и другіе. Правда, и тутъ онъ не во всемъ сходился съ товарищами; никогда не будучи склоненъ увлекаться идеологіей, онъ настаивалъ на практической эффективности въ работѣ группы, требовалъ отъ каждаго внутренней и внѣшней дисциплины и точности въ исполненіи разъ взятыхъ на себя обязанностей. Это вызывало тренія, обвиненія его въ радикализмѣ и диктаторствѣ; но тѣмъ не менѣе онъ продолжалъ пользоваться общимъ уваженіемъ и большимъ вліяніемъ.

Изъ всѣхъ подобныхъ народническихъ группъ этого времени, какъ извѣстно, возникъ такъ наз. процессъ 193. И тутъ Ф. В. сыгралъ видную роль. Въ подготовительный періодъ знаменитаго сидѣнія въ домѣ предварительнаго заключенія ему принадлежала инищіатива въ устройствѣ иллюминаціи въ честь годовщины американской независимости 4 іюня, съ огарками зажженныхъ свѣчей и американскими флажками на окнахъ; во время суда онъ первый заявилъ отказъ отъ участія въ судоговореніи, и, наконецъ, его перу принадлежало то политическое завѣщаніе, которое уходившіе въ ссылку оставили потомству.

Наша слѣдующая встрѣча произошла уже при совершенно другой обстановкѣ — въ Лондонѣ въ 1890 г., куда онъ пріѣхалъ изъ Америки послѣ своего побѣга изъ Сибири, черезъ Владивостокъ и Японію. Это было все то же, вѣчно ноющее и скорбное тѣло; но въ немъ жилъ уже опытный журналистъ и, я бы сказалъ, политическій памфлетистъ. Скитаясь изъ одного медвѣжьяго угла Сибири въ другой — изъ Тюкалинска въ Троицкосавскъ, Читу и т. п., онъ никогда не порывалъ связи съ общественной мыслью, сотрудничалъ и даже редакторствалъ въ лучшихъ сибирскихъ органахъ печати въ теченіе ряда лѣтъ.

Когда въ Сибирь пріѣхалъ Дж. Кеннанъ въ качествѣ корреспондента американскаго журнала изучать преступную Сибирь, Волховскій былъ тѣмъ посредникомъ между нимъ и политической ссылкой, который сумѣлъ показать иностранцу, что́ человѣческое въ ней, что́ лежитъ за условной внѣшностью, заинтересовать его въ ея страданіяхъ и въ концѣ концовъ сдѣлать его изъ врага самымъ горячимъ сторонникомъ русскаго освободительнаго движенія. Книга Кеннана о сибирской ссылкѣ, какъ извѣстно, составила эпоху въ пониманіи Западомъ политической Россіи. До самаго послѣдняго времени Кеннанъ сохранилъ съ Ф. В., изъ всѣхъ русскихъ эмигрантовъ, самыя близкія, дружескія отношенія.

Поразительная живучесть и находчивость сказались и въ перипетіяхъ Ф. В. на чужбинѣ. Какъ только онъ попалъ въ Канаду безъ связей и почти безъ языка, онъ ухитрился пріобрѣсть тамъ въ самое короткое время друзей и не безъ успѣха прочелъ на своемъ ломаномъ англійскомъ языкѣ рядъ лекцій о Сибири и Россіи.

Когда онъ появился въ Лондонѣ, тамъ уже существовало англійское Общество Друзей Русской Свободы и имѣло ежемѣсячный органъ «Free Russia», который редактировался Степнякомъ (С. М. Кравчинскимъ). Волховскій тотчасъ же занялъ въ Обществѣ видное мѣсто, а по смерти Степняка въ 1895 г. сдѣлался и его вдохновителемъ и редакторомъ органа.

Вообще онъ пользовался среди англичанъ большимъ престижемъ. Имъ особенно импонировала его исключительная личная выработка: съ обычной нашей неряшливостью и безалаберностью и кружковщиной онъ имѣлъ мало общаго и даже сторонился отъ нихъ. Безусловная корректность въ личныхъ отношеніяхъ, въ вопросахъ долга и чести роднила его съ англійскимъ джентльменствомъ и была причиной того, что у него среди англичанъ были такіе личные друзья, которые ему безусловно довѣряли во всемъ и считали его однимъ изъ своей среды. Этимъ же объясняется и то, что подъ его вліяніемъ изъ молодыхъ англійскихъ литераторовъ выработался рядъ искреннихъ и преданныхъ работниковъ русскаго освободительнаго движенія, которое они изучили и знаютъ не понаслышкѣ, а изъ собственнаго наблюденія и опыта.

Помимо своихъ статей въ «Free Russia», Ф. В. довольно часто писалъ и въ общей прессѣ по русскимъ вопросамъ. Его отзывы не были блестящими по своей формѣ, какъ напр. многія статьи Степняка или П. А. Кропоткина, но всегда очень добросовѣстны и строго обоснованы. Онъ всегда держался того законнаго правила, что всякій пересолъ въ литературномъ партизанствѣ приноситъ общественному дѣлу гораздо больше вреда, чѣмъ пользы. Въ сущности политическимъ журналистомъ и лекторомъ его сдѣлала необходимость: его призваніе лежало не въ этой плоскости. Его всегда тянуло къ драматизаціи и къ поэзіи, къ чему у него были несомнѣнныя дарованія. Замѣчательный разсказчикъ и декламаторъ, онъ ни по своей болѣзненности, ни по условіямъ жизни за границей не могъ развивать этихъ своихъ дарованій. То, что написано имъ въ видѣ сказокъ, разсказовъ и стихотвореній, несомнѣнно свидѣтельствуетъ объ этомъ; а написано имъ довольно много, и, къ сожалѣнію, остается неизвѣстнымъ для русскаго читателя.

Его горячая любовь къ своей милой родинѣ—Украинѣ выразилась въ преклоненіи передъ Шевченко. И въ его собственныхъ стихахъ звучитъ та же нота глубокой скорби и «смѣха сквозь слезы», какъ и въ поэзіи великаго писателя.

Много онъ работалъ и на поприщѣ популярной литературы, писалъ подъ рядъ много лѣтъ, подчасъ одинъ, безъ всякой поддержки и увѣренности, что его слово когда-нибудь дойдетъ до тѣхъ, для которыхъ оно пишется. Но и то, что доходило и читалось, составляло большой трудъ и большую заслугу. И мы вѣримъ, что полная оцѣнка всего того, что имъ сдѣлано, принадлежитъ будущему.

Н. В. Чайковскій.

Послѣдній украинскій шестидесятникъ.

(Къ полугодовщинѣ смерти К. П. Михальчука).

7 апрѣля въ Кіевѣ на 74 году жизни скончался крупный украинскій ученый-лингвистъ и общественный дѣятель Константинъ Петровичъ Михальчукъ. Если имя К. П. Михальчука мало знакомо широкимъ кругамъ русскаго общества, гдѣ его знала преиму-

К. П. Михальчукъ.

щественно тѣсная семья филологовъ, то въ украинскомъ обществѣ онъ пользовался прочнымъ уваженіемъ не только какъ авторитетный ученый и дѣятельный членъ украинскаго Научнаго Общества въ Кіевѣ, но и какъ послѣдній изъ оставшихся въ живыхъ дѣятелей общественнаго движенія на Украинѣ, извѣстнаго подъ именемъ «хлопоманіи». Съ именемъ К. П. Михальчука тѣсно

связанъ яркiй перiодъ въ исторiи украинскаго возрожденiя, отмѣченный возвратомъ къ родному народу «украинцевъ польской культуры» и широкой научной работой, создавшей основы украиновѣдѣнiя. Такимъ образомъ для современнаго украинскаго общества К. П. Михальчукъ былъ какъ бы живымъ воплощенiемъ «*былого*» украинскаго возрожденiя и органическимъ звеномъ, соединявшимъ пережитое и ушедшее уже въ даль исторiи съ настоящими днями и задачами нацiональной жизни. Участникъ кружка хлопомановъ, основавшихъ по его инициiативѣ извѣстную Кiевскую «Громаду», эту первую ячейку, изъ которой, послѣ антракта, созданнаго закрытiемъ въ 1847 г. «Кирилло-Меѳодiевскаго Братства», постепенно выросло организованное движенiе украинцевъ, участникъ большинства нацiональныхъ начинанiй на протяженiи почти полустолѣтiя, свидѣтель и жертва гоненiй, воздвигнутыхъ на это движенiе, не потерявшiй ни стойкости среди этихъ гоненiй, ни вѣры въ торжество избраннаго еще въ юные годы пути, К. П. Михальчукъ символизировалъ собою какъ бы весь крестный путь, пройденный отъ 60-хъ годовъ минувшаго столѣтiя украинскимъ движенiемъ и подлинно былъ воплощенiемъ длительной активной любви къ родинѣ.

Эти черты въ обликѣ К. П. Михальчука, какъ общественнаго дѣятеля, вполнѣ гармонировали съ личными достоинствами его просто какъ человѣка, нашедшаго въ себѣ громадную силу противустоять невзгодамъ личной жизни и среди крайне неблагопрiятныхъ условiй послѣдней оставить глубокiй слѣдъ въ исторiи научной мысли и нацiональнаго движенiя на Украинѣ.

Членъ-корреспондентъ Академiи наукъ и «основатель южно-русской дiалектологiи», какъ справедливо называетъ его академикъ А. А. Шахматовъ, авторъ солидныхъ трудовъ въ области украинской филологiи, высоко цѣнимыхъ въ кругахъ спецiалистовъ и являющихся источникомъ, безъ знанiя котораго немыслимо научное изученiе украинскаго языка, К. П. Михальчукъ по своему соцiальному положенiю былъ всего лишь бухгалтеромъ пивоваренпаго завода въ Кiевѣ, занимавшимъ эту должность въ продолженiе сорока лѣтъ и отдавшимъ нелюбимому и чуждому ему дѣлу бо́льшую часть своихъ богатыхъ силъ. Непатентованный ученый, которому «независящiя обстоятельства» не позволили даже получить дипломъ объ окончанiи университета, онъ отразилъ въ своей судьбѣ весь драматизмъ, который выпадаетъ въ условiяхъ русской государственной дѣйствительности на долю ученаго-«инородца», не скрывающаго своей любви къ родному народу и не находящаго въ себѣ силъ для приспособленiя къ требованiямъ этой дѣйствительности.

Плодотворно прожитая жизнь этого непантентованнаго ученаго найдетъ, конечно, должную оцѣнку въ томъ обществѣ, созданію котораго была посвящена пытливая мысль и дѣятельная энергія К. П. Михальчука [1]) и имя послѣдняго изъ украинскихъ шестидесятниковъ-хлопомановъ займетъ одинаково почетное мѣсто, какъ въ исторіи украинской научной мысли, такъ и въ исторіи украинскаго общественнаго движенія [2]). Дѣятельность К. П. Михальчука въ обоихъ направленіяхъ не можетъ быть разсматриваема сепаратно одна отъ другой; если ученый въ немъ преобладалъ надъ общественнымъ дѣятелемъ, то всё же дѣятельность его, какъ ученаго, тѣсно связана была съ явленіями современной ему общественности, воспринятыми глубоко, до той мѣры, что онѣ стали могучимъ психологическимъ импульсомъ его научныхъ интересовъ и изысканій. Въ этомъ отношеніи К. П. Михальчукъ напоминаетъ собою другихъ украинскихъ шестидесятниковъ и семидесятниковъ - ученыхъ, съ которыми его сближали и личныя дружественныя отношенія, и единство воззрѣній на задачи, и содержаніе научной работы въ условіяхъ переживаемой ими національной жизни. Требованія послѣдней сводились къ раскрытію понятія украинской націи, выясненію ея индивидуальныхъ особенностей и того культурного капитала, который, несмотря на историческія превратности, сохраненъ былъ народомъ, представъ передъ дѣятелями 60-хъ годовъ въ видѣ живого и богатаго матеріала со стихійными данными къ дальнѣйшему развитію и формулированію.

«Какъ труба архангела», по образному выраженію Кулиша, прозвучала пѣснь возрожденія въ устахъ Шевченка, открывъ силу народнаго генія и связавъ завѣты ушедшихъ поколѣній съ новой исторіей народа, творить которую надлежало уже новымъ поколѣніямъ коллективнымъ напряженіемъ ихъ воли и труда. Призывы къ строительству новой національной жизни не могли быть восприняты и получить надлежащаго развитія безъ выясненія и всесторонняго изученія того фундамента, на которомъ должно было быть воздвигнуто новое зданіе національной жизни. Единоличныя усилія Костомарова и Кулиша, направленныя послѣ разгрома Кирилло-Меѳодіевскаго Братства къ изученію исторіи Украины, художественнаго творчества ея народа и фольклора, попытки коллективнаго изученія и разработки вопросовъ украиновѣдѣнія уже при помощи журнала «Основа» (1860—1861 г. г.),

[1]) Въ скоромъ времени выйдетъ спеціальный научный сборникъ, посвященный памяти К. П. Михальчука, въ изданіи Украинскаго Научнаго Общества въ Кіевѣ.

[2]) См. интересныя воспоминанія о К. П. Михальчукѣ Д. Дорошенка въ 5 кн. 1914 г. «Літер. Науков. Вістника».

къ сожалѣнію быстро прерванныя, должны были замѣниться планомѣрной, широко охватывающей и, въ смыслѣ децентрализаціи, болѣе глубоко проведенной работой по изученію круга дисциплинъ, охватываемыхъ понятіемъ украиновѣдѣнія.

Таковы были задачи для украинской жизни, когда покойный К. П. Михальчукъ вмѣстѣ съ другими своими товарищами «украинцами польской культуры», повинуясь проснувшемуся у нихъ и осознанному потомъ чувству кровной связи съ украинскимъ народомъ, рѣшили связать свою судьбу съ судьбою родины, отъ которой ушли ихъ отцы и дѣды и которую они снова нашли и возлюбили горячимъ чувствомъ неофитовъ. «Воспоминанія» Б. С. Познанскаго, напечатанныя въ «Украинской Жизни» и «Исповѣдь» В. Б. Антоновича («Основа») даютъ глубокое психологическое объясненіе переживаній, приведшихъ группу хлопомановъ къ отказу отъ принадлежности къ польской средѣ, болѣе сильной въ культурномъ отношеніи и болѣе прочно организованной, и къ возврату къ тому народу, культуру котораго надо было еще только поднять, и къ организаціи національной воли котораго надо было только приступать. Этотъ процессъ національнаго перелома закончился, какъ извѣстно, основаніемъ украинскими членами изъ польской (Кіевской) студенческой гмины національной украинской организаціи, извѣстной подъ именемъ «Громады». Въ настроеніяхъ членовъ послѣдней, по крайней мѣрѣ въ первые годы, преобладаютъ культурно - просвѣтительные интересы, благодаря этому и форма и содержаніе дѣятельности украинскихъ шестидесятниковъ носятъ черты, далекія отъ постановки политическихъ задачъ. Члены «Громады», иниціаторомъ которой слѣдуетъ считать К. П. Михальчука, а руководителемъ В. Б. Антоновича, принимаютъ дѣятельное участіе въ организаціи первыхъ въ Россіи воскресныхъ школъ, въ созданіи народной литературы на родномъ языкѣ, при чемъ наиболѣе талантливые изъ «громадянъ» удѣляютъ преимущественное вниманіе научнымъ изысканіямъ и занятіямъ въ области украиновѣдѣнія. Такое преобладаніе научно-просвѣтительныхъ интересовъ въ настроеніи украинскихъ дѣятелей 60-хъ г. г. объясняется, конечно, состояніемъ въ данный моментъ національнаго самосознанія на Украинѣ, коснувшагося лишь незначительныхъ круговъ интеллигенціи и не захватившаго широкихъ народныхъ массъ.

Лишь постепенно ко второй половинѣ семидесятыхъ годовъ въ настроеніяхъ «Громады», какъ выразительницы интересовъ украинскаго общества, замѣтно пробивается струя вниманія къ политическимъ моментамъ въ украинскомъ вопросѣ, нашедшая

свое выраженіе въ эмиграціи проф. М. П. Драгоманова за границу для основанія вольной украинской трибуны съ цѣлью развитія и выясненія украинскаго національнаго движенія. Эмиграція Драгоманова предпринята была по постановленію «Громады», при чемъ засѣданіе ея, на которомъ обсуждался вопросъ объ эмиграціи и общее направленіе дѣятельности Драгоманова за границей, происходило въ квартирѣ К. П. Михальчука на Кирилловской улицѣ въ Кіевѣ.

До этого событія въ жизни «Громады», равно какъ и послѣ него, члены ея въ предѣлахъ научныхъ и культурно-просвѣтительныхъ интересовъ проявляютъ большую инициативу и работоспособность, соединенную съ талантливымъ выполненіемъ. Поставивъ одною изъ задачъ своей дѣятельности всесторонее изученіе исторіи, творчества и быта украинскаго народа, они умѣло распредѣляютъ между собою работу, сообразно личнымъ наклонностямъ и научнымъ интересамъ каждаго, привлекая къ участію въ ней сочувствующихъ и организуя какъ бы неофиціальный институтъ для изученія вопросовъ украиновѣдѣнія. При открытіи Юго-западнаго отдѣла Императорскаго Географическаго Общества они почти in corpore входятъ въ составъ членовъ отдѣла, опредѣляя, своимъ участіемъ въ работахъ послѣдняго, характеръ и содержаніе дѣятельности его. Въ результатѣ этой коллективной работы изъ-подъ пера членовъ «Громады» выходитъ цѣлый рядъ научныхъ трудовъ, изслѣдованій и матеріаловъ, открывающихъ собою, по отзыву компетентнаго изслѣдователя, новую эпоху не только въ изученіи вопросовъ украиновѣдѣнія, но и въ украинской національной жизни [1]). И дѣйствительно, труды проф. В. Б. Антоновича по исторіи Украины и украинскаго казачества въ частности, И. Житецкаго по исторіи украинской литературы и народнаго художественнаго творчества, П. П. Чубинскаго по этнографіи, проф. А. Кистяковскаго въ области обычнаго народнаго права, композитора Н. В. Лисенка по собиранію и обработкѣ образцовъ пѣсеннаго народнаго творчества и цѣлаго ряда другихъ изслѣдователей, какъ проф. М. П. Драгомановъ, А. А. Русовъ, В. Науменко, В. Рудченко, проф. Ѳ. Волковъ, Б. С. Познанскій, Ѳ. Рыльскій, П. С. Ефименко, охватили собою самыя разнообразныя отрасли украиновѣдѣнія, положивъ прочныя основы для его дальнѣйшаго развитія.

Перу покойнаго К. П. Михальчука въ этомъ богатомъ наслѣдіи, оставленномъ Кіевской «Громадой», принадлежатъ труды по украинской филологіи, т.-е. той отрасли украиновѣдѣнія, которая, по состоянію предшествующихъ изысканій въ этой

[1]) См. М. Грушевскій «Украіна» кн. II, 1914 г.

области, была наименѣе разработанной и потому представляла наиболѣе трудностей для изслѣдователя. И тѣмъ не менѣе, несмотря на это, равно какъ и на личныя условія жизни, крайне неблагопріятныя для научной работы, К. П. Михальчукъ сумѣлъ побороть эти препятствія и оставилъ послѣ себя рядъ изысканій высокой цѣнности, создавшихъ автору ихъ научное имя и авторитетъ въ кругахъ спеціалистовъ. «Его давно и высоко оцѣнили спеціалисты по малорусской, или, какъ её называлъ К. П. Михальчукъ, къ южно-русской вѣтви русскаго языка. Достаточно того, что К. П. Михальчукъ былъ основателемъ «южно-русской діалектологіи»,— говоритъ о немъ акад. А. Шахматовъ [1]). Высокаго мнѣнія о К. П. Михальчукѣ, какъ авторитетѣ въ области украинской филологіи, были и такіе крупные ученые филологи, какъ академикъ Ѳ. Е. Коршъ [2]) и В. Ягичъ [3]). Формальнымъ признаніемъ заслугъ покойнаго украинскаго ученаго было избраніе его членомъ-корреспондентомъ Академіи Наукъ, но едва ли не большимъ признаніемъ этихъ заслугъ была та глубокая признательность, которую испытывалъ къ этому непатентованному ученому каждый, кто искалъ научнаго познанія украинскаго языка, стремился уяснить характерныя его особенности, происхожденіе, строеніе, распаденіе на говоры и современное состояніе. На трудахъ Михальчука воспитывались молодыя поколѣнія украинскихъ ученыхъ-филологовъ [4]), къ нимъ прибѣгалъ всякій украинецъ, желавшій обосновать свое національное міровоззрѣніе научными аргументами между прочимъ и въ отношеніи украинскаго языка, какъ самостоятельной лингвистической единицы. Глубокое знаніе предмета, ясность и стройное развитіе мысли, исчерпывающая эрудиція и спокойный научный тонъ изслѣдователя, соединенный съ простотой изложенія, — вотъ характерныя черты К. Михальчука, какъ ученаго, поскольку послѣднія проявляются въ его трудахъ [5]).

Къ указаннымъ чертамъ слѣдуетъ присоединить безпристрастіе и джентльменство въ отношеніи къ идейнымъ противникамъ, —

[1]) «Укр. Жизнь» 1914. кн. 4. стр. 9.

[2]) «Записки Наук. Тов. ім. Шевченка» 1914 г. стр. 4—6.

[3]) Съ академикомъ Ягичемъ К. П. Михальчукъ находился въ постоянной научной перепискѣ.

[4]) См. статью Вол. Я. «На стражѣ науки и объективности» «Украин. Жизнь», кн. 4, 1914 г. и статью «А. Ніковськаго К. Міхальчукъ Як. Фільольогъ» въ «Літер. Наук. Вістнику» кн. 4—5 за 1914 г.

[5]) «Нарѣчія и поднарѣчія и говоры Южной Россіи въ связи съ нарѣчіями Галичины», «Статистика въ области діалектологіи», «Къ южнорусской діалектологіи», «Филологическое недоразумѣніе» (по поводу труда проф. А. Крымскаго «Объ именительномъ падежѣ множ. числа прилагательныхъ въ малорусскомъ языкѣ на оэ»), «Къ вопросу объ отвердѣніи слоговъ въ малорусскомъ языкѣ», «До правопису форм мнякої деклінації в українській мові».

черты ярко выступающія въ полемическихъ работахъ К. П. Михальчука «Что такое Малорусская (южно-русская) рѣчь?» (полемика съ проф. Флоринскимъ и Буличемъ) и «Открытое письмо къ А. Н. Пыпину», по поводу статей его въ «Вѣстникѣ Европы» о спорѣ между южанами и сѣверянами («Къ исторіи отношеній къ украинству представителей прогрессивной части русскаго образованнаго Общества»).

Исканіемъ научной истины проникнуты всѣ труды К. П. Михальчука и въ то же время въ основѣ ихъ лежитъ чувство горячей любви къ родному народу. Изучая исторію народа, его многогранное творчество, бытъ; культуру, украинскіе шестидесятники, можно сказать словами К. П. Михальчука, «стремились найти самихъ себя, свою собственную жизнь, свою интимную и природную обстановку, свои неподдѣльные нравы, идеалы и вкусы, свою живую душу, своего многострадальнаго генія народнаго». Въ этомъ стремленіи К. П. Михальчукомъ, какъ однимъ изъ выдающихся шестидесятниковъ, проявлена была черта, свойственная неофитамъ идеи и вносившая въ его дѣятельность духъ повышенной напряженности, который съ одной стороны облагораживалъ работу изслѣдователя, а съ другой вызывалъ въ средѣ молодыхъ поколѣній ростки прозелитизма и чувство признательности къ нему, какъ одному изъ піонеровъ украинской національной идеи. Дальнѣйшее развитіе этой идеи внесло, конечно, поправки и дополненія къ тѣмъ задачамъ, которыя ставили въ основу національнаго движенія украинскіе шестидесятники, расширило и углубило границы послѣдняго, но историческая заслуга піонеровъ движенія, создавшихъ первыя организованныя ячейки его и положившихъ твердыя основанія для научнаго изученія вопросовъ украиновѣдѣнія, останется памятной въ исторіи украинскаго возрожденія. Чувствомъ уваженія запечатлѣно было въ частности отношеніе современнаго украинскаго общества къ К. П. Михальчуку: въ немъ видѣли послѣдняго изъ славной группы «хлопомановъ», иниціатора первой «Громады», человѣка, который до конца дней своихъ остался вѣренъ идеаламъ «юныхъ дней, дней весны» національнаго движенія. Главнѣйшіе этапы послѣдняго прошли на его глазахъ, или при его дѣятельномъ участіи. Обо всёмъ этомъ и въ особенности о начаткахъ національнаго движенія на Украинѣ въ 60-е годы XIX столѣтія многое, остающееся невыясненнымъ и неизвѣстнымъ, онъ могъ разсказать, оказавъ тѣмъ громадную услугу историку украинскаго возрожденія, чувствующему неполноту матеріала и нерасполагающему исчерпывающими данными для своей цѣли. Въ послѣднее время, главнымъ образомъ подъ вліяніемъ взволновавшихъ его «Воспоминаній»

Б. С. Познанскаго, К. П. Михальчукъ чувствовалъ потребность восполнить этотъ пробѣлъ и, сознавая близость смерти, спѣшилъ занести на бумагу сохранившіеся въ памяти остатки пережитого, предназначая свои воспоминанія «Изъ украинскаго былого» для того же изданія, въ которомъ появились и «Воспоминанія» его товарища-хлопомана Б. С. Познанскаго. Къ сожалѣнію болѣзнь и наступившая 7 апрѣля смерть не позволила докончить начатые мемуары, прервавъ ихъ на первыхъ главахъ. Со скорбью проводило украинское общество въ могилу послѣдняго своего шестидесятника, отдавшаго свои знанія и свое горячее сердце народу, къ которому изъ другого національнаго стана привело его проснувшееся чувство украинца.

С. Петлюра.

1794 годъ.

Владиславъ Реймонтъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ИНСУРРЕКЦІЯ.

ГЛАВА III.

На прекрасно утрамбованной площади передъ Уяздовскимъ дворцомъ послѣ полудня началось войсковое ученіе. Было немного пасмурно. Дулъ теплый вѣтерокъ, собирался дождь.

Полкъ Дзялынскаго стоялъ въ боевомъ порядкѣ, развернутымъ въ двѣ линіи строемъ. Люди, вытянувшись, окаменѣли въ напряженномъ ожиданіи. Молодые офицеры стояли, какъ вкопанные, у своихъ взводовъ: капитаны замерли на флангахъ своихъ ротъ; майоры — передъ батальонами, а впереди всѣхъ, на лихомъ конѣ, полковникъ Гауманъ осматривалъ орлинымъ взоромъ ровныя шеренги.

— Колонна впередъ, по-двое, маршъ!—раздалась команда.

Загремѣли барабаны, отбивая тактъ; тамбуръ-мажоръ подалъ знакъ музыкантамъ; раздалась звучная музыка; лѣсъ штыковъ дрогнулъ и весь полкъ, какъ одинъ человѣкъ, двинулся фронтомъ впередъ; земля загудѣла отъ топота ногъ; поднялась туча пыли.

Мѣрно заколыхались штыки, сверкая среди этой пыли; заблестѣли трехугольныя мѣдныя бляхи на колпакахъ солдатъ; сочетаніе лиловыхъ, отороченныхъ краснымъ, мундировъ съ бѣлыми шароварами было очень красиво.

Люди были подобраны подъ ростъ. Многолѣтнее пребываніе въ строю и въ походахъ придавало имъ бравый видъ, а суровыя лица, подкрученные по формѣ усы, мундиры, какъ съ иголочки,— все это создавало общее впечатлѣніе необыкновенной импозантности. Солдаты маршировали твердымъ ровнымъ шагомъ, такъ что линія фронта не изгибалась ни на іоту. Пунцовыя верхушки солдатскихъ киверовъ производили впечатлѣніе длинной развернутой ленты. Какъ неудержимо растущая въ своемъ движеніи волна, перешелъ полкъ черезъ площадь и направился по знаменитой липовой аллеѣ въ Лазенки, гдѣ на сѣромъ конѣ его ждалъ Дзялынскій со своимъ адъютантомъ Липницкимъ. За нѣсколько шаговъ до командира Гауманъ осадилъ своего коня и звучнымъ голосомъ скомандовалъ.

— Шагъ на мѣстѣ!

Полкъ остановился, отбивая шагъ, чтобы не потерять темпа.

— Великолѣпно! Сто сорокъ шаговъ въ минуту! — радостно похвалилъ свой полкъ Дзялынскій.

— Колонна налѣво! Фронтомъ впередъ! Шагомъ маршъ!

Какъ по мановенію волшебнаго жезла, полкъ перестроился и тронулся дальше.

Дзялынскій внимательно слѣдилъ за всѣми движеніями полка; Липницкій на гнѣдой кобылѣ ежеминутно скакалъ съ его приказаніями. Не успѣвалъ Гауманъ закончить одной эволюціи, какъ, почти безъ передышки, приходилось начинать другую: смыкались и размыкались колонны, строились и перестраивались карре; полкъ то бросался въ яростную штыковую атаку, то разсыпался стрѣлковой цѣпью, то наступалъ скошеннымъ фронтомъ. Гулко раздавались въ облакахъ пыли слова команды, звучали бубны, гремѣла музыка и далеко разносился мѣрный топотъ шеренгъ.

Дзялынскій внимательно слѣдилъ за всѣмъ. Онъ очень любилъ этотъ полкъ. Каждаго офицера онъ зналъ лично, а на солдатъ возлагалъ большія надежды, зная ихъ мужество и великолѣпную выправку. Со времени возвращенія изъ Гродно Дзялынскій велѣлъ удвоить полку довольствіе и изъ собственнаго кармана заплатилъ все жалованье до послѣдней копейки. Ему очень хотѣлось привязать къ себѣ людей, ибо теперь каждый день можно было ждать, что прямо съ плацъ-парада ихъ придется вести на войну.

Правда, въ полку было немного заговорщиковъ. Но члены союза съ Мицельскимъ во главѣ прилагали всѣ усилія къ тому, чтобы довести выправку до высшей степени совершенства и чтобы вдохнуть въ солдатъ духъ патріотизма. Успѣхъ этихъ стараній

ясно чувствовался во всемъ складѣ и въ большой готовности полка.

Обуреваемый глубокими и тяжелыми думами, смотрѣлъ Дзялынскій на всѣ эволюціи своего любимаго дѣтища.

— Панъ генералъ! — раздался вдругъ за его спиной чей-то сдержанный голосъ.

Дзялынскій съ удивленіемъ обернулся. Передъ нимъ стоялъ человѣкъ средняго роста, въ нагольномъ тулупѣ и въ бараньей шапкѣ, изъ-подъ которой блестѣли сѣрые, глубоко запавшіе глаза и желтѣло сморщенное, какъ печеное яблоко, лицо. По внѣшности это былъ нищій: съ двухъ сторонъ у него висѣли сумки для сбора подаяній, въ рукахъ онъ держалъ длинный посохъ, и весь его видъ возбуждалъ сожалѣніе.

Дзялынскій полѣзъ было въ карманъ, чтобы дать ему милостыню, но старикъ, сдѣлавъ условный знакъ, тихо сказалъ.

— Изъ Кракова возвратились. Игельстрёмъ уѣзжаетъ.

— Подожди! Липницкій! — онъ шепнулъ нѣсколько словъ на ухо полковому адъютанту и снова обратился къ старику. — Что, дѣдушка, ты отъ Капуциновъ?

— Сижу я подъ Краковскими воротами, къ услугамъ пана генерала.

— Знаю ли я тебя?

— Во время прошлаго сейма не разъ получалъ я милостыню и отъ васъ, панъ генералъ, и отъ другихъ патріотовъ. — При этомъ старикъ какъ-то особенно усмѣхнулся.

— Бараній тулупчикъ! — вдругъ сразу припомнилъ Дзялынскій. Подъ этимъ прозвищемъ старикъ такъ искусно скрывался, что никакія разслѣдованія не смогли раскрыть ни его имени, ни общественнаго положенія. Старикъ былъ очень хорошо извѣстенъ варшавскому обществу; ни одного мѣстнаго туза не пощадили его злостныя эпиграммы, передававшіяся изъ устъ въ уста; эпиграммы эти въ писанномъ видѣ разбрасывались по ресторанамъ и кафе. Его острый, какъ бритва, языкъ не щадилъ никого, даже короля; одни видѣли въ немъ маніака, другіе считали его орудіемъ патріотовъ, стремившихся всѣми способами очернить своихъ политическихъ противниковъ. Старикъ совершенно не заботился о себѣ, бичевалъ всѣ дикія выходки вельможъ, защищалъ интересы крестьянства, чѣмъ и привлекъ къ себѣ сердца простонародья.

— Снова приходится устраивать заговоръ во имя отчизны! — сказалъ Дзялынскій.

— Конечно, это наша святая обязанность.

— Что, собаки маршала за тобой ужъ не гоняются?

— Не удается, хотя конфедераты и играютъ въ руку Игельстрёма даже въ исповѣдальняхъ...

— Ну, обо всемъ этомъ ты мнѣ по порядку разскажешь!

Какъ разъ въ это время трубы заиграли отбой, и полкъ, построившись по-ротно, двинулся въ казармы.

— Ну, сегодня Игельстрёмъ ничѣмъ не поживится! — пробурчалъ старикъ.

Дзялынскій молча любовался великолѣпнымъ видомъ уходящихъ солдатъ; такія же чувства возбуждалъ полкъ и въ душѣ «Бараньяго тулупчика». Глубоко вздохнувъ, онъ сказалъ.

— Вотъ бы побольше такихъ прекрасныхъ полковъ!

Дзялынскій смотрѣлъ впередъ и ничего не отвѣтилъ.

— У Мировцевъ попрежнему,—конфиденціально прошепталъ старикъ,—вмѣсто военныхъ экзерцицій — сплошныя гулянки. Пропиваютъ все до послѣдней нитки!

— Не болтай, чего не понимаешь! — Дзялынскій соскочилъ съ коня.

— Говорю я то, что хорошо знаю! — смѣло возразилъ «Бараній тулупчикъ». — И въ другихъ полкахъ не лучше. Напримѣръ, въ пѣшей гвардіи бабъ и потаскушекъ больше, чѣмъ солдатъ. Каждую недѣлю справляютъ такія крестины, что всѣ Фаворы трещатъ!

— По солдатской поговоркѣ, что сторона, то жена, что приходъ, то ребенокъ. Ты, вѣрно, не знаешь солдатскаго житья, — какъ съ ровней шутилъ съ нимъ Дзялынскій.

— Былъ я у нихъ вчера. Въ казармахъ чистый базаръ, столько тамъ жидовъ, торгашей и всякой сволочи.

— Что у тебя въ пустыхъ мѣшкахъ одна только клевета? Не щадишь ты никого.

— О корпусѣ коронной артиллеріи могу сказать то же, что и о полкѣ Дзялынскаго: настоящіе богатыри и истинные сыны отечества!

Старикъ произнесъ эту фразу очень громко. Дзялынскій даже усмѣхнулся; потомъ старикъ написалъ карандашомъ какую-то записочку и подалъ ее генералу.

— Надо передать въ собственныя руки, его милости, Барша.

— Я долженъ не спускать глазъ съ Игельстрёма; ахъ, да тутъ у меня подъ рукой Куба. — Дзялынскій свистнулъ особеннымъ образомъ въ глиняную свистульку, и вдругъ передъ нимъ, какъ изъ-подъ земли, выросъ высокій рябой парень, съ круглымъ лицомъ и бѣгающими глазами. Это былъ Куба, барабанщикъ второго стрѣлковаго батальона, дитя полка, страшный сорванецъ, всегда готовый на всякія продѣлки, гроза толстыхъ бабъ и евреевъ.

Куба одѣтъ былъ въ штатское платье, но передъ шефомъ вытянулся въ струнку.

— Что ты опять натворилъ? — сурово спросилъ генералъ. Онъ зналъ всѣ мельчайшія происшествія въ полку. — Ну, разсказывай-ка, какъ было дѣло?

— Честь имѣю донести, — началъ Куба, не спуская глазъ съ генерала, — что вчера, въ то время какъ поручикъ Сѣрнинскій училъ новобранцевъ, пришедшихъ изъ-подъ Гродна, на площади появился какой-то жидокъ, торговавшій яблоками, и сталъ разспрашивать, откуда эти солдаты и сколько ихъ. Я сразу пронюхалъ въ чемъ дѣло, мигнулъ товарищамъ и мы заманили жидка за казармы къ отхожимъ мѣстамъ. Тутъ Юзекъ изъ перваго стрѣлковаго затрубилъ атаку и спустилъ собакъ. Вотъ и все, ясновельможный панъ генералъ.

— Лжешь, жида едва спасли, онъ уже не дышалъ.

— Смиренно докладываю, что доска подъ нимъ сломалась и онъ полетѣлъ внизъ, кромѣ того онъ былъ очень жиренъ и чуть не задохся отъ вони.

Дзялынскій едва удерживался отъ смѣха.

— А панъ майоръ Зейдмицъ далъ мнѣ по мордѣ за этого пархатаго.

— Въ другой разъ накажу плетьми и выгоню изъ полка.

У Кубы слезы блеснули въ глазахъ, но потомъ, получивъ прощеніе и полъ-золотого, онъ засмѣялся, заигралъ въ кулакъ зорю и бросился прочь, какъ вихрь.

— Большая шельма — надо слѣдить за нимъ, сказалъ Дзялынскій Липницкому, пересаживаясь съ коня въ поданный ему экипажъ.

— Это всевидящее око капитана Мирецкаго, онъ ему преданъ душой и тѣломъ.

Дзялынскій поѣхалъ къ городу. Не доѣзжая Трехъ крестовъ, онъ обогналъ какую-то карету, шестерикомъ, окруженную вооруженнымъ эскадрономъ. Это ѣхали Игельстрёмъ съ генераломъ Пистромъ и съ какой-то расфранченной дамой.

Дзялынскій съ безпокойствомъ обернулся, но уже пышный экипажъ скрылся въ густыхъ клубахъ пыли.

Тѣмъ временемъ Куба, послушный приказу поспѣшить, летѣлъ по Новому Свѣту, искусно лавируя между группами пѣшеходовъ и возами, никого не обижая, вопреки своему обыкновенію. Его не искусили ни евреи, съ мѣшками за плечами, возвращавшіеся домой въ предмѣстье, ни русскій патруль, маршировавшій подъ рокотъ барабана. Только на Кракѣскомъ у костела Доминиканцевъ Обсервантовъ соблазнилъ его спящій дѣдъ. Куба

вырвалъ у него деревянный костыль и отскочилъ въ сторону. Дѣдъ принялся такъ кричать, что скоро собралась цѣлая толпа народу.

— Ползай, благодѣтель, на карачкахъ, колтунъ пройдетъ — насмѣхался надъ старикомъ Куба, тыча ему костылемъ въ носъ и отскакивая въ сторону. Подбодряемый смѣхомъ, раздававшимся со всѣхъ сторонъ, Куба самъ оперся на костыль и, передразнивая старика, затянулъ въ носъ.

— Иди сюда, лысый конь, съ красной бородавкой, угости старика вкуснымъ табакомъ. — Когда же раздались крики одобренія собравшейся толпы, Куба вдругъ бросилъ старику костыль, снова затрубилъ въ кулакъ и загарцовалъ по срединѣ улицы, какъ лошадь съ норовомъ. Когда изъ балагановъ подъ Святымъ кресгомъ вѣтеръ донесъ до него лакомый запахъ жареной колбасы, онъ внезапно остановился и, почуявъ носомъ непріятельскую позицію, осторожно двинулся къ усатой торговкѣ, сидѣвшей на стражѣ своихъ сокровищъ. Куба сразу понялъ, что фронтальной атакой тутъ ничего не подѣлаешь, и рѣшился принять обходное движеніе: заломивъ набекрень шапку, засунувъ руки въ карманъ зеленыхъ шароваръ, онъ отвѣсилъ усатой пани вѣжливый поклонъ и началъ въ носъ:

— Новости, новости, благодѣтельница пани Марцинова, король Сигизмундъ отправляется въ гости къ королю Собѣсскому! Просто удивленіе!

Торговка даже не двинулась, только руку осторожно протянула въ бокъ за палкой.

— Ну-ка, отвѣсь мнѣ колбаски, только съ толстаго конца. Плачу наличными, — Куба бросилъ на столъ истертую монету, но такъ неловко, что она покатилась подъ ноги хозяйкѣ. — Посторонись бабушка — и онъ наклонившись, чтобы поднять деньги, такъ завизжалъ, что испуганная торговка вскочила съ мѣста, а онъ схватилъ увѣсистый кусокъ колбасы и былъ таковъ.

Онъ скоро очутился передъ домомъ Барша, въ Краковскомъ предмѣстьѣ, противъ почтамта. Въ домѣ былъ праздникъ: изъ оконъ перваго этажа слышалось пѣніе и звуки фортепіано; къ подъѣзду подкатывали одинъ за другимъ экипажи съ важными расфранченными особами. Городской стражъ, въ мундирѣ гранатнаго цвѣта, съ красивыми позументами и въ высокой шапкѣ, отороченной барашкомъ, алебардой отгонялъ напиравшую толпу и покрикивалъ на торговокъ, когда тѣ начинали приставать къ вельможамъ.

Куба смѣло двинулся къ подъѣзду, но алебарда преградила ему дорогу; не помогли ни просьбы, ни убѣжденія, а когда парень

попытался прорваться силой, то былъ отброшенъ со ступеней ударомъ тяжелаго сапога. Онъ моментально вскочилъ на ноги и, наскакивая на строгаго стража, началъ орать во всю глотку:

— Ахъ ты городовая шваль! Сонная морда! Грязь ты червивая! — Крикъ Кубы потѣшалъ толпу, вообще враждебно настроенную противъ городскихъ служащихъ. Ничего не достигнувъ руганью, онъ, наконецъ, смѣшался съ толпой.

Потомъ вдругъ онъ опять появился съ огромнымъ котомъ въ рукахъ, преслѣдуемый сворой разъяренныхъ псовъ, онъ бросилъ кота на подъѣздъ и въ тотъ моментъ, какъ собаки чуть не сбили съ ногъ удивленнаго стража, ему удалось проскользнуть мимо въ ярко освѣщенную переднюю.

Его сейчасъ же провели къ Баршу. Хозяинъ сидѣлъ въ задней комнатѣ передъ зеркаломъ и точилъ бритву.

Куба передалъ ему записку и, стоя вытянувшись, какъ струна, бѣгло осматривалъ комнату.

— Гдѣ сейчасъ панъ генералъ?

— Честь имѣю доложить, что панъ генералъ только что отбылъ съ Уяздовой.

— А что, умѣешь ты брить?

— Раньше, чѣмъ панъ капитанъ Мицельскій назначилъ меня барабанщикомъ, я служилъ у нашего цырульника. Если надо, я и кровь пустить могу, и прочее...

— Если ты такой мастеръ, ну-ка распусти мнѣ мыло, — приказалъ Баршъ, перечитывая записку, приглашавшую его въ девятомъ часу на собраніе комитета подъ Сфинксомъ.

Баршъ взглянулъ на часы: былъ уже шестой часъ, времени оставалось мало, чтобы собрать заговорщиковъ. Да и вообще собраніе это было ему не съ руки. Онъ только что возвратился изъ поѣздки и чувствовалъ себя такимъ усталымъ, какъ съ креста снятымъ; въ довершеніе всего сегодня какъ разъ былъ день рожденія и именины его старшей дочери Франциски. День этотъ всегда торжественно праздновался. Приглашенные гости наполняли уже всѣ комнаты, ихъ громкій говоръ и смѣхъ доносился даже до этого отдаленнаго кабинета, выходившаго окнами на монастырь Кармелитовъ. Баршъ долженъ былъ показаться гостямъ и, во избѣжаніе толковъ, придумать какой-нибудь предлогъ для своего удаленія. Однако раздумывать было нечего. Записка была въ сущности строгимъ приказомъ. Баршъ надѣлъ на себя пудермантель и подставилъ Кубѣ щеку.

— Намыливай! Что у васъ въ казармахъ все уже готово? — Парень вздрогнулъ, потомъ, скорчивъ глупую рожу, покорно спросилъ.

— То-есть какъ готово, — осмѣлюсь спросить вашу милость?

— Говори смѣло! — Баршъ пальцами подалъ условный знакъ.

Тогда Куба, намыливая ему щеки, началъ таинственно шептать.

— Панъ капитанъ Мицельскій приказалъ держать языкъ за зубами, кто бы ни спрашивалъ, хоть полковникъ, хоть самъ король, если онъ не сдѣлаетъ условнаго знака. Изъ меня и клещами не вытянешь того, что знаю.

— Давно служишь?

— Въ полку съ малыхъ лѣтъ. А барабанщикомъ вотъ ужъ пятый годъ.

— Не нюхалъ еще пороху, что?... Ну осторожнѣй, скреби!

— Я? — Куба сморщился. — Въ прошлогоднюю войну былъ раненъ, и самъ полковникъ вспомнилъ обо мнѣ въ приказѣ передъ цѣлымъ батальономъ. — Слезы зазвучали въ его голосѣ. — Какъ дождусь совершеннолѣтія, пойду въ строй. Службу я знаю, какъ свои пять пальцевъ.

— А не хочется тебѣ погарцовать на конѣ?

— И... не охотникъ я до конницы! — рѣзко отвѣтилъ Куба.— Въ кавалеріи помѣщики — офицера, а пастухи—солдаты. Настоящаго солдата днемъ съ огнемъ не сыщешь. Видалъ ихъ работу! — Куба говорилъ тономъ стараго вояки. — Подъ Зеленцами такъ низко кланялись ядрамъ, что видно было только конскія головы. Утекли бы при малѣйшемъ натискѣ. Парадировать на плацъ-парадахъ, палить при кликахъ ура, грабить по селамъ, да вытаскивать дѣвокъ изъ каморокъ, на это они мастера.

— Прошу, вельможный пане, правую щеку немного налѣво.— Куба брилъ Барша, какъ настоящій мастеръ, и, не переставая, болталъ. — Всѣ войска смѣются надъ этими кобыльими сыновьями, задираютъ только носы выше конской морды, Богъ вѣсть за какія заслуги, а на войнѣ отъ нихъ такой же толкъ, какъ отъ деревянной куклы.

— Ну поскорѣе! Знаешь ли ты хорошо Варшаву и квартиры пановъ изъ комитета?

— Къ вашимъ услугамъ панъ! Въ прошломъ году я разносилъ почту «соединенныхъ орудій». Адреса квартиръ, которые я не знаю, дастъ мнѣ «Бараній тулупчикъ» или слѣпой Мартынъ отъ Капуциновъ.

— Разнесешь важныя письма! Подожди! — и Баршъ, какъ былъ въ пудермантелѣ, принялся за писаніе приглашеній.

Однако его прерывали каждую минуту: то входили слуги за приказаніями, то врывались дочери съ упреками, что онъ не показывается гостямъ, то какой-то толстый панъ, желая поговорить

о чемъ-то по секрету, пролѣзъ черезъ потайную дверь, скрытую въ обояхъ.

Наконецъ, вошла сама хозяйка. Узнавъ въ чемъ дѣло, она стала вкладывать письма въ конверты и прикладывать печать. Пани Бэршъ была дама въ расцвѣтѣ лѣтъ и красоты: стройная. высокая, въ великолѣпномъ шелестящемъ платьѣ. Благородный овалъ лица, черные миндалевидные глаза, орлиный носъ, курчавые густые волосы, обсыпанныя золотистой пудрой и волнами ниспадавшіе на ея низко декольтированныя плечи и шею. Прекрасныя формы ея тѣла манили къ себѣ, а умное выраженіе лица и пріятный голосъ невольно привлекали; дочь президента Варшавы, Рафаиловича, она счастливо соединяла въ себѣ высокія достоинства самоуваженія, большаго образованія и гордости быть женой извѣстнаго въ городѣ человѣка. Она была вѣрнымъ товарищемъ своего мужа и помощницей во всѣхъ его политическихъ выступленіяхъ: она гордилась его умомъ и тактомъ.

Баршъ, написавши приглашенія, отдалъ ихъ съ двумя золотыми Кубѣ и скрылся для одѣванія въ альковѣ, заслоненномъ зеленой ширмой.

— Въ девять часовъ надо будетъ уйти изъ дому — обратился онъ къ женѣ, которая смотрѣла въ окно на сады Кармелитовъ, окутанные уже предвечерней мглой.

— Отецъ уже разспрашивалъ меня, куда ты ѣздилъ.

— Придется извиниться, надо дать комитету отчетъ о рѣшеніи начальника.

— И принять новую отсрочку — она вздохнула съ гнѣвнымъ нетерпѣніемъ.

— Генералъ привелъ такіе доводы, что разумъ приказалъ согласиться.

— Дзялынскій иного мнѣнія: онъ бы не отложилъ возстанія...

— Войско вѣритъ Костюшкѣ и только за нимъ желаетъ итти.

— Я не отрицаю въ Костюшкѣ талантовъ и преданности дѣлу, но для успѣшнаго окончанія революціи, я думаю, необходима мощная фигура, подобная одной изъ тѣхъ, которыя во Франціи изумляютъ міръ величіемъ своихъ поступковъ, неумолимостью борьбы съ тиранами и геройствомъ.

— Видалъ я ихъ вблизи. Повѣрь мнѣ, Костюшко стоитъ выше нихъ. Онъ превосходитъ ихъ доблестью, скромностью, силой духа и любовью къ родинѣ. Онъ не присяжный политиканъ, а настоящій человѣкъ и гражданинъ. Мнѣ онъ представляется свѣтомъ новыхъ временъ и новыхъ поколѣній. Онъ великое сердце и великая совѣсть Польши.

— Доблесть гражданина можетъ быть большой помѣхой для диктатора.

— Такъ учитъ ксендзъ Мейеръ, но для меня его слова не убѣдительны. У насъ условія совершенно иныя, чѣмъ во Франціи, и мы для успѣшнаго окончанія революціи должны пользоваться способами, соотвѣтствующими дѣлу нашего народа, и выдвигать во главу движенія особыхъ людей.

— Тебѣ лучше знать, — съ чувствомъ прошептала она; ее обуревали всевозможныя тревоги, и она жаловалась мужу. —Мнѣ бы только хотѣлось, чтобы дѣло уже началось. Мнѣ не страшенъ рискъ, но ожиданіе смертельно томитъ меня. И за тебя боюсь,—тихо добавила она, когда онъ къ ней приблизился.

Баршъ горячо обнялъ жену и покрылъ поцѣлуями ея лицо и глаза.

— Ты знаешь, какъ я люблю тебя и дѣтей, но любовь къ родинѣ прежде всего, для нея я даже съ вами готовъ разстаться,— слова Барша звучали гордой рѣшимостью.

— Преклоняюсь передъ твоимъ выборомъ, преклоняюсь,— сквозь слезы промолвила она, и брови ея задрожали отъ едва сдерживаемыхъ рыданій. — Я не противлюсь тому, что ты считаешь своимъ святымъ долгомъ, но эта жертва моего сердца и отказъ отъ счастья мучаетъ меня смертельно. — Идемъ! Насъ ждутъ. — Усиліемъ воли она придала лицу довольное выраженіе и заставила сердце молчать, но, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, упала мужу на грудь и разрыдалась.

Черезъ минуту она однако справилась со своимъ волненіемъ и быстро заговорила:

— Отецъ увѣряетъ, что Игельстрёмъ формируетъ тайную полицію, что онъ получилъ инструкцію и приказанія отъ Сиверса. Ему поручено наблюдать за войсками и за тѣми разоруженными офицерами и солдатами, которые съ каждымъ днемъ все въ большемъ количествѣ прибываютъ въ городъ. Съ другой стороны, маршалекъ Мошинскій приказалъ установить строгую слѣжку за всѣми кофейнями и частными домами.. — Вытеревъ слезы, она молча начала обдумывать эту новую помѣху для дѣла.

— Нужно узнать имена шпіоновъ и хоть кинжаломъ прервать ихъ гнусную дѣятельность... Это могъ бы сдѣлать Конопка...

— Я рѣшительно противъ. Если бы мы убрали шпіоновъ, Игельстрёмъ имѣлъ бы доказательство существованія организаціи и усилилъ бы слѣжку, а теперь онъ только догадывается, и ничего не знаетъ. Вотъ что надо сдѣлать: когда станутъ извѣстны имена шпіоновъ, мы установимъ слѣжку надъ ними же, и тогда всѣ ихъ планы рухнутъ. Однако пойдемъ къ гостямъ.

Баршъ галантно пропустилъ жену впередъ, и они пошли въ парадныя комнаты, откуда доносились звонкіе веселые голоса молодежи.

Парадныхъ комнатъ было три. онѣ были невелики и окнами выходили на Краковское предмѣстье. Въ ихъ обстановкѣ удачно сочеталась старина съ современными модами и обычаями. Много гамъ было предметовъ, заботливо сохраненныхъ прошлыми поколѣніями, была и масса вещей, привезенныхъ изъ-за границы: стояли великолѣпные столы, украшенные итальянской мозаикой; висѣли овальныя зеркала, обрамленныя фарфоровыми цвѣтами; тикали часы временъ перваго Саса; были тамъ буфеты тяжелой гданской работы. Изящныя горки, полныя пастуховъ и пастушекъ, конторки колбушовской работы, пузатыя и какъ будто готовыя упасть. И среди всего этого виднѣлись и простыя дубовыя лавки и кресла. Стѣны были затянуты затканнымъ цвѣтами полотномъ краковской фабрики, мѣстами покрытымъ парчей, съ чудными гобеленами въ почернѣлыхъ рамкахъ съ необыкновенно красивыми орнаментами.

Вездѣ были развѣшаны англійскія гравюры — сцены изъ жизни грековъ и римлянъ и эстампы, изображающія великихъ польскихъ мужей. Съ почернѣвшихъ плафоновъ, выложенныхъ деревянными розетками и квадратами, спускались тяжелыя люстры данцигской работы. Въ средней комнатѣ, гостиной. два окна которой были закрыты ширмами, молодежь играла въ разныя игры. Руководительницей въ нихъ была сама именинница Франя съ своей младшей сестрой Людвикой. Обѣ были очень похожи на мать, обѣ обѣщали скоро стать красавицами. Одѣты онѣ были по модѣ и съ большимъ вкусомъ. Черные волосы ихъ были искусно взбиты въ пышные локоны; на нихъ были голубыя платья, короткія юбки съ золотыми оборками, изъ-подъ которыхъ выглядывали длинные бѣлые панталончики съ гофрами, бѣлые чулки съ золотыми стрѣлками и атласныя туфельки, расшитыя голубыми незабудками. Обѣ барышни были высокія, стройныя и походили на фарфоровыхъ куколокъ. А милыя лица ихъ были напудрены и кое-гдѣ украшены мушками.

Звонко раздавался веселый смѣхъ всей компаніи, состоявшей изъ нѣсколькихъ барышень и подружекъ ихъ возраста. Играли въ: «строимъ мостъ для пана старосты», въ «ходитъ лиса у дороги, и нѣтъ у нея ни рукъ, ни ногъ» въ «смѣшную бабку». Веселье росло съ каждой минутой. Но все было очень прилично — молодежь была изъ лучшихъ варшавскихъ домовъ, и за порядкомъ наблюдали матери, сидѣвшія на диванахъ и тихо бесѣдовавшія.

Баршъ, незамѣченный молодежью, пробрался черезъ гостин-

ную въ сосѣднюю комнату, гдѣ сидѣли Рафаиловичъ и нѣсколько другихъ пановъ самаго различнаго положенія. Мрачная комната была вся заставлена книжными шкафами. На громадномъ столѣ, покрытомъ зеленымъ сукномъ, лежали новѣйшія книги и брошюры по политическимъ вопросамъ и сборники рѣчей послѣдняго сейма. О Гродненскомъ-то сеймѣ и шла рѣчь. Говорилъ Рафаиловичъ, послѣдними словами ругая оппозицію, называя протестантовъ открытыми измѣнниками отечеству. Всѣ молча слушали его. Даже Трембицкій, одинъ изъ столповъ Коллонтаевской Кузницы сидѣлъ, съ безстрастнымъ лицомъ, пропуская мимо ушей обидныя для себя разсужденія. Также демонстративно молчали и Сѣраковскій, инженерный полковникъ, и Венгерскій, членъ магистрата, человѣкъ очень извѣстный въ городѣ. Они считали невозможнымъ возражать, потому что Рафаиловичъ считался орудіемъ тарговичанъ, и въ немъ подозрѣвали тайнаго агента Игельстрёма. Иногда только Конопка, бывшій писарь малой печати при Коллонтаѣ, молодой человѣкъ съ горячей душой и ярый якобинецъ, осмѣливался вставлять слово протеста.

И Баршъ также молча усѣлся и терпѣливо слушалъ, хотя и могъ бы возразить. Человѣкъ онъ былъ образованный, возвышеннаго образа мыслей, горячихъ, сдерживаемыхъ разсудкомъ убѣжденій, другъ народа. Прекрасный юристъ, онъ могъ бы сдѣлать блестящую карьеру, однако онъ избралъ служеніе родинѣ, для нея одной жилъ и трудился. Хотя на прошломъ сеймѣ король и пожаловалъ ему дворянство, но не купилъ его этимъ.

Будучи однимъ изъ творцовъ конституціи 3-го мая, Баршъ и послѣ ея уничтоженія не переставалъ работать на пользу Рѣчи Посполитой. Изъ политическихъ видовъ онъ ни въ чемъ не противорѣчилъ тестю и жилъ съ нимъ въ дружбѣ. И теперь, не возражая ему, Баршъ постарался перевести разговоръ на другую тему. Всѣ съ облегченіемъ вздохнули, полилась непринужденная бесѣда, пересыпаемая юмористическими разсказами изъ путешествія хозяина.

Конопка, воспользовавшись тѣмъ, что всѣ увлеклись бесѣдой, незамѣтно проскользнулъ въ гостиную и, усѣвшись около печки, притворился, что любуется играми молодежи. На самомъ дѣлѣ онъ не спускалъ глазъ съ пани Баршъ, сидѣвшей съ дамами. Конопка былъ съ ней въ горячей дружбѣ: они вмѣстѣ читали Руссо, вмѣстѣ плакали надъ несчастьями Элоизы и восхищались ея упорствомъ и величіемъ, вмѣстѣ преклонялись передъ идеями великой революціи и вмѣстѣ погружались въ мечты о грядущемъ счастьѣ народовъ, о времени господства естественныхъ правъ. Но пришла любовь — Конопка полюбилъ пани Баршъ съ

глубокимъ восхищеніемъ и величайшей нѣжностью. Бездомный со времени отъѣзда изъ края Коллонтая, застѣнчивый и полный пламенныхъ мечтаній, врагъ всякаго гнета, филантропъ до мозга костей, человѣкъ благородной, самоотверженной души и чуткаго сердца, Конопка привязался къ пани Баршъ всей своей огненной натурой. Со всѣмъ жаромъ неудовлетворенныхъ желаній отдался онъ въ неволю этой холодной, недоступной женской душѣ. Онъ любилъ ее сильной первой любовью, любилъ въ ней ея добродѣтель и умъ, любилъ тотъ чудный ясный свѣтъ, къ которому люди стремятся изъ мрака, страданья и несчастья, любилъ въ ней зарю невыразимаго счастья.

Пани Баршъ, женщина холодная, полная огромныхъ горделивыхъ мечтаній, позволяла ему преклоняться передъ собой и подчасъ дарила пожатіемъ руки или чистымъ братскимъ поцѣлуемъ. Вообще, она была къ нему очень предупредительна, особенно потому, что онъ пользовался въ Варшавѣ большой популярностью, могъ въ будущемъ возстаніи сыграть видную роль и оказать ей помощь въ честолюбивыхъ планахъ, имѣвшихъ цѣлью возвышеніе ея мужа. Притомъ же Конопка былъ красивый, вѣрный и готовый для нея на все человѣкъ, и хотя она дѣлала видъ, что совершенно недоступна, тѣмъ не менѣе иногда онъ сильно волновалъ ее своими пылкими признаніями; не разъ его красивый голосъ будилъ въ ней смутныя желанія, не разъ прикосновеніе его горячихъ рукъ обжигало ее, а голубыя очи, такъ пламенно на нее смотрѣвшія, заставляли ея сердце замирать въ сладкой истомѣ, — тогда вся ея царственная фигура, какъ несжатый спѣлый колосъ, клонилась подъ гнетомъ сладостнаго упоенія. Но это продолжалось недолго; ея порядочность одерживала верхъ надъ минутной слабостью, она хотѣла быть достойной поклоненія. Красивая пани признавала ученіе философовъ, но, любя народъ, мечтая о всеобщемъ равенствѣ, считая естественное право своимъ евангеліемъ, все же больше всего любила привычный укладъ жизни, хорошій обѣдъ, высокое положеніе, изящныя манеры и пышность; порывы же любви она считала только острой приправой къ монотонной женской жизни.

Конопка такъ упорно смотрѣлъ на нее, что она невольно къ нему придвинулась.

— Ты пойдешь къ Дзялынскому?

— Я не членъ комитета. Ты сегодня похожа на богиню, Луиза,—горячо зашепталъ онъ.

— Ты останешься со мной цѣлый вечеръ?

— Мнѣ много надо сказать тебѣ.

Молніями блеснули его глаза. Пани Баршъ покраснѣла

подъ его взглядомъ, поднесла платокъ и съ чувствомъ промолвила.

— Цѣлую долгую недѣлю не видала я тебя!

— Эта недѣля показалась мнѣ вѣкомъ, безконечностью, — печально сказалъ Конопка. — Я ѣздилъ въ Люблинъ основать тамъ филіальное отдѣленіе «соединенныхъ друзей».

— И тебя тамъ такъ долго задержали прекрасныя люблинки?

— Ты вѣдь знаешь, что я всего себя навѣки посвятилъ одному божеству—сказалъ онъ, склоняя голову.—Скажи мнѣ что-нибудь, Луиза!

— Я восхищаюсь твоимъ сердцемъ — искренность зазвучала въ ея голосѣ. — Пожалуйста, спой что-нибудь. Ты такъ великолѣпно выражаешь любовь въ пѣніи.

— Я пою о тѣхъ чувствахъ, которыя наполняютъ мое сердце...

— Ахъ, и въ моей душѣ ты будишь какой-то тайный голосъ!

Меланхолія промелькнула въ ея глазахъ.

Его лицо освѣтилось такимъ счастьемъ, что отошедшая отъ него пани Баршъ невольно слѣдила за нимъ глазами.

Слуги зажгли свѣчи въ люстрахъ, и гостиная освѣтилась золотистымъ свѣтомъ, въ которомъ двигались прекрасныя, какъ цвѣты, лица. Игры прекратились. Молодежь столпилась къ фортепіано, стоявшему у окна. Пани Баршъ сѣла играть. Конопка сталъ около нея и высокимъ, чуднымъ голосомъ запѣлъ пѣсню, которую пѣла вся Польша: «Ужъ вечеръ, псы уснули». Въ немъ пѣла душа его, полная любовной тоски; она несла его въ неизвѣданный рай, и голосъ его передавалъ столько чувства, что у дамъ изъ глазъ потекли слезы. Онъ кончилъ, раздался громъ аплодисментовъ. Онъ пѣлъ превосходно, и самъ былъ прекрасенъ: стройный, какъ тростинка, блѣдный съ голубыми глазами и спутанными волосами, похожій на мученика, котораго возьмутъ живымъ на небо, Конопка казался распѣвшимся Адонисомъ. Пѣлъ онъ только о своихъ чувствахъ, пѣлъ для нея и только въ ея взглядахъ и усмѣшкахъ ловилъ награду...

Даже паны, игравшіе въ карты въ сосѣдней комнатѣ, появились въ гостиной, и Рафаиловичъ, выставивъ впередъ свое брюхо, разсыпался въ похвалахъ:

— И въ театрѣ не слыхалъ лучшаго пѣнія!

— Кавалеръ, вѣроятно, счастливъ въ любви, — тихо молвилъ Конопкѣ Венгерскій.

— Такимъ молодцамъ всегда везетъ,—засмѣялся Сѣраковскій.

— Ну, онъ совсѣмъ не тѣмъ занятъ,—увѣрялъ Баршъ, поглядывая на часы.

Дамы такъ и впились въ Конопку многообѣщающими взглядами и осыпали его комплиментами, а онъ съ все возрастающимъ чувствомъ пѣлъ одну за другой тѣ пѣсни, которыя зналъ. Наконецъ, красавица хозяйка между двумя пѣснями, подъ предлогомъ освѣженья лимонадомъ, увела его въ столовую и здѣсь, осыпавъ его чувствительными комплиментами, разрѣшила ему покрыть уста свои горячими, далеко не братскими поцѣлуями...

Тѣмъ временемъ Баршъ, воспользовавшись тѣмъ, что на него не обращаютъ вниманія, выскользнулъ въ свою комнату и, завернувшись въ длинный черный плащъ, вышелъ на улицу.

Въ городѣ было еще шумно, несмотря на сравнительно поздній часъ. Въ Краковскомъ предмѣстьѣ было довольно людно. Грохотали часто проѣзжавшіе экипажи, ѣхали всадники. Въ окнахъ покосившихся узкихъ домовъ мелькали огни; кофейни и шинки были еще открыты; кое-гдѣ купцы сидѣли передъ своими лавками, весело бесѣдуя съ сосѣдями въ тиши теплаго вечера. Разряженныя и надушенныя проститутки гуляли подъ надзоромъ сводней, безстыдно приставая къ богатымъ на видъ прохожимъ. Въ длинныхъ, темныхъ коридорахъ домовъ шло веселье: смѣхъ, пѣсенки и звуки дудочекъ доносились на улицу. Въ окна нижнихъ этажей видно было, какъ сапожники тянули свою дратву при тускломъ свѣтѣ чадящихъ лампочекъ, а миловидныя портнихи сидѣли надъ работой; притаившись въ сѣняхъ кавалеры дожидали ихъ выхода.

Баршъ хотѣлъ было пройти на Сулковскую черезъ дворъ почтамта, но потомъ отказался отъ этого плана, замѣтивъ тамъ скопленіе бричекъ и лошадей, а у воротъ ожидающихъ экстрапочты знакомыхъ. Онъ быстро свернулъ за уголъ и пошелъ по Трембацкой. Вымощенная и обстроенная хорошими каменными домами, улица эта была, тѣмъ не менѣе, очень грязна и шумна изъ-за массы шинковъ, всегда переполненныхъ пьяницами и солдатами. Она пользовалась недоброй славой: почти всѣ дома были домами терпимости; у настежъ открытыхъ, заставленныхъ ширмами оконъ сидѣли размалеванныя дѣвицы, зазывавшія прохожихъ непристойными приглашеніями. На каждомъ крыльцѣ играла музыка, а въ сѣняхъ, часто отдѣленныхъ одной грязной рогожей, вмѣсто дверей, стоялъ крикъ и раздавалась брань расходившихся пьяницъ. Больше всего веселились въ домѣ Баранкевича, оттуда вдоль всей улицы лились потоки свѣта и неслись крики, хохотъ, пискъ дѣвушекъ, звонъ разбитой посуды и топотъ пляски подъ звуки балалаекъ.

Баршъ, огибая домъ, наткнулся на стоявшаго у крыльца Кубу.

Что ты тутъ дѣлаешь?

Парень обдалъ его запахомъ аниса, лицо его было блѣдно, глаза пьяны.

— Его милость, ксендзъ Мейеръ, приказалъ мнѣ найти пана капитана Качановскаго и сказать ему, чтобы еще сегодня пришелъ на Старое Мѣсто, 43, въ типографію, и тамъ бы ждалъ его. Я вездѣ искалъ, былъ даже на Налевкахъ у Links Мармицелей артиллерійскихъ — доложилъ Куба.

— Разнесъ письма?

— Какъ приказали. Тутъ у Баранкевича гуляютъ русскіе офицеры, можетъ быть, онъ съ ними. Надо посмотрѣть, — Куба взялся за молотокъ, висѣвшій у двери.

— Загляни въ кофейную Дзярковскаго на Мостовой. Тамъ найдешь его.

— Не впустятъ меня безъ пароля въ секретную комнату...

— Скажи «Маратъ», только такъ, чтобы никто не слыхалъ. Впустятъ.

Куба засвистѣлъ и исчезъ. Баршъ, выйдя на Вержбовскую, свернулъ направо, вдоль колоннады дома Каноничекъ, миновалъ Сенаторскую и Рымарскую, которыя были пустынны и темны. Лавки были закрыты, фонари очень рѣдки и Баршъ вышелъ, наконецъ, на Лешно. На углу у дома, гдѣ квартировалъ генералъ Хрущовъ, стояли вооруженные часовые и горѣли большіе фонари, дальше же была полная темнота. Низенькіе домики, скрытые въ садахъ, изрѣдка небольшой каменный домъ, сторожевые псы за заборами, наглухо закрытыя окна — все это придавало улицѣ захолустный видъ. При этомъ дорога была испорчена рытвинами, ухабами, кучами песку и остатками когда-то бывшей здѣсь мостовой. Вѣковыя деревья, закрывая небо, дѣлали дорогу еще болѣе темной и опасной. Дворецъ Дзялынскаго легко было найти по двумъ каменнымъ сфинксамъ, стоявшимъ передъ воротами на высокихъ подставкахъ и давшимъ ему названіе. Онъ возвышался надъ всѣми сосѣдними низенькими постройками и передъ нимъ, какъ передъ квартирой генерала и шефа полка, всегда стояла стража. Но сегодня домъ былъ наглухо запертъ, какъ будто въ немъ никого не было, окна были темны и передъ воротами не стояло ни одного солдата.

Баршъ нѣсколько разъ простучалъ условнымъ образомъ. Ворота не открывались, и Баршъ, удивленный такимъ невниманіемъ привратника, хотѣлъ было снова взяться за молотокъ, какъ вдругъ передъ нимъ выросла какая-то фигура, лучъ свѣта озарилъ его лицо и погасъ.

— Для большей вѣрности стукъ на сегодня отмѣненъ — объ-

яснилъ Баршу «Баранiй тулупчикъ» и, впустивъ его въ ворота, исчезъ гдѣ-то подъ сфинксами.

Въ воротахъ было темно, только надъ ступенями крыльца, ведущаго въ первый этажъ, горѣлъ тусклый факелъ, при свѣтѣ котораго можно было различить позолоченныя двери. За этими дверями, въ огромной мрачной библiотекѣ, до потолка уставленной высокими, полными книгъ, шкафами, собрался Варшавскiй комитетъ и делегаты провинцiй.

Въ обширной, полутемной залѣ, на маленькомъ столикѣ стоялъ только одинъ подсвѣчникъ съ пятью зажженными свѣчами. У стола Дзялынскiй про себя читалъ письмо Костюшки. Стародубскiй подкоморiй, К. Ельскiй, читалъ черезъ его плечо, а остальные заговорщики стояли поодаль въ глубокомъ молчанiи. На лицахъ отражалась тревога и нетерпѣнiе, но никто не прерывалъ молчанiя.

Собранiе было многолюдное, съѣхались со всѣхъ сторонъ Рѣчи Посполитой. При тускломъ пламени свѣчей блестѣли глаза, съ нетерпѣливымъ ожиданiемъ устремленные на Дзялынскаго. Рядомъ съ нимъ стояли бригадиръ Мадалинскiй и генералъ Зайончекъ, потомъ полукругомъ: I. Ясинскiй, ксендзъ Мейеръ, Алое, майоръ Чижъ, Гросманн «муниципалъ» Валенскiй, I. Павликовскiй съ Марушевскимъ—оба неутомимые трибуны крестьянской вольности; за ними виднѣлись банкиръ Капостасъ, майоръ Зейдлицъ, Фр. Орсетти и П. Потоцкiй—представитель Любельскаго воеводства; дальше А. Валихновскiй, только что прiѣхавшiй съ порученiями отъ дрезденскихъ изгнанниковъ, Ст. Ледаховскiй, подкоморiй Нурскiй Зелинскiй, капитанъ Мицельскiй и секретарь Игнатiя Потоцкаго, его очи и уши, П. Дембовскiй. Было еще нѣсколько офицеровъ разнаго рода оружiя въ штатскомъ платьѣ. Баршъ, пришедшiй послѣднимъ, сталъ въ тѣни, сзади другихъ. Дзялынскiй, кончивъ письмо, обвелъ лица присутствующихъ тяжелымъ взглядомъ и громко прочелъ послѣднюю фразу:

— Я принужденъ выѣхать; когда все будетъ готово, я буду на мѣстѣ — вскочивъ, Дзялынскiй бросилъ письмо на полъ.— Это моя вина! — страстно воскликнулъ онъ. — Я убѣдилъ всѣхъ поставить его во главѣ возстанiя, а теперь я вижу, что и безъ него мы бы все сдѣлали. Все готово, а Костюшко считаетъ несвоевременнымъ начинать возстанiе и уѣзжаетъ изъ края. — Въ отчаянiи Дзялынскiй ломалъ руки.

Волненiе прошло по комнатѣ. Послышались голоса, полные печали и гнѣва.

— Отсрочка хуже пораженiя.

— Самое удобное время пропущено.

— Что намъ смотрѣть на командира, когда войска рвутся въ бой и жаждутъ побѣды.

— Развѣ слабость одного человѣка можетъ измѣнить желанія цѣлаго общества?

— Все рухнетъ, если сейчасъ же не начнемъ войны.

— Не дожидаться же намъ, чтобы войско было распущено или дезертировало.

— Это теперь-то, когда солдаты молятъ о приказѣ ударить на врага.

— Моя бригада готова хоть сейчасъ — отозвался Мадалинскій.

— Три тысячи Курновъ дожидаются со взведенными курками — прибавилъ Зелинскій.

— Большинство солдатъ не поймутъ причины отсрочки и объяснятъ ее нашимъ малодушіемъ, или чѣмъ-нибудь похуже.

— Солдаты готовы начать дѣло за свой страхъ.

— Да и горожане возмутятся отсрочкой. Кто можетъ поручиться, что они не пойдутъ по стопамъ французскихъ санкюлотовъ. Уже идутъ толки объ измѣнѣ, называются даже имена. Среди нихъ много людей, готовыхъ на все. Неужели мы допустимъ до того, что простой народъ пойдетъ впереди насъ въ исполненіи долга передъ отчизной.

Гнѣвныя слова были полны возмущенія. Большинство открыто выражало свой протестъ и негодованіе, и съ недовольствомъ смотрѣло на умѣренныхъ, которые съ Капостасомъ, Ельскимъ и Дзялынскимъ во главѣ снова перечитывали письмо начальника, обдумывая каждое его слово и стараясь проникнуть въ истинный его смыслъ.

Ясинскій, рѣшивъ, что умѣренные перешептываются изъ желанія поддержать взгляды Костюшки, выступилъ съ горячей рѣчью.

— Начнемъ же, братья, несмотря ни на кого и ни на что, — сказалъ онъ обратившись къ недовольнымъ. — Чего намъ ждать? На что надѣяться? Никто за насъ не уничтожитъ нашихъ враговъ. А время для начала самое подходящее, обстоятельства благопріятны, готовность общества и его возбужденіе какъ нельзя болѣе сильны.

И въ горячихъ словахъ онъ набрасывалъ картины начатыхъ приготовленій, говорилъ о духѣ войскъ, стремящихся помѣряться съ врагомъ силами, онъ представилъ даже весь театръ войны, на которомъ должно было разыграться возстаніе.

— Сообщенье съ Краковымъ свободно, по дорогѣ туда нѣтъ ни одного непріятельскаго солдата, — Ясинскій водилъ пальцемъ по картѣ, разложенной на столѣ.—За Пилицей тринадцать тысячъ на-

шего войска подъ начальствомъ генерала Вадзискаго. Что значатъ шестьсотъ человѣкъ гарнизона Лыкошина въ Краковѣ? Малопольская дивизія просто перешагнетъ черезъ нихъ по дорогѣ въ Варшаву. За ней встанутъ южныя воеводства, сядетъ на коней посполитое рушенье, двинутся крестьянскія когорты, вооруженныя пиками и косами. Въ Великой Польшѣ только горсть пруссаковъ. Возстаніе выжметъ ихъ оттуда такъ же, какъ плугъ выжимаетъ дождевыхъ червей изъ борозды. Король не придетъ на помощь. Вся его забота на Рейнѣ и въ Могунѣ. — Онъ ждетъ отвѣта Франціи, ежедневно готовой ударить на него. Въ Варшавѣ шесть-семь тысячъ солдатъ Игельстрёма. Нашихъ соберется столько же. Побѣда несомнѣнна. Населеніе поможетъ. Некому даже будетъ дать знать о пораженіи, и соединенное войско пойдетъ на Литву и Русь.

— Народный гнѣвъ покажетъ свою силу,—вставилъ ксендзъ Мейеръ.

— Большіе гарнизоны занимаютъ Вильну, Ковно и Гродно; по главнѣйшимъ трактамъ стоятъ казацкія команды. Кое-гдѣ спрятана егерская рота или эскадронъ драгунъ, а главныя непріятельскія силы собраны въ воеводствахъ, недавно отобранныхъ отъ Рѣчи Посполитой, они-то и наблюдаютъ за нашими войсками. Тамъ-то и произойдутъ главныя кровавыя столкновенія. Вся украинская дивизія, двадцать пять тысячъ солдатъ, со дня на день ожидаетъ отъ насъ сигнала, чтобы ударить на врага. Къ нимъ должны мы прорваться, ихъ поддержать, побить врага, выгнать его изъ края и возвратить Рѣчи Посполитой ея исконныя вотчины. Дайте только сигналъ, и вся земля встанетъ, какъ одинъ человѣкъ, и славная побѣда пойдетъ за нами. Счастливый конецъ увѣнчаетъ наши замыслы, но надо начинать немедленно, ибо каждый день отсрочки подкрѣпляетъ враговъ и уменьшаетъ силы сочувствующихъ. Я солдатъ и стану подъ команду всякаго, кто поведетъ въ бой. Начнемъ же, братья, начнемъ!

— А что на это скажутъ сеймъ и король? — раздался чей-то голосъ.

— Истые граждане пойдутъ съ нами, а остальныхъ объявимъ внѣ закона и поступимъ съ ними, какъ полагается, — рѣшилъ ксендзъ Мейеръ.

— А его милость, король прусскій? — спросилъ Баршъ, выступая на свѣтъ.

— Король прусскій, повторилъ Ясинскій, откидывая спустившіеся на лобъ волосы.—Сестра наша Франція задержитъ его на Рейнѣ до тѣхъ поръ, пока мы, обезпечивъ себя на сѣверѣ, пойдемъ съ огнемъ и мечомъ въ его владѣнія, мстя за его измѣны

и подлость. Король прусскій самый отвратительный тиранъ и врагъ народа. Кто можетъ противустоять богатырскому генію народа, борющагося за вольность. Мы обнажаемъ мечъ не для притѣсненія слабыхъ, не для грабежа, а за всеобщее счастье, за утвержденіе въ нашемъ народѣ священныхъ правъ естества, за свободу, равенство и братство! — Ясинскій уже кричалъ воспламененный горячей вѣрой въ лозунги революціи. Его энтузіазмъ передался присутствующимъ. Зазвучали крылатыя, чудныя слова, заработала фантазія, рисуя имъ картины побѣдъ, а сердца наполнились жаждой подвиговъ и славы. У многихъ на глазахъ блестѣли слезы, внутренній огонь озарялъ лица, какъ пылающій факелъ, и, охваченные святымъ порывомъ, они до глубины души были увѣрены, что все легко и достижимо.

— Долой умѣренныхъ, долой отсрочку и ссылку на неудобство политическихъ условій. Нельзя больше откладывать. Садись на коня, бей враговъ и побѣждай!

Послѣ Ясинскаго говорилъ Мадалинскій, за нимъ Громанн, горячій сторонникъ французскихъ идей, затѣмъ ксендзъ Мейеръ, заядлый якобинецъ; потомъ Мицельскій, солдатъ съ чистымъ, преданнымъ отчизнѣ сердцемъ, далѣе Алое, французъ родомъ, но полякъ душой, Марушевскій непримиримый врагъ тирановъ, выше всего ставившій свободу, подкоморій курскій Зелинскій, майоръ Чижъ, Павликовскій и, наконецъ, молодые офицеры и штатскіе. Въ заключеніе отъ нихъ имени еще разъ говорилъ Павликовскій, требуя немедленнаго начала возстанія.

Но всѣ они встрѣтили сильный отпоръ со стороны умѣренныхъ. Въ особенности Баршъ, прочитавъ вслухъ письмо Костюшки, поддерживалъ его доводы. За него вступились Капостасъ и Валиховскій съ Дембовскимъ, но они не смогли ничего добиться, на всѣ ихъ доводы отвѣтилъ Мадалинскій:

— Кто побѣдитъ, тотъ и правъ. Вношу предложеніе не отсрочивать.

Еще больше возбужденная оппозиція буреи обрушилась на умѣренныхъ. На ихъ головы посыпались ядовитыя слова и несправедливыя обвиненія. Ксендзъ Мейеръ обвинялъ ихъ въ аристократизмѣ, а Марушевскій запальчиво воскликнулъ:

— Я думалъ, что имѣю дѣло съ истыми патріотами, а на повѣрку выходитъ, что предо мной скрытые враги и эгоисты!

На эти слова возразилъ Дзялынскій, который въ длинной рѣчи заявилъ, что сначала, прочитавши въ первый разъ письмо Костюшки, онъ самъ полагалъ, что отсрочка гибельна, но потомъ, пораздумавъ, увидѣлъ, что начальникъ правъ, совѣсть не позволяетъ ему противиться его волѣ.

Вслѣдъ за Дзялынскимъ выступилъ Ельскій, доблестный мужъ, извѣстный своимъ патріотизмомъ. Воспользовавшись замѣшательствомъ оппозиціи, онъ открыто заявилъ, что считаетъ Литву неготовой къ выступленію, и что онъ самъ совѣтовалъ Костюшкѣ, отложить начало возстанія до весны. То же самое сообщилъ Потоцкій о Любельскомъ воеводствѣ, Валихновскій о Краковскомъ, гдѣ, по его словамъ, Солтыкъ многаго еще не докончилъ. Даже майоръ Чижъ огласилъ такія же свѣдѣнія о Сандомірскомъ воеводствѣ. Въ заключеніе взялъ слово Капостасъ и, резюмируя пренія, сказалъ:

— Изъ всѣхъ этихъ заявленій слѣдуетъ, что войско еще не готово, запасы недостаточны, крестьяне равнодушны, шляхта апатична и не склонна исполнить свой долгъ. Надо отложить.

— Надо отложить! — вскричалъ ксендзъ Мейеръ.

— А на равнодушныхъ, апатичныхъ и неотзывчивыхъ есть топоръ.

— Что же, ваша милость, вы хотите у насъ завести французскіе порядки?

— Конечно, если они пригодны, чтобы урезонить измѣнниковъ и послужить на пользу родинѣ — ксендзъ гнѣвно взглянулъ на Капостаса.

— Надо на чемъ-нибудь согласиться. Время уходитъ — раздался чей-то грустный голосъ. — Или же намъ остается только сидѣть на рѣкахъ Вавилонскихъ и плакать!

— Имѣй мы твердую увѣренность въ помощи Франціи, мы могли бы начать — обратился къ Ясинскому Баршъ.

— Вношу предложеніе объ ускореніи переговоровъ...

Но предложеніе это не поставили на обсужденіе, ибо вдругъ на свѣтъ выступилъ Зайончекъ, все время остававшійся въ сторонѣ, и, обращаясь къ Дзялынскому, совершенно неожиданно заявилъ:

— Если все общество желаетъ во чтобы то ни стало начать возстаніе, дѣлай, какъ самъ считаешь лучше, а мы пойдемъ за тобой. Швейцарцы прославляютъ Телля, американцы Вашингтона, а поляки своимъ освобожденіемъ обязаны будутъ Дзялынскому.— Зайончекъ склонилъ голову передъ генераломъ. — Я первый становлюсь подъ твою команду...

— И мы, и мы, веди насъ, вождь! — закричала горсть самыхъ горячихъ.

Остальные онѣмѣли отъ изумленія, а умѣренные, пораженные такимъ оборотомъ дѣла, съ безпокойствомъ смотрѣли на Дзялынскаго, онъ же, ошеломленный неожиданностью предложенія и

подозрѣвая въ немъ какую-то хитрость, отказался коротко и холодно.

— Я думалъ, что выражаю волю большинства, — живо заговорилъ Зайончекъ, — а тебя я считаю наиболѣе пригоднымъ для роли диктатора, разъ Костюшко бросилъ дѣло и выѣхалъ неизвѣстно куда.

— Начальникъ вовсе не отказался быть народнымъ вождемъ— съ гнѣвомъ воскликнулъ Павликовскій. — Только на короткое время уѣхалъ онъ изъ края, оставивъ точныя инструкціи для поспѣшныхъ приготовленій и обѣщалъ явиться, какъ только все будетъ готово.

— Значитъ я плохо разобралъ то, что читали, смущенно. заявилъ Зайончекъ, онъ взялъ письмо Костюшки и, отойдя въ сторону, началъ перечитывать.

Заявленіе Зайончека не прошло даромъ: наиболѣе горячіе, желавшіе немедленно начать возстаніе, рѣшили предложить Дзялынскому принять на себя званіе диктатора.

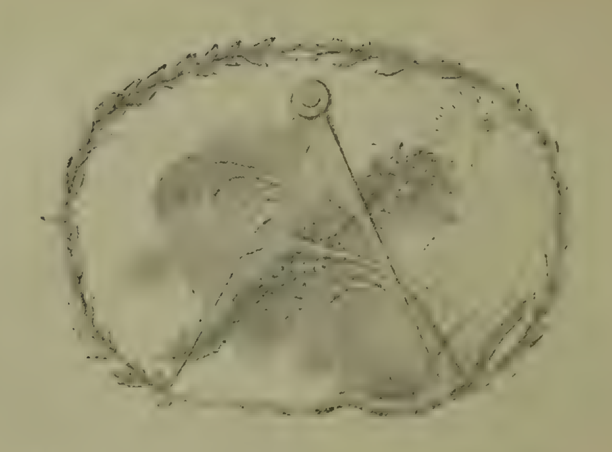
Предупрежденный объ этомъ Баршемъ, Дзялынскій, чтобы прекратить дальнѣйшіе разговоры и недоразумѣнія, самъ заявилъ твердымъ голосомъ:

— Извѣстно всѣмъ,—что мы, во избѣжаніе печальныхъ событій, имѣвшихъ мѣсто во Французской революціи, рѣшили, что возстаніе въ Польшѣ должно происходить подъ предводительствомъ одного человѣка, который пользуется всеобщимъ довѣріемъ. Весь народъ указалъ на Костюшко, и Костюшко принялъ званіе народнаго вождя. Онъ одинъ властенъ распоряжаться нами, какъ онъ считаетъ лучше въ видахъ пользы дѣла, и нашъ долгъ безпрекословно ему повиноваться. Это я считаю нужнымъ напомнить всѣмъ въ заключеніе. Завтра получитъ каждый изъ делегатовъ инструкціи дальнѣйшей дѣятельности.

Никто не возражалъ. Скоро начали расходиться. Ксендзъ Мейеръ, Ясинскій, Марушевскій, Павликовскій, Чижъ и Громанн пошли на Старое Мѣсто, гдѣ у нихъ было еще какое-то тайное совѣщаніе.

Въ квартирѣ ксендза, въ типографіи, ихъ дожидался капитанъ Качановскій, въ сѣняхъ храпѣлъ Куба во всю носовую завертку.

Пер. *В. В. Волкъ-Карачевскаго.*



Изъ иностранныхъ журналовъ.

Къ вѣковой тяжбѣ между Франціей и Пруссіей.—Нѣмцы о «нѣмецкой душѣ».

Тяжкое иго германскаго нашествія виситъ надъ сѣверомъ Франціи: борьба за родные очаги отодвинула на задній планъ всѣ другіе интересы. Поблекли и потускнѣли номера журналовъ: сотрудники ушли на войну, наборщики тоже, и самъ старый солидный Revue des Deux Mondes уменьшился въ объемѣ почти на половину (сентябрьская книжка). Измѣнилось рѣзко и самое содержаніе журнала: нѣтъ беллетристики, нѣтъ и стиховъ; серьезныя статьи экономическаго и военнаго содержанія наполняютъ дошедшій до насъ номеръ (отъ 15 сентября). Слышится старый грустный лейтмотивъ правовѣрнаго католика, тоскующаго о разрывѣ государства съ церковью, въ некрологической статьѣ, посвященной покойному папѣ Пію X, но и этотъ лейтмотивъ скоро заглушается другими нотами, полными бодрости и отваги, которыя звучатъ въ путевыхъ впечатлѣніяхъ молодого обозрѣвателя научной хроники Шарля Нордмана, ушедшаго на восточный фронтъ театра войны. Другой мужественной грустью проникнута статья академика Думика, посвященная павшему въ бою за родину другому сотруднику журнала Патрику Магону.

Горячее дыханіе войны обвѣваетъ тощую розоватую книжечку журнала и мысль сотрудниковъ-историковъ невольно останавливается на военныхъ мотивахъ и близкихъ параллеляхъ далекой старины: на осадѣ и взятіи Константинополя турками, на происхожденіи войны 70-го года, вырывшей окончательно пропасть между Германіей и Франціей.

Послѣднему вопросу посвящаетъ свою статью старый исто-

рикъ-легитимистъ Э. Додэ (Les origines diplomatiques de la guerre 1870—1871).

Еще съ 1907 года началось серьезное изслѣдованіе дипломатическихъ документовъ, касавшихся внѣшней политики имперіи Наполеона III. Изданные спеціальной комиссіей къ настоящему моменту 8 томовъ даютъ богатый матеріалъ для характеристики традиціонной политики Пруссіи и отношенія къ ней европейскихъ державъ.

Комиссія ученыхъ изслѣдователей дипломатическихъ матеріаловъ вполнѣ основательно считаетъ отправнымъ пунктомъ разногласій, которыя затѣмъ привели къ роковой войнѣ, нападеніе Пруссіи и Австріи на Данію изъ-за Шлезвига и Голштиніи. Несмотря на гарантію всѣхъ европейскихъ державъ, взявшихъ подъ свое покровительство неприкосновенность Даніи на Лондонскомъ совѣщаніи 1852 года, Германскій сеймъ постановилъ поддержать оружіемъ притязанія нѣмецкой части населенія упомянутыхъ герцогствъ и образовать изъ нихъ автономное государство подъ управленіемъ герцога Аугустенбургскаго. Но Австрія и Пруссія согласились самостоятельно, несмотря на протестъ сейма, рѣшить дѣло оружіемъ. Остальныя державы равнодушно отнеслись къ инциденту. Одинъ Наполеонъ III попытался въ 1863 году предложить конгрессъ въ Парижѣ, но встрѣтилъ формальный отказъ Англіи и рядъ возраженій со стороны Австріи, желавшей ограничить предметъ занятій конгресса однимъ датскимъ вопросомъ. Пруссія и Австрія были предоставлены самимъ себѣ, и среди различныхъ инцидентовъ дошли до войны другъ съ другомъ въ 1866 году.

Соглашаясь съ тѣмъ, что попустительство аггрессивной политикѣ Пруссіи было колыбелью войны 1870 года, Э. Додэ выдвигаетъ рядъ другихъ причинъ: давнишнюю вражду Пруссіи и Франціи, эгоистическую національную политику Бисмарка. Еще тридцать лѣтъ назадъ выдающійся знатокъ внѣшней, дипломатической исторіи Ротанъ подчеркивалъ расчитанность политики Бисмарка въ датскомъ вопросѣ.

Новые документы подтверждаютъ его дальновидность. Бисмаркъ настойчиво увѣряетъ австрійское правительство въ согласованности прусской политики съ австрійской, не забывая въ то же время подчеркнуть необходимость территоріальнаго роста Пруссіи. Въ то же время онъ производитъ искусную фальшивую демонстрацію мнимаго сближенія съ Франціей, чтобы оказать нравственное давленіе на несговорчиваго союзника—Австрію.

Нерѣшительной и капризной политикѣ Наполеона III, слабой неуступчивости Австріи, бездѣятельности Англіи Бисмаркъ про-

тивопоставляетъ смѣлую, дерзкую энергію дипломата, готоваго использовать всякую случайность, иногда вѣроломнаго, но твердо идущаго къ одной цѣли: прусской гегемоніи въ Германіи.

Другая причина—жажда мести за униженіе Пруссіи Наполеономъ, неутоленная походомъ 1814 года и разгромомъ при Ватерлоо. Додэ тщательно прослѣживаетъ своекорыстность прусской политики съ 1792 года. Озлобленіе противъ Франціи, становившейся на дорогѣ территоріальному росту Пруссіи, дѣлается традиціей прусской дипломатіи и военной придворной партіи. Принужденная отказаться отъ своихъ плановъ въ 1795 году послѣ неудачной войны съ первой французской республикой, прусская дипломатія прибѣгаетъ къ двойственной игрѣ. Въ 1800 г. она посредничаетъ между Россіей и Франціей въ противовѣсъ Англіи и недавней союзницѣ Австріи. Во время войны Наполеона I съ Австріей въ 1805 году Пруссія объявляетъ нейтралитетъ и въ то же время заключаетъ секретный договоръ съ Австріей и Россіей. И послѣ пораженія Наполеона I лишь вмѣшательство Александра I обуздываетъ чрезмѣрную требовательность Пруссіи.

Но Додэ не видитъ въ этомъ періодѣ политики второй имперіи двойственности, вліянія закулисныхъ интригъ. Она отличается мирнымъ и успокоительнымъ характеромъ, но страдаетъ отъ слабости и пассивности. Правда, что документы 8-го (пока послѣдняго) тома не заходятъ далѣе 3 мая 1866 года, преддверія австро-прусской войны.

Слѣдующіе томы покажутъ несомнѣнно и такому пристрастному историку, какъ Э. Додэ, и двойственность, и лицемѣрный эгоизмъ политики Наполеона III, которая оттолкнула отъ Франціи прежнихъ друзей и союзниковъ и привела её къ полной изолированности наканунѣ роковой войны 70 года.

Но если въ бурю военной непогоды въ душѣ стараго историка, какъ у древняго Геродота, встаетъ вопросъ о вѣковой тяжбѣ двухъ государствъ, то горе разрушенной, испепеленной родины, гибель десятковъ тысячъ бойцовъ, несчастіе тысячъ семействъ ставятъ предъ литературнымъ критикомъ Т. Визевой вопросъ о психологіи нѣмца («Нѣмецкая душа. Анализъ ея и сужденіе о ней нѣмцевъ»).

Въ 1905 году вышла въ Берлинѣ небольшая книжка Курта Виганда — «Un Kultur», и почти на дняхъ (1914 г.) появилась брошюра молодого поэта Отто Крилле «Подъ игомъ». Первый авторъ, горячій патріотъ и моралистъ, дастъ рядъ картинокъ изъ бытовой жизни Германіи по личнымъ наблюденіямъ, сурово обличая нравственную «некультурность» Германіи: онъ рисуетъ

робкій сервилизмъ мелкаго человѣка предъ чиновникомъ, подобострастіе мелкой сошки предъ начальствомъ и доходитъ до безотраднаго опредѣленія основного порока своей націи: смѣсь приниженности предъ высшимъ и грубой надменности къ низшему. По мнѣнію Виганда весь нѣмецкій народъ страдаетъ отъ тяжкаго зла: отсутствія моральной независимости и сервилизма. Всякъ стоитъ, по его выраженію, «сдвинувъ пятки». Профессоръ — не духовный наставникъ ученика, а офицеръ-инструкторъ. Нравственное содержаніе такого обученнаго манекена ничтожно: насмѣшки надъ беременной женщиной, циничное отношеніе къ проституткѣ и жадное любопытство къ нескромнымъ сценкамъ— таковы частыя проявленія души подобнаго индивидуума.

Второй наблюдатель — партійный соціалъ-демократъ — съ особенной рѣзкостью обрушивается на памятный еще съ годовъ дѣтства школьный режимъ, который убиваетъ свободу воли, внутреннее достоинство, искренность, создаетъ неизгладимую пропасть между «наставниками» и учениками. Отсюда крайняя распущенность и нравственное убожество студентовъ - буршей, стремленіе къ безсмысленному и непонятному озорству, неуваженіе къ слабѣйшему, злорадство къ несчастному врагу и отсутствіе простой вѣжливости. «Самый нерыцарскій народъ въ Европѣ» характеризуетъ своихъ соотечественниковъ К. Вигандъ.

Трудно, конечно, изслѣдовать психологію громаднаго народа... но изъ яркихъ фактовъ, собранныхъ горячими обличителями, явствуетъ неимовѣрный сервилизмъ и нравственный упадокъ буржуазіи и бюрократіи, создавшійся подъ давленіемъ военной и воинствующей аристократіи. Такіе искренніе патріоты, какъ Вигандъ и Крилле, съ горечью отмѣчаютъ, какъ своеобразное нравственное вырожденіе захватываетъ всё большіе круги и мелкой буржуазіи и даже неудержимо стремящіеся вверхъ низшіе слои.

А. Васютинскій.

Проф. Оларъ о Жоресѣ.

Въ послѣдней книжкѣ «Révolution Française» (14 авг. 1914г.) помѣщена замѣтка проф. Олара, посвященная покойному Жоресу, какъ «великому историку Французской Революціи».

Два «монумента» остались послѣ Жореса—помимо другихъ его заслугъ передъ Франціей и человѣчествомъ—«Соціалистическая исторія Франціи» и труды Комиссіи по разработкѣ экономической исторіи Революціи[1]). «Въ нѣсколько лѣтъ, не отрываясь

[1]) Ср. отчетъ о ея первомъ конгрессѣ. *Голосъ Минувшаго.* 1913 г. № 2, стр. 303.

ни на минуту отъ своей политической дѣятельности, пишетъ Оларъ о первомъ изъ нихъ, этотъ удивительный работникъ воздвигъ по истинѣ огромное историческое зданіе. Мнѣ приходилось уже давать отчетъ объ этомъ замѣчательномъ по новизнѣ, научности и безпристрастію трудѣ. Его форма кажется иногда слишкомъ ораторской, но всюду, стоитъ только вглядѣться, вы обнаружите подъ ней самую солидную эрудицію». Что касается другого «монумента»—многотомнаго изданія деревенскихъ наказовъ, актовъ, касающихся продажи національныхъ имѣній и продовольственнаго дѣла и другихъ документовъ, характеризующихъ экономическую жизнь революціонной Франціи, — то извѣстно, какую роль игралъ Жоресъ въ созданіи этого несравненнаго по своей цѣнности вклада въ исторію французской Революціи; онъ не только былъ иниціаторомъ этого широко задуманнаго общественнаго дѣла, но до конца оставался его истиннымъ руководителемъ и душей. «Онъ руководилъ нашими трудами, пишетъ Оларъ, съ увлекательнымъ рвеніемъ, съ сердечностью, будящей энергію, съ чарующей скромностью и съ мудростью, полною такта. Мы не забудемъ никогда нашихъ собраній, когда такъ часто, среди дебатовъ по спорному пункту, его блестящее вмѣшательство сразу клало конецъ всякимъ спорамъ и устраняло разногласія»...

Оларъ вспоминаетъ и докторскій экзаменъ Жореса въ Сорбоннѣ. Онъ тогда еще поразилъ жюри, въ числѣ котораго находился Оларъ, не только могучимъ даромъ слова, но и «твердостью научнаго метода». «Въ тотъ день, пишетъ Оларъ, онъ сознательно лишилъ свою рѣчь обычнаго блеска образности и всю силу своихъ аргументовъ построилъ на ихъ простотѣ, научной строгости и непосредственной силѣ убѣжденія»...

Общую характеристику дарованія Жореса Оларъ формулируетъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Голову Мирабо называли огромнымъ складомъ идей и фактовъ. Еще болѣе огромнымъ ихъ складомъ была голова Жореса. Къ бо́льшему богатству содержанія здѣсь присоединялась бо́льшая изысканность его и бо́льшая упорядоченность, болѣе сильная организація памяти и воли. По широтѣ, разнообразію и, особенно, эстетичности умственной культуры Жоресъ превосходилъ Гладстона и Гизо, и едва ли не только Франція, но и вся новая Европа знаетъ другого оратора и политическаго работника, который сравнялся бы съ нимъ просвѣщенностью генія»...

И. Херасковъ.

Парижъ.

Изъ исторіи англо-русскихъ отношеній въ XVI в.

Извѣстно, какъ случайно завязались въ XVI в. связи между Россіей и Англіей — двумя странами, столь различными тогда по всему укладу ихъ культурной жизни, и столь же различными съ точки зрѣнія тѣхъ политическихъ и экономическихъ задачъ, которыя каждая изъ нихъ преслѣдовала.

Не въ Россію направлялись тѣ моряки, которыхъ судьба въ 1553 г. забросила въ Архангельскъ, и точно такъ же наврядъ ли у кого-либо изъ тогдашнихъ московскихъ дипломатовъ серьезно мелькала мысль объ общей борьбѣ съ врагами за одно съ далекой и чуждой Англіей или о политическомъ сближеніи съ нею вообще. И однако, какъ только произошла эта встрѣча двухъ народовъ, такъ тотчасъ заработала и тамъ и здѣсь мысль и торговцевъ-дѣльцовъ и политиковъ, тотчасъ съ обѣихъ сторонъ уловили рядъ новыхъ возможностей и всѣми силами попытались воплотить ихъ въ жизнь.

Эта страница и русской и англійской исторіи далеко еще не освѣщена въ подробности и тѣ матеріалы, которые могли бы пролить на нее необходимый свѣтъ, изданы до сихъ поръ въ очень маломъ количествѣ. И какъ разъ въ послѣдніе годы эту тему принялись довольно усердно разрабатывать англійскіе историки съ одной стороны, съ другой — И. И. Любименко [1]). На ея послѣдней работѣ, недавно напечатанномъ докладѣ ея, который она предложила прошлогоднему международному историческому съѣзду, мы остановимъ наше вниманіе. Онъ посвященъ перепискѣ королевы Елизаветы англійской съ русскими царями [2]). Часть этой переписки издана уже довольно давно, но въ распоряженіи автора оказалась и та неизданная часть ея, которая хранится въ моск. арх. мин. иностр. дѣлъ и англійскихъ архивахъ Лондона и Оксфорда. Общее число наличныхъ писемъ превысило 90, и есть указанія на то, что нѣкоторыя письма до сихъ поръ остаются ненайденными. Нельзя не пожалѣть о томъ, что г-жа Любименко обосновывала свои положенія почти исключительно на извѣстныхъ уже письмахъ, а то, что могло бы быть новымъ, фигурируетъ у нея довольно рѣдко, и то не въ цитатахъ, а въ довольно глухихъ ссылкахъ.

Обмѣнъ письмами происходилъ далеко не равномѣрно по

---

[1]) Англійская торговая компанія въ Россіи въ XVI в. (Истор. Обозрѣніе, т. XVI, 1911); Исторія торговыхъ сношеній Россіи и Англіи, вып. I. (1912); Les marchands anglais en Russie au XVI siècle (Revue historique, 1912, т. 109).

[2]) Inna Lubimenko. «The Correspondence of Queen Elisabeth with the Russian Czars» (The American Historical Review 1914, April).

годамъ. Въ то время какъ въ среднемъ на годъ приходится 2—3 письма, за 1589 г. намъ извѣстно 8 писемъ, въ 1575—1581 гг. переписка оборвалась совершенно. Эти письма — довольно благодарный матеріалъ и для противопоставленія двухъ культуръ, и для пониманія руководившихъ политикой обѣихъ странъ стремленій.

Внѣшняя сторона писемъ всегда имѣла большое значеніе для московскаго дипломата. Въ Москвѣ были особенно щекотливы относительно вопросовъ, связанныхъ съ церемоніаломъ, въ которыхъ примѣръ какого бы то ни было европейскаго двора не считали доказательнымъ. Грозный разъ рѣзко оборвалъ англійскаго посла, когда тотъ въ оправданіе своего поведенія вздумалъ привести то, что такъ поступаютъ де на пріемѣ у французскаго короля. Эту, чуждую англійскому двору, строгость отмѣчаетъ г-жа Любименко. Она могла бы иллюстрировать ее примѣромъ любопытнаго конфликта, разыгравшагося при царѣ Ѳеодорѣ Іоанновичѣ, когда присланное Елизаветой письмо было принято лишь благодаря заступничеству Бориса Годунова. Къ нему была приложена только малая печать, что и было сочтено обидою. Чуждой подобныхъ тонкостей Елизаветѣ пришлось оправдываться, что величина печати избиралась ею въ соотвѣтствіи съ величиною бумаги, на которой она писала, а отнюдь не по соображенію съ достоинствомъ адресата ея письма. И точно то же было и съ титуломъ. Обидой было сочтено то, что въ письмѣ Елизаветы былъ прописенъ не большой, а малый царскій титулъ. Елизавета оправдывалась и въ этомъ, и едва ли безъ тонкой ироніи по адресу московскихъ блюстителей государевой чести, она сослалась не только на незнаніе того, что и это есть часть установленнаго церемоніала, но указала на то, что и свой собственный титулъ она пишетъ кратко (напр., по совр. русск. переводу: «Елизаветъ, Божіею милостію, Аглинская, Францовская и Хибирска [1]) королевна, отборонительница воры»), но что каждое изъ упоминаемыхъ въ тутилѣ королевствъ заключаетъ въ себѣ княжества, герцогства, графства и т. д., и если бы она придавала значеніе такому искусственному расширенію титула, она, вѣдь, и себя обозначала бы точно такъ же распространенно. Такъ здѣсь, въ мелкихъ вопросахъ эпистолярнаго этикета, обнаруживалась вся разница культурно-историческихъ традицій обѣихъ странъ.

Другое сказалось въ содержаніи переписки, и именно то, что каждая изъ сторонъ ждала и хотѣла не того, чего ждала и хотѣла другая. Г-жа Любименко особенно подробно остановилась на перепискѣ Грознаго, и совершенно правильно, ибо здѣсь сказался

---

[1]) Ирландская.

весь этотъ разладъ. Грозный увидѣлъ заманчивую перспективу въ сближеніи съ Англіей. Онъ хотѣлъ связать ее съ Московскимъ государствомъ союзомъ, чтобы, имѣя однихъ друзей и недруговъ, тѣмъ легче дѣйствовать противъ своихъ, налегавшихъ на него враговъ. Онъ хотѣлъ имѣть въ Англіи вѣрное убѣжище на случай, если внутреннія или внѣшнія осложненія поставятъ его въ необходимость бѣжать изъ Россіи. У него была также мысль скрыть свою дружбу династическимъ бракомъ, дабы узы ея стали тѣмъ прочнѣе. Итакъ, союзъ съ Англіей былъ бы для него большимъ козыремъ въ его трудной политической игрѣ. И какъ далеки были отъ этихъ, исключительно вокругъ политики витавшихъ мыслей, трезвые планы Елизаветы, всецѣло и исключительно направленные къ расширенію торговыхъ связей Англіи [1]). Эту особенность писемъ Елизаветы замѣчалъ, конечно, и Грозный, особенно тогда, когда, ожидая отвѣта на предложенный вопросъ, онъ получилъ письмо, трактующее о предметахъ, его ни мало не интересовавшихъ, и важныя единственно для Елизаветы.

Онъ, не обинуясь, отмѣчалъ это съ досадой: «и ты тогда о томъ дѣле о укрѣпленіи к Нашему Царскому Величеству не писала, а писала об одной торговле». Это упорство Елизаветы онъ объяснилъ мѣтко, но отнюдь не въ достаточной мѣрѣ почтительно въ отношеніи королевы, тѣмъ, что владѣютъ ею люди, да «не токмо люди, но мужики торговые»: послѣдніе-то, конечно, «о нашихъ государскихъ головах и о честех и о землях прибытка не смотрят, а ищут своих торговых прибытков». А относительно торговли съ Англіей и ея желанія для Московскаго государства у Грознаго было твердое убѣжденіе, которое онъ однажды, въ минуту досады, сформировалъ кратко и рѣшительно въ утвержденіи — «а московское государство покамѣстъ безъ Аглинскихъ товаров не скудно было». Неудивительно, что какіе бы то ни было переговоры о торговыхъ дѣлахъ, равно и судьбы торговавшей въ Россіи «московской компаніи» онъ всецѣло ставилъ въ зависимость отъ своихъ политическихъ расчетовъ, и самъ писалъ Елизаветѣ: «а что о торговых писала еси, ино тогда торговыя будет, какъ послы твои у нас будут»; или въ другой разъ: въ письмѣ же Елизаветѣ «купеческія дѣла поставлены впереди и сочтены важнѣе нашихъ дѣлъ, хотя ихъ успѣхъ долженъ бы зависѣть отъ сихъ послѣднихъ». Положеніе Елизаветы въ ея перепискѣ осложнялось и тѣмъ, что англійскіе «мужики торговые» очень хорошо замѣтили подлинный характеръ отношеній къ нимъ царя и, конечно, настаивали на уступкахъ, на шагахъ къ взаимному политическому сближенію.

---

[1]) Отмѣтимъ, что мы пользуемся не всегда тѣми фактами, которые приводитъ И. И. Любименко.

Такъ, г-жа Любименко приводитъ въ видѣ примѣра подобныхъ настояній содержаніе неизданнаго меморіала Михаила Локка, лондонскаго агента московской компаніи. Его соображеніямъ нельзя отказать въ разносторонности. Для него, прежде всего, обѣ страны, по естественному положенію своему и вытекающимъ отсюда потребностямъ, нуждаются другъ въ другѣ. Русскіе — нуждаются въ теплыхъ одеждахъ, изготовляемыхъ въ Англіи, и въ то же время открытый англичанами путь для русскихъ самый выгодный, такъ какъ его не могутъ перерѣзать ихъ враги. Для англичанъ же выгоды, конечно, неизмѣримо большія. И Англія, и Франція и другія страны испытываютъ нужду въ томъ сырьѣ, которое можно вывозить изъ Россіи; равнымъ образомъ большую цѣнность имѣетъ и торговля съ Персіею, которую англичане попытались вести черезъ Россію. Локкъ не удовлетворился одними этими экономическими соображеніями. Онъ зналъ, что для политическаго союза нужны убѣдительныя доказательства и относительно могущества предполагаемаго союзника. И онъ утверждаетъ, что русскій царь — богатѣйшій государь Европы, что, когда онъ перевозилъ свои сокровища изъ одного лишь своего дворца (у него пять такихъ дворцовъ), онъ нагрузилъ ими 4.000 повозокъ. Въ заключеніе своихъ разсужденій Локкъ, высказалъ свои затаенныя мысли, что для такого государя, храбраго и воинственнаго, естественно стремиться къ союзу съ Англіей, а для самой Англіи такой союзъ рѣшительно желателенъ. Подъ давленіемъ и нѣкоторыхъ слоевъ англійскаго общества и настойчивости Грознаго Елизавета склонялась къ уступкамъ послѣднему, но, конечно, до тѣхъ граней, достиженіе которыхъ было желательно Грозному, она не дошла и дойти не могла. Ибо добившись своей уступчивостью осуществленія торговыхъ цѣлей въ Россіи, она этою же уступчивостью поставила бъ себя въ необходимость принять участіе въ борьбѣ Грознаго съ его врагами, а это, помимо прямыхъ и непосредственныхъ потерь, влекло за собой и другія, какъ, напр., торговый же ущербъ въ другихъ, теперь дружественныхъ, державахъ. Нѣсколько болѣе поздній примѣръ, когда Елизавета должна была оправдываться въ своихъ сношеніяхъ съ турками, показалъ, какъ справедливы были ея опасенія.

Послѣдующее царствованіе Ѳеодора Іоанновича измѣнило характеръ переписки и отношеній, почти потерявшихъ свой политическій характеръ и вращавшихся вокругъ вопросовъ торговли. Эти тревожные вопросы политики вновь были подняты при царѣ Борисѣ, когда вмѣстѣ съ тѣмъ былъ поднятъ вопросъ и бракѣ кого-либо изъ дѣтей Бориса на принцессѣ англійскаго коро-

левскаго дома. Торговые слои опять не оставили безъ вниманія этой возможности сближенія, и Елизавета должна была опять выслушивать ихъ аргументацію, столь же серьезную, но, конечно, послѣ пережитыхъ въ Россіи невзгодъ, гораздо болѣе заслуживавшую вниманія: они настаивали на томъ, что царю необходимо предложить для брака кого-либо изъ лицъ родственныхъ королевѣ, предложить даже въ томъ случаѣ, если данное лицо по возрасту оказалось бы неподходящимъ для данной цѣли, ибо они надѣялись, что даже въ послѣднемъ случаѣ царь сумѣетъ оцѣнить ихъ стремленіе къ сближенію; тѣмъ настоятельнѣе казался имъ этотъ шагъ, что родство Бориса съ враждебнымъ англичанамъ государствомъ неизбѣжно могло ухудшить ихъ положеніе.

Въ 1603 г. умерла Елизавета, а вскорѣ зашаталось московское государство въ тяжелыхъ событіяхъ великой разрухи. Оба эти событія завершили періодъ англо-русскихъ отношеній, въ началѣ котораго обѣ стороны увидали широкія перспективы, въ концѣ его сильно потускнѣвшія. Нечего подтверждать этого относительно политическихъ плановъ Грознаго, а для потускнѣнія экономической перспективы англичанъ пусть послужитъ — не доказательствомъ, а лишь отрывочною иллюстраціею—фактъ убыванія членовъ «московской компаніи»: въ 1555 г. ихъ было 191, въ 1565 г. — 400, въ нач. XVII в. лишь 160, въ серединѣ XVII еще менѣе, всего 55 человѣкъ.

С. Валкъ.

Критика и библіографія.

В. Ключевскій. Отзывы и отвѣты. М. 1914 г. Ц. 2 р. 50 к.

Изданіе работъ В. О. Ключевскаго быстро двигается впередъ. Въ прошломъ году вышелъ второй сборникъ статей, заключавшій въ себѣ одни изъ самыхъ замѣчательныхъ по формѣ статей В. О. Ключевскаго, какъ, напр., «Грусть» (о Лермонтовѣ), «Евгеній Онѣгинъ и его предки», «Два воспитанія», «Воспоминаніе о Н. И. Новиковѣ и его времени» и т. д.

Эти именно статьи, на ряду съ знаменитымъ общимъ курсомъ, распространявшемся въ прежніе годы въ литографированномъ видѣ, и создали В. О. Ключевскому исключительную популярность въ широкихъ кругахъ читающей публики. Въ этихъ именно статьяхъ, по темамъ наиболѣе доступнымъ публикѣ, сказывался весь блескъ писательскаго таланта Ключевскаго, его несравненный по образности языкъ, мѣткость характеристикъ, неподражаемый юморъ и наблюдательность. Здѣсь во всемъ объемѣ развился могучій талантъ Ключевскаго, какъ историка-художника и психолога. Еще многіе и многіе годы будутъ читаться и перечитываться эти статьи, дающія глубочайшее эстетическое наслажденіе, хотя нѣкоторыя изъ нихъ, по своимъ выводамъ и фактическимъ даннымъ, уже должны быть отчасти отнесены къ прошлому. Несмотря на всю глубину и мастерство очерка В. О. Ключевскаго «Евгеній Онѣгинъ и его предки», едва ли историкъ сможетъ согласиться теперь съ той оцѣнкой, которая дается здѣсь мыслящимъ современникамъ «Евгенія Онѣгина». Статья, напечатанная въ 1887 г., стоитъ уже въ полномъ несоотвѣтствіи съ современными работами о декабристахъ: мы уже не можемъ сказать, что «дѣти» не знали русской дѣйствительности, что является базой въ характеристикѣ Ключевскаго. Равнымъ образомъ и историко-психологическій очеркъ «Западное вліяніе и церковный расколъ въ Россіи» (какъ и соотвѣтствующія главы въ изданномъ нынѣ курсѣ), несмотря на всю силу психологическаго чутья, проявленную Ключевскимъ, нѣсколько разойдется съ современными данными. Помимо со-

ціальной стороны вопроса, игнорируемой въ данномъ случаѣ совсѣмъ Ключевскимъ, и въ область психологіи приходится внести существенные коррективы, хотя бы подъ вліяніемъ работъ проф. Каптерева.

Конечно, въ общей оцѣнкѣ значенія посмертныхъ сборниковъ статей Ключевскаго, написанныхъ на протяженіи 30—40 лѣтъ и появляющихся въ томъ видѣ, какъ онѣ были напечатаны, неумѣстно было бы подходить къ отдѣльнымъ статьямъ съ точки зрѣнія современной критики.

Новый томъ статей Ключевскаго далеко не можетъ представлять такого интереса для широкой публики, какъ предшествующій.

Это не тѣ блестящія страницы, которыя захватываютъ даже не спеціалиста. Научные отзывы, касающіеся иногда спеціальныхъ работъ, полные детализаціи, конечно, интересны для болѣе узкаго круга читателей. Правда, и здѣсь въ этой научной полемикѣ разбросано много блеска и остроумія, ярко рисующія намъ Ключевскаго на всемъ протяженіи его многогранной научной работы, но самыя темы сами по себѣ проводятъ разграничительную черту. Зато этотъ томъ представитъ особенный интересъ для тѣхъ, кто интересуется Ключевскимъ, какъ историкомъ. Вѣдь эти спеціальныя рецензіи для многихъ до сихъ поръ совершенно были недоступны, а между тѣмъ критическія замѣчанія покойнаго историка имѣютъ подчасъ огромное значеніе.

Новый сборникъ въ одномъ слѣдуетъ сопоставить со вторымъ сборникомъ «Очерковъ и рѣчей». Свидѣтельствуя о разносторонникъ интересахъ одного изъ самыхъ выдающихся русскихъ историковъ, въ то же время два послѣднихъ тома по своему содержанію подчеркиваютъ специфическую черту міровоззрѣнія В. О. Ключевскаго. Это — націоналистическая тенденція, сказывавшаяся довольно опредѣленно въ нѣкоторыхъ работахъ знаменитаго московскаго историка; тенденція, проникнутая притомъ православной церковностью. Безъ этихъ двухъ штриховъ обликъ научнаго мышленія Ключевскаго неполонъ.

Покойный историкъ никогда не могъ отъ нихъ отрѣшиться и особенно въ статьяхъ ранняго періода. Церковность—это черта для Ключевскаго прирожденная, навѣянная средой и воспитаніемъ; это — отзвукъ и вліяніе духовной академіи. Она заставляла Ключевскаго подходить къ вопросу, если можно такъ выразиться въ данномъ случаѣ, съ точки зрѣнія профессіональной, и мѣшала ему быть всецѣло историкомъ гражданскаго мышленія. И когда вы читаете статьи «Содѣйствіе церкви успѣхамъ русскаго гражданскаго права и порядка», «Добрые люди древней Руси», «Преподобный Сергій Радонежскій», «Расколъ Церковный», отзывы на изданіе Археографической Комиссіи Четьихъ-Миней митрополита Макарія или критику работъ Щапова «Церковь по отношенію къ умственному развитію древней Руси», — вы чувствуете, что Ключевскій занимается этими вопросами съ особой любовью, подъ особымъ угломъ зрѣнія. Это придаетъ особую цѣнность его работамъ, ибо онъ подходитъ къ исторіи церкви во всемогуществѣ своего таланта и разностороннихъ знаній,

(а послѣдняго какъ разъ и нѣтъ у большинства церковныхъ историковъ), но въ то же время и на работѣ историка отражается его міросозерцаніе, идеализирующее эту православную церковность. Неизбѣжно въ историко-публицистическихъ статьяхъ (а такими *всегда* являются тѣ статьи, гдѣ историку приходится давать оцѣнку явленія) черта эта скажется особенно сильно и проявится въ излишней идеализаціи церковно-общественныхъ отношеній.

Историкъ подойдетъ къ вопросамъ съ той точки зрѣнія, что Четьи-Минеи и въ наше время могутъ служить «живымъ источникомъ поученія и образованія» и что въ церковной дѣятельности допетровской Руси надо искать нравственныхъ силъ и элементовъ для заполненія духовнаго содержанія нашей жизни. Въ этомъ прошломъ надо искать *народное*, родное. Но въ дѣйствительности развѣ церковь отучала бѣдняка ненавидить богатаго? («Д брые люди древней Руси»). Если отучала, то только затушевываніемъ соціальнаго сознанія. Развѣ не является большой натяжкой тезисъ, что историческая особенность православной церкви — «воздержаніе» отъ вмѣшательствъ въ политическія дѣла? Здѣсь историкъ становился излишне субъективнымъ. Быть можетъ, та же церковность мѣшала Ключевскому совершенно объективно посмотрѣть на такое явленіе, какъ расколъ старообрядчества, и заставляла только отрицательно отнестись къ трудамъ Щ пова. Въ своей безпощадной критикѣ Щ пова въ 1870 г. (Церковь по отношенію къ умственному развитію Древней Руси), заканчивавшейся полнымъ непризнаніемъ трудовъ Щ пова («рѣдко можно встрѣтить изслѣдованіе,—писалъ Ключевскій — которое рѣзче обнаруживало бы научныя потребности русско-исторической литературы»), Ключевскій былъ въ значительной степени правъ, однако не въ основномъ положеніи о вляніи византійской доктрины. Критикъ не хотѣлъ видѣть всего того цѣннаго, что было въ неуклюжемъ по внѣшности, малообработанномъ литературно изложеніи, въ оригинальной теоріи Щапова о «естественно-психологическихъ условіяхъ умственнаго и соціальнаго развитія народа». Нельзя не обратить вниманіе на то, что въ одной области, какъ справедливо отмѣчаетъ біографъ А. И. Щапова г. Лучинскій, именно Ключевскій явился талантливѣйшимъ продолжателемъ Щаповскихъ попытокъ указать на важное значеніе колонизаціоннаго вопроса въ исторіи Россіи.

Правда, это замѣчаніе относится уже къ другой области, однако тѣсно связанной съ остальными работами недостаточно оцѣненнаго, безвременно погибшаго Щапова. Авторъ «Земства и раскола» расходился въ самой основѣ и съ воззрѣніями Ключевскаго на характеръ церковной смуты XVII в., а слѣдовательно, и на роль самой церкви. Націоналистическая церковность В. О. Ключевскаго—внѣ сомнѣнія, безъ нея фигура московскаго историка не была бы столь исключительно своеобразной. Ключевскій не былъ бы Ключевскимъ. И поэтому становится совершенно непонятнымъ, почему издатель, почему ближайшіе ученики Ключевскаго, принимающіе, повидимому, участіе въ руководствѣ изданіемъ, какъ бы замалчиваютъ эту черту. Иначе, какъ замалчиваніемъ, нельзя объяснить въ полномъ собраніи рѣчей и статей

В. О. Ключевскаго отсутствіе столь нашумѣвшей въ свое время рѣчи «Памяти въ Бозѣ почившаго Государя Императора Александра III», произнесенной въ засѣданіи Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ 28 октября 1894 г., напечатанной въ «Чтеніяхъ» общества и даже въ свое время изданной отдѣльно. По непонятнымъ причинамъ упоминанія объ этой рѣчи нѣтъ и въ спискѣ трудовъ В. О. Ключевскаго, составленномъ Я. Л. Барсовымъ и приложенномъ къ юбилейному сборнику статей въ честь Ключевскаго. Производитъ впечатлѣніе, что эту рѣчь скрываютъ отъ широкой публики. Къ этому сокрытію слѣдуетъ отнестись, по крайней мѣрѣ теперь, только съ осужденіемъ. Правда, въ свое время эта рѣчь доставила Ключевскому много непріятныхъ минутъ; можно сказать, что она содѣйствовала значительному на нѣкоторое время охлажденію къ нему многихъ изъ его почитателей. Но рѣчь—неотъемлемый фактъ міросозерцанія В. О. Ключевскаго. Это былъ слишкомъ крупный человѣкъ, чтобы замалчивать то, что какъ бы органически связывалось съ его мышленіемъ и чувствомъ. Забвеніе рѣчи непонятно тѣмъ болѣе, что большинство ближайшихъ учениковъ В. О. Ключевскаго въ сущности очень близки сами къ националистическому міросозерцанію своего учителя. Националистическія основы міросозерцанія Ключевскаго могли бы быть непріятны только его глубокимъ почитателямъ въ радикальныхъ слояхъ русскаго общества, тому преобладавшему до сихъ поръ теченію русской интеллигенціи, которое окрещено «Вѣхами» отщепенствомъ и которое всегда считало націонализмъ съ его узкимъ кругозоромъ вреднымъ общественнымъ явленіемъ. Этой интеллигенціи, несмотря на все свое преклоненіе передъ громаднымъ умомъ и талантомъ Ключевскаго, приходилось говорить, что онъ все-таки «не нашъ». Но, пожалуй, въ этомъ и было своеобразіе положенія Ключевскаго, что онъ былъ одновременно «нашъ» и «не нашъ», что многіе элементы его мышленія были созвучны съ мышленіемъ отщепенческой интеллигенціи и въ то же время звучали иногда въ унисонъ съ голосами враждебными.

Въ заключеніе еще одно замѣчаніе: посмертное собраніе сочиненій Ключевского выходитъ почти безъ всякихъ поясненій, добавленій и иногда, казалось бы, необходимыхъ комментаріевъ. Можетъ быть, такъ и слѣдуетъ. Не знаю. Но если это является результатомъ какъ бы піэтета къ учителю со стороны учениковъ, то приходится сказать, что иногда изъ-за чрезмѣрнаго поклоненія ученики допускаютъ поразительныя небрежности. Такъ ни болѣе, ни менѣе, какъ въ некрологѣ В. О. Ключевского, написанномъ его ученикомъ и замѣстителемъ по каѳедрѣ, главой теперешнихъ университетскихъ русскихъ историковъ, проф. Любавскимъ, въ доказательство многогранности знаній В. О. Ключевского приводится сообщеніе о его выступленіи въ качествѣ официальнаго оппонента на докторскомъ диспутѣ П. Г. Виноградова, защищавшаго диссертацію (кстати въ 1887 г., а не въ 1881 г.) по своему содержанію очень далекую отъ спеціальныхъ занятій В. О.: «Изслѣдованія по соціальной исторіи Англіи въ Средніе вѣка». «Ключевскій—говоритъ авторъ некролога—съ честью выполнилъ возложенное на него порученіе и сдѣлалъ диспутанту рядъ суще-

ственныхъ критическихъ и методическихъ замѣчаній». Фактъ былъ бы дѣйствительно поразительный, если бы только у проф. Любавскаго здѣсь не было одной существенной ошибки въ фамиліи: вмѣсто В. О. Ключевскаго надо поставить М. М. Ковалевскаго. И странно, что такая ошибка сдѣлана въ некрологѣ, напечатанномъ въ годовомъ отчетѣ (за 1911 г.) о состояніи Московскаго университета, украшеніемъ котораго въ теченіе стольkихъ лѣтъ былъ В. О. Ключевскій.

С. Мельгуновъ.

Полное собраніе сочиненій Е. А. Боратынскаго. Томъ первый. Подъ редакціей и съ примѣчаніями М. Л. Гофмана. Изданіе Разряда изящной словесности Императорской Академіи Наукъ. Спб. 1914. Академическая Библіотека Русскихъ Писателей. Выпускъ 10-й.

При жизни Боратынскаго сочиненія его издавались три раза: въ 1827 г. — собраніе стихотвореній; въ 1835 г. — собраніе стихотвореній и поэмъ, въ 2 частяхъ; и въ 1842 г. — послѣднія стихотворенія, собранныя въ маленькую книжку подъ названіемъ «Сумерки».

Слѣдующее изданіе сочиненій Боратынскаго было выпущено въ свѣтъ его сыномъ въ 1869 г. Хотя оно полнѣе изданій 1827 и 1835 годовъ, такъ какъ въ него включены «Сумерки» и послѣднія стихотворенія поэта, напечатанныя въ «Современникѣ», но все-таки его нельзя назвать полнымъ, потому что издатель-редакторъ не рѣшился включить въ него большую часть стихотвореній, которыя самъ авторъ не предполагалъ помѣщать въ собранія ихъ. Неполнымъ является и «четвертое изданіе», 1884 г., которое есть «не что иное, какъ повтореніе предыдущаго, долженствующее удовлетворить возникшей въ настоящее время у насъ потребности изданій сочиненій прежнихъ нашихъ писателей».

Послѣ этого сочиненія Е. А. Боратынскаго были изданы еще два раза: 1) А. С. Суворинымъ (годъ изданія не обозначенъ) и 2) въ приложеніи къ «Сѣверу», подъ ред. И. Н. Божерянова въ 1900 году. Послѣднее значительно полнѣе сравнительно съ предшествующими изданіями. Но только появившееся теперь въ свѣтъ академическое изданіе, подъ редакціей и съ примѣчаніями М. Л. Гофмана, можетъ быть названо «Полнымъ собраніемъ сочиненій Е. А. Боратынскаго»: въ него включено слишкомъ двадцать стихотвореній, не входившихъ въ прежнія изданія. Слѣдуетъ, впрочемъ, оговориться, что большая часть этихъ впервые вошедшихъ въ полное собраніе стихотвореній, не говоря уже о томъ, что была напечатана раньше въ разныхъ періодическихъ и неперіодическихъ изданіяхъ, представляетъ собою эпиграммы, изъ которыхъ иныя, конечно, не лишены интереса, но въ общемъ всѣ эти стихотворенія не вносятъ ничего новаго въ наше представленіе о творчествѣ Боратынскаго.

Что касается текста стихотвореній, то въ работѣ надъ нимъ редакторъ стремился «положить въ основу автографы, но ихъ оказалось незначительное количество, такъ какъ многія рукописи поэта сгорѣли въ Казани: вотъ почему приходилось часто ограни-

чиваться печатными изданіями и авторитетными копіями, снятыми супругой поэта, Анастасіей Львовной Боратынской, которая, какъ извѣстно, сумѣла покорить себѣ его «будущую музу». Изъ печатныхъ изданій редакторъ руководился прежде всего собраніемъ 1827 года и различными періодическими изданіями, въ которыхъ были разбросаны произведенія Боратынскаго, такъ какъ за основное редакторъ принялъ первоначальное чтеніе стиховъ нашего поэта, въ противоположность редакторамъ посмертныхъ собраній сочиненій Боратынскаго, которые считались лишь съ текстомъ изданій 1835 и 1842 годовъ и, давая послѣдній текстъ стихотвореній поэта, представили его творчество въ одностороннемъ освѣщеніи 30-хъ и 40-хъ гг.

Нужно имѣть въ виду, что, по словамъ М. Л. Гофмана, «быть можетъ, никто изъ русскихъ поэтовъ не работалъ такъ надъ своими произведеніями, какъ Боратынскій». Хотя мнѣ это замѣчаніе представляется нѣсколько преувеличеннымъ, но несомнѣнно все-таки, что эта работа была огромна. См., напр., въ настоящемъ изданіи факсимиле стихотворенія «На посѣвѣ лѣса» (стр. 168—169) и варіанты къ стихотворенію «Признаніе» (стр. 314). Въ этомъ случаѣ невольно хочется сопоставить Боратынскаго съ Пушкинымъ. Тщательно отдѣлывая свои стихотворенія вчернѣ, Пушкинъ наконецъ добивался желаемаго совершенства, тогда какъ Боратынскому оно какъ будто не давалось и, разъ напечатавъ свое стихотвореніе, нашъ поэтъ снова передѣлывалъ его. Такая тщательная работа обусловливалась, по словамъ редактора, «не столько взыскательностью художника, сглаживающаго техническія шероховатости, сколько другими причинами, о которыхъ поэтъ однажды обмолвился въ письмѣ къ Н. В. Путятѣ, когда, отвѣчая на неодобрительный отзывъ послѣдняго о переправкахъ, онъ писалъ: «Замѣчанія твои справедливы въ частности; но ежели бы мы были вмѣстѣ, я, быть можетъ, доказалъ бы тебѣ, что нѣкоторыя изъ моихъ перемѣнъ хороши для цѣлаго. Впрочемъ, я никакъ не ручаюсь за справедливость своего мнѣнія. Поэты, по большей части, дурные судьи своихъ произведеній. Тому причиной чрезвычайно сложныя отношенія между ими и ихъ сочиненіями. Гордость ума и права сердца въ борьбѣ безпрестанной. Иную пьесу любишь по воспоминанію чувства, съ которымъ она написана,—переправкой гордишься потому, что побѣдилъ умомъ сердечное чувство». М. Л. Гофманъ находитъ, что «въ своихъ исправленіяхъ Боратынскій часто «побѣждалъ умомъ сердечное чувство»; отъ первоначальнаго сердечнаго чувства онъ отходилъ, и потому въ стихотвореніи сталкивались иногда два различныхъ настроенія, два непохожихъ другъ на друга тона».

Академическое изданіе даетъ прекрасный матеріалъ для изученія указанной работы Боратынскаго надъ текстомъ своихъ произведеній: кромѣ основного текста того или другого стихотворенія, приведены еще нѣкоторыя другія его редакціи; всѣхъ этихъ редакцій, конечно, нельзя было привести, чтобы не загромождать изданія, но варіанты изъ нихъ приведены всѣ.

Къ достоинствамъ настоящаго изданія должно отнести также тщательную провѣрку и исправленіе хронологіи стихотвореній нашего поэта. Редактору удалось, на основаніи по большей части

документальныхъ данныхъ, или совершенно исправить прежнюю датировку или же опредѣлить ее болѣе точно.

Въ примѣчаніяхъ главное вниманіе было обращено на варіанты стихотвореній и на указаніе источниковъ, по которымъ производилась редакторская работа. Хотя широкій историко-литературный комментарій не входилъ въ задачу редактора, но онъ счелъ умѣстнымъ «привести отзывы нѣкоторыхъ современниковъ и авторитетныхъ изслѣдователей жизни и творчества Боратынскаго». Между прочимъ, въ примѣчаніяхъ находимъ интересныя указанія самого М. Л. Гофмана на тѣхъ писателей, которымъ подражалъ нашъ поэтъ. Боратынскимъ лишь въ двухъ случаяхъ указано, что его стихотвореніе представляетъ собою подражаніе, именно относительно элегіи: «Дремала роща надъ потокомъ» (подражаніе Лафару) и по поводу стихотворенія: «Смерть» (1828 г.)—подражаніе А. Шенье. Но кромѣ этихъ двухъ нашъ поэтъ подражалъ Парни, затѣмъ Мильвуа (всего больше, повидимому), изъ нашихъ Богдановичу; слышны иногда также отзвуки Вольтера, Де-Лавиня. Будущему изслѣдователю творчества Боратынскаго эти указанія редактора, несомнѣнно, окажутъ существенную пользу, тѣмъ болѣе, что они почти всегда строго обоснованы ссылкой на то стихотвореніе, которое служило предполагаемымъ оригиналомъ.

Редактору принадлежитъ также интересный біографическій очеркъ Боратынскаго, составленный, главнымъ образомъ, на основаніи его писемъ, въ большомъ количествѣ собранныхъ М. Л. Гофманомъ [1]).

Мнѣ остается сказать нѣсколько словъ о распредѣленіи произведеній нашего поэта въ настоящемъ изданіи, которое предполагается въ двухъ томахъ. Въ первый томъ, кромѣ біографіи, вошли только лирическія стихотворенія съ необходимыми комментаріями. Поэмы же и проза Боратынскаго составляютъ второй томъ. Нѣтъ нужды особенно возставать противъ такого распредѣленія матеріала, настоятельно требуя, чтобы произведенія размѣщались непремѣнно въ хронологическомъ порядкѣ. Прежде всего, Боратынскій вѣдь все-таки не Пушкинъ или Лермонтовъ, а кромѣ того, даже у самого Боратынскаго поэмы—слабѣйшая часть его литературнаго наслѣдія, и все его значеніе покоится исключительно на лирикѣ.

Пожелаемъ скорѣйшаго выхода второго тома настоящаго изданія, который обѣщаетъ быть интереснымъ, главнымъ образомъ, благодаря письмамъ Боратынскаго, изъ которыхъ только самая незначительная часть была напечатана до сихъ поръ.

Н. Кашинъ.

Э. Дюшенъ. Поэзія Лермонтова въ ея отношеніи къ русской и западно-европейскимъ литературамъ. Переводъ съ франц. В. А. М-ой и Б. В. Зевалина, подъ редакціей П. П. Миндалева. Казань 1914 г., стр. (ч. I) 56. Цѣна 90 коп.

---

[1]) М. Л. Гофману принадлежатъ еще очерки: 1) «Лирика А. Боратынскаго». «Рус. Старина», 1914, кн. IV, стр. 68—77; кн. V, стр. 372—382; кн. VI, стр. 501—513; 2) «Боратынскій о Пушкинѣ», въ изд. «Пушкинъ и его современники», вып. XVI, стр. 143—160.

При появленіи на французскомъ языкѣ, книга Дюшена[1]) вызвала о себѣ нѣкоторую литературу. Въ общемъ критика признавала[2]), что изъ трехъ отдѣловъ этой работы, посвященной біографіи Лермонтова, его творчеству и литературнымъ вліяніямъ въ его поэзіи,—послѣдній имѣетъ несомнѣнное значеніе даже для русскаго читателя. Иначе вопросъ былъ рѣшенъ Ал. Веселовскимъ[3]), который особенно подчеркивалъ недостатки первыхъ двухъ частей книги Дюшена, но полагалъ, что и послѣдній отдѣлъ только лишь намѣчаетъ вопросъ объ источникахъ творчества поэта и можетъ представлять интересъ лишь для французовъ, мало знакомыхъ съ Лермонтовымъ.

Однако, мы полагаемъ, что мнѣніе почтеннаго ученаго едва-ли справедливо и что русскій переводъ книги Дюшена, въ особенности въ виду лермонтовскаго юбилея, вполнѣ своевременъ и желателенъ.

Книга переведена не вся цѣликомъ, а лишь ея послѣдняя часть, которая, въ самомъ дѣлѣ, наиболѣе оригинальна и интересна.

Состоитъ эта часть работы изъ пяти главъ. Первая посвящена русскимъ и польскимъ вліяніямъ, вторая—нѣмецкимъ, третья и четвертая—англійскимъ, пятая—французскимъ. Разумѣется, какъ на это въ критикѣ и указывали, наиболѣе интересна глава о французскомъ вліяніи, хотя въ ней и имѣются кое-какіе недочеты, отмѣченные А. Веселовскимъ. Однако, и о шиллеровскомъ вліяніи никто до сихъ поръ такъ полно не говорилъ. И даже отраженіе поэзіи Мицкевича указано съ несомнѣнной убѣдительностью. Правда, А. Веселовскій говоритъ, что и послѣ анализа Дюшена оно осталось «unklar und streitig», но съ этимъ едва ли можно согласиться. Дюшенъ, напр., показалъ, что нѣкоторыя особенности лермонтовскаго «Вида горъ изъ степей Козлова» имѣются только у Мицкевича, а не у его переводчика Козлова; слѣдовательно поэтъ зналъ польскій оригиналъ, который онъ и использовалъ въ своемъ стихотвореніи.

Мы не стали бы, конечно, отрицать многочисленные недочеты Дюшена. Во-первыхъ, онъ не собралъ въ своей работѣ всѣхъ данныхъ, которыя уже опубликованы, благодаря чему говорить о полнотѣ изученія вопроса—не приходится[4]). Странно также, что авторъ не отдѣляетъ того, что онъ впервые отмѣтилъ, отъ того, что уже извѣстно; библіографія въ книгѣ совершенно отсутствуетъ. Рѣдокъ у автора и детальный анализъ вліянія; обычно онъ разбрасываетъ бѣглыя замѣчанія, сдѣлаетъ случайныя сопоставленія и идетъ дальше.

Однако книга Дюшена—пока единственная въ этомъ родѣ. Нужно надѣяться, что она вскорѣ потеряетъ значеніе и что по-

---

[1]) *Duchesne*, «M. I. Lermontov, sa vie et ses oeuvres», Paris 1910.

[2]) Срав.: замѣтка В-ъ, въ «Русск. Филол. Вѣст.» 1910, № 3—4; статья проф. Абрамовича въ «Журн. Мин. Нар. Просв.» 1911 г., № 4.

[3]) «Archiv für slavische philologie» 1911 г., т. XXXV.

[4]) Напр., мы не находимъ у Дюшена многихъ любопытныхъ данныхъ о вліяніи Пушкина, собранныхъ проф. Сумцовымъ въ его книгѣ о Пушкинѣ. Ничѣмъ не отозвался Дюшенъ и на параллель Болдакова (Собр. соч. Лерм., т. II) между стих. «И скучно, и грустно» и пьесой Вольтера, и т. д.

явятся работы болѣе полныя. Но теперь—она желанный гость въ русской литературѣ.

Читается книга въ русскомъ переводѣ очень легко и написана довольно изящнымъ яснымъ языкомъ. Сличеніе отдѣльныхъ мѣстъ съ подлинникомъ показало намъ, что сдѣланъ переводъ, въ общемъ, довольно точно. Напрасно только на стр. 15 пропущена часть фразы: «il suffisait de prendre le contre-pied de la pièce de Pouchkin» (Duchesne, 216). На стр. 70 не переведено англійское стихотвореніе, хотя обычно это дѣлается. На стр. 51 странной кажется фраза Дюшена: «какъ мы уже говорили»; она относится къ той части книги, которая осталась непереведенной, и это нужно было бы какъ-нибудь оговорить въ примѣчаніи.

Изъ многочисленныхъ приложеній приведены въ книгѣ только два: Гоголь о Лермонтовѣ и Тургеневъ о Лермонтовѣ. Думаемъ, что популярность этихъ замѣтокъ дѣлаетъ помѣщеніе ихъ излишнимъ.

Б. В. Нейманъ.

Софоклъ. Драмы. Переводъ со введеніями и вступительнымъ очеркомъ Ѳ. Зѣлинскаго. Томъ I. Москва. 1914 г. (Памятники міровой литературы, античные писатели, изданіе Сабашниковыхъ). LXVI + 424 стр. Ц. 3 рубля.

Вѣчный баловень судьбы, Софоклъ и у насъ въ Россіи оказался счастливѣе другихъ корифеевъ античной литературы. Ужъ съ давнихъ поръ «Антигона» и «Эдипъ» вошли въ обиходъ школьнаго преподаванія на урокахъ словесности и исторіи. Всегда на него указываютъ, какъ на образецъ художественной гармоніи, чуждый тенденціозности, какъ бы всецѣло призванный для созданія пластичныхъ образовъ,—словомъ, какъ на поэта, по преимуществу олицетворяющаго въ себѣ все классическое творчество. Но несмотря на это, до сихъ поръ у насъ не было полнаго изданія его сохранившихся произведеній, хотя уже имѣлись переводы всѣхъ семи его трагедій, сдѣланные въ разное время разными авторами. Наибольшее же распространеніе, къ сожалѣнію, имѣли давно забракованные ученой критикой, хотя и подкупающіе изяществомъ языка, переводы г. Мережковскаго («Эдипъ царь», «Эдипъ въ Колонѣ», «Антигона»).

Въ изданіи переводовъ г. Зѣлинскаго мы встрѣчаемся съ результатами долголѣтней работы почтеннаго ученаго, который, видимо, не разъ перерабатывалъ свой трудъ.

Все изданіе расчитано на 3 тома (7 трагедій, 1 недавно найденная «сатировская» драма и отрывки недошедшихъ произведеній). Пока мы разбираемъ лишь первый томъ. Онъ выходитъ подъ характернымъ для гуманиста-переводчика девизомъ изъ «Антигоны» (523): «дѣлить любовь удѣлъ мой, не вражду». Какъ всѣ изданія этой серіи, книга издана съ большимъ изяществомъ и снабжена прекрасно исполненными рисунками произведеній древности, иллюстрирующими текстъ.

Въ I томѣ помѣщены переводы 3 трагедій: «Аянтъ» (иначе «Аяксъ»), «Филоктетъ» и «Электра»—трагедія чести, трагедія правды и трагедія возмездія, какъ характеризуетъ ихъ перевод-

чикъ. Эта группировка подсказана не хронологіей произведеній, которая остается далеко не твердо установленною, а ихъ содержаніемъ: всѣ 3 принадлежатъ къ троянскому циклу. У насъ это мало извѣстныя пьесы, хотя безусловно въ нихъ такъ много живого, общечеловѣческаго, что онѣ легко могутъ найти откликъ у читающей публики. Тутъ такъ живо встаетъ передъ нами Аянтъ, этотъ рыцарь безъ страха и упрека, въ припадкѣ безумія избившій вмѣсто враговъ своихъ стадо овецъ и кончающій самоубійствомъ, чтобы не пережить своего позора; вотъ цѣльная, нетронутая натура—Неоптолемъ, сынъ Ахилла (въ «Филоктетѣ»), являющійся орудіемъ интриги хитраго Одиссея и не выдерживающій навязанной ему роли; наконецъ, вотъ Электра, дѣвушка съ характеромъ мужчины, живущая одной мыслью о мщеніи за отца Агамемнона, и рядомъ съ нею Орестъ, этотъ античный прообразъ Гамлета!

Само собою разумѣется, поднося современному читателю рядъ произведеній античной музы, переводчикъ долженъ былъ сообразоваться съ той разницей вкусовъ и настроеній, которая отдѣляетъ насъ отъ древности. Это и составляетъ ту особенную трудность, съ которою приходится бороться переводчикамъ произведеній древности. Мы хотимъ отъ перевода, чтобы онъ производилъ на насъ такое же впечатлѣніе, какое производилъ нѣкогда на своихъ современниковъ оригиналъ, чтобы въ словахъ перевода намъ слышался духъ подлинника, чтобы онъ говорилъ намъ то же, что аѳинянину V в. Въ сущности это—ужъ недостижимый идеалъ; и чтобы, хоть немного, подойти къ нему, требуется не только тонкое филологическое пониманіе оригинала, но и художественная его передача. Этими качествами на рѣдкость владѣетъ г. Зѣлинскій. Конечно, оцѣнить вполнѣ его переводъ можно только, сличая его стихъ за стихомъ. Мы же скажемъ только, что при большой близости къ оригиналу онъ живо и образно передаетъ возвышенный тонъ и малѣйшіе изгибы трагедіи. Въ общемъ греческая трагедія въ отношеніи перевода представляетъ 2 неравныя части: одна—діалогическая, болѣе близкая къ разговорной рѣчи; ея ритмъ простой и потому текстъ меньше подвергался искаженіямъ въ рукахъ переписчиковъ; другая—лирическая со своеобразными діалектическими особенностями, съ чрезвычайно прихотливою метрическою структурою; она предназначалась для пѣнія съ музыкальнымъ аккомпанементомъ. У лучшихъ переводчиковъ у насъ установилось обыкновеніе діалогическія части, написанныя въ оригиналѣ шестистопнымъ ямбическимъ стихомъ, передавать пятистопными ямбами, которые у насъ звучатъ болѣе музыкально. Этого метода держится и г. Зѣлинскій. Лирическія партіи онъ старается воспроизвести размѣрами оригинала. Конечно, еще большой вопросъ, все ли, что прекрасно въ одномъ языкѣ, одинаково красиво звучитъ и въ другомъ, тѣмъ болѣе, что принципы нашего и греческаго стихосложенія совершенно различны; притомъ и толкованіе метрической стороны иногда рѣзко расходится у разныхъ ученыхъ. А еще опасная сторона такого перевода та, что этотъ ритмъ для большинства читателей, не знающихъ греческихъ размѣровъ, остается непонятнымъ. Мы склоняемся къ переводу этихъ мѣстъ обычными и даже риѳмованными

стихами. Конечно, это не умаляетъ громадной цѣнности разбираемаго перевода, и передъ нѣкоторыми мѣстами всякій читатель остановится, какъ передъ истинными перлами. Вотъ одинъ примѣръ его своеобразной манеры изъ «Аянта» (стр. 100):

Знать, судьба тебѣ, знать, судьба была
Душу сильную объ утесъ разбить
Горя-горькаго, необъятнаго!
Знать, не даромъ боль нестерпимая
Изъ груди твоей въ ночь и по утру
Исторгала стонъ раздирающій
Гнѣва яраго на вождей лихихъ!
Сколько лютыхъ золъ намъ сулилъ тотъ судъ—
Судъ доблести златыхъ доспѣховъ ради!

Помимо красочности перевода, необходимымъ условіемъ для пониманія древняго произведенія является и то, чтобы въ душѣ читателя создалось настроеніе, съ которымъ воспринималось это произведеніе современниками. Этой задачѣ и служатъ вводныя статьи. Общій историко-критическій очеркъ раздѣленъ на 2 части, изъ которыхъ въ I томѣ помѣщена лишь одна подъ заглавіемъ: «Софоклъ и греческая трагедія». Вторая половина, о драматическомъ творчествѣ Софокла, предназначена для II тома. Аристофанъ въ «Лягушкахъ» указалъ основную задачу героической трагедіи—вызвать въ гражданахъ жажду самимъ дорасти до героевъ миѳа. Такимъ образомъ, это не простая археологизація, воспроизводящая стародавнія времена, а выраженіе чаяній поэта, которыя у него выливаются въ образахъ прошлаго. Такъ характеризуетъ нашъ переводчикъ героическую трагедію. Не можетъ обойти онъ и вопроса о томъ, какъ сложилась она. Правда, разобрать этотъ вопросъ во всей его сложности невозможно въ популярномъ изданіи, и г. Зѣлинскій намѣчаетъ лишь главныя вѣхи. Совершенно обойденъ тутъ вопросъ о религіозномъ или культовомъ происхожденіи ея—вопросъ, который за послѣднее время, съ развитіемъ этнографическаго направленія среди историковъ религіи, получаетъ новый интересъ. Но все-таки это лишь гипотезы. Авторъ останавливаетъ наше вниманіе на болѣе опредѣленныхъ фактахъ. Это, прежде всего,—атмосфера, въ которой создается данное творчество, то возвышенное настроеніе, которое царило въ праздникъ Великихъ Діонисій, когда ставились на сценѣ трагедіи. Со всею живостью и красочностью своего темперамента нашъ авторъ рисуетъ картину дня наканунѣ драматическихъ состязаній, когда торжественная процессія переносила статую бога изъ его святилища въ рощу Академа, а оттуда въ театръ. А далѣе онъ развертываетъ передъ нами чуть ли не всю начальную исторію греческой трагедіи: запѣвалы диѳирамба, т.-е. пѣсни въ честь Діониса, отъ которыхъ, по Аристотелю, беретъ начало трагедія; сатировская драма—«дѣйство» съ участіемъ спутниковъ Діониса сатировъ и, можетъ быть, передъ той «ладьей-колесницей», carrus navalis, отъ которой, по мнѣнію нѣкоторыхъ, произошло названіе карнавала; наконецъ, мы въ области историческихъ именъ: за полумиѳическимъ Аріономъ идетъ Ѳеспидъ, Фринихъ, Пратинъ и Эсхилъ. Это тѣ ступени, которыя даются свидѣтельствами древнихъ. Но на ряду съ этимъ стоятъ и новѣй-

шія гипотезы объ элементахъ, оказавшихъ вліяніе на образованіе трагедіи: роль драматизированнаго заупокойнаго плача, роль мистическаго «дѣйства» изъ элевсинскихъ таинствъ. Такія темы разобраны въ первыхъ 3 главахъ вступительнаго очерка. Въ IV гл. дается то, что можно условно назвать біографіей Софокла: біографіи въ настоящемъ смыслѣ слова тутъ не можетъ быть вслѣдствіе скудости нашихъ свѣдѣній.

Кромѣ этого общаго введенія, каждой трагедіи предпослана спеціальная статья. Изъ нихъ каждая распадается на 4 части: одна посвящена нравственной идеѣ драмы, другая—исторіи преданія, положеннаго въ ея основу, третья—драматическому анализу, четвертая—оцѣнкѣ драмы съ точки зрѣнія ея фабулы, характеровъ, ея условнаго и вѣчнаго элемента. Все это имѣетъ цѣлью сблизить читателя съ античнымъ міромъ идей. Если древній грекъ шелъ въ театръ, онъ уже по однимъ заглавіямъ пьесъ зналъ сюжетъ, который будетъ разыгрываться передъ нимъ, такъ какъ это были его родныя преданія. Между тѣмъ для современнаго читателя все это въ большей или меньшей степени — чуждая область, въ которую, однако, необходимо вникнуть, чтобы полнѣе понять смыслъ трагедіи. Можетъ быть, введенія г. Зѣлинскаго для читателя-новичка и покажутся слишкомъ длинными, зато они цѣнны и какъ самостоятельныя статьи; это какъ бы новые этюды, дополняющіе то, что знакомо широкимъ кругамъ по его трехтомному сборнику «Изъ жизни идей». Прибавимъ къ этому, что въ исторіи литературы миѳъ пріобрѣтаетъ особо важное значеніе, какъ первая форма, въ которой выражается извѣстный сюжетъ, прежде чѣмъ онъ получаетъ опредѣленную форму въ литературномъ произведеніи. Такимъ образомъ, изслѣдованіе миѳа есть уже отчасти изслѣдованіе исторіи сюжета. Съ такой точки зрѣнія эти вводныя статьи представляютъ интересъ, далеко выходящій за предѣлы ихъ прямого назначенія.

Такова эта книга, чрезвычайно богатая содержаніемъ и раскрывающая широкую перспективу въ область классическаго міра.

С. Радцигъ.

Леонардо да Винчи. Флорентійскія чтенія. Изданіе I. А. Маевскаго. Цѣна 4 руб.

Подъ такимъ названіемъ появился недавно въ издательствѣ Маевскаго сборникъ докладовъ, прочитанныхъ въ «Обществѣ Леонардо да Винчи» во Флоренціи различными учеными, занимавшимися рукописями Леонардо по своимъ спеціальностямъ.

Остатки нѣкогда огромнаго рукописнаго наслѣдія Леонардо, въ настоящее время большею частью сосредоточенные въ библіотекахъ — Парижской, Миланской, Виндзорской — и въ небольшомъ количествѣ еще разсѣянные въ частныхъ рукахъ, только теперь, почти черезъ четыре вѣка послѣ смерти ихъ автора, находятъ себѣ должное научное изслѣдованіе, которое раскрываетъ новыя стороны генія Леонардо.

Всѣ знаютъ Леонардо да Винчи почти исключительно по его живописному наслѣдію, состоящему изъ знаменитой фрески

Тайной Вечери и нѣсколькихъ картинъ, большею частью принадлежащихъ Лувру. Между тѣмъ, Леонардо является не только однимъ изъ трехъ художественныхъ геніевъ итальянскаго Возрожденія, но принадлежитъ къ числу наиболѣе крупныхъ міровыхъ личностей съ широкимъ и характернымъ для своего времени міросозерцаніемъ, съ глубокимъ пытливымъ умомъ и исключительными интуитивными способностями познанія. Леонардо принадлежатъ обширныя изслѣдованія и цѣлый рядъ открытій въ области механики, гидравлики, сравнительной анатоміи, свѣта, перспективы и другихъ областяхъ физико-математическихъ и естественныхъ наукъ. Несмотря на младенческое состояніе современной ему науки и ея средствъ, Леонардо да Винчи, благодаря своему интуитивному генію, удавалось достигнуть иногда поразительныхъ наблюденій и открытій, а также практическаго примѣненія ихъ, въ видѣ различныхъ сооруженій и механическихъ констукцій.

Разсматриваемый сборникъ стремится въ общедоступной формѣ раскрыть ш рокой публикѣ разносторонность генія Леонардо, освѣтить его научныя изысканія и выяснить значеніе его личности, стоящей въ началѣ новаго времени. Достигнуть этого сборнику удается не въ одинаковой степени, главнымъ образомъ вслѣдствіе отсутствія объединяющей редакціи и систематичности въ подборѣ статей. Къ достоинствамъ очерковъ надо отнести то, что большинство ихъ написано спеціалистами, изложены они легко и вносятъ много новаго и любопытнаго для освѣщенія такой личности, какъ Леонардо да Винчи, а потому каждымъ могутъ быть прочтены съ большимъ интересомъ.

Издана книга хорошо, но зачѣмъ понадобилось эти очерки печатать разгонистымъ шрифтомъ, съ большими полями и превращать сравнительно небольшую книгу въ объемистый и дорогой томъ, понять трудно; тѣмъ болѣе, что сильно удорожающія цѣну репродукціи съ картинъ Леонардо да Винчи большею частью всѣмъ извѣстныхъ, въ данномъ случаѣ можно было и не помѣщать, воспроизведенія же съ его рисунковъ могли быть уменьшены безъ ущерба для своей ясности. *Е. Коршъ.*

Изъ текущей литературы.

Былъ ли Александръ I католикомъ.

«Историческая загадка», разъясненію которой посвящена книга о. Пирлинга, переведенная нынѣ на русскій языкъ («Не умеръ ли католикомъ Александръ I». Изд. «Современныя Проблемы» М. 1914. Ц. 60 к.), въ сущности очень не нова. Еще въ 1848 г. въ журналѣ «Constutionale Romano» появились свѣдѣнія о томъ, что Александръ I умеръ католикомъ. Это преданіе уже болѣе подробно было развито въ 1852 г. наперстникомъ папы Григорія XVI Гаетано Морони въ церковно-историческомъ словарѣ. Преданіе основывалось на сообщеніи самого папы, слышавшаго въ свою очередь его отъ своего предшественника Льва XII, который

входилъ въ сношенія съ Александромъ I по поводу обращенія его въ католичество и соединенія церквей. Въ 1860 г. тотъ же вопросъ подвергся разсмотрѣнію въ журналѣ «Le Correspondant» (эту статью о. Пирлингъ, приведшій всю библіографію, почему-то не называетъ). Статья эта (Tendances catholiques de la société russe) была выпущена отдѣльной брошюрой и попала въ руки Д. Н. Свербеева, выступившаго въ 1870 г. въ «Русскомъ Архивѣ» (№№ 8—9) съ опроверженіемъ. Въ 70-хъ гг. былъ опубликованъ еще рядъ данныхъ или вѣрнѣе разсказовъ, дополняющихъ преданіе изъ другихъ источниковъ. Объединяя этотъ, уже опубликованный, матеріалъ и дополняя его новыми сообщеніями, извѣстный историкъ сношеній Россіи съ папскимъ престоломъ о. Пирлингъ выступилъ 13 лѣтъ назадъ въ парижскомъ журналѣ «Le Correspondant» (февраль, 1901 г.) со статьей: «L'Empereur Alexandre I est-il mort catholique?»

Суть дѣла заключается въ томъ, что Александръ I въ концѣ 1825 г. отправилъ въ Римъ ген. Мишо съ миссіей религіознаго характера. Мишо, по преданію, открылъ Льву XII, что русскій императоръ желаетъ отказаться отъ православія и осуществить идею соединенія церквей: будто бы Мишо отъ имени императора призналъ папу главой церкви. Преданіе основано не только на показаніяхъ римской куріи, но и на свидѣтельствахъ близкихъ ген. Мишо лицъ: дочери извѣстнаго дипломата де-Местра, брата ген. Мишо и др. Ген. Мишо послѣ смерти Александра I послалъ подробное донесеніе о своей миссіи и намѣреніяхъ покойнаго императора Николаю I, который уничтожилъ это донесеніе. Лица, близкія Мишо, которымъ генералъ открылъ свою тайну, видѣли однако эту копію.

Таковы главнѣйшія данныя для рѣшенія «загадки». За отсутствіемъ документовъ приходится лишь строить предположенія. Когда во французской печати появилась статья о. Пирлинга о ней въ «Русской Старинѣ» (апрѣль 1901 г.) писалъ В. А. Бильбасовъ, указывавшій, что нѣтъ основанія отрицать всецѣло это «иноземное преданіе», какъ склонна была націоналистическая исторіографія, именовавшая указанныя свѣдѣнія «историческимъ подлогомъ» и «завѣдомою ложью». Мнѣніе Бильбасова сводилось къ тому, что Александръ умеръ членомъ православной церкви — «это истина факта», но имѣлъ въ послѣднее время склонность къ католицизму — «это будетъ истина чувствованія». Такъ разрѣшалъ Бильбасовъ загадку. Въ прошломъ году статья Пирлинга вышла въ расширенномъ видѣ въ отдѣльномъ изданіи и сразу выдержала два изданія: очевидно, это старое сенсаціонное открытіе было принято за новое, и католическому сердцу лестно было сопричислять императора всероссійскаго къ лону католической церкви. Новое изданіе и переведено на русскій языкъ. Для рѣшенія загадки авторъ не отыскалъ новыхъ данныхъ. Имъ использованы лишь новѣйшія работы, посвященныя Александру I, для выясненія вопроса, насколько Александръ I былъ расположенъ къ принятію католичества. Въ сущности, это единственный вопросъ, который и могъ бы представить интересъ,

дополняя или разъясняя нѣкоторыя черты для личной характеристики Александра I.

О. Пирлингъ, въ концѣ концовъ, признаетъ несомнѣннымъ самый фактъ посылки ген. Мишо въ Римъ. Въ этомъ дѣйствительно не приходится сомнѣваться, такъ какъ въ папскомъ архивѣ сохранились документальныя данныя. Также несомнѣнно для Пирлинга и то, что цѣлью миссіи было установленіе религіознаго союза. Но каково было реальное значеніе миссіи? Принимая во вниманіе отрицательныя мѣры противъ католиковъ въ концѣ царствованія Александра (прибавимъ, явно выражавшееся Александромъ недовольство по поводу «латинской» пропаганды среди греко-уніатовъ подъ вліяніемъ библейскихъ обществъ), о. Пирлингъ не рѣшается отвѣтить опредѣленно. Вопросъ остается открытымъ. Но лично для Александра авторъ рѣшаетъ вопросъ болѣе опредѣленно: «въ душѣ онъ, очевидно, принадлежалъ къ истинной церкви» (т.-е. къ католичеству)... Императоръ «унесъ съ собою въ могилу... прекрасную мысль». Можетъ быть, все это очень лестно для католическихъ писателей, но данныхъ для подобнаго рѣшенія вопроса никакихъ нѣтъ. Въ «мятущейся душѣ» Александра, вѣроятно, просто царилъ тотъ «духовный сумбуръ», который отмѣчаетъ в. кн. Николай Михайловичъ для эпохи александровскаго мистицизма и который въ сущности сопровождаетъ Александра въ теченіе всей его жизни. Обликъ Александра рисуется намъ теперь совершенно въ иномъ видѣ, чѣмъ 10 лѣтъ назадъ, когда дуализмъ считался первенствующей чертой императора, когда казалось, что это былъ человѣкъ какихъ-то роковыхъ противорѣчій, трагической внутренней борьбы. Мы хорошо теперь знаемъ, что эта внутренняя трагедія больной, изломанной души иногда объясняется значительно проще. При неискренности Александра трудно сказать, увлекался ли онъ въ дѣйствительности когда-либо мистицизмомъ, католичествомъ или православной церковностью въ эпоху Фотія. Что здѣсь было наносное, что было сознательной игрой «лукаваго византійца»? Мы не взялись бы отвѣтить опредѣленно на этотъ вопросъ. Постоянныя общенія съ библіей и мистикой должны были, конечно, наложить отпечатокъ извѣстной религіозности на душу Александра. Скорѣе, впрочемъ, это была не религіозность, а своего рода ханжество, къ которому такъ склонны подчасъ люди, пережившіе бурные эпохи, къ концу своей жизни. «Европеецъ» Александръ могъ быть болѣе склоненъ къ католицизму, къ которому тяготѣла аристократія, чѣмъ къ византійской обрядности.

Но одно несомнѣнно: Александръ пользовался всѣмъ и всѣми по мѣрѣ надобности. И не проще ли, не въ большемъ ли соотвѣтствіи съ установленнымъ нынѣ обликомъ Александра было бы предположить, что посылка ген. Мишо къ папѣ Льву XII съ какими-то таинственными предложеніями является обычнымъ для Александра пріемомъ дѣйствовать сразу на нѣсколько фронтовъ. Не надо забывать, что въ рукахъ Александра идея священнаго союза, мистика, библейскія общества въ значительной степени были орудіемъ реакціонной политики. Но и мистика, какъ извѣстно, была заподозрѣна въ революціонной опасности. Св. Престолъ съ самаго начала относился несочувственно къ мистическимъ увлеченіямъ правительствъ, а равно и къ самой идеѣ

Священнаго союза: папа, какъ свѣтскій владыка, не подписалъ акта священнаго союза. Сокрушая мистику, Александръ обратился къ двумъ звеньямъ каѳолической церкви—и къ реакціонному византинизму, и къ реакціонному католицизму. Не въ этомъ ли дѣйствительная подкладка, на которой зиждилась «великая идея соединенія церквей»? Мечтать о немъ Александръ могъ только на словахъ, но не въ помыслахъ И это отвѣчало всей линіи его поведенія. Много лѣтъ спустя, уже въ наши дни, почти аналогичная комбинація возникала при папѣ Львѣ XIII. А кто другой, какъ не Побѣдоносцевъ, тогдашній руководитель церковной политики, казалось бы, былъ болѣе враждебенъ католицизму? Объединяла идея совмѣстной борьбы съ новымъ духомъ. Характерно, что именно въ это время и выступилъ о. Пирлингъ со своей статьей: «L'Empereur Alexandre I-er est-il mort catholique?».

По связи съ высказаннымъ предположеніемъ возможно, что миссія ген. Мишо объясняется совсѣмъ просто. Припомнимъ, что правительство Александра I довольно единодушно дѣйствовало вмѣстѣ съ папой противъ революціоннаго духа. Въ 1821 г. Піемъ VII была издана булла противъ карбонаріевъ и другихъ тайныхъ обществъ. Булла была обнародована въ Россіи, а затѣмъ, какъ извѣстно, былъ изданъ общегосударственный законъ, запрещавшій всякія тайныя общества.

Съ Львомъ XII (преемникомъ Пія VII) добрыя отношенія на первыхъ порахъ нѣсколько нарушились, ибо «сей первосвященникъ и окружающіе его прелаты», какъ гласитъ офиціальное сообщеніе, уклонялись «отъ правилъ терпимости и умѣренности, коимъ предмѣстникъ его руководствовался, и желаютъ, сколько возможно, возстановить прежнюю власть Римскаго Престола». Новый папа издалъ въ 1824 г. буллу, направленную католическимъ епископамъ въ Россію безъ сношенія съ министерствомъ черезъ миссію. Булла была запрещена, такъ какъ въ ней было усмотрѣно «присвоеніе той неограниченной монархической власти папы въ дѣлахъ церковныхъ», которая «несовмѣстна съ правами государей».

Затѣмъ правительство скоро усмотрѣло въ дѣйствіяхъ римской конгрегаціи послабленіе въ исполненіи буллы Пія VII о тайныхъ обществахъ. А именно по ходатайству митрополита римско-католическихъ церквей Сестренцевича было дано разрѣшеніе епископамъ «давать отпущеніе тѣмъ, кои нѣкогда принадлежали къ тайнымъ обществамъ, но оставили уже оныя». Главное управленіе иностранныхъ исповѣданій нашло, что новый декретъ уничтожаетъ «благотворное для общественнаго спокойствія дѣйствіе» буллы противъ тайныхъ обществъ и ослабляетъ «самый государственный законъ». Александръ I призналъ дѣйствіе римской конгрегаціи «столь важнымъ», что пожелалъ «собственноручно» о томъ написать папѣ.

Всеподданнѣйшая записка 1826 г. главноуправляющаго духовными дѣлами иностранныхъ исповѣданій, сообщая объ этомъ новому императору, замѣтила, что послѣдствія сего дѣла неизвѣстны. (См. Сборн. Истор. Мат. Соб. Е. В. Канцеляріи, т. XIII, стр. 342—346).

Не является ли миссія ген. Мишо отзвукомъ этихъ недоразумѣній и опасеній, правда, крайне странныхъ, что римская конгрегація будетъ содѣйствовать росту революціоннаго движенія?...

Въ заключеніе нельзя не сказать еще нѣсколько словъ о самомъ изданіи въ русскомъ переводѣ книги Пирлинга. Издательству «Современныя Проблемы» предоставлено авторомъ «исключительное право» перевода. Эта привилегія оказалась для автора весьма невыгодной. Переводъ и самое изданіе, несмотря на привлекательную внѣшность, изъ ряда вонъ выходящіе по своей небрежности. Не говоря уже о безчисленныхъ корректорскихъ погрѣшностяхъ (напр. вмѣсто «генералъ»—«Гендаль», Италинскій—Кралинскій и т. д.), которыя можно объяснить спѣшностью изданія или невниманіемъ типографіи (хотя какая же спѣшность при изданіи небольшой брошюры въ 140 стр. маленькаго формата), трудно уже бываетъ разобрать, кто виноватъ, переводчикъ или издатель, когда Гаетано Морони именуется Гастоно Мозани, «Подражаніе Іисусу Христу» — подражаніе «Эристу». Юнгъ Штиллингъ — то Джонъ Стилингъ, то Дженгъ Шиллингъ, г-жа Гюйонъ — то Гюно, то Гюпонъ. Недогадливость или небрежность переводчика удивительная. Пирлингъ, естественно, переводилъ русскіе матеріалы на французскій языкъ. Переводчики вторично переводили на русскій языкъ, дѣлая здѣсь свои изумительныя ошибки. Не проще ли было заглянуть въ русскій оригиналъ, на который дѣлается у Пирлинга точная ссылка. Въ данномъ случаѣ книга была доступная: переписка Александра I съ его сестрой Екатериной. Не доказываетъ ли это, что литературная конвенція сама по себѣ отнюдь не гарантируетъ хорошаго качества переводовъ.

С. Мельгуновъ.

Изъ исторіи германизаціи славянъ[1])

Авторъ книги, д-ръ Александръ Майковскій—современный кашубскій поэтъ и писатель, вождь т.-наз. младокашубскаго движенія, преслѣдующаго цѣли спасенія отъ всепоглощающей нѣмецкой стихіи немногочисленныхъ славянъ-кашубовъ, вымирающихъ нынѣ на южномъ побережьѣ Балтійскаго моря, въ Зап. Пруссіи и Помераніи. Новая работа его, представляющая большой интересъ для этнографа и языковѣда, должна быть отмѣчена и на страницахъ историческаго журнала: на ряду со свѣдѣніями о занятіяхъ и ремеслахъ кашубовъ, объ ихъ домашней промышленности, народномъ искусствѣ, архитектурѣ, пѣсняхъ, преданіяхъ, обычаяхъ и языкѣ, она знакомитъ съ прошлой исторіей кашубскаго народа и съ теперешнимъ его состояніемъ. На эту сторону книги д-ра Майковскаго мы и хотимъ обратить вниманіе читателей.

Исторію кашубскаго народа д-ръ Майковскій дѣлитъ на четыре періода: періодъ поморско-кашубскихъ и польскихъ

---

[1]) Dr. Aleksander Majkowski. Zdroji. Raduni. Warszawa. 1913.

князей до 1309 г.; періодъ владычества ордена крестоносцевъ, съ 1309 по 1466 г.; періодъ политическаго союза Поморья съ Рѣчью Посполитой съ 1466 по 1772 г., и прусскій періодъ—до настоящаго времени. — Власть самостоятельныхъ поморско-кашубскихъ князей продолжалась до 1294 г., до смерти князя Мествина или Мстивоя II, который, безпотомственно умирая, завѣщалъ свою страну великопольскому королю Пржемыславу II. Характерно это завѣщаніе. Потомокъ Пястовичей, Болеславовъ Храбраго и Кривоустаго, которые, стремясь обезпечить Польшѣ доступъ къ морю, предпринимали кровавые походы противъ Гданскаго Поморья, получаетъ поморско-кашубскую землю отъ послѣдняго кашубскаго князя безъ всякихъ условій, съ согласія и одобренія мѣстныхъ пановъ и шляхты. Мествинъ II, сознавая, подобно своимъ предкамъ, что со стороны сосѣдняго ордена тевтонскихъ крестоносцевъ Поморью угрожаетъ неизмѣримо бо́льшая опасность, чѣмъ со стороны Польши, указалъ своимъ подданнымъ на союзъ съ Польшей, какъ на единственный путь спасенія страны. Но польскіе короли далеко не оправдали надеждъ, которыя возлагалъ на нихъ послѣдній кашубскій князь. Въ 1308 г. король Владиславъ Локотокъ, не имѣя силъ справиться съ бранденбургскими маркграфами, осадившими Гданскъ, призвалъ на помощь противъ нихъ крестоносцевъ. Послѣдніе исполнили порученіе, оттѣснили бранденбуржцевъ, но одновременно заняли городъ, вырѣзали польскій гарнизонъ его, не пощадивши женщинъ и дѣтей, и, желая устранить всѣ препятствія къ укрѣпленію своей власти въ Поморьѣ, «купили» отъ бранденбургскихъ маркграфовъ ихъ мнимыя права на поморско-кашубскую землю. Великая ошибка, которую допустилъ Локотокъ, призвавши крестоносцевъ, чревата была послѣдствіями: Польша опять утратила доступъ къ Балтійскому морю, а поморская земля отдана была тевтонцамъ, которые немедленно принялись за колонизацію и онѣмеченіе ея. Только спустя 150 лѣтъ поморянамъ-кашубамъ удалось вновь возсоединиться съ Польшей.

Но и трехсотлѣтнее владычество Польши въ Поморьѣ не оставило по себѣ хорошаго воспоминанія среди кашубовъ. Эгоистическая и гордая польская шляхта, ревниво оберегавшая свои сословныя привилегіи, поработившая у себя на родинѣ мѣщанъ и крестьянъ, разорившая города и деревни, оставалась вѣрной себѣ и на далекой кашубской окраинѣ, добровольно перешедшей подъ сѣнь одноглаваго польскаго орла; за счетъ бѣдныхъ и темныхъ кашубскихъ рыбаковъ, усердно сторожившихъ берега польскаго моря, она увеличивала свои все возраставшія права и преимущества; равнодушная къ ихъ тяжелому положенію, она сама отдала ихъ на онѣмеченіе, сама, собственными руками, вырыла и для нихъ, и для себя могилу.

При Сигизмундѣ II Старомъ Польшѣ представился удобный случай исправить ошибку, сдѣланную Локоткомъ, поразить своего вѣкового врага—тевтонскихъ рыцарей. Орденъ крестоносцевъ, отдавшій въ силу Торнскаго мира 1466 г. Польшѣ Поморье и сохранившій за собой на правахъ леннаго владѣнія лишь восточную или княжескую Пруссію съ Крулевцемъ (Кенигсбергомъ), постепенно сталъ разлагаться и къ началу XVI в. очу-

тился на краю гибели. Польшѣ не трудно было теперь окончательно присоединить къ себѣ и эту частицу нѣкогда обширнаго владѣнія крестовыхъ рыцарей; ожидалась война, которая, несомнѣнно, окончилась бы побѣдой польскаго оружія. Но случилось иначе. 10 апрѣля 1525 г. гросмейстеръ ордена Альбрехтъ Бранденбургскій публично, на краковскомъ рынкѣ, преклонилъ колѣни передъ возсѣдавшимъ на пышномъ тронѣ Сигизмундомъ Старымъ, поклялся ему въ вѣрности и призналъ себя вассаломъ Польши; за это смиреніе онъ получилъ титулъ свѣтскаго герцога, наслѣдственнаго въ семьѣ бранденбургскихъ Ансбаховъ; жалкіе остатки разлагавшагося тевтонскаго ордена дали такимъ образомъ благодаря недальновидности польскихъ политиковъ начало теперешней могущественной Пруссіи. «Среди блестящихъ торжествъ, наполнявшихъ гордостью польскія сердца,—говоритъ историкъ,—никто, вѣроятно, не подумалъ, что въ эту минуту зарождается во чревѣ Рѣчи Посполитой самый грозный ея врагъ, что изъ крови этого отступника-монаха, покорно склоняющаго свое чело передъ величіемъ Ягеллонскаго могущества, возрастутъ величайшіе враги Польши».

По первому и второму раздѣламъ Польши поморско-кашубская земля съ Данцигомъ и Торномъ перешла къ Пруссіи. «Уже въ первой половинѣ XIX в.,—писали мы въ другомъ мѣстѣ [1]),—кашубская шляхта и духовенство тихо и незамѣтно онѣмечились: низшимъ классамъ совершенно чуждо было національное самосознаніе; о Польшѣ, шляхетской и несправедливой, простой народъ сохранилъ враждебное воспоминаніе; къ польской шляхтѣ онъ питалъ даже ненависть, а поляка вообще считалъ человѣкомъ, не внушающимъ довѣрія. Съ тѣмъ большею симпатіею и благодарностью кашубы отнеслись къ прусскому правительству, сократившему самоволіе шляхты, установившему справедливые суды и надѣлившему въ 1850 г. часть населенія землею; они окружали любовью особу прусскаго короля, называя его «нашимъ», «добрымъ» королемъ; нѣкоторыя мѣстности избирали депутатами въ ландтагъ прусскихъ ландратовъ, полагая, что послѣдніе наилучшимъ образомъ освѣдомлены объ ихъ нуждахъ. Не храня въ сердцѣ національныхъ идеаловъ и традицій, чуждаясь поляковъ, кашубы добровольно превращались въ нѣмцевъ, добровольно подчинялись обаянію блестящей нѣмецкой культуры. И когда прусское правительство отгораживало кашубовъ отъ великополянъ, офиціально не признавало ихъ поляками, вносило кашубскій языкъ въ особую рубрику при переписи населенія, оно не встрѣчало никакихъ препятствій и возраженій. Кашубы и не сошли бы съ пути добровольной германизаціи, на который они вступили, если бы само прусское правительство не наложило на нихъ печати польскаго національизма. Убѣждая кашубовъ въ томъ, что они не поляки, оно не остановилось, однако, передъ примѣненіемъ къ нимъ тѣхъ же исключительныхъ постановленій, какія практиковало въ поль-

[1]) «Кашубы и младокашубское движеніе», въ коллективномъ сборникѣ, посвященномъ памяти проф. М. И. Соколова и печатающемся въ изданіи Слав. Комиссіи Моск. Археол. Общества.

скихъ областяхъ. Уже предпринятая Бисмаркомъ въ 70-хъ гг. XIX в. борьба противъ ультрамонтанизма, т.-наз. Kulturkampf, отшатнула глубоко преданныхъ католицизму кашубовъ отъ правительства, которое они наивно считали лойяльнымъ и почти католическимъ. «Лишь только жандармъ очутился передъ приходомъ,—говоритъ кашубскій публицистъ,—народъ увидѣлъ въ опасности свое сокровеннѣйшее достояніе и сразу занялъ критическую позицію по отношенію къ правительству. Врагъ католической вѣры сталъ врагомъ народа. И чѣмъ сильнѣе было раньше довѣріе и чувство благодарности, тѣмъ тяжелѣе стало разочарованіе, тѣмъ глубже враждебность».

Закономъ 26 апр. 1886 г. установлена была въ провинціяхъ Зап. Пруссіи и Познани пресловутая «комиссія милліоновъ», т.-е. колонизаціонная комиссія для выкупа земельныхъ участковъ изъ рукъ поляковъ и заселенія ихъ нѣмецкими колонистами или, какъ гласилъ самый законъ, «для усиленія нѣмецкаго элемента» въ прусской Польшѣ и «для противодѣйствія полонизирующимъ стремленіямъ». Тяжко обрушившаяся на польское землевладѣніе, колонизаціонная комиссія встрѣтила со стороны кашубовъ сильное препятствіе для своей дѣятельности въ суровости мѣстнаго климата и въ качествѣ почвы, песчаной, малоплодородной, съ трудомъ поддающейся плугу нѣмецкаго колониста, привыкшаго работать въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ. Несмотря на это, колонизаціонная комиссія и здѣсь не сдала своихъ позицій; она замѣнила лишь нѣмецкаго колониста-хлѣбопашца одѣтымъ въ зеленый мундиръ лѣснымъ чиновникомъ; по ея указанію прусскій лѣсной фискъ скупаетъ у кашубовъ обширныя земельныя пространства не для обработки, а для облѣсенія ихъ. «Какъ водополье,—пишетъ кашубскій публицистъ,—ширится въ кашубской землѣ боръ, поглощая человѣческіе поселки, а олень и косуля находятъ безопасное для себя пастбище на мѣстахъ прежнихъ кашубскихъ жилищъ». Среди предназначенныхъ къ облѣсенію пространствъ прусскій фискъ допускаетъ иногда карликовую парцелляцію для созданія изъ мѣстнаго элемента дешевыхъ рабочихъ силъ; благодаря этому онъ превращаетъ свободныя кашубскія деревни въ рабочія поселенія, зависимыя отъ перваго попавшагося прусскаго лѣсничаго. Кромѣ земельныхъ участковъ, объектомъ скупки со стороны лѣсного фиска служатъ также многочисленныя кашубскія озера, кормившія цѣлыя поколѣнія вольныхъ рыбаковъ, въ результатѣ чего является массовая эмиграція кашубовъ въ Вестфалію, Саксонію и другія страны и новая опасность полнаго онѣмеченія.

Проведенный въ 1904 г. исключительный законъ противъ польскихъ поселеній, запрещающій постройку новаго дома безъ разрѣшенія предсѣдателя колонизаціонной комиссіи и свидѣтельства его въ томъ, что новое поселеніе не стоитъ въ противорѣчіи съ цѣлями и задачами колонизаціоннаго статута 1886 г., лишилъ кашубовъ права на созданіе очага на собственной землѣ и заставилъ многихъ изъ нихъ ютиться со своими семьями въ шалашахъ, норахъ и даже хлѣвахъ. Польскій крестьянинъ изъ Подградовицъ Войцехъ Држимала, поселившійся съ семьею

вслѣдствіе закона 1904 г. въ фургонѣ, какой употребляется при перевозкѣ мебели, явился лишь подражателемъ кашубовъ; его «цыганскій возъ», нашумѣвшій во всей Европѣ, въ поморско-кашубской землѣ далеко не представляетъ рѣдкости.

Школьная инструкція 1906 г., запретившая преподаваніе закона Божьяго въ низшихъ школахъ и подготовленіе къ исповѣди даже шестилѣтнихъ дѣтей на языкѣ матери и имѣвшая своимъ послѣдствіемъ забастовку, въ которой приняло участіе на польскихъ земляхъ Пруссіи около ста тысячъ малышей, дружно поддержана была по побужденіямъ религіознаго характера и кашубами. Не меньшій протестъ встрѣтилъ законъ 1908 г. о принудительномъ отчужденіи, предоставившій колонизаціонной комиссіи право изгонять кашубовъ за извѣстную сумму денегъ съ родной, орошенной потомъ предковъ, земли.

Свободный политическій союзъ Поморья съ Рѣчью Посполитой, длившійся болѣе трехъ столѣтій, не такъ сплотилъ кашубовъ съ поляками, какъ эта полувѣковая борьба ихъ съ прусскимъ правительствомъ. Общій врагъ, общая опасность и общія бѣдствія заставили кашубовъ измѣнить свое отношеніе къ Польшѣ и съ благодарностью принять протянутую имъ съ польской стороны руку помощи. Помощь, оказываемая поляками кашубамъ, двоякаго рода: экономическая и культурно-просвѣтительная. Первая выражается, главнымъ образомъ, въ устройствѣ народныхъ банковъ, предоставляющихъ дешевый и удобный кредитъ и предотвращающихъ крайнюю эксплоатацію мелкихъ хозяевъ капиталистами, взыскивавшими послѣ отмѣны въ 70-хъ годахъ въ Пруссіи закона о ростовщичествѣ, по 25 и болѣе %. Вторая—въ учрежденіи народныхъ читаленъ и народныхъ обществъ, предотвращающихъ духовную германизацію лежащей вдали отъ очаговъ польскаго просвѣщенія кашубской земли.

Большое значеніе имѣютъ также попытки возрожденія кашубовъ, исходящія отъ коренной кашубской интеллигенціи. Первые шаги въ этомъ направленіи сдѣланы были кашубскими писателями—Флоріаномъ Цейновой (Wojkasen) (†1881 г.) и Іеронимомъ Дердовскимъ (Ярошъ Дырда) (†1902 г.). Цейнова первый поднялъ не существовавшій до того кашубскій вопросъ, первый указалъ на необходимость бережнаго отношенія къ остаткамъ кашубской культуры, какъ на средство сохраненія самого кашубскаго племени. Убѣжденный панславистъ, сторонникъ Россіи, онъ сомнѣвался въ цѣлесообразности союза кашубовъ съ поляками и провозгласилъ теорію самостоятельнаго кашубско-словенскаго племени, словенскаго потому, что вымиравшіе въ его время на берегахъ Гарденскаго и Лебскаго озеръ кашубы называли себя словенцами. Но его выпады противъ Польши и, главное, противъ католицизма и ксендзовъ, его свободомысліе и насмѣшки надъ религіозными вѣрованіями народа и догматами христіанской вѣры вооружили противъ него самихъ кашубовъ, искренно преданныхъ вѣрѣ отцовъ. Сепаратистическимъ тенденціямъ Цейновы Дердовскій противопоставилъ теорію крайней ассимиляціи, механическаго превращенія кашубовъ въ поляковъ. Талантливый поэтъ-юмористъ, авторъ поэмы «О пану Чорлинскомъ», являю-

щейся до настоящаго времени главнымъ источникомъ знакомства съ бытомъ кашубовъ, съ ихъ обычаями и вѣрованіями, Дердовскій совершенно правильно указывалъ на необходимость строить будущее Кашубіи на тѣсномъ національномъ, культурномъ и политическомъ единеніи съ Польшей, но, возлагая всѣ свои надежды на послѣднюю, онъ требовалъ отъ кашубовъ отреченія отъ ихъ прошлаго, ихъ языка и культуры.

На отверженіи крайностей обоихъ этихъ направленій и соединеніи положительныхъ ихъ сторонъ основываютъ свою программу такъ называемые младокашубы, т.-е. небольшой, но сплоченный кружокъ молодыхъ, патріотически настроенныхъ мѣстныхъ интеллигентовъ, руководимый д-ромъ Майковскимъ. Младокашубы стремятся поднять національную гордость кашубскаго племени, разбудить его самосознаніе, распространяютъ правильныя свѣдѣнія объ его прошломъ, извлекаютъ изъ богатой духовной народной сокровищницы памятники неписанной литературы, сказки, преданія, пословицы, анекдоты, жизненныя сентенціи, и запечатлѣваютъ всѣ проявленія погибающей кашубской культуры, поскольку она нашла себѣ выраженіе въ архитектурѣ, украшеніи и убранствѣ избъ, костюмахъ и т. п. Считая свое существованіе лишь съ 1908 г., кружокъ младокашубовъ успѣлъ ознаменовать свою дѣятельность устройствомъ поморско-кашубскихъ съѣздовъ, выставокъ, читаленъ, этнографическаго музея, изданіемъ журнала («Gryf») и т. п. Возставая противъ попытокъ извѣстной части польскаго общества, направленныхъ къ насильственной полонизаціи кашубовъ, и настаивая на своемъ правѣ культурнаго самоопредѣленія, младокашубы чувствуютъ, однако, себя сынами Польши и признаютъ, что стремленія ихъ направляются въ общее русло польскихъ стремленій. Поэтому тревожащіе младокашубовъ вопросы найдутъ для себя рѣшеніе лишь тогда, когда будетъ рѣшенъ вопросъ о полякахъ, томящихся подъ прусскимъ игомъ [1]).

И. Рябининъ.

Изъ юбилейной литературы о Лермонтовѣ.

Каждый юбилей писателя даетъ поводъ высказываться о немъ многимъ людямъ, которые въ другое время хранили бы о немъ благоразумное молчаніе, которымъ нечего сказать о немъ. Юбилей до нѣкоторой степени обезпечиваетъ распространеніе книги, и это многихъ соблазняетъ. Поэтому при обозрѣніи юбилейной литературы испытывается чувство досады: сколько словъ сказано на вѣтеръ, и какой ничтожный процентъ сказаннаго сохранитъ свое значеніе и послѣ юбилея! Однако, Лермонтова отчасти спасли военныя событія отъ непрошенныхъ панегиристовъ, но спасли его не совсѣмъ.

Ко дню юбилея пока ни одного капитальнаго труда, ни одного

---

[1]) Много свѣдѣній о кашубахъ и ихъ литературѣ можно найти въ статьѣ по этому предмету *К. Сиротинина* въ его книгѣ «Россія и Славяне», Спб. 1913 г. стр. 107—173. *Ред.*

солиднаго вклада въ лермонтовскую литературу. То немногое, что появилось, отмѣчено попытками дополнить немногими черточками частные вопросы лермонтовскаго творчества. Попрежнему мы стоимъ передъ вопросомъ о міровоззрѣніи поэта, въ которомъ одни, какъ В. Соловьевъ, отвергали всякій созидательный элементъ, а другіе, напротивъ, видѣли призывъ къ идеалу, какъ С. Андреевскій, или призывъ и къ дѣйствію, какъ Д. Мережковскій. То, что сказано теперь по этому поводу, такъ сбивчиво или такъ неопредѣленно, что вопросъ не подвинулся впередъ.

Д. Н. Овсянико-Куликовскій, давшій уже цѣлый рядъ работъ о величайшихъ русскихъ писателяхъ, дополняетъ свою серію книгой о Лермонтовѣ [1]). Выводы, къ которымъ пришелъ изслѣдователь относительно Лермонтова, вносятъ, однако, немного новаго въ литературу о Лермонтовѣ. Лермонтовъ шелъ отъ субъективнаго творчества къ объективному, отъ романтизма къ реализму; въ Лермонтовѣ созрѣвалъ великій художникъ-реалистъ. Это почти безспорно. Но въ вопросѣ о пессимизмѣ великаго поэта авторъ изслѣдованія приходитъ къ нѣсколько сбивчивымъ выводамъ. На стр. 135 мы читаемъ: «Съ годами ноты грусти, тоски, разочарованія, усталости души не только не шли на убыль въ лирической поэзіи Лермонтова, но все усиливались, углублялись и въ послѣднихъ — предсмертныхъ стихахъ — доходили до глубокаго отчаянія... Повидимому изъ *этого* [2]) заколдованнаго круга для Лермонтова выхода не было. И если бы пуля Мартынова пощадила великаго поэта, — все равно *его лирическая поэзія развивалась бы въ томъ же направленіи углубленной меланхоліи и безпросвѣтнаго пессимизма*» [3]). А на стр. 141 читаемъ: «...въ его внутреннемъ мірѣ совершался *процессъ относительнаго умиротворенія, постепеннаго освобожденія духа отъ гнета мрачныхъ настроеній и тяжкихъ думъ*, которыя онъ мѣтко опредѣлилъ выраженіемъ: «больной души тяжелый бредъ» [3]). Получается впечатлѣніе, что авторъ самъ еще не составилъ опредѣленнаго мнѣнія объ этомъ вопросѣ, поторопившись къ юбилею со своей книгой. Болѣе опредѣленно г. Овсянико-Куликовскій высказался относительно элементовъ пессимизма и идеализма въ творчествѣ Лермонтова. Оспаривая мнѣніе В. О. Ключевскаго о характерѣ лермонтовской грусти, авторъ изслѣдованія считаетъ Лермонтова поэтомъ не «резиньяціи», не грусти, а мрачной скорби, безпросвѣтнаго пессимизма; авторъ готовъ присоединиться къ мнѣнію С. А. Андреевскаго, опредѣлившаго пессимизмъ Лермонтова, какъ *пессимизмъ силы, гордости, пессимизмъ божественнаго величія духа* [3]); но приписывать Лермонтову «тяготѣніе къ сверхчувственному міру», «чувство родства съ небомъ» и объяснять этимъ такой пессимизмъ — кажется г. Овсянико-Куликовскому не выдерживающимъ критики. Пессимизмъ Лермонтова объясняется проще — прирожденной меланхоліей поэта, убѣжищемъ отъ которой былъ его поэтическій геній; отсюда и свѣтлые мотивы примиренія въ его лирикѣ.

---

[1]) *Д. Н. Овсянико-Куликовскій.* М. Ю. Лермонтовъ. Къ столѣтію со дня рожденія великаго поэта. Стр. 141. Цѣна 90 коп.

[2]) Курсивъ автора.

[3]) Курсивъ мой.

Этимъ выводамъ нельзя отказать въ оригинальности, но въ то же время они поражаютъ чрезмѣрной простотой. Все сложное въ натурѣ нашего поэта пошло на смарку, и остался только извѣстный темпераментъ и спасительныя минуты творчества. Какъ же пришелъ изслѣдователь къ подобнымъ выводамъ?

Г. Овсянико-Куликовскій исходитъ изъ того положенія, что Лермонтовъ—натура эгоцентрическая съ меланхолическимъ темпераментомъ. Этимъ все объясняется. Изъ эгоцентризма вытекаетъ субъективизмъ, — и авторъ доказываетъ очень убѣдительно, что поэзія Лермонтова субъективна. Эгоцентрической натурѣ бываетъ въ тягость присущее ей острое ощущеніе своего «я», поэтъ стремится отдѣлываться отъ своего «я» въ объективныхъ образахъ, — и изслѣдователь указываетъ на наличность этихъ образовъ въ поэзіи Лермонтова, даже на его стремленіе отъ субъективизма къ объективизму, отъ романтизма къ реализму. Эгоцентрической натурѣ свойственно противуставлять свое «я» постороннимъ силамъ («соціальное самочувствіе эгоцентрическихъ натуръ всегда выражается въ антитезахъ»), — и отсюда пристрастіе Лермонтова къ антитезамъ-поэтическимъ и стилистическимъ: тяготѣніе бурной души поэта къ покою — антитеза, ангельское и демонское — антитеза; свѣтлые мотивы въ лирикѣ Лермонтова («Я Матерь Божія нынѣ съ молитвою», «Въ минуту жизни трудную», «Когда волнуется желтѣющая нива», «Выхожу одинъ я на дорогу») суть не что иное, какъ «настроеніе «по контрасту», выраженіе тѣхъ психологическихъ антитезъ», о которыхъ рѣчь была выше; «обращенія къ сверхчувственному міру встрѣчаются весьма часто въ поэзіи Лермонтова, но это *частью лирическіе, частью реторическіе пріемы* [1]). «Небо и Земля», какъ и «рай и адъ», — *ходячая формула, стереотипное мѣсто въ лирикѣ Лермонтова...* [1])» (стр. 137, 139).

Не менѣе своеобразно и то мѣсто, гдѣ изслѣдователь, признавъ на стр. 137, что Лермонтовъ «въ минуты умиленія умѣлъ молиться, и было ему отрадно видѣть Бога въ небесахъ», пишетъ на стр. 140 слѣдующее: «Молитва чудная», о которой говорится въ... стихотвореніи, есть лишь метонимическое обозначеніе «благодатной силы созвучій», въ которыхъ «дышетъ непонятная святая прелесть»—лиризма, умиротворяющаго и просвѣтляющаго душу».

Все это для насъ какъ-то непривычно, можетъ быть, оттого, что мы еще не въ силахъ подняться до такой изумительной простоты въ толкованіи Лермонтова. Мы привыкли думать, что свѣтлые мотивы въ лирикѣ Лермонтова дѣйствительно выражаютъ процессъ умиротворенія, совершавшійся въ душѣ поэта, процессъ, котораго не отрицаетъ г. Овсянико-Куликовскій; оказывается, что это не болѣе, какъ «настроеніе по контрасту», выраженіе психологическихъ антитезъ, свойственныхъ эгоцентрическимъ натурамъ. Мы привыкли приписывать обращеніямъ Лермонтова къ сверхчувственному міру какое то глубокое значеніе; оказывается, что это—просто «частью лирическіе, частью реторическіе пріемы». Мы привыкли видѣть въ антитезахъ «Небо и Земля», «рай и адъ» выраженіе двойственности натуры поэта,

[1]) Курсивъ мой.

двухъ душъ, жившихъ въ его груди, по словамъ Гёте, — оказывается, что это «ходячая формула, стереотипное мѣсто...». Мы спорили о религіи Лермонтова, — оказывается никакой религіи не было, а его молитва — только метонимія.

Были ли мы въ заблужденіи или въ непонятное заблужденіе впалъ авторъ новаго изслѣдованія? Кажется, здѣсь помѣшало автору его тяготѣніе къ схемамъ, которое проявляется не впервые: въ подобную же схему г. Овсянико-Куликовскій уложилъ лирику Пушкина, — схему, въ которую съ успѣхомъ укладывается всякая лирика.

Анализъ драматическихъ произведеній Лермонтова—лучшая часть этой интересной книги, въ которой разсыпано нѣсколько мѣткихъ отдѣльныхъ замѣчаній относительно стиля Лермонтова, его стиховъ и прозы. Но отъ исчерпывающаго анализа этихъ сторонъ поэзіи Лермонтова авторъ уклонился, высказавшись только «о *нѣкоторыхъ* чертахъ внѣшней формы стиховъ Лермонтова» и бросивъ только «*нѣсколько* словъ о внѣшней формѣ произведеній Лермонтова въ прозѣ»,— словъ, все - таки, очень цѣнныхъ.

Итакъ, разобранная книга оставляетъ насъ въ недоумѣніи. Признавъ въ одномъ мѣстѣ, что Лермонтовъ переживалъ процессъ умиротворенія, изслѣдователь въ другомъ мѣстѣ не видитъ возможности выхода для поэта изъ его безплоднаго пессимизма, и чрезвычайно упрощаетъ вопросъ тѣмъ, что всѣ мотивы поэзіи Лермонтова, противорѣчащіе такому выводу, объясняетъ склонностью поэта къ антитезамъ. На Лермонтова наклеенъ новый ярлыкъ — «эгоцентрическая натура», — и этимъ все сказано. Но едва ли это можетъ кого удовлетворить.

На противоположной точкѣ зрѣнія стоитъ профессоръ Варшавскаго университета И. И. Замотинъ, придающій свѣтлымъ мотивамъ поэзіи Лермонтова глубокое значеніе и посвятившій рядъ очерковъ вопросу объ идеальномъ строительствѣ жизни въ творчествѣ Лермонтова[1]). «Идеальное строительство жизни въ творчествѣ Лермонтова»,—говоритъ авторъ,—«заключается въ признаніи имъ цѣлаго ряда такихъ идеальныхъ цѣнностей, которыя, будучи реализованы въ жизни, могутъ переустроить человѣческій бытъ на новыхъ основаніяхъ, полныхъ добра и красоты» (стр. 3). Прежде чѣмъ говорить о книгѣ г. Замотина, слѣдуетъ замѣтить, что задача, поставленная авторомъ, обрекаетъ его на непроизводительный трудъ. Я бы хотѣлъ просить автора указать мнѣ хоть одного поэта, который не признавалъ бы цѣлаго ряда идеальныхъ цѣнностей, реализація которыхъ въ жизни повела бы къ переустройству ея на началахъ добра и красоты? Какъ бы ни было мрачно міровоззрѣніе поэта, такія понятія, какъ свобода, природа, любовь, правда, имѣютъ надъ нимъ могучую власть, — иначе онъ не поэтъ. Что же изъ того, что мы найдемъ у поэта признаніе цѣлаго ряда идеальныхъ цѣнностей? Отъ этого до идеальнаго строительства жизни еще далеко. Мало того: наличность признанія идеальныхъ цѣнностей вовсе еще не

[1]) *И. И. Замотинъ.* М. Ю. Лермонтовъ. Мотивы идеальнаго строительства жизни. Варшава. 1914. Стр. 154. Цѣна 1 рубль.

опредѣляетъ поэта. О строительствѣ жизни можетъ быть рѣчь только тогда, когда эти идеальныя цѣнности слагаются въ систему. И если бы изслѣдователю удалось рядъ идеальныхъ цѣнностей, подмѣченныхъ у поэта, привести въ систему, тогда бы его цѣль была достигнута.

Работа, произведенная г. Замотинымъ, состоитъ въ томъ, что онъ разбираетъ отдѣльныя произведенія Лермонтова и дѣлаетъ изъ нихъ частные выводы, нужные ему для доказательства того положенія, что поэтъ признаетъ идеальныя цѣнности. Въ одномъ произведеніи изслѣдователь находитъ такія идеальныя цѣнности, какъ сліяніе съ природой, религіозное чувство, въ другомъ— вѣру въ идею высшей правды, въ третьемъ—патріотическое чувство, въ четвертомъ—новую комбинацію прежнихъ. И все это вѣрно и даже не ново. Одного, чего мы желали—синтеза—изслѣдователь не даетъ, и представленія о той новой жизни, которую будто бы строилъ поэтъ, не получается никакого. Изслѣдователь не привлекъ никакого иного матеріала, кромѣ произведеній Лермонтова, при чемъ и послѣднихъ далеко не исчерпалъ, и неизвѣстно, чѣмъ онъ руководился въ выборѣ своего матеріала. А вѣдь безъ такихъ произведеній, какъ «Валерикъ», «Сказка для дѣтей», «Сашка», невозможно рѣшать вопроса о міровоззрѣніи Лермонтова. Но о нихъ-то и помину нѣтъ въ книгѣ г. Замотина. Такъ что едва-ли она имѣетъ научную цѣнность.

Но нѣкоторую цѣнность эта книга имѣетъ. Она написана хорошимъ языкомъ, популярно, съ многочисленными цитатами, съ пересказами почти всѣхъ разсматриваемыхъ произведеній и съ разборами поэмъ и «Героя нашего времени». Ее слѣдуетъ предназначить для широкой публики. Противъ изложенія можно было бы возразить слѣдующее; дѣлая только частные выводы, авторъ постоянно повторяется, такъ какъ многія произведенія говорятъ объ одномъ и томъ же. Чувствуется иногда неувѣренность; авторъ часто не смѣетъ своего сужденія имѣть и все говоритъ: «какъ думаютъ», «какъ полагаютъ»; за характеристикой байроновскаго Каина, авторъ почему-то обращается къ Брандесу; относительно стихотворенія «Исповѣдь» профессоръ заявляетъ, что подражательный характеръ его не установленъ (стр. 31), а между тѣмъ оно, въ первой своей половинѣ, представляетъ собою переводъ 114-й строфы III-й пѣсни «Чайльдъ Гарольда», на которую авторъ неоднократно ссылается. Итакъ книга найдетъ своихъ читателей, но лермонтовской литературы впередъ не подвинетъ.

Изъ этихъ двухъ работъ видно, что время для опредѣленія міровоззрѣнія нашего поэта еще не настало. Тутъ не помогутъ ни схемы, ни общія разсужденія. Такія своеобразныя индивидуальности, какъ Н. Михайловскій, В. Ключевскій, В. Соловьевъ, могли дѣлать свои заключенія о поэтѣ, не прибѣгая къ черной работѣ надъ нимъ. Теперь предстоитъ именно эта черная работа, — изученіе текстовъ. Неумѣніе разбираться въ текстѣ гибельно отразилось на Академическомъ изданіи Лермонтова; оно представляетъ печальный памятникъ нашего невѣжества въ этомъ отношеніи: опытовъ, набросковъ не отличили

отъ заключенныхъ произведеній, и если бы кто, не читавшій Лермонтова, вздумалъ знакомиться съ поэтомъ по этому изданію, онъ по прочтеніи I тома вынесъ бы глубокое недоумѣніе и едва ли бы взялся за второй. На очереди теперь—изученіе процесса творчества Лермонтова. Въ вышеупомянутой книгѣ Д. Н. Овсянико-Куликовскаго сдѣланы чуть ли не первые шаги въ этомъ направленіи. Тотъ, кто нѣкогда далъ прекрасный разборъ «Дворянскаго гнѣзда», могъ бы, если бы пожелалъ, дать исчерпывающій анализъ творчества Лермонтова, а не бросать «нѣсколько словъ» и «нѣсколько замѣчаній».

Но изученіе поэтовъ у насъ почему-то не идетъ дольше опредѣленія вліяній. Этому частному вопросу придаютъ у насъ неподобающее ему значеніе и наивно полагаютъ, что въ этомъ все дѣло. И такъ какъ дальше ходу нѣтъ, то на этомъ мѣстѣ топчутся безконечно, строятъ самыя натянутыя гипотезы, выискиваютъ мелочи и при этомъ прибѣгаютъ къ самымъ рискованнымъ пріемамъ. Къ поэту подходятъ съ неблаговидными подозрѣніями: не стащилъ ли онъ такой-то фразы у такого-то, дѣйствительно ли ему принадлежитъ такое-то выраженіе? Точно поэтъ—гимназистъ, у котораго на письменной работѣ подъ партой можно найти «пособіе». Ученымъ и въ голову не приходитъ, что въ великомъ океанѣ человѣческой мысли отдѣльнымъ умамъ неизбѣжно приходится наталкиваться на тѣ же мысли, соображенія, и прибѣгать къ однимъ и тѣмъ же способамъ ихъ выраженія, что les beaux esprits se rencontrent. Этотъ методъ «заподазриванія» приводитъ иногда къ блестящимъ результатамъ: такъ, г-ну Сиповскому удалось доказать вліяніе повѣсти Шатобріана, вышедшей въ 1826 году на поэму Пушкина, написанную въ 1820 году. Теперь профессору остается доказывать обратное — вліяніе Пушкина на Шатобріана. Методъ г. Сиповскаго имѣетъ то достоинство, что въ немъ—неисчерпаемый источникъ темъ для молодыхъ диссертантовъ: стоитъ только связать два поэтическихъ имени какихъ угодно эпохъ, — и доказывать заимствованіе. Конечно, нельзя отрицать значенія вопроса о вліяніяхъ. Вліянія—фактъ, съ которымъ надо считаться всякому историку литературы. Поэтъ вліяетъ одинъ на другого, какъ интеллектъ и какъ художникъ. Одинъ у другого заимствуетъ мысли и выраженія. Но ни одинъ не станетъ выкрадывать стереотипныя фразы или выискивать нужные ему мотивы, какъ думаетъ, повидимому, г. Замотинъ. Поэтъ, подпадая подъ вліяніе другого, преломляетъ въ своей душѣ цѣльный образъ властителя своихъ думъ,—и къ этому преломленію слѣдуетъ присматриваться. Но тутъ очень опасно излишнее усердіе, и очень важно чувство мѣры. Въ этомъ смыслѣ два кіевскіе трактата о Лермонтовѣ—гг. Неймана и Родзевича очень поучительны [1]).

Судя по этимъ двумъ трактатамъ, изученіе литературы въ кіевскомъ университетѣ все еще цѣликомъ держится въ сферѣ

---

[1]) *Б. В. Нейманъ.* Вліяніе Пушкина въ творчествѣ Лермонтова. Кіевъ. Типографія Императорскаго Университета Св. Владиміра. 1914. Стр. 136. Цѣна 75 коп.

С. И. Родзевичъ. Лермонтовъ, какъ романистъ. Съ предисловіемъ проф. А. М. Лободы. Изданіе Оглоблина. 1914. Стр. 110. Цѣна 75 коп.

изученія вліяній: вліяніямъ придаютъ основное значеніе въ изученіи писателя, полагая, что опредѣлить вліянія, которымъ подвергся писатель, значитъ опредѣлить писателя. Здѣсь не мѣсто входить въ принципіальный споръ по этому методологическому вопросу; для насъ вопросъ о вліяніяхъ — частный вопросъ, и потому намъ кажется, что заглавіе работы г. Родзевича больше обѣщаетъ, чѣмъ даетъ сама работа. Г. Родзевичъ ошибается, думая, что онъ опредѣлилъ Лермонтова, какъ романиста, указавъ рядъ заимствованій въ его романахъ; въ прозаическихъ произведеніяхъ Лермонтова изслѣдователь не выдѣлилъ чисто-лермонтовскаго элемента, не указалъ, какіе художественные пріемы выработалъ въ области романа нашъ поэтъ, какое мѣсто въ исторіи русскаго и общеевропейскаго романа занимаетъ Лермонтовъ. А между тѣмъ повѣсть «Тамань», по своей формѣ, представляетъ собою прототипъ разсказовъ такого рода, какіе получили право гражданства только въ концѣ XIX вѣка подъ перомъ Мопассана и Чехова, который съ этой точки зрѣнія и восторгался «Таманью»; психологизмъ лермонтовскаго романа предвосхищаетъ собою романы Толстого и Достоевскаго, какъ это уже было указано Д. Мережковскимъ и Л. Семеновымъ. Этого г. Родзевичъ не коснулся въ своемъ изслѣдованіи, хотя его заглавіе даетъ намъ право ожидать научной разработки этого вопроса. А то, что даетъ г. Родзевичъ, очень гипотетично и неубѣдительно. Вліяніе Гюго въ повѣсти «Вадимъ», Байрона, Шатобріана, Бенжаменъ Констана и Мюссе — въ «Героѣ нашего времени», Гофмана въ «Отрывкѣ изъ начатой повѣсти», — не болѣе, какъ подозрѣніе. Приводимыя въ значительномъ количествѣ текстуальныя сопоставленія не доказательны; когда Лермонтовъ говоритъ устами Печорина: «Я взвѣшиваю, разбираю свои собственныя страсти и поступки съ строгимъ любопытствомъ, но безъ участія» и т. д., почему сейчасъ его уличать въ заимствованіи изъ Мюссе: «Умъ мой отличается странной наклонностью размышлять обо всемъ, что со мной случается...» и т. д.

Неужели нашъ поэтъ не могъ найти своихъ словъ и былъ такъ безпомощенъ, что долженъ былъ черпать у Мюссе стереотипныя фразы? Это напоминаетъ пресловутое отыскиваніе слѣдовъ чтенія Мольера и Горація въ рѣчахъ гоголевскаго городничаго, производившееся однимъ изъ энтузіастовъ теоріи заимствованій и осмѣяное еще Н. Михайловскимъ. Подобно многимъ изъ такихъ энтузіастовъ, г. Родзевичъ не замѣчаетъ слоновъ: читалъ ли Лермонтовъ Мюссе или Бенжаменъ Констана, — это только вѣроятно, и эту вѣроятность приходится обосновывать; однако еще болѣе вѣроятно, что Лермонтовъ читалъ «Евгенія Онѣгина», но его вліянія въ «Героѣ нашего времени» изслѣдователь не замѣтилъ; не замѣтилъ также и вліянія поэмъ Боратынскаго.

Болѣе опредѣленную задачу поставилъ себѣ г. Нейманъ, и болѣе опредѣленно выполнилъ ее. Чрезвычайно привлекательно въ работѣ г. Неймана то, что онъ ищетъ исключительно текстуальныхъ заимствованій и такимъ образомъ избѣгаетъ всякихъ произвольныхъ догадокъ. Его книга представляетъ собою исчерпывающій сводъ всѣхъ текстуальныхъ заимствованій Лермонтова у Пушкина, проведенный послѣдовательно (по годамъ). Въ такомъ

сводѣ лермонтовская литература, несомнѣнно, нуждается. Тутъ нѣтъ мѣста никакимъ подозрѣніямъ, судебному слѣдствію надъ поэтомъ (сторонники теоріи заимствованій неоднократно обнаруживаютъ недюжинные таланты судебныхъ слѣдователей); тутъ все несомнѣнно и научно. Къ концу книги приложена даже таблица, гдѣ каждое заимствованіе подведено подъ рубрику года и произведеній обоихъ поэтовъ. Въ лермонтовской литературѣ книга г. Неймана займетъ частное, но вполнѣ опредѣленное мѣсто. Чувство мѣры спасло автора отъ тѣхъ натяжекъ, которыя въ своемъ усердіи допустилъ Л. Семеновъ въ изслѣдованіи «Лермонтовъ и Толстой». (См. рецензію въ майской книжкѣ («Голоса Минувшаго»).

Но, конечно, книгу г. Неймана еще нельзя считать послѣднимъ словомъ по вопросу о вліяніи Пушкина на Лермонтова, имѣющему такое важное значеніе. Несомнѣнно, что Пушкинъ вліялъ на Лермонтова и не только, какъ виртуозъ стиха и языка, но вліялъ также и интеллектуально. Ни однимъ изъ двухъ молодыхъ кіевскихъ ученыхъ не указано, напр., вліяніе сюжета «Онѣгина» на «Героя нашего времени». Хотя еще Бѣлинскимъ подмѣчена связь типовъ Онѣгина и Печорина, но не обращено еще вниманія на то, что Лермонтовъ послѣдовательно старался въ своемъ романѣ договорить то, что только намѣчено Пушкинымъ. Такъ, Пушкинъ въ двухъ-трехъ строфахъ даетъ характеристику науки страсти нѣжной, которою руководствовался Онѣгинъ. Но какъ примѣнялъ эту науку Онѣгинъ на практикѣ, Пушкинъ не показалъ. Между тѣмъ, поведеніе Печорина съ кн. Мери представляетъ собою послѣдовательное выполненіе программы, намѣченной Пушкинымъ:

Какъ онъ умѣлъ казаться новымъ,
Шутя, невинность изумлять,
Пугать отчаяньемъ готовымъ,
Пріятной лестью забавлять;
Ловить минуту умиленья,
Невинныхъ лѣтъ предубѣжденья
Умомъ и страстью побѣждать;
Невольной ласки ожидать,
Молить и требовать признанья, и т. д.

Описывая дуэль Печорина съ Грушницкимъ, Лермонтовъ, несомнѣнно, стремился шагъ за шагомъ исправить Пушкина: мотивировка дуэли у Лермонтова сильнѣе и пріобрѣтаетъ характеръ роковой неизбѣжности; Печоринъ не опаздываетъ на дуэль, подобно Онѣгину, въ доказательство чего показываетъ часы противникамъ, упрекнувшимъ его въ медленности, и заставляетъ ихъ извиниться; гибель Грушницкаго—неизбѣжность, между тѣмъ гибель Ленскаго—случайность и оплошность.

Другой большой вопросъ — о байронизмѣ Лермонтова — ждетъ еще спеціальнаго изслѣдователя. Несмотря на нѣсколько имѣющихся работъ на эту тему, до сихъ поръ нѣтъ свода текстуальныхъ заимствованій Лермонтова у англійскаго поэта. Даже въ академическомъ изданіи не указано, напр., что романсъ «Стояла сѣрая скала» — есть вольный переводъ 94 и 95 строфъ III-й пѣсни

«Чайльдъ Гарольда»; что стих. «Не говори: однимъ высокимъ...» повторяетъ мысль Байрона, выраженную въ 89 и 90-й строфахъ XIV пѣсни «Донъ-Жуана»; что стих. «Исповѣдь» («Я вѣрю, обѣщаю вѣрить») представляетъ собою довольно близкій переводъ 114-й строфы III-й пѣсни «Чайльдъ Гарольда». Вліяніе Байрона на Лермонтова считали почему-то исключительно внутреннимъ, интеллектуальнымъ, а между тѣмъ Байронъ вліялъ на Лермонтова очень сильно, какъ художникъ, стилистъ и версификаторъ. Это можетъ быть подтверждено изученіемъ текстовъ обоихъ поэтовъ. Примѣровъ—масса. Байронъ говоритъ: I'll be that light, unmeaning thing that smiles with all, and weeps with none. Лермонтовъ повторяетъ: «Со всѣми буду я смѣяться, а плакать не хочу ни съ кѣмъ». Байронъ говоритъ: Thou art not false, but thou art fickle; Лермонтовъ повторяетъ: «Ты не коварна, какъ змѣя, лишь часто новымъ впечатлѣньямъ душа ввѣряется твоя». Байронъ говоритъ: I speak not, I trace not, I breathe not thy name, there is grief in the sound, there is guilt in the fame; Лермонтовъ повторяетъ: «Я не могу ни произнесть, ни написать твое названье: для сердца тайное страданье въ его знакомыхъ звукахъ есть». И такихъ заимствованій у Лермонтова очень много; они показываютъ, что не только настроеніе Байрона дѣйствовало на нашего поэта, но отдѣльные образы, реченія, сравненія, антитезы,—даже версификація: преобладаніе мужскихъ риѳмъ у Лермонтова едва ли объяснимо безъ Байрона.

Лермонтовъ, переводя Байрона, старался сохранить ритмъ подлинника, даже если послѣдній не былъ употребителенъ въ русской поэзіи, доказательствомъ чего служитъ попытка перевода баллады Байрона: «Берегись, берегись! Надъ бургосскимъ путемъ»... Наконецъ, въ вопросѣ о вліяніи Байрона важно отмѣтить то обстоятельство, что нашъ поэтъ подошелъ къ Байрону сначала черезъ посредство русскихъ поэтовъ, переводчиковъ Байрона. Сличеніемъ текстовъ легко установить, что Лермонтовъ вначалѣ заимствовалъ изъ «Абидосской невѣсты» въ переводѣ Козлова и изъ «Шильонскаго узника» въ переводѣ Жуковскаго. Прозаическіе переводы Лермонтова изъ Байрона, впервые напечатанные въ академическомъ изданіи, представляютъ собою, вѣроятнѣе всего, просто упражненія Лермонтова въ англійскомъ языкѣ, потому что они полны крупныхъ смысловыхъ ошибокъ; вѣроятно, Лермонтовъ зналъ англійскій языкъ по-барски и изучилъ его основательно только по Байрону, самостоятельно. Довольно курьезная ошибка встрѣчается даже въ одномъ стихотворномъ переводѣ Лермонтова изъ Бёрнса: стихъ Had we never loved so kindly (если бы мы никогда не любили такъ *нѣжно*) Лермонтовъ перевелъ: «если бъ мы не *дѣти* были», принявъ, очевидно, слово kindly за нѣмецкое kindisch.

Вотъ надъ чѣмъ придется еще остановиться изслѣдователямъ по вопросу о двухъ самыхъ важныхъ и самыхъ безспорныхъ вліяніяхъ на нашего поэта—Пушкина и Байрона.

Изъ другихъ русскихъ поэтовъ у насъ хорошо изслѣдовано уже вліяніе Козлова въ книгѣ г. Семенова «Лермонтовъ и Толстой», вышедшей еще въ началѣ года. Изъ вліяній другихъ рус-

скихъ поэтовъ придется еще изслѣдовать вліяніе Жуковскаго, особенно на версификацію Лермонтова, и Боратынскаго, преимущественно его поэмъ, предвосхищающихъ нѣкоторые типы и положенія «Героя нашего времени». При внимательномъ изученіи лермонтовскаго текста откроются и нѣкоторыя неожиданности: напр., заимствованіе изъ *Ломоносова:*

Намъ въ ономъ ужасѣ казалось,
Что море въ ярости своей
Съ предѣлами небесъ сражалось,
Земля стонала отъ зыбей.

(«Корсаръ» стихи 329—333)

и заимствованіе изъ басни *Крылова* «Оселъ и соловей»:

Какъ нѣжно вдругъ ослабѣвалъ,
Какъ онъ треща свисталъ, щелкалъ...

(«Корсаръ» стихи 53—54).

Изъ иностранныхъ вліяній, послѣ Байрона, указывались вліянія Шиллера, Гейне, Альфреда де-Виньи, менѣе рѣшительно—Гете. А между тѣмъ этихъ поэтовъ Лермонтовъ зналъ, и это несомнѣннѣе, чѣмъ знакомство съ Бенжаменомъ Констаномъ, Сенанкуромъ и Мюссе, изъ котораго исходитъ г. Родзевичъ. Чрезвычайно интересенъ также вопросъ о вліяніи Мицкевича, поднятый Спасовичемъ.

Вопросъ о вліяніяхъ Лермонтова, такимъ образомъ, еще очень мало изслѣдованъ, хотя здѣсь мудрятъ больше, чѣмъ гдѣ-либо.

Но какъ ни обширенъ этотъ вопросъ,—повторяю, онъ—только частность. Изслѣдованіе вліяній должно вести не къ затемнѣнію облика поэта, а къ выдѣленію въ немъ тѣхъ чертъ, которыя принадлежатъ только ему,—и въ нихъ надо видѣть центръ изученія. Надо умѣть видѣть не то, чѣмъ изучаемый поэтъ похожъ на другихъ, а то, чѣмъ онъ не похожъ. Если нѣкоторыми и было уже постигнуто своеобразіе личности Лермонтова, то своеобразіе его поэзіи еще прекрасная тайна. Конструкція его эпическихъ произведеній, форма его лирическихъ стихотвореній, его стиль, его версификація—все это еще сырой матеріалъ для изслѣдованія. Поле огромное.

Если бы чествуемый поэтъ всталъ изъ гроба посмотрѣть на свой юбилей, онъ, можетъ-быть, порадовался бы своей славѣ, но слухъ его былъ бы оскорбленъ множествомъ банальностей и плоскостей, произносимыхъ по его адресу. Отъ этого элемента не застрахованы даже книги, претендующія на серьезность.

Не берусь отгадывать мотивы, побудившіе проф. А. К. Бороздина писать о Лермонтовѣ[1]). Я позволю себѣ только замѣтить, что это, вѣроятно, мотивы не научнаго свойства, характеризующіеся обыкновенно потребностью сказать свое слово, пролить

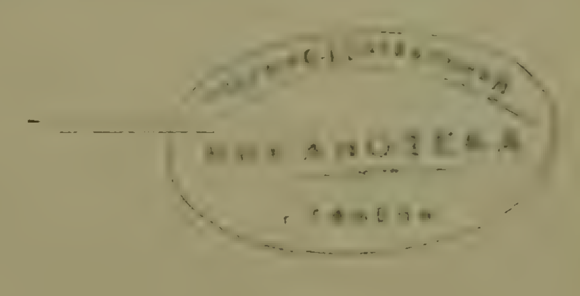
[1]) Проф. А. К. Бороздинъ. Собраніе сочиненій. Т. I. М. Ю. Лермонтовъ. Кн-во Прометей. Стр. 139. Цѣна 90 коп.

новый свѣтъ на вопросъ. Всякую книгу можно обсуждать или по поводу того новаго, что въ ней содержится, или по поводу тѣхъ ошибокъ, которыя въ ней допущены. О книгѣ проф. Бороздина говорить нѣтъ возможности: она безспорна, какъ плоскость. Да, стихъ Лермонтова музыкаленъ, онъ родился въ 1814 году, умеръ въ 1841 году... Можетъ-быть, эта книга кому-нибудь и пригодится.

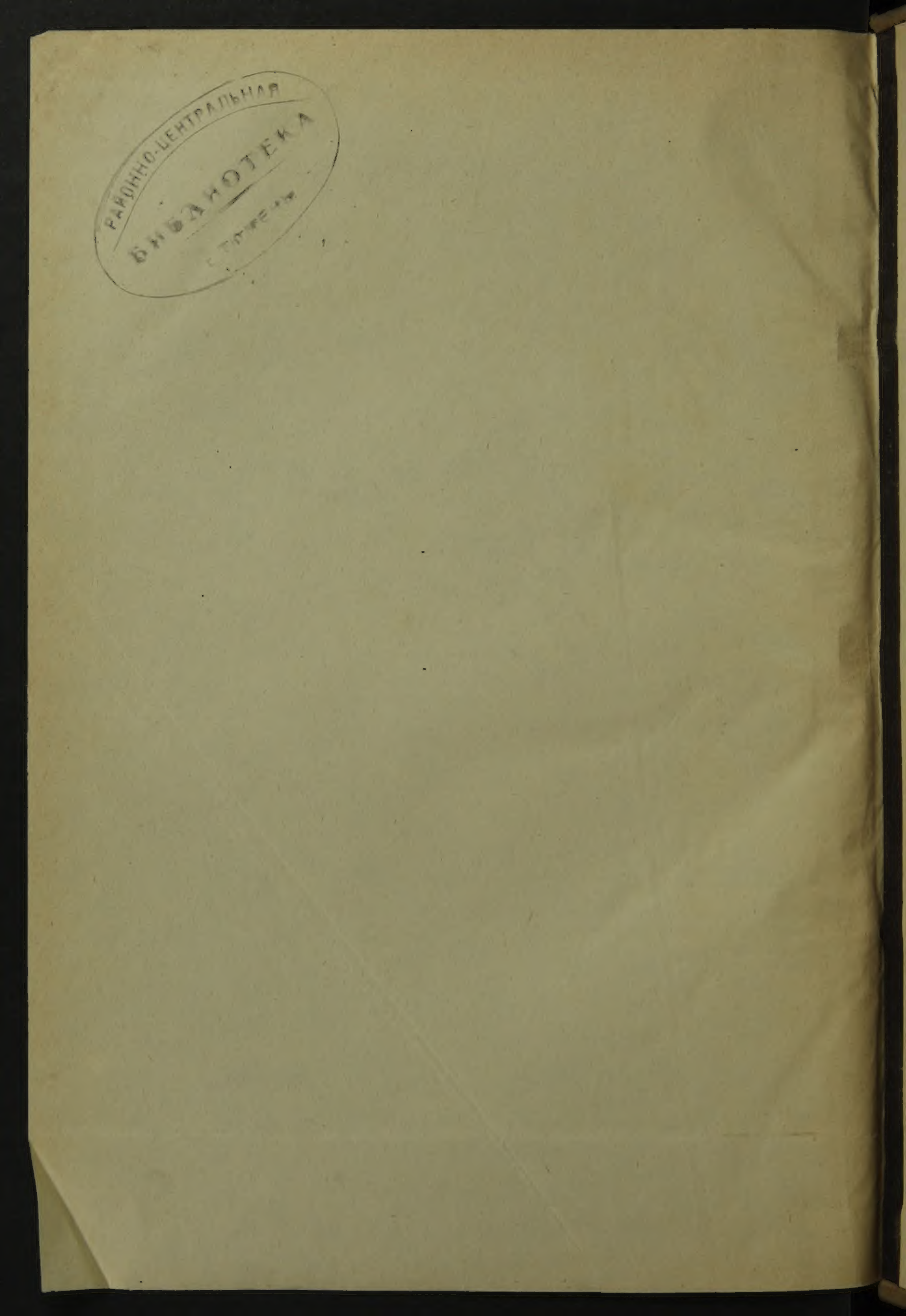
Влад. Фишеръ.

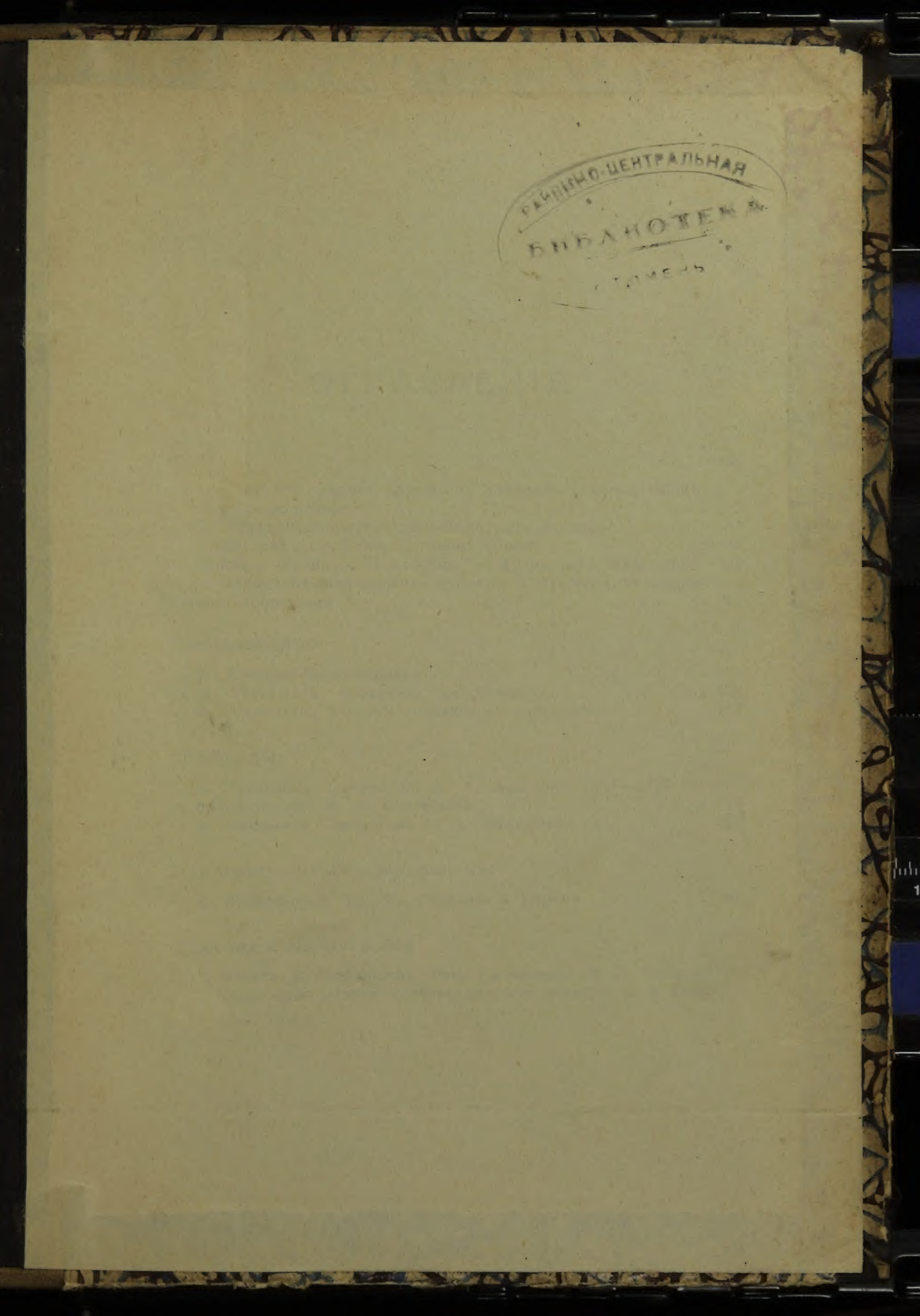
Книги, поступившія въ редакцію для отзыва.

Вѣнокъ М. Ю. Лермонтову. Юбилейный сборникъ. Изд. т-ва «В. Думнова». Ц. 2 р. 25 к. **Вѣстникъ общества ревнителей исторіи.** Вып. I. Подъ редакціей М. К. Соколовскаго. **Гуревичъ, Я. Г.** Историч. хрестоматія по новой исторіи. Т. I. Изд. пятое, перераб. С.-Петербургъ 1914. Ц. 2 р. 50 к. **Диль, Ш.** Византійскіе портреты. Москва. К-во М. и С. Сабашниковыхъ. Ц. 1 р. 25 к. **Дѣятели современности.** 1. К. П. Арабажинъ. Москва. 1914 г. Ц. 15 к. **Евгеньевъ, В.** Николай Алексѣевичъ Некрасовъ. Москва. К-во К. Ф. Некрасова. MCMXIV. Ц. 2 руб. **Закржевскій, А.** Лермонтовъ и современность. Изд. П. Самоненко. Кіевъ. 1915. Ц. 1 р. **И. Н. Замотинъ.** М. Ю. Лермонтовъ. Мотивы идейнаго строительства жизни. **Исторія западной литературы** (1800—1910) по ред. проф. Ѳ. Д. Батюшкова, кн. 8. Москва. Изданіе «Міръ». **Катаевъ, И. М.** Дореформенная бюрократія. Кул.-ист. библ. подъ ред. Ист. Ком. У. О. О. Р. Т. 3. № 10. Цѣна 1 р. 10 к. К-во «Энергія» 1914 г. СПБ. **Князьковъ, С.** Очерки изъ исторіи Петра Великаго и его времени. Изд. 2-е испр. и дополн. Изд. П. Луковникова. 1914 г. С.-Петербургъ. Ц. 2 р. 50 к. **Отчетъ** Имп. Россійскаго Историч. Музея въ Москвѣ за 1913 годъ. Москва, 1914 г. **Падалка, Л. В.** Прошлое Полтавской территоріи и ея заселеніе. Изслѣд. и матер. съ картин. Изд. Полтавск. Уч. Арх. Ком. 1914. Полтава. Ц. 1 р. 20 к. **Попруженко, М.** Указатель статей, пом. въ I—XXX томахъ Записокъ Имп. Одесск. Об. Исторіи и Древн. Одесса 1914 г. **Родной языкъ въ школѣ.** Ежемѣс. журналъ № 1. Ц. 35 к. **Русская литература XX вѣка** (1890—1910). Подъ ред. проф. С. А. Венгерова. Изд. т-ва «Міръ». Москва. Книги I и II. **Трофимовъ, А.** Кавказъ. Москва. Изд. М. и С. Сабашниковыхъ. 1914 г. Ц. 25 к. **Труды Саратовской Ученой Архив. Комиссіи.** Вып. 31-й. 1914 г. Саратовъ. Ц. 2 р.



Редакторъ-издатель **С. П. Мельгуновъ.**




РАЙОННО-ЦЕНТРАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
ТЮМЕНЬ